

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2021

ISSN: 2310–8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Асташинов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОВ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исмахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпұлы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркрян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОВ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петраши Александр Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунавский Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Радик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОВ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельман Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Туреунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шнико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:
Редникова Татьяна Владимировна

Помощники выпускающего редактора:
Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Овчинникова Елизавета Олеговна, редактор-переводчик (Россия, г. Москва)

Почта журнала
skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651–62–62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2021. — № 1

М.: ООО «Издательство «Прспект», 2021. — 204 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77–72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 14.04.2021. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 25,5 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310–8681 Issue DOI 10.31085/2310–8681–2021–1–204

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2021

ISSN: 2310–8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisian Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filippovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhon Yveysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademienmitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlinhaberin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Iustinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolzhysky Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlinhaber für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Shevelva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistenten:

Prihodko Natalia Yuryevna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Lehrerin am Lehrstuhl für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands "Bolshevo", Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Redakteurin-Übersetzerin (Moskau, Russland)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651–62–62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2021. — Nr. 1
Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2021. — 204 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77–72228 vom 01. Februar 2018.

Am 14.04.2021 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8, Offsetdruck Papier. Druckliste 25,5. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310–8681 Issue DOI 10.31085/2310–8681–2021–1–204

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2021

ISSN: 2310–8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalalir Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebilja Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:
Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's Assistants:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Bolshevo", Member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Editor-Translator (Moscow, Russia)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651–62–62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2021. — No. 1

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2021. — 204 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77–72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 14.04.2021. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 25.5. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310–8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2021-1-204

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Полубинская Светлана Вениаминовна
Нейродетектор лжи 7

КРИМИНОЛОГИЯ

Редникова Татьяна Владимировна
Структура экологической преступности в Российской Федерации и направления ее профилактики 15

КРИМИНАЛИСТИКА

Полстовалов Олег Владимирович
Отдельные аспекты криминалистического обеспечения рационализации правосудия в эпоху цифровизации 23

Чиненов Евгений Владимирович,
Шукин Владимир Иванович
Организация планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте 28

ТРИБУНА ВУЗА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Шевелева Светлана Викторовна
Уголовно-процессуальные основания освобождения от наказания в свете экономизации наказательной политики государства 35

Назаренко Геннадий Васильевич
Доктрина невменяемости: эрратологический аспект 42

Гребеньков Александр Александрович
Об усилении мер уголовной ответственности за противоправные деяния, связанные с использованием электронной цифровой подписи 46

Лепина Татьяна Геннадьевна
«Совершение лицом преступления впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 52

Тарыкин Владимир Константинович,
Шахбазов Рамиз Физулиевич
К вопросу о передаче ФСИН России в подчинение МВД РФ 58

Локтионова Елена Александровна
Криминологическая составляющая служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы 63

Зарубина Кристина Александровна
Формирование профессиональной преступности в России в дореволюционный период 69

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Чучаев Александр Иванович,
Грачева Юлия Викторовна,
Маликов Сергей Владимирович
Русская группа Международного союза криминалистов: ученые, идеи и их реализация. Начало пути, причины образования группы, общая характеристика (статья первая) 76

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Борукаева Лана Алиевна,
Федоров Никита Ильич
Причинение вреда здоровью вследствие небрежного отношения медицинского работника к выполнению своих профессиональных обязанностей (система норм по УК РФ) 91

Данилов Кирилл Владимирович
Заражение ВИЧ-инфекцией. Статья 122 УК РФ 99

Ефимова Дарья Петровна
Объективные признаки преступного неоказания помощи больному 109

Иванова Любовь Геннадьевна
Опыт противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Монголии и России 115

Кузнецов Андрей Юрьевич,
Мустафазаде Ровшан Шахин оглы
Уголовно-правовая оценка эвтаназии в России 120

Мазулина Софья Александровна,
Емелькина Яна Васильевна
Статья 120 УК РФ: эффективность и перспективы развития. Можно ли признать органы и ткани человека объектами гражданского оборота? 130

Немашкалова Дарья Юрьевна
Особенности субъекта неоказания помощи больному 149

Саддарова Ксения Олеговна
Заражение ВИЧ-инфекцией 159

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Крупкин Павел Романович,
Журкова Полина Александровна
Киберпреступления как угроза общественной безопасности 171

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 175

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 177

ABOUT THE AUTHORS 179

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 181

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 192

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 202

INHALT

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

Polubinskaya S.V.
Der Neurolügendetektor 7

KRIMINOLOGIE

Rednikova T.V.
Die Struktur der ökologischen Kriminalität in der Russischen Föderation und die Richtungen ihrer Prävention..... 19

KRIMINALISTIK

Polstovalov O.V.
Einzelne Aspekte der kriminalistischen Sicherstellung der Rationalisierung der Rechtsprechung im Zeitalter der Digitalisierung 23

Chinenov E.V., Shchukin V.I.
Die Organisation der Planung der Untersuchung von Wirtschaftsverbrechen im Schienenverkehr 28

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT DER STAATLICHEN SÜDWEST UNIVERSITÄT

Sheveleva S.V.
Strafprozessrechtliche Gründe für die Befreiung von der Strafe im Lichte der Ökonomisierung der Tarifpolitik des Staates 35

Nazarenko G.V.
Die Doktrin der Schuldunfähigkeit: der Aspekt der Fehleranalyse..... 42

Grebenkov A.A.
Zur Stärkung der Maßnahmen zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit für rechtswidrige Handlungen im Zusammenhang mit der Verwendung elektronischer digitaler Signaturen..... 46

Lepina T.G.
"Die Begehung eines Verbrechens zum ersten Mal" als Bedingung der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung mit der Verhängung einer Geldstrafe 52

Tarykin V.K., Shahbazov R.F.
Zur Frage der Übertragung des russischen Bundesgefängnisdienstes (FSIN) auf das Innenministerium der Russischen Föderation 58

Loktionova E.A.
Kriminologische Komponente der Bürotätigkeit der Beamten des Strafvollzugssystems..... 63

Zarubina K.A.
Die Bildung der Berufskriminalität in Russland in der vorrevolutionären Periode..... 69

AUTOR KRIMINALISTISCHER UND KRIMINOLOGISCHER LITERATUR

Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.
Die russische Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminologen: Wissenschaftler, Ideen und deren Umsetzung. Der Anfang des Weges, Ursachen der Gruppenbildung, allgemeine Merkmale (Artikel eins)..... 76

RECHTLICHE SOMMERSCHULE DER UNIVERSITÄT POTSDAM

Borukaeva L.A., Fedorov N.I.
Verursacht Gesundheitsschäden aufgrund der nachlässigen Haltung eines Mediziners zur Erfüllung seiner beruflichen Pflichten (Normensystem nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation) 95

Danilov K.V.
Ansteckung mit HIV-Infektion, Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation 102

Efimova D.P.
Objektive Anzeichen der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen 112

Ivanova L.G.
Erfahrung im Umgang mit der Ausbreitung von HIV in der Mongolei und Russland 117

Kuznetsov A.Y., Mustafazade R. Shahin ogly
Strafrechtliche Einschätzung der Sterbehilfe in Russland

Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.
Art. 120 StGB der Russischen Föderation: Wirksamkeit und Entwicklungsperspektiven. Darf man menschliche Organe und Gewebe als Objekte des Zivilumsatzes anerkennen? 139

Nemashkalova D.Yu.
Merkmale des Subjektes des Verbrechens "Unterlassene Hilfeleistung einem Kranken" 153

Sadarova K.O.
HIV-Infektion

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS 165

Krupkin P.R., Zhurkova P.A.
Cyberkriminalität als Bedrohung für die öffentliche Sicherheit

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 177

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 181

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT
VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN 202

CONTENT

FORENSIC EXPERT ACTIVITY

<i>Polubinskaya S.V.</i> The Neuro Lie Detector	7
--	---

CRIMINOLOGY

<i>Rednikova T.V.</i> The structure of environmental crime in the Russian Federation and the directions of its prevention.....	15
---	----

KRIMINALISTIK

<i>Polstovalov O.V.</i> Some aspects of forensic ensurance for streamlining of justice in the Era of Digitalization.....	23
<i>Chinenov E.V., Shchukin V.I.</i> Organization of planning of investigation of economic crimes committed on railway transport	28

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY THE SOUTHWEST STATE UNIVERSITY

<i>Sheveleva S.V.</i> Criminal procedure grounds for exemption from punishment in the light of economization of the State's punitive policy	35
<i>Nazarenko G.V.</i> The doctrine of insanity: the aspect of error analysis.....	42
<i>Grebenkov A.A.</i> On strengthening criminal liability for unlawful acts associated with the use of electronic digital signatures.....	46
<i>Lepina T.G.</i> "Commission of a crime for the first time" as a condition for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine.....	52
<i>Tarykin V.K., Shahbazov R.F.</i> On the issue of transferring the Federal Penitentiary Service of Russian Federation (FSIN) to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.....	58
<i>Loktionova E.A.</i> Criminological component of official activity of the penal system officers.....	63
<i>Zarubina K.A.</i> Formation of professional crime in Russia in the pre-revolutionary period.....	69

AUTHOR OF CRIMINALISTIC AND CRIMINOLOGICAL LITERATURE

<i>Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.</i> Russian group of the International Union of Criminologists: scientists, ideas and their implementation. The beginning of the path, reasons for the formation of the group, general characteristics (Article one).....	76
---	----

SUMMER LAW SCHOOL AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM

<i>Borukaeva L. A., Fedorov N. I.</i> Causing health damage due to the careless attitude of a medical worker to the performance of his professional duties (system of norms under the Criminal Code of the Russian Federation).....	91
<i>Danilov K. V.</i> HIV infection st.122 of the RF Criminal Code.....	99
<i>Efimova D.P.</i> Objective signs of criminal failure to provide assistance to the patient	109
<i>Ivanova L.G.</i> Experience in countering the spread of HIV in Mongolia and Russia	115
<i>Kuznetsov A.Y., Mustafazade R. Shahin ogly</i> Criminal legal assessment of euthanasia in Russia	120
<i>Mazulina S.A., Emelkina Ya.V.</i> Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation: efficiency and development prospects. Can human organs and tissues be recognized as objects of civil turnover?.....	130
<i>Nemashkalova D.Y.</i> Subject's features of failure to render aid to a sick person.....	149
<i>Sadarova K.O.</i> Contracting HIV infection	159

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

<i>Krupkin P.R., Zhurkova P.A.</i> Cybercrime as a threat to public safety	171
---	-----

ABOUT THE AUTHORS	179
-------------------------	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS	192
--------------------------------	-----

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS".....	202
--	-----

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НЕЙРОДЕТЕКТОР ЛЖИ

Полубинская Светлана Вениаминовна

Цель: дать общую характеристику основных типов нейродетектора лжи; на основе анализа зарубежной научной литературы представить основные направления научных дискуссий по теоретическим и практическим проблемам использования результатов нейродетекции лжи в юридической практике; дать общую характеристику позиций судов зарубежных стран в отношении допустимости доказательств, полученных с помощью нейродетектора лжи.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод междисциплинарных юридических исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что дискуссионность теоретических представлений, лежащих в основе нейродетекции лжи, и неоднозначность полученных в эмпирических исследованиях результатов препятствуют признанию допустимыми полученных с помощью таких методик доказательств.

Научная и практическая значимость. Автор обращает внимание на дискуссионность в зарубежной литературе теоретических основ нейродетекции лжи, а также надежности получаемых с его помощью результатов. На основе анализа научной литературы показаны концептуальные ошибки создателей нейродетектора лжи, не учитывающих сложность и взаимосвязанность человеческого мозга и невозможность локализовать действия человека в конкретной области мозга. Результаты эмпирических исследований также весьма неоднозначны, их дизайн имеет серьезные ограничения, не позволяющие рекомендовать нейродетектор лжи для применения в реальных судебных процессах. Спорность методологии нейродетекции лжи, недостаточная апробация имеющихся методик и отсутствие общего признания в научном сообществе делают доказательства, полученные с помощью нейродетектора лжи, не соответствующими критериям допустимости, которые установлены законами и приняты в судебной практике зарубежных стран.

Ключевые слова: нейронауки, мозг человека, электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография, нейродетектор лжи, ложь, обман, память, суд, уголовное дело, доказательства, допустимость доказательств, показания экспертов, заключения экспертов.

Современные науки о мозге (*neuroscience*) не ограничиваются исследованиями в области биологии и медицины, но тесно взаимодействуют с другими областями знаний, такими как, например, психология, генетика, антропология, экономика, лингвистика, право. Целью научных работ, носящих междисциплинарный характер, является желание понять нейробиологические основы сложного поведения и установить связь между процессами, происходящими в мозге человека, и социально значимыми решениями и поступками [1; 2; 3; 4]. Применительно к праву речь идет, в первую очередь, об использовании методов

и результатов, которыми уже располагают нейронауки, в юридической практике. Так, в судах зарубежных стран нейробиологические доказательства уже представляются при рассмотрении уголовных и гражданских дел [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Одно из исследований американской судебной практики (800 уголовных дел за период с 1992 по 2012 г.) показало, что в 247 из них (30,88%) сведения, полученные методами нейронаук, в том числе с помощью сканирования мозга субъектов, служили доказательствами различной степени черепно-мозговых травм потерпевших. В 514 делах (64,25%) такие доказательства касались подсуди-

мых, а в 39 делах (4,88%) характеризовали и тех, и других. Нейробиологические доказательства подтверждали наличие у подсудимых психических или неврологических расстройств, и представлялись стороной защиты преимущественно для обоснования смягчения наказания, в частности, замены смертной казни лишением свободы [12, р. 501–503].

Практика других государств в отношении рассматриваемых доказательств весьма сходна – по уголовным делам они используются при защите от обвинений в совершении по преимуществу тяжких преступлений и служат смягчающими наказанием или уголовную ответственность обстоятельствами [13, с. 18–21].

Отдельное место среди нейробиологических доказательств может занять подтверждение ложности или правдивости показаний участников процесса, в частности, свидетелей и подсудимых, полученное с помощью электроэнцефалографии (EEG) и функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI). Эти два исследовательских метода давно приняты медицинской практикой для получения данных об активности и структуре головного мозга человека при диагностике психических и неврологических расстройств. Именно на их основе были разработаны два типа нейродетектора лжи, предлагаемые их авторами к использованию, в том числе и в судебной практике. Допустимость подобных доказательств при рассмотрении уголовных и гражданских дел, в частности, а также достоверность и надежность полученных такими методами результатов, в целом, являются предметом дискуссий в зарубежной научной литературе [14; 15; 16; 17; 18].

Детектор лжи, основанный на электроэнцефалографии, с помощью закрепленных на голове испытуемого датчиков регистрирует электрическую активность головного мозга в ответ на определенные раздражители (*event related potential*), которыми, к примеру, могут быть слова или изображения [19].

К примеру, процедура, называемая в литературе «отпечатками пальцев» мозга (*brain fingerprinting*), «включает в себя представление [испытуемому] на экране компьютера слов, фраз или картинок, содержащих существенные детали преступления или расследуемого случая, наряду с другими, не имеющими отношения к ситуации, стимулами. Мозговые реакции на стимулы измеряются. ... С помощью компьютерного анализа реакций мозга могут быть обнаружены характерные мозговые импульсы. Когда человек узнает что-то значимое, ... [его] реакция характеризуется специфическим паттерном мозгового импульса, известным как

P300-MERMER [*Memory and Encoding Related Multifaceted Electroencephalographic Response*]. Реакции мозга анализируются для определения того, хранится ли проверяемая конкретная информация в мозге испытуемого или нет» [20, р. 115]. В результате устанавливается, располагает ли он ранее полученной информацией (*guilty knowledge*), т.е. является ли истинным или ложным его утверждение о том, что он знает или не знает обстоятельства преступления [21, р. 81–82].

Вызванный внешними стимулами биоэлектрический потенциал *P300-MERMER* является открытием автора методики, созданной для обеспечения «объективного научного способа связать установленные особенности места преступления с «записью» преступления, хранящейся в мозге виновного» [20, р. 117]. Проверка методики в четырех исследованиях показала, по утверждению авторов, 100% точность полученных результатов с нулевой частотой ошибки (*error rate*) [22].

Функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI), положенная в основу другого типа нейродетектора лжи, представляет собой метод нейровизуализации и «способна детектировать изменения объема кровотока и уровня насыщения крови кислородом, морфофункционально связанных с идентификацией работающих нейронных сетей, образованием новых и реконструкцией предсуществующих нейронных ансамблей» [23, с. 4], что дает возможность увидеть, как мозг «работает». В процессе исследования испытуемому предлагается ответить на ряд вопросов, предполагающих обычно ответы «да – нет», «верно – неверно», и повышенный кровоток в определенных – работающих – отделах мозга фиксируется. Такие отделы, активные при правдивых или ложных ответах, определяются в экспериментальных условиях, включая инсценировку преступлений [24; 25; 26; 27; 28].

При сравнении с традиционным детектором лжи (полиграфом), измеряющим определенные физиологические показатели, свидетельствующие о сильной эмоциональной реакции испытуемого, когда он говорит неправду (частота пульса, кровяное давление, потоотделение и др.), рассматриваемый тип детектора лжи в теории представляется более надежным и потому более многообещающим для потребностей практики.

В литературе отмечается, что с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии фиксируются когнитивные процессы, а не вторичные эмоциональные реакции, что делает этот тип детектора лжи практически не подверженным влиянию возможных попыток его обмануть, от

чего не свободно исследование на полиграфе. Кроме того, этот метод устанавливает нейробиологические корреляты лжи и обмана, а не их внешние проявления, что делает его результаты существенно более точными. К примеру, Ф.А. Козел с соавторами в эксперименте с инсценировкой преступления смогли отличить ложь от правды с точностью до 93% [24, р. 605]. В свою очередь, оценки точности результатов для полиграфа колеблются от 61% до 85% [29, р. 116–117]. И, наконец, компьютеризация процесса сканирования мозга делает его результаты не зависимыми от лица, его проводящего, чего нельзя сказать об использовании полиграфа [30, р. 1364–1369].

По мнению других авторов, на самом деле все не так хорошо и однозначно, как хотелось бы сторонникам основанного на *fMRI* детектора лжи [31, р. 492–494]. Так, исследование возможных способов «обмануть» такой детектор показало, что испытуемый может повлиять на результаты сканирования с помощью незаметных движений одним пальцем руки или ноги непосредственно перед ответом на поставленный вопрос. Такие действия также связаны с активацией определенных отделов мозга, фиксируемой с помощью томографа, и снижают точность результатов до 33% [28, р. 313, 315–318].

Более того, установленные в исследованиях определенные области мозга, «ответственные» за ложь и правду, у разных авторов не совпадают. И хотя некоторые из них отмечаются чаще других, нет ни одной, которая была бы названа во всех подобных исследованиях. Также некоторые «лгавшие» в экспериментах испытуемые не демонстрировали активность связанных с обманом отделов мозга и, напротив, она наблюдалась у тех, кто «был правдив», не говоря уже о том, что наиболее часто называемые отделы мозга – нейробиологические корреляты лжи – отвечают и за другое поведение [21, р. 85–86, 99].

Определенные ограничения имеет и дизайн рассматриваемых исследований. Типичными испытуемыми становятся молодые здоровые мужчины и реже молодые женщины. Неизвестно, как изменится и изменится ли точность результатов *fMRI* детектора лжи в отношении субъектов старшего возраста, или имеющих проблемы со здоровьем, включая расстройства психики, или принимающих какие-либо лекарства либо других групп, обладающих иными характеристиками. При этом размер групп испытуемых обычно невелик, а сами эксперименты касаются событий, не отдаленных во времени от сканирования, и проводятся по преимуществу в лабораторных условиях. Поэтому не ясно, как будет работать такой детектор лжи

в реальных условиях судебных процессов, когда участникам нередко надо вспоминать события, случившиеся задолго до этого момента, и имеют ли результаты, полученные в отношении малых групп испытуемых, статистическую значимость [21, р. 98]. В этой связи справедливо замечание Национального исследовательского совета США, сделанное в отношении традиционного детектора лжи, что «лабораторные исследования ... имеют серьезные внутренние ограничения для обобщения применительно к реальным ситуациям, включая тот факт, что последствия, связанные с оценкой обмана, почти никогда не являются столь серьезными, как в реальных условиях» [32, р. 120].

Помимо эмпирических, практическое использование нейродетектора лжи и характер получаемых с его помощью результатов вызывают и ряд теоретических вопросов.

«Хотя вполне вероятно, – пишут М.С. Пардо и Д. Паттерсон, – что для лжи или обмана может требоваться какая-то конкретная активность мозга, и нейронауки, возможно, могут предоставить хорошее, основанное на индукции доказательство такой активности, *отождествлять* ложь или обман с такой нейронной активностью – концептуальная ошибка» (курсив. – М.П., Д.П.) [21, р. 99]. Подобная ошибка присуща многим нейробиологическим исследованиям сложного поведения человека, результаты которых появляются в судах. Концептуально неверно «привязывать» действия субъекта к специфическим отделам и структурам мозга. В литературе справедливо отмечается, что «даже если сканирование может точно определить конкретные шаблоны активности мозга индивидов, мозг слишком сложен, чтобы локализовать поведение в [его] определенном отделе...» [33, р. 387; 34, р. 22].

Более того, «научные исследования смотрят только на эмпирическую корреляцию между вводящим в заблуждение поведением и активностью мозга. Хотя в конечном итоге могут быть обнаружены сильные корреляционные закономерности, они не способны однозначно подтвердить, лжет ли человек или нет, поскольку обман – это поведение человека в целом, а не просто операция мозга» [35, р. 19]. Иными словами, «люди, а не их мозг, лгут, обманывают, знают и помнят» [21, р. 105].

Среди других замечаний, относящихся к теоретическому обоснованию работы нейродетектора лжи, указывается, что вряд ли правильно «переходить от факта, что для памяти могут быть *необходимы* структуры мозга, к выводу, что воспоминания *идентичны* таким структурам» (курсив. – М.П., Д.П.) [21, р. 103]. Память – одна из высших

психических функций, когнитивная способность человека, а не место в человеческом мозге для хранения воспоминаний, откуда при необходимости они могут быть извлечены [21, р. 101–105]. Между тем, на таком представлении о мозге основан *EEG* детектор лжи.

Неоднозначность результатов эмпирических исследований мозга человека и дискуссионность обосновывающих их теоретических представлений определяют осторожное отношение судов к доказательствам, полученным методами нейронаук, и в особенности с помощью нейродетектора лжи. Известно лишь несколько случаев представления подобных доказательств в американских судах – одно гражданское и одно уголовное дело, включающие результаты *fMRI* детектора лжи, и два уголовных дела, где применялась методика *EEG*. Суды не признали такие доказательства допустимыми [16, р. 224–225; 21, р. 86–92, 94].

В США правила допустимости доказательств установлены в штатах и на федеральном уровне (См.: *Federal Rules of Evidence (no состоянию на 1 декабря 2019 г.)* // URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 29.10.2020)). На заключения экспертов, представляющих в судах результаты, полученные с помощью нейродетектора лжи, распространяется, среди прочих, Правило 702 Федеральных правил о доказательствах, содержащее требования к допустимости экспертных показаний. Выступать в суде могут эксперты, обладающие квалификацией «благодаря знаниям, навыкам, опыту, обучению или образованию». Показания эксперта являются приемлемыми для суда, «если (а) научные, технические или другие специальные знания эксперта помогут лицу, решающему вопрос факта, понять доказательства или установить факт, о котором идет речь; (b) показания основаны на достаточных фактах или данных; (с) свидетельство является продуктом надежных принципов и методов; а также (d) эксперт надежно применил принципы и методы к обстоятельствам дела».

Принятые на федеральном уровне и в большинстве штатов США критерии надежности использованной экспертом научной теории или методики сформулированы Верховным Судом США по делу *Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals Inc.* (1993). Судья должен установить: является ли теория либо методика проверяемой и была ли проверена; подвергалась ли рецензированию специалистами в соответствующей области и была ли опубликована; какова известная или возможная частота ошибок методики, существуют и поддерживаются ли стандарты, контролирующие ее

применение; является ли она общепринятой в научном сообществе. Если теория либо методика соответствует, к примеру, двум первым критериям и не отвечает двум другим, то полученное с ее помощью доказательство не считается допустимым [7, р. 359].

Судья выступает в роли «стража ворот» (gatekeeper), открывая доказательствам дорогу в судебном процессе. Он не оценивает показания эксперта с точки зрения их фактической верности, что является компетенцией присяжных [33, р. 373–374]. Его роль – оценить методологию и принципы, на основании которых эксперт делает свои выводы. В самом общем виде, критерии, содержащиеся в решении по названному делу, означают, что экспертные показания и заключения должны основываться на научной методологии и соответствовать научным принципам. И именно дискуссионность теоретических представлений, лежащих в основе нейродетектора лжи, как и неоднозначность полученных в эмпирических исследованиях результатов препятствуют признанию американскими судами таких доказательств допустимыми.

В соответствии с весьма сходными стандартами доказательств при появлении подобных дел аналогичной будет позиция уголовных судов Австралии [35, р. 12–27], Канады [36], Франции [37]. В ФРГ доказательства, полученные с помощью нейродетектора лжи, могут быть отклонены судом на основании абз. 3 § 244 Уголовно-процессуального кодекса. Заключение эксперта как средство доказывания в этом случае может быть признано «совершенно непригодным или недостижимым», в частности, если использованный метод не подлежит контролю или еще недостаточно проверен [38; 39, р. 172].

В Великобритании тесты на традиционном детекторе лжи используются при временном освобождении из тюрьмы по особому разрешению (*release on licence*) осужденных за сексуальные преступления, однако нейродетектор лжи в этих целях не применяется [40, р. 326–327].

Вместе с тем, в Индии на основе среди прочих доказательств, полученных с помощью сходной с *EEG* методики, разработанной индийскими специалистами (*Brain Electrical Oscillations Signature* или *BEOS*), в 2008 г. к пожизненному заключению была приговорена А. Шарма, отравившая бывшего жениха. На суде проводивший тест эксперт заявил, что в памяти женщины сохранились воспоминания о покупке мышьяка, телефонном звонке жертве, чтобы договориться о встрече, и применении яда [41, р. 196].

Конечно, нельзя исключать, что по мере совершенствования методик нейродетекции лжи и накопления знаний о нейробиологических основах поведения человека нейронауками в целом рассматриваемые доказательства будут востребованы судебной практикой. Однако более вероятным представляется прогноз М.Б. Хоффмана, что, хотя

в течение срока от 10 до 50 лет нейронауками будут созданы точные и надежные методы для детектора лжи, «скорее всего, такое развитие событий не будет иметь существенного эффекта в зале суда, потому что закон будет продолжать сопротивляться допустимости результатов [подобного способа] обнаружения лжи» [42, р. 213].

Литература

1. *Berthoz S., Armony J.L., Blair R.J.R., Dolan R.J.* An fMRI Study of Intentional and Unintentional (Embarrassing) Violations of Social Norms // *Brain*. 2002. Vol. 125. Iss. 8. P. 1696–1708.
2. *Spitzer M., Fischbacher U., Herrnberger B., Gron G., Fehr E.* The Neural Signature of Social Norm Compliance // *Neuron*. 2007. Vol. 56. Iss. 1. P. 185–196.
3. *Stanley D.A., Adolphs R.* Toward a Neural Basis for Social Behavior // *Neuron*. 2013. Vol. 80. Iss. 3. P. 816–826.
4. *Chen P., Hong W.* Neural Circuit Mechanisms of Social Behavior // *Neuron*. 2018. Vol. 98. Iss. 1. P. 16–30.
5. *Brown T., Murphy E.* Through a Scanner Darkly: Functional Neuroimaging as Evidence of a Criminal Defendant's Past Mental States // *Stanford Law Review*. 2010. Vol. 62. Iss. 4. P. 1119–1208.
6. *Roth S.B.* The Emergence of Neuroscience Evidence in Louisiana // *Tulane Law Review*. 2012. Vol. 87. Iss. 1. P. 197–230.
7. *Jones O.D., Shen F.X.* Law and Neuroscience in the United States // *International Neurolaw: A Comparative Analysis* / Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 349–380.
8. *Catley P., Claydon L.* The Use of Neuroscientific Evidence in the Courtroom by Those Accused of Criminal Offences in England and Wales // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. Vol. 2. Iss. 3. P. 510–549.
9. *Kogel de C.H., Westgeest E.J.M.C.* Neuroscientific and Behavioral Genetic Information in Criminal Cases in the Netherlands // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. Vol. 2. Iss. 3. P. 580–605.
10. *Chandler J.A.* The Use of Neuroscientific Evidence in Canadian Criminal Proceedings // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. Vol. 2. Iss. 3. P. 550–579.
11. *Paget E.A.* The Criminal Mind: Neuroscientific Evidence as a Mitigating Factor in Sentencing in New South Wales, Australia // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26. Iss. 3. P. 659–692.
12. *Denno D.W.* The Myth of the Double-Edged Sword: An Empirical Study of Neuroscience Evidence in Criminal Cases // *Boston College Law Review*. 2015. Vol. 56. Iss. 2. P. 493–551.
13. *Полубинская С.В.* Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Том. 14. № 5. С. 9–37.
14. *Schauer F.* Can Bad Science be Good Evidence – Neuroscience, Lie Detection, and Beyond // *Cornell Law Review*. 2010. Vol. 95. Iss. 6. P. 1191–1220.
15. *Meixner J.B.* Liar, Liar, Jury's the Trier? The Future of Neuroscience-Based Credibility Assessment in the Court // *Northwestern University Law Review*. 2012. Vol. 106. No. 3. P. 145–1488.
16. *Langleben D.D., Moriarty J.C.* Using Brain Imaging for Lie Detection: Where Science and Policy Collide // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2013. Vol. 19. Iss. 2. P. 222–234.
17. *Rusconi E., Mitchener-Nissen T.* Prospects of functional magnetic resonance imaging as lie detector // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7. Art. 594. P. 1–12.
18. *Farah M.J., Hutchinson J., Phelps E.A., Wagner A.D.* Functional MRI-Based Lie Detection: Scientific and Societal Challenges // *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. Vol. 15. P. 123–131.
19. *Rosenfeld J.P., Hu X., Labkovsky E. et al.* Review of Recent Studies and Issues Regarding the P300-Based Complex Trial Protocol for Detection of Concealed Information // *International Journal of Psychophysiology*. 2013. Vol. 90. Iss. 2. P. 118–134.
20. *Farwell L.A.* Brain fingerprinting: a comprehensive tutorial review of detection of concealed information with event-related brain potentials // *Cognitive Neurodynamics*. 2012. Vol. 6. Iss. 2. P. 115–154.
21. *Pardo M.S., Patterson D.* Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 240 p.
22. *Farwell L.A., Richardson D.C., Richardson G.M.* Brain fingerprinting field studies comparing P300-MERMER and P300 brainwave responses in the detection of concealed information // *Cognitive Neurodynamics*. 2013. Vol. 7. Iss. 4. P. 263–299.

23. Штарк М.Б., Коростышевская А.М., Резакова М.В., Савелов А.А. Функциональная магнитно-резонансная томография и нейронауки // *Успехи физиологических наук*. 2012. Т. 43. № 1. С. 3–29.
24. Kozel F.A., Johnson K.A., Mu Q. et al. Detecting Deception Using Functional Magnetic Resonance Imaging // *Biological Psychiatry*. 2005. Vol. 58. Iss. 8. P. 605–613.
25. Langleben D.D., Loughhead J.W., Bilker W.B. et al. Telling Truth From Lie in Individual Subjects With Fast Event-Related fMRI // *Human Brain Mapping*. 2005. Vol. 26. Iss. 4. P. 262–272.
26. Kozel F.A., Johnson K.A., Grenesko E.L. et al. Functional MRI Detection of Deception After Committing a Mock Sabotage Crime // *Journal of Forensic Sciences*. 2009. Vol. 54. Iss. 1. P. 220–231.
27. Greene J.D., Paxton J.M. Patterns of Neural Activity Associated With Honest and Dishonest Moral Decisions // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 106. No. 30. P. 12506–12511.
28. Ganis G., Rosenfeld J.P., Meixner J. et al. Lying in the Scanner: Covert Countermeasures Disrupt Deception Detection by Functional Magnetic Resonance Imaging // *NeuroImage*. 2011. Vol. 55. Iss. 1. P. 312–319.
29. Han Y. Deception Detection Techniques Using Polygraph in Trials: Current Status and Social Scientific Evidence // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2016. Vol. 8. Iss. 2. P. 115–147.
30. Kittay L. Admissibility of fMRI Lie Detection: The Cultural Bias Against “Mind Reading” Devices // *Brooklyn Law Review*. 2007. Vol. 72. Iss. 4. P. 1351–1399.
31. Simpson J.R. Functional MRI Lie Detector: Too Hood to be True? // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2008. Vol. 36. Iss. 4. P. 491–498.
32. The Polygraph and Lie Detection. National Research Council. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies Press, 2003. – 398 p.
33. Teitcher A. Weaving Functional Brain Imaging into the Tapestry of Evidence: A Case for Functional Neuroimaging in Federal Criminal Courts // *Fordham Law Review*. 2011. Vol. 80. Iss. 1. P. 355–401.
34. Appelbaum P.S. Through Glass Darkly: Functional Neuroimaging Evidence Enters the Courtroom // *Psychiatric Services*. 2009. Vol. 60. No. 1. P. 21–23.
35. Houston L., Vierboom A. Neuroscience and Law: Australia. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis* / Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012, pp. 11–42.
36. Kutcher M.R., Apold V., Downie J. Will the Brain Ever Take Stand – Canadian Law and the Admissibility of Neurotechnological Lie Detection Evidence // *Criminal Law Quarterly*. 2010. Vol. 56. Iss. 1&2. P. 135–163.
37. Rödiger C. The Obtainment and Use of Neuroscientific Knowledge in France: Legal Requirements and Implications. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis* / Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P.137–152.
38. Голованенков П., Сница Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод закона со вступительной статьей проф. Уве Хелльмана. Potsdam: Universitätsverlag, 2012. – 404 с.
39. Spranger T. M. Legal Implications of Neuroscientific Instruments with Special Regard to the German Constitutional Order. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis* / Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 153–178.
40. Claydon L., Catley P. Neuroscientific Evidence in the English Courts. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis* / Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 305–328.
41. Johnston E., Jasinski D. Neuroscientific evidence: a criminal justice dream, or an adversarial nightmare? // *International Journal of Liability and Scientific Enquiry*. 2013. Vol. 6. No. 4. P.193–205.
42. Hoffman M.B. Nine Neurolaw Predictions // *New Criminal Law Review*. 2018. Vol. 21. Iss. 2. P. 212–246.

References

1. Berthoz S., Armony J.L., Blair R.J.R., Dolan R.J. An fMRI Study of Intentional and Unintentional (Embarrassing) Violations of Social Norms. *Brain*, 2002, vol. 125, iss. 8, pp. 1696–1708. (In English)
2. Spitzer M., Fischbacher U., Herrnberger B., Gron G., Fehr E. The Neural Signature of Social Norm Compliance. *Neuron*, 2007, vol. 56, iss. 1, pp. 185–196. (In English)

3. Stanley D.A., Adolphs R. Toward a Neural Basis for Social Behavior. *Neuron*, 2013, vol. 80, iss. 3, pp. 816–826. (In English)
4. Chen P., Hong W. Neural Circuit Mechanisms of Social Behavior. *Neuron*, 2018, vol. 98, iss. 1, pp. 16–30. (In English)
5. Brown T., Murphy E. Through a Scanner Darkly: Functional Neuroimaging as Evidence of a Criminal Defendant's Past Mental States. *Stanford Law Review*, 2010, vol. 62, iss. 4, pp. 1119–1208. (In English)
6. Roth S.B. The Emergence of Neuroscience Evidence in Louisiana. *Tulane Law Review*, 2012, vol. 87, iss. 1, pp. 197–230. (In English)
7. Jones O.D., Shen F.X. Law and Neuroscience in the United States. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis*. Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2012, pp. 349–380. (In English)
8. Catley P., Claydon L. The Use of Neuroscientific Evidence in the Courtroom by Those Accused of Criminal Offences in England and Wales. *Journal of Law and the Biosciences*, 2015, vol. 2, iss. 3, pp. 510–549. (In English)
9. Kogel de C.H., Westgeest E.J.M.C. Neuroscientific and Behavioral Genetic Information in Criminal Cases in the Netherlands. *Journal of Law and the Biosciences*, 2015, vol. 2, iss. 3, pp. 580–605. (In English)
10. Chandler J.A. The Use of Neuroscientific Evidence in Canadian Criminal Proceedings. *Journal of Law and the Biosciences*, 2015, vol. 2, iss. 3, pp. 550–579. (In English)
11. Paget E.A. The Criminal Mind: Neuroscientific Evidence as a Mitigating Factor in Sentencing in New South Wales, Australia. *Washington International Law Journal*, 2017, vol. 26, iss. 3, pp. 659–692. (In English)
12. Denno D.W. The Myth of the Double-Edged Sword: An Empirical Study of Neuroscience Evidence in Criminal Cases. *Boston College Law Review*, 2015, vol. 56, iss. 2, pp. 493–551. (In English)
13. Polubinskaya S.V. Ispolzovanie dannykh neyronauk v doctrine ugolovnogo prava i sudebnoy praktike [Use of Neuroscience in Criminal Law Doctrine and Criminal Sentencing]. *Trudy Instituta gosudarsnva i prava RAS [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]*, 2019, vol. 14, no. 5, pp. 9–37. (In Russian)
14. Schauer F. Can Bad Science be Good Evidence – Neuroscience, Lie Detection, and Beyond. *Cornell Law Review*, 2010, vol. 95, iss. 6 pp. 1191–1220. (In English)
15. Meixner J.B. Liar, Liar, Jury's the Trier? The Future of Neuroscience-Based Credibility Assessment in the Court. *Northwestern University Law Review*, 2012, vol. 106, no. 3, pp. 1451–1488. (In English)
16. Langleben D.D., Moriarty J.C. Using Brain Imaging for Lie Detection: Where Science and Policy Collide. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2013, vol. 19, iss. 2, pp. 222–234. (In English)
17. Rusconi E., Mitchener-Nissen T. Prospects of functional magnetic resonance imaging as lie detector. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013, vol. 7, art. 594, pp. 1–12. (In English)
18. Farah M.J., Hutchinson J., Phelps E.A., Wagner A.D. Functional MRI-Based Lie Detection: Scientific and Societal Challenges. *Nature Reviews Neuroscience*, 2014, vol. 15, pp. 123–131. (In English)
19. Rosenfeld J.P., Hu X., Labkovsky E. et al. Review of Recent Studies and Issues Regarding the P300-Based Complex Trial Protocol for Detection of Concealed Information. *International Journal of Psychophysiology*, 2013, vol. 90, iss. 2, pp. 118–134. (In English)
20. Farwell L.A. Brain fingerprinting: a comprehensive tutorial review of detection of concealed information with event-related brain potentials. *Cognitive Neurodynamics*, 2012, vol. 6, iss. 2, pp. 115–154. (In English)
21. Pardo M.S., Patterson D. Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience. Oxford: Oxford University Press, 2013. 240 p. (In English)
22. Farwell L.A., Richardson D.C., Richardson G.M. Brain fingerprinting field studies comparing P300-MERMER and P300 brainwave responses in the detection of concealed information. *Cognitive Neurodynamics*, 2013, vol. 7, iss. 4, pp. 263–299. (In English)
23. Shtark M.B., Korostishevskaya A.M., Resakova M.V., Savelov A.A. Funktsional'naya magnitno-rezonansnaya tomografiya i neyronauki [Functional Magnetic Resonance Imaging and Neuroscience]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk [Advances in Physiological Science]*, 2012, vol. 43, no. 1, pp. 3–29. (In Russian)
24. Kozel F.A., Johnson K.A., Mu Q. et al. Detecting Deception Using Functional Magnetic Resonance Imaging. *Biological Psychiatry*, 2005, vol. 58, iss. 8, pp. 605–613. (In English)
25. Langleben D.D., Loughhead J.W., Bilker W.B. et al. Telling Truth From Lie in Individual Subjects With Fast Event-Related fMRI. *Human Brain Mapping*, 2005, vol. 26, iss. 4, pp. 262–272. (In English)
26. Kozel F.A., Johnson K.A., Grenesko E.L. et al. Functional MRI Detection of Deception After Committing a Mock Sabotage Crime. *Journal of Forensic Sciences*, 2009, vol. 54, iss. 1, pp. 220–231. (In English)

27. *Greene J.D., Paxton J.M.* Patterns of Neural Activity Associated With Honest and Dishonest Moral Decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2009, vol. 106, no. 30, pp. 12506–12511. (In English)
28. *Ganis G., Rosenfeld J.P., Meixner J. et al.* Lying in the Scanner: Covert Countermeasures Disrupt Deception Detection by Functional Magnetic Resonance Imaging. *NeuroImage*, 2011, vol. 55, iss. 1, pp. 312–319. (In English)
29. *Han Y.* Deception Detection Techniques Using Polygraph in Trials: Current Status and Social Scientific Evidence. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, 2016, vol. 8, iss. 2, pp. 115–147. (In English)
30. *Kittay L.* Admissibility of fMRI Lie Detection: The Cultural Bias Against “Mind Reading” Devices. *Brooklyn Law Review*, 2007, vol. 72, iss. 4, pp. 1351–1399. (In English)
31. *Simpson J.R.* Functional MRI Lie Detector: Too Hood to be True? *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 2008, vol. 36, iss. 4, pp. 491–498. (In English)
32. The Polygraph and Lie Detection. National Research Council. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies Press, 2003. 398 p. (In English)
33. *Teitcher A.* Weaving Functional Brain Imaging into the Tapestry of Evidence: A Case for Functional Neuroimaging in Federal Criminal Courts. *Fordham Law Review*, 2011, vol. 80, iss. 1, pp. 355–401. (In English)
34. *Appelbaum P.S.* Through Glass Darkly: Functional Neuroimaging Evidence Enters the Courtroom. *Psychiatric Services*, 2009, vol. 60, no. 1, pp. 21–23. (In English)
35. *Houston L., Vierboom A.* Neuroscience and Law: Australia. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis*. Ed. by T.M. Spranger, Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2012, pp. 11–42. (In English)
36. *Kutcher M.R., Apold V., Downie J.* Will the Brain Ever Take Stand – Canadian Law and the Admissibility of Neurotechnological Lie Detection Evidence. *Criminal Law Quarterly*, 2010, vol. 56, iss. 1&2, pp. 135–163. (In English)
37. *Rödiger C.* The Obtainment and Use of Neuroscientific Knowledge in France: Legal Requirements and Implications. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis*. Ed. by T.M. Spranger, Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2012, pp. 137–152. (In English)
38. *Golovanenkov P., Spitsa N.* Ugolovno-protsessual’nyi kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskyi kommentariy i perevod zakona so vstupil’noy stat’ey prof. Uve Yellmana [Scientific practical commentary and translation of the Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – with an introductory article by Prof. Uwe Hellman]. Potsdam, Universitätsverlag Publ., 2012. 404 p. (In Russian)
39. *Spranger T. M.* Legal Implications of Neuroscientific Instruments with Special Regard to the German Constitutional Order. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis*. Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2012, pp. 153–178. (In English)
40. *Claydon L., Catley P.* Neuroscientific Evidence in the English Courts. In *International Neurolaw: A Comparative Analysis*. Ed. by T.M. Spranger. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2012, pp. 305–328. (In English)
41. *Johnston E., Jasinski D.* Neuroscientific evidence: a criminal justice dream, or an adversarial nightmare? *International Journal of Liability and Scientific Enquiry*, 2013, vol. 6, no. 4, pp. 193–205. (In English)
42. *Hoffman M.B.* Nine Neurolaw Predictions. *New Criminal Law Review*, 2018, vol. 21, iss. 2, pp. 212–246. (In English)

КРИМИНОЛОГИЯ

СТРУКТУРА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Редникова Татьяна Владимировна

***Цель:** проанализировать причины возникновения экологических конфликтов, структуру экологической преступности в Российской Федерации, а также причины совершения экологических преступлений и возможные направления их профилактики.*

***Методология:** формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, дедукция, анализ.*

***Выводы.** Одной из важных задач развития юридической науки является формирование системы правового регулирования всех сторон общественной жизни путем разработки законодательства, позволяющего наиболее эффективно урегулировать возникающие в обществе конфликты, в том числе эколого-правовые, а также создающего условия для предотвращения их возникновения. Однако ни общество, ни социальные группы, ни целые государства до сих пор не демонстрируют готовность предупреждать и разрешать большинство экологических конфликтов. Экологическая преступность является одной из крайних форм проявления экологических конфликтов в обществе. Экологические преступления создают реальную угрозу безопасности страны, нарушают конституционное право ее граждан на благоприятную окружающую среду, оказывают негативное воздействие на состояние природы и здоровье населения. Создание в стране эффективной системы профилактики экологических преступлений должно стать частью мероприятий по реализации государственной политики в сфере охраны окружающей среды. В зависимости от категории субъектов, совершающих экологические правонарушения и экологические преступления как наиболее общественно опасную их разновидность, принимаемые профилактические меры могут значительно различаться по способам и средствам. Мотивы экологических преступлений, совершаемых отдельными гражданами, значительно отличаются от мотивов совершения их организованными преступными группами, а также от мотивов экологических преступлений, совершаемых в процессе осуществления деятельности должностными лицами хозяйствующих субъектов. Из анализа статистических данных об экологических преступлениях, совершаемых в Российской Федерации, следует, что подавляющее их количество приходится на преступные посягательства на лесные ресурсы (ст. 260, 261 УК РФ) и объекты животного мира (ст. 256–258⁸ УК РФ). Помимо привлекательности этих природных ресурсов для организованных преступных группировок, они являются и объектом преступных посягательств рядовых граждан, совершаемых в целях удовлетворения своих потребностей.*

Среди основных причин совершения экологических преступлений можно выделить: низкий уровень жизни населения в богатых природными ресурсами регионах, низкий уровень экологической культуры населения, недостаточное информирование граждан о содержании предписаний и запретов, действующих в сфере охраны окружающей среды. Важную роль в профилактике экологических преступлений играют нормы уголовного и административного законодательства, а также создание условий для правомерного экологического поведения граждан. Профилактика преступлений, совершаемых гражданами должна строиться по следующим основным направлениям: а) выявление и устранение причин и условий их совершения на общем, отдельном и индивидуальном уровнях; б) общее профилактическое воздействие; в) специальные меры; г) региональное профилактическое воздействие с учетом специфики уровня экономического развития и наличия определенных видов природных ресурсов, являющихся объектом преступных посягательств; д) развитие системы экологического образования и просвещения; е) индивидуальная воспитательная работа.

При этом одной из самых действенных мер по предупреждению организованной экологической преступности является перекрытие каналов, в том числе трансграничных, сбыта нелегально добытых природных ресурсов.

Научная и практическая значимость. *Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по противодействию экологическим преступлениям в зависимости от причин их совершения.*

Ключевые слова: *преступность, причины преступлений, природные ресурсы, преступление, организованная преступность, международное сотрудничество, экологические преступления, охрана окружающей среды, конфликты*

Природные ресурсы с древнейших времен составляли основу жизни и деятельности каждого человека и общества в целом. Составляют они ее и по сей день. Какую бы из сторон жизни мы не рассматривали, потребление природных ресурсов нашей планеты в процессе жизни людей и осуществления ими различных видов деятельности является одним из наиболее важных факторов, обеспечивающих эту деятельность. В то же время население Земли продолжает увеличиваться значительными темпами – средний прирост численности населения в мире за год сегодня оценивается примерно в 80 млн человек. Оно удвоилось (100% увеличение) в течение 40 лет с 1959 (3 млрд) по 1999 г. (6 млрд). В настоящее время прогнозируется, что за 39 лет население Земли увеличится еще на 50%, до 9 млрд к 2038 г. (См.: URL: [https://total-rating.ru/1918-chislennost-naseleniya-v-mire-po-godam.html#:~:text=Мировое%20население%20удвоилось%20\(100%25%20увеличение\),9%20миллиардов%20к%202038%20году](https://total-rating.ru/1918-chislennost-naseleniya-v-mire-po-godam.html#:~:text=Мировое%20население%20удвоилось%20(100%25%20увеличение),9%20миллиардов%20к%202038%20году) (дата обращения: 12.02.2021)). Еще в конце прошлого века в сознании людей во всем мире возникла обеспокоенность, связанная с истощаемостью природных ресурсов, с одной стороны, а также все более неблагоприятным для существования человека и всего живого состоянием окружающей среды, с другой. Толчком привлечения общественного внимания к состоянию окружающей среды послужили растущий дефицит природных ресурсов в последней трети XX в. – начале XXI в., а также глобальное влияние ухудшения качества окружающей среды на систему жизнеобеспечения общества в планетарном масштабе [1, с. 18]. Возникшая в конце прошлого века так называемая концепция устойчивого развития, подразумевающая баланс экономических, социальных и экологических интересов в ходе общественного развития в интересах нынешнего и будущих поколений, по-прежнему определяет вектор развития общества как на национальном, так и на международном уровне.

Окружающая среда планеты представляет собой единый природный комплекс, который не может быть разграничен между территориями отдельных стран. Например, неблагоприятное воздействие на состояние окружающей среды и природных ресур-

сов вследствие попадания в нее различного рода загрязняющих веществ на территории одного государства может в силу естественных природных процессов (движения воздушных масс, течения рек, перемещения огромных масс морской воды в мировом океане на значительные расстояния и т.п.) свободно распространиться на территории других государств, которые могут быть удалены от места возникновения такого воздействия на многие тысячи километров. При этом возможность обеспечения экологического благополучия одного человека за счет других людей, одного государства за счет других представляется довольно сомнительной. Все более вероятным становится сценарий, когда в борьбе за природные ресурсы между отдельными людьми и государствами в какой-то момент не будет победителей по причине того, что природных ресурсов, также как и благоприятного состояния окружающей среды, просто не будет больше существовать в принципе. И подход к их сохранению и устойчивому использованию должен быть единым во всем мире. Как отмечает В.И. Стариков, на национальном уровне должен быть установлен контроль над состоянием и изменением окружающей среды и природных ресурсов на основе критериев, признанных мировым сообществом [2, с. 27].

Одной из важных задач развития юридической науки является формирование правового регулирования всех сторон общественной жизни путем создания системы законодательства, позволяющего наиболее эффективно урегулировать возникающие в обществе конфликты, в том числе эколого-правовые, а также создающего условия для предотвращения их возникновения. По мнению И.А. Соболя, «современное общество не может существовать без определенным образом сложившейся системы правоотношений, наличие которой позволяет людям наиболее рационально решать задачи, возникающие в социуме» [3, с. 74]. О.Л. Дубовик совершенно справедливо отмечает, что экологические конфликты возникали на протяжении всей истории человечества и возникают в наши дни, однако ни общество, ни социальные группы, ни целые государства до сих пор не демонстрируют готовность предупреждать и разрешать большинство экологических

конфликтов, возникающих или усиливающихся в современной действительности [4, с. 28]. И это, к сожалению, действительно так. Исследованием проблем юридической конфликтологии с большей или меньшей интенсивностью занимаются ведущие юристы-правоведы на протяжении уже нескольких десятилетий. Как отмечал академик В.Н. Кудрявцев, мотивы конфликтов отражают всю сложность современной жизни, а причины поведения людей в различных конфликтах зачастую сводятся к стремлению удовлетворить свои интересы. Причиной групповых конфликтов, возникающих между различными сторонами, часто становятся являются экономические трудности [5, с. 23].

Экологические преступления создают реальную угрозу безопасности Российской Федерации, нарушают конституционное право ее граждан на благоприятную окружающую среду, оказывают негативное воздействие на состояние природы и здоровье населения нашей страны. Их последствия зачастую могут проявляться спустя значительный промежуток времени, что затрудняет реальную оценку наносимого ими ущерба и препятствует возможности его компенсации в полном объеме, а также свидетельствует о высоком уровне общественной опасности таких деяний. Именно поэтому предупреждение причинения экологического вреда, в том числе и правовыми средствами, является одним из самых эффективных способов обеспечения устойчивого развития и сохранения благоприятного состояния окружающей среды для нынешнего и будущих поколений российских граждан. Создание в стране эффективной системы профилактики экологических преступлений должно стать частью мероприятий по реализации государственной политики в сфере охраны окружающей среды.

В литературе под профилактикой экологических правонарушений понимается разносторонняя деятельность, направленная на обеспечение с помощью специфических приемов и способов соблюдения экологического законодательства. Такая деятельность должна осуществляться в определенных целях по определенным правилам и играть ведущую роль в обеспечении правомерного экологически значимого поведения [6, с. 152].

Как отмечал В.Н. Кудрявцев, наиболее эффективной формой предупреждения конфликта является устранение его причин [5, с. 305]. *(Экологические преступления являются одной из форм проявления конфликта интересов отдельных лиц или их групп (в случае организованной преступности) по незаконному извлечению выгоды при использовании природных ресурсов в своих целях и стремлением государства и общества к устойчивому*

использованию компонентов окружающей среды на законных основаниях. Следует отметить, что теоретическое осознание необходимости рационального использования природных ресурсов часто вытесняется экономическими интересами, связанными с желанием немедленного обогащения любыми способами и средствами. — Т.Р.). Среди причин разного рода конфликтов В.Н. Кудрявцев выделяет такие, как перекосы в экономике, резкий разрыв в уровне и качестве жизни больших групп и слоев населения, политическая неустроенность, неорганизованность и неэффективность системы управления [5, с. 305]. Все это в полной мере относится и к причинам экологических конфликтов в целом и к экологическим преступлениям, как одной из крайних форм их проявления в общественной жизни. По мнению В.Н. Кудрявцева, необходимо на общесоциальном уровне выявлять и устранять крупные экономические, социальные и политические факторы, дезорганизующие общественную и государственную жизнь. В качестве мер предупреждения разного рода конфликтов он выделяет необходимость последовательного проведения «социальной, экономической, культурной политики в интересах всего общества, укрепление правопорядка и законности, повышение духовной культуры людей» [5, с. 305].

В зависимости от категории субъектов, совершающих экологические правонарушения в целом и экологические преступления как наиболее общественно опасную их разновидность, принимаемые профилактические меры могут значительно различаться по применяемым способам и средствам. В первую очередь, в силу абсолютно разных причин таких преступлений. И хотя, за исключением случаев совершения таких деяний по неосторожности, в их основу составляет превалирование экономических интересов на экологическими, их мотивация может быть различной. Так, мотивы экологических преступлений, совершаемых отдельными гражданами, значительно отличаются от мотивов совершения их организованными преступными группами, а также от мотивов экологических преступлений, совершаемых в процессе осуществления деятельности должностными лицами хозяйствующих субъектов. И хотя размер причиняемого ущерба от последних двух категорий преступлений потенциально значительно больше ущерба от преступлений, совершаемых отдельными гражданами, он может быть сравнимым в случае их массового характера. В данном случае определяющую роль в снижении количества таких преступлений может сыграть своевременное применение профилактических мер.

Из анализа статистических данных об экологических преступлениях, совершаемых в Российской Федерации, видно, что подавляющее их количество приходится на преступные посягательства на лесные ресурсы (ст. 260, 261 УК РФ) и объекты животного мира (ст. 256–258.1 УК РФ). По данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году», указанные виды преступлений составили 98% от общего числа зарегистрированных экологических преступлений. Помимо привлекательности этих природных ресурсов для организованных преступных группировок, они являются и объектом преступных посягательств рядовых граждан, совершаемых в целях удовлетворения своих потребностей. Высокая латентность преступлений, совершаемых организованными группами, отчасти объясняется сложностью выявления, расследования и привлечения к ответственности участников всех этапов таких преступлений (незаконной добычи природных ресурсов, их транспортировки, часто трансграничного перемещения, реализации конечному потребителю за пределами страны). Чаще всего перед судом предстают участники первого этапа, например, осуществляющие незаконную рубку, которые не успели вовремя скрыться и были задержаны в результате спецопераций правоохранительными органами на месте совершения преступления, тем самым они пополняют статистику экологических преступлений, совершенных индивидуально.

Существует много причин, по которым совершаются экологические преступления. Остановимся на характеристике наиболее важных из них. В первую очередь, это низкий уровень жизни граждан в отдельных регионах страны, высокий уровень безработицы или недостаточный уровень оплаты труда. В 1990-е годы после развала Советского Союза население, проживающее в сельской местности, не имело других источников существования, нежели эксплуатация природных ресурсов, как на законных основаниях, так и с нарушением правовых предписаний, содержащихся в нормах экологического и иного законодательства. Зачастую такая деятельность являлась уголовно наказуемой. По прошествии более чем 30 лет общая экономическая ситуация в стране улучшилась, но до сих пор доля доходов от добычи природных ресурсов составляет значительную часть доходов сельского населения. В отдельных случаях противоправное пользование природными ресурсами становится единственным источником существования. В сознании современного человека одними из неотъемлемых критериев качества

жизни являются существование в благоприятных для его здоровья условиях и наличие достаточно высокого уровня эстетических и рекреационных свойств окружающей среды. Однако в случае необходимости выбора каждого конкретного человека между обеспечением своих базовых потребностей (таких, как сохранение жизни и здоровья, обеспечение наличия средств к существованию) и сохранением природной среды, такой выбор безусловно будет сделан не в пользу последней. В богатых природными ресурсами регионах отмечается наличие зависимости между количеством преступных посягательств на объекты животного мира и уровнем жизни населения. Так, в прикаспийских регионах страны отмечается невысокий уровень доходов населения и высокий уровень безработицы [7, с. 110], что с учетом исторически терпимого отношения местного населения к ловле осетровых формирует высокий уровень регистрируемых преступных посягательств на данный вид водных биологических ресурсов. Основными профилактическими мерами в такой ситуации должны стать развитие экономики региона, создание рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда. Например, в случае прикаспийского региона, положительный эффект в борьбе с экологической преступностью может быть достигнут за счет развития сельскохозяйственного производства, в том числе разведения осетровых и других водных биологических ресурсов в условиях аквакультуры, а также создание цивилизованного рынка сбыта производимой продукции.

Второй из основных причин совершения экологических преступлений можно назвать низкий уровень экологической культуры населения. И хотя наше государство достигло определенных успехов в его повышении, в частности путем развития системы экологического просвещения, в данной области еще есть масса нерешенных задач. Процесс детерминации правомерного экологического поведения контролируется обществом и государством с помощью создания системы правового регулирования и нормирования [8, с. 20], а также обеспечения их реализации. Целью правового регулирования в сфере охраны окружающей среды является достижение оптимального баланса экономических и экологических интересов общества и отдельных его граждан. Однако динамичность изменений и (или) сложность принимаемых правовых предписаний в ряде случаев приводит к противоправному поведению людей исключительно по причине незнания о существовании определенных запретов, в том числе непонимания их сути. В данном случае проблема может быть

решена путем соответствующего информирования граждан о содержании предписаний и запретов с помощью максимального количества доступных каналов и средств. К примеру, стенды, размещаемые на входе на территорию охраняемых природных объектов, с информацией об охраняемых видах флоры и фауны, которые могут встретиться посетителям, могут предотвратить умышленное уничтожение этих видов, в том числе просто из чрезмерного любопытства.

Важную роль в профилактике экологических преступлений играют нормы уголовного и административного законодательства. При этом их профилактическое воздействие является реальным исключительно в случае надлежащей информированности граждан о противоправности тех или иных действий, а также о наказании, предусмотренном за их совершение.

Еще одной из важных мер профилактики экологических правонарушений в целом и экологических преступлений в частности, является создание условий для правомерного поведения. Так, отсутствие доступной инфраструктуры по сбору отходов неизбежно приводит к росту количества нелегальных свалок.

Таким образом, опасность так называемых бытовых экологических преступлений очевидна. Их профилактика должна строиться по следующим основным направлениям: а) выявление и устранение причин и условий их совершения на общем, отдельном и индивидуальном уровнях; б) общее профилактическое воздействие; в) специальные меры; г) региональное профилактическое воздействие с учетом специфики уровня экономического развития и наличия определенных видов природ-

ных ресурсов, являющихся объектом преступных посягательств; д) развитие системы экологического образования и просвещения; е) индивидуальная воспитательная работа.

Система профилактических мер по предупреждению экологических преступлений, совершаемых организованными преступными группами, основным из главных мотивов деятельности которых является стремление к извлечению прибыли от незаконной деятельности, связанной с эксплуатацией природных ресурсов и окружающей среды, должна в корне отличаться в силу абсолютно других причин их совершения. Одним из важных направлений их профилактики должна стать деятельность по перекрытию каналов сбыта природных ресурсов, добытых в результате совершения экологических преступлений, в том числе и путем взаимодействия правоохранительных структур на межгосударственном уровне. В качестве примера здесь можно привести необходимость пресечения трансграничных с сопредельными государствами каналов сбыта древесины, добытой нелегальным путем. Транснациональная экологическая преступность в эпоху глобализации в силу своего значительного и практически неподдающегося достоверной оценке масштаба создает одну из самых серьезных угроз экологической и экономической безопасности нашей страны. Именно поэтому разработка и реализация эффективных мер противодействия организованной экологической преступности в целях сохранения окружающей среды и ее компонентов в Российской Федерации и в других странах, должна стать одним из основных направлений государственной политики на современном этапе.

DIE STRUKTUR DER ÖKOLOGISCHEN KRIMINALITÄT IN DER RUSSISCHEN FÖDERATION UND DIE RICHTUNGEN IHRER PRÄVENTION

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Umweltstraftaten stellen eine echte Bedrohung für die Sicherheit der Russischen Föderation dar, verletzen das verfassungsmäßige Recht der Bürger auf eine intakte Umwelt und wirken sich negativ auf den Natur- und Gesundheitszustand der Bevölkerung unseres Landes aus. Die Folgen zeigen sich oft erst nach einer beträchtlichen Zeitspanne, was es erschwert,

den verursachten Schaden realistisch einschätzen zu können und eine Entschädigung zu ermöglichen sowie auf ein hohes Maß der öffentlichen Gefahr hinweist. Aus diesem Grund ist die Verhütung von

Umweltschäden, unter anderem durch rechtliche Wege, eine der wirksamsten Möglichkeiten, eine nachhaltige Entwicklung zu gewährleisten und einen

intakten Umweltzustand für die gegenwärtigen und zukünftigen Generationen der russischen Bevölkerung zu erhalten. Die Schaffung eines wirksamen Systems zur Vorbeugung von Umweltstraftaten im Land, sollte Teil der Maßnahmen zur Umsetzung der staatlichen Politik im Bereich des Umweltschutzes werden.

In der Literatur wird die Verhütung von Umweltstraftaten als vielseitige Maßnahme verstanden, die darauf abzielt, die Einhaltung der Umweltgesetze mit bestimmten Techniken und Methoden sicherzustellen. Solche Aktivitäten sollten für bestimmte Zwecke nach bestimmten Regeln durchgeführt werden und eine führende Rolle bei der Gewährleistung eines rechtmäßigen Umweltverhaltens spielen.

Abhängig von der Kategorie der Subjekte, die allgemeine Umweltdelikte begehen oder Umweltstraftaten, die der für die Gesellschaft gefährlichen Variante unterfallen, können sich die getroffenen Präventionsmaßnahmen in den angewandten Methoden und Mitteln erheblich unterscheiden, in erster Linie aus unterschiedlichen Gründen für solche Straftaten. Obwohl sie mit Ausnahme von Fällen, in denen solche Handlungen fahrlässig begangen wurden, auf der Überlegenheit wirtschaftlicher Interessen gegenüber ökologischen Interessen beruhen, kann ihre Motivation dennoch unterschiedlich sein. So divergieren die Motive von Umweltstraftaten, die von einzelnen Bürgern begangen werden, erheblich von denen organisierter krimineller Gruppen sowie von denen, die im Rahmen der Tätigkeit von Angestellten in Betrieben begangen werden. Und obwohl der Schaden, der durch die letzten beiden Kategorien von Straftaten verursacht wurde, im Verhältnis viel größer ist als der Schaden durch Straftaten einzelner Bürger, kann er dennoch vergleichbar sein, wenn es sich um Massenverbrechen handelt. In diesem Fall kann die rechtzeitige Anwendung vorbeugender Maßnahmen eine entscheidende Rolle bei der Verringerung solcher Straftaten spielen.

Aus der Analyse statistischer Daten zu Umweltdelikten in der Russischen Föderation geht hervor, dass die überwiegende Zahl der Umweltdelikte auf kriminelle Eingriffe in Waldressourcen nach Art. 260, 261 Strafkodex der Russischen Föderation (RF) und in Gegenstände der Tierwelt nach Art. 256–258.1 Strafkodex der RF zurückzuführen sind. Laut dem Staatsbericht “Über den Zustand und Schutz der Umwelt der Russischen Föderation im Jahr 2018” machten diese Arten von Straftaten 98% der Gesamtzahl der registrierten Umweltdelikte aus. Neben der Attraktivität dieser natürlichen Ressourcen für organisierte kriminelle Gruppen sind sie auch

Gegenstand krimineller Eingriffe gewöhnlicher Bürger, um eigene Bedürfnisse zu befriedigen. Die hohe Latenzzeit der von organisierten Gruppen begangenen Straftaten ist teilweise auf die Komplexität der Identifizierung, Ermittlung und Verfolgung von Beteiligten in allen Phasen solcher Straftaten zurückzuführen (illegale Gewinnung natürlicher Ressourcen, Transport, häufig grenzüberschreitende Bewegungen und Verkauf an den Endverbraucher außerhalb des Landes). Am häufigsten erscheinen die Beteiligten der ersten Phase der Tatbegehung vor Gericht, zum Beispiel diejenigen, die illegal Holz eingeschlagen haben, es nicht geschafft haben, rechtzeitig zu entkommen und die aufgrund von Sondereinsätzen der Strafverfolgungsbehörden am Tatort festgenommen und vor Gericht gestellt wurden, wodurch die Statistik der individuell begangenen Umweltverbrechen ergänzt wird.

Es gibt viele Gründe, warum Umweltstraftaten begangen werden, wir konzentrieren uns hier allerdings nur auf die wichtigsten von ihnen. In erster Linie ist es der niedrige Lebensstandard der Bürger in bestimmten Regionen des Landes, die hohe Arbeitslosigkeit und das unzureichende Lohnniveau. In den 1990er Jahren, nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion, hatte die in den ländlichen Gebieten lebende Bevölkerung keine anderen Existenzmöglichkeiten als die Ausbeutung der natürlichen Ressourcen und zwar sowohl auf legale Weise als auch unter Verletzung der in den Umweltnormen und anderen Gesetzen enthaltenen Anforderungen. Solche Handlungen waren oft strafbar. Mehr als 30 Jahre später hat sich die gesamtwirtschaftliche Situation im Land verbessert, aber der Anteil des Einkommens aus der Gewinnung natürlicher Ressourcen macht immer noch einen erheblichen Teil des Einkommens der ländlichen Bevölkerung aus. In einigen Fällen wird die illegale Nutzung natürlicher Ressourcen zur einzigen Quelle der Existenzsicherung. Im Bewusstsein des modernen Menschen ist das Vorhandensein von günstigen Bedingungen für die Gesundheit und ein ausreichend hohes Niveau an ästhetischen näher und erholsamen Eigenschaften der Umwelt eines der wesentlichen Kriterien für die Lebensqualität. Wenn jedoch jeder Einzelne zwischen der Sicherstellung seiner Grundbedürfnisse (wie der Erhaltung von Leben und Gesundheit, Sicherung von Lebensgrundlagen) und der Erhaltung der natürlichen Umwelt wählen muss, wird eine solche Entscheidung sicherlich nicht zugunsten der letzteren ausfallen. In Regionen, die reich an natürlichen Ressourcen sind, besteht ein Zusammenhang zwischen der Anzahl krimineller Angriffe auf Objekte der Tierwelt und dem Lebensstandard der Bevölkerung. So gibt es in

den kaspischen Regionen des Landes ein niedriges Einkommensniveau der Bevölkerung und eine hohe Arbeitslosenquote, was angesichts der historisch toleranten Haltung der lokalen Bevölkerung gegenüber dem Störfang auch ein hohes Maß an registrierten kriminellen Angriffen in diese Art von biologischen Wasserressourcen darstellt. Die wichtigsten vorbeugenden Maßnahmen in einer solchen Situation sollten die Entwicklung der Wirtschaft in der Region und die Schaffung von Arbeitsplätzen mit angemessenen Löhnen sein. Im Fall der kaspischen Region kann beispielsweise eine positive Wirkung bei der Bekämpfung der Umweltdelikte durch eine Entwicklung der landwirtschaftlichen Produktion erzielt werden, einschließlich der Züchtung von Stören und anderen aquatisch-biologischen Ressourcen in der Aquakultur sowie der Schaffung eines zivilisierten Marktes für den Verkauf der hergestellten Produkte.

Der zweite der Hauptgründe für die Begehung von Umweltstraftaten ist das niedrigere Niveau der Umweltkultur in der Bevölkerung. Obwohl unser Staat einige Erfolge bei der Verbesserung erzielte, insbesondere durch die Entwicklung eines Systems der Umwelterziehung, gibt es in diesem Bereich immer noch viele ungelöste Herausforderungen. Der Prozess der Bestimmung des rechtmäßigen Umweltverhaltens wird von der Gesellschaft und dem Staat kontrolliert, indem ein System der gesetzlichen Regulierung und Normierung⁴ geschaffen und deren Umsetzung sichergestellt wird. Ziel der gesetzlichen Regelung im Bereich des Umweltschutzes ist es, einen optimalen Ausgleich zwischen den wirtschaftlichen und ökologischen Interessen der Gesellschaft und ihrer einzelnen Bürger zu erreichen. Die Dynamik der Änderungen und (oder) die Komplexität in einer Reihe von Fällen der erlassenen gesetzlichen Vorschriften, führen jedoch allein aufgrund der Unkenntnis der Existenz bestimmter Verbote, einschließlich des mangelnden Verständnisses ihres Wesens, zu rechtswidrigem Verhalten von Menschen. In diesem Fall kann das Problem gelöst werden, indem die Bürger durch die Verwendung der maximalen Anzahl

verfügbarer Kanäle und Mittel angemessen über den Inhalt der Vorschriften und Verbote informiert werden. So können z.B. Stände am Eingang der Naturschutzgebiete mit Informationen über die geschützten Arten von Flora und Fauna, denen die Besucher begegnen können, eine absichtliche Zerstörung dieser Arten verhindern, welche auch einfach auf Neugier beruhen kann. Die strafrechtlichen und verwaltungsrechtlichen Vorschriften spielen eine wichtige Rolle bei der Vorbeugung von Umweltdelikten. Darüber hinaus ist ihre vorbeugende Wirkung nur dann real, wenn die Bürger ordnungsgemäß über die Rechtswidrigkeit bestimmter Handlungen sowie über die für ihre Begehung vorgesehene Bestrafung angemessen informiert werden. Eine weitere wichtige Maßnahme zur Vorbeugung von Umweltstraftaten im Allgemeinen und von besonderen Umweltverbrechen ist die Schaffung von Bedingungen für rechtmäßiges Verhalten. Das Fehlen einer zugänglichen Infrastruktur für die Abfallsammlung führt daher zwangsläufig zu einer Zunahme der Anzahl illegaler Deponien. Der wichtigste Bereich der Prävention von Umweltdelikten, die auf "häuslicher" Ebene begangen werden, ist daher die Entwicklung und Anwendung allgemeiner und spezieller Präventionsmaßnahmen zur Beseitigung der Ursachen solcher Straftaten unter Berücksichtigung der regionalen Besonderheiten, insbesondere des Niveaus der wirtschaftlichen Entwicklung und der Verfügbarkeit bestimmter Arten von natürlichen Ressourcen, die Gegenstand krimineller Übergriffe sein können. Die Gefahr von häuslichen Umweltstraftaten ist also offensichtlich. Ihre Prävention sollte sich auf folgende Hauptbereiche stützen: a) Ermittlung und Beseitigung der Ursachen und Bedingungen für ihr Auftreten auf allgemeiner, getrennter und individueller Ebene; b) Allgemeine vorbeugende Maßnahmen; c) Besondere Maßnahmen; d) Regionale vorbeugende Eingriffe unter Berücksichtigung der Besonderheiten des wirtschaftlichen Entwicklungsniveaus und der Verfügbarkeit bestimmter Arten natürlicher Ressourcen, die Gegenstand von Straftaten sind; e) Individuelle Bildungsarbeit.

Литература

1. Рудман М.Н. Конституционное право на благоприятную окружающую среду // *Juvenis scienta*. 2018. № 8. С. 18–21.
2. Стариков В.И. Права человека в контексте права на жизнь и права каждого на благо приятную окружающую среду: международный и российский опыт // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Право. 2016. Т. 1, вып. 3. С. 26–30.
3. Соболев И.А. Административно-правовые средства обеспечения экологического правопорядка // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 2. С. 74–78.
4. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов). М., 2019. –280 с.

5. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995. – 316 с.
6. Бринчук М.М., Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Куделькин Н.С., Мисник Г.А., Редникова Т.В., Сосновский В.В. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: монография. М., 2012. – 170 с.
7. Редникова Т.В. Криминологическая характеристика преступных посягательств на особо ценные водные биологические ресурсы // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 108–115.
8. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М., 1988. – 240 с.

References

1. Rudman M.N. Konstitutsionnoe pravo na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu [Constitutional right to a favorable environment]. *Juvenis scienta*, 2018, no. 8, pp. 18–21. (In Russian, abstract in English)
2. Starikov V.I. Prava cheloveka v kontekste prava na zhizn' i prava kazhdogo na blago priyatnuyu okruzhayushchuyu sredu: mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt [Human rights in the context of the right to life and the right of everyone to a pleasant environment: international and Russian experience]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Law Series], 2016, vol. 1, iss. 3, pp. 26–30. (In Russian, abstract in English)
3. Sobol' I.A. Administrativno-pravovye sredstva obespecheniya ekologicheskogo pravoporyadka [Administrative and legal means of ensuring environmental legal order]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 2, pp. 74. (In Russian, abstract in English)
4. Dubovik O.L. Ekologicheskaya konfliktologiya (preduprezhdenie i razreshenie ekologo-pravovykh konfliktov) [Environmental conflictology (prevention and resolution of environmental and legal conflicts)]. Moscow, 2019. 280 p. (In Russian)
5. Yuridicheskaya konfliktologiya [Legal conflictology] Ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow, 1995. – 316 p. (In Russian)
6. Brinchuk M.M., Dubovik O.L., Ivanova A.L., Kudel'kin N.S., Misnik G.A., Rednikova T.V., Sosnovskii V.V. Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya: monografiya [Legal responsibility for environmental offenses: monograph]. Moscow, 2012. 170 p. (In Russian)
7. Rednikova T.V. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnykh posyagatel'stv na osobo tsennye vodnye biologicheskie resursy [Criminological characteristics of criminal encroachments on particularly valuable aquatic biological resources]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminologists and Criminologists], 2019, no. 1, pp. 108–115. (In Russian, abstract in English)
8. Dubovik O.L., Zhalinskii A.E. Prichiny ekologicheskikh prestuplenii [Causes of environmental crimes]. Moscow, 1988. 240 p. (In Russian)

КРИМИНАЛИСТИКА

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Полстовалов Олег Владимирович

Цель: дать многоаспектную характеристику проблемы цифровизации правосудия как движущей силы криминалистической и правовой рационализации приложения усилий к достижению его главного назначения — восстановления нарушенных прав пострадавших от правонарушений; показать организационные, правовые и криминалистические аспекты цифровизации правосудия в аспекте как позитивных, так и негативных тенденций современной практики.

Методология: диалектический метод, системно-структурный анализ, синтез, формально-юридический метод, межотраслевой подход.

Выводы. Цифровизация как объективная и неизбежная реальность несет в себе как новые возможности по оптимизации судопроизводства, так и новые вызовы, которые заслуживают самого пристального внимания исследователей.

Научная и практическая значимость. Автор обращает внимание на то, что, в целом направленная на сокращение прилагаемых сил и средств к достижению социально полезного результата, цифровизация в ее превратной трактовке недобросовестными участниками процесса при отсутствии достаточных правовых гарантий превращается в примитивное упрощенчество, прямо противоположное задачам правосудия вне зависимости от его отраслевой составляющей. При этом показана актуальная фактология, приведены конкретные примеры, даны типологические характеристики ключевых направлений приложения цифровизации применительно к установлению обстоятельств правонарушения. Оптимизация отдельных процедур по ускорению их производства и снижению возможностей злоупотребления правом с позиций цифровизации судопроизводства типологизирована автором на организационную, политико-правовую и криминалистическую составляющие. Автор в контексте проблемы цифровизации обосновывает необходимость сделать криминалистическое знание более универсальным и предметно определенным безотносительно к отраслевой принадлежности того или иного судопроизводства.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, криминалистическая рационализация, оптимизация процедур, универсальность криминалистики.

Мы много и упорно говорим о забюрократизированности, медленности, инертности правосудия безотносительно к его отраслевой принадлежности. Одновременно стремления к цифровизации даже отдельных аспектов процессуально-правовых процедур порой встречают непонимание. В обществе в целом легко разгораются дискуссии на ниве конспирологических версий об утрате свободы, о попытках глобального правительства ввергнуть права и свободы человека и гражданина в жернова новой тоталитарной бездушной ре-

альности посредством цифровизации. Не сгущая красок в этом контексте, заметим главное: дебюрократизация и избавление от ненужного, бессмысленного бумаготворчества есть несомненное основание вести работу по развитию цифровизации процессуально-правовых процедур и имманентных им приемов и рекомендаций, выработанных криминалистикой. К идее цифровизации как части рационализации уголовного судопроизводства автор пришел достаточно давно. Сподвиг к этому доклад заведующего кафедрой кримина-

листки Е.П. Ищенко на одной из конференций в г. Уфе, где выдающийся ученый, отвлекшись от написанной части доклада, повествовал о нескольких КАМАЗах с материалами многотомного уголовного дела по обвинению членов этнической преступной группировки в наркобизнесе с переводом для практически всех участников преступного сообщества материалов на родной им язык. Возник резонный вопрос: до каких пор мы будем плодить тома дел без всякого продвижения к качеству правосудия, заниматься подготовкой совершенно ненужных в цифровую эпоху отношений, вычерчивать планы и схемы, протоколировать все и вся, преумножать сугубо бюрократические бумаги-отписки, возникающие от недоверия внутри правоохранительной системы между различными ее подразделениями и все это на бумажных носителях да и к тому же преимущественно в работе с традиционными носителями информации?

Цифровизация в правоприменении в самом широком формате может рассматриваться в качестве процесса включения в юридическую практику новых высоких технологий на цифровой платформе. Однако это лишь обобщенная характеристика самого процесса без анализа его объема и целесообразности, без взвешивания и нивелирования существующих рисков, а главное — без оценки степени уже существующей интегрированности затрагиваемых сфер жизни общества в цифровую реальность. В конечном итоге, цифровизация не может не затрагивать факторы присутствия цифровых носителей информации в повседневной реальности. Например, различия городов по степени реализации проекта «Безопасный город» с сопутствующим этой деятельности размещением камер видеонаблюдения на вновь возводимых и существующих строениях существенно усиливает региональную специфику по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию так называемых уличных преступлений. Присутствие в этом сегменте общественной безопасности «частного капитала» также вносит свои коррективы.

В правоприменительной практике цифровизация, при правильном ее применении, уже доказала свою состоятельность в предупреждении изъятия из дела «неудобных документов», сокращении сроков рассмотрения обращений и подготовки ответов на них по электронному документообороту, снижении бюрократической нагрузки в целом и оптимизации прозрачности судебной власти. Однако есть и негативные сценарии квазицифровизации, когда, к примеру, на основании «любезно предоставленного» стороной обвинения электронного варианта обвинительного заключе-

ния судьи, не утруждая себя и секретаря судебного заседания, переносят его практически дословно в текст подготавливаемого приговора. В литературе справедливо подчеркивается, что «для существующего уголовного судопроизводства цифровизация чревата нарастанием противоречий между следственным и состязательным элементом, что уже негативно сказывается на его эффективности, на защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства» [1, с. 199]. Однако в приведенном примере «обвинительное заключение — приговор» речь, напротив, идет о срастании обвинения и судебной власти, что во много крат опаснее. Как любой другой инструмент и веяние времени цифровизация несет в себе и новые вызовы, и новые решения. Но не считаться с тем, что мы из индустриального общества переходим в информационное, нельзя.

Цифровизация имеет несколько проявлений в установлении обстоятельств правонарушения: во-первых, она выступает средством оптимизации отдельных процедур по ускорению их производства, повышению их информативности и репрезентативности, а также ведет к сокращению возможности волонтаристского вмешательства в процесс доказывания по делу и обеспечение его определенными гарантиями; во-вторых, сами цифровые носители сведений о правонарушении, о совершившем его лице, об иных обстоятельствах исследуемого события представляют все больший интерес применительно к использованию их в процессе доказывания, поскольку информатизация общества и цифровизация всех сфер его жизнедеятельности растет в геометрической прогрессии; в-третьих, цифровые носители информации могут выступать средством совершения правонарушения и противодействия установлению его обстоятельств в последующем или уже в процессе производства по делу; в-четвертых, информация на цифровых носителях может быть сфальсифицирована в угоду той или иной недобросовестной стороне процесса.

Объективность и достоверность данных на цифровых носителях в современном мире является большой иллюзией, поскольку уже сейчас, к примеру, звукозапись устной речи, как и сама прямая речь, могут быть сфальсифицированы на достаточно высоком уровне с использованием специализированной программы. В частности, технологии VoCo достаточно двадцати минут «слушать» любого человека, после чего становится возможным воспроизведение этим голосом всего, что угодно. Разбивая речь на отдельные фонемы, VoCo конструирует из них потом любые сообще-

ния. В настоящее время она еще до конца не доработана. Однако технические и программные средства для разоблачения такого рода потенциальных передовых подделок, к сожалению, пока не готовы к перспективам расширения возможностей фальсификации голосовых сообщений. Стоит только догадываться, какова угроза всему правосудию от фальсификаций подобного рода со стороны недобросовестных участников процесса. И это все при кривизне стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства, отсутствии ее внятной концепции, системности и полноты в регулировании цифровых элементов производства по делу [4, с. 875].

Цифровизация преступности привела к появлению не просто способов совершения преступлений, а целых технологий, в которых программные продукты, компьютерная техника и гаджеты выполняют не только функции средств связи, но и выступают инструментом для безличного и обезличенного расчета, средством достижения желаемого преступного результата, обеспечивают максимальную анонимность личных данных и позволяют утаить характер переписки при обсуждении деталей подготавливаемого, совершаемого или скрываемого посягательства.

Оптимизация отдельных процедур по ускорению их производства и снижению возможностей злоупотребления правом в свою очередь имеет ряд ипостасей: 1) организационная компонента, когда создаются необходимые для эффективной работы системы правосудия материально-технические условия; 2) политико-правовая составляющая, когда на уровне государственной воли, отвечающей чаяниям населения, в программные документы и правовые нормативные акты вносят соответствующие изменения, которые открывают широкие возможности для использования преимуществ высоких технологий, в том числе, цифровизации в правоприменительной практике в целом и судопроизводстве в частности; 3) криминалистическая составляющая, где реализуется накопленный наукой потенциал, во многом построенной на рационализации следственной, прокурорской и судебной деятельности как исходя из сложившейся практики, так и с ее опережением. Полагаю, что камнем теоретического преткновения не станут давно устаревшие мантры о том, что криминалистика существует исключительно в приложении к уголовному судопроизводству. Любопытно, что идея универсализма криминалистических рекомендаций безотносительно к определенной сфере судопроизводства не является новой. В далеком 1940 году М.С. Строгович и С.А. Голунский в учебнике по теории государства

и права (!) придерживались концепции судебного права, которое по авторскому и широко распространенному в то время мнению включало в себя как все отрасли правосудия, так и криминалистику, содержание которой рассматривалось одновременно широко применительно ко всему правосудию и узко, поскольку ей отводилось место разработки и совершенствования научно-технических приемов собирания и исследования доказательств [3, с. 300]. Как видно из сказанного, тактике и методике в криминалистике при подобной трактовке предмета науки места просто не находилось, что никак не может быть признано устоявшимся в современных условиях. Вместе с тем, нельзя не признать продуктивность идеи об универсализме криминалистики применительно ко всему «судебному праву». Думается, что в нынешней ситуации криминалистика необходима не только «судебному праву», но всем направлениям правореализации и правоприменения, где рационализация жизненно важна или, как минимум, целесообразна, поскольку отвечает задаче достижения социальной справедливости. Как справедливо отмечает Т.С. Волчецкая, «немалую часть научно-технического и тактико-методического арсенала криминалистики можно с успехом использовать как в гражданском, так и в арбитражном и административном процессах» [2, с. 12]. Е.Р. Россинская неоднократно писала об этом и ранее и высказалась вполне определенно по этому поводу в одной из своих новейших публикаций. Предложив новую частную криминалистическую теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, «предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел», Е.Р. Россинская тем не менее подчеркнула, что сфера приложения этой теории может быть шире. Несомненная востребованность криминалистических методов и средств как в России, так и за ее пределами гражданским и административным судопроизводством, когда в процесс доказывания вовлечены компьютерные средства и системы, позволяет, по мнению выдающегося ученого, включать в предмет рассматриваемой теории «закономерности собирания и исследования компьютерной информации в гражданском, арбитражном, административном процессе» [6, с. 146]. А это уже смелое и давно назревшее включение в предметную область криминалистики пусть и на основе частной теории проблематики криминалистического обеспечения гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. На примере «экологической

криминалистики» автор в свое время подчеркивал условность этого словосочетания, очень осторожно относился к вторжению в предметную ее область и отмечал, что «без всякой претензии на место в системе науки, без оглядки на безупречность строгих предметных рамок теории важно подчеркнуть востребованность комплексного характера научного продукта, в котором растворяются все ингредиенты разных общих, отраслевых и специальных юридических наук в необходимой пропорции» [5, с. 194]. Убежден, что пора уже поднять вопрос об изменении предметной области криминалистики по образу и подобию зарубежных стран в известное и неаутентичное значение форенсики (англ. — forensic) и в традициях приведенного выше подхода к судебному праву М.С. Строговича и С.А. Голунского. Более того, криминалистика в своем инновационном развитии в период цифровизации просто призвана к рационализации не только усилий по доказыванию в различных отраслях судопроизводства, но тех процессуальных процедур, которые не опираются на движение к установлению обстоятельств исследуемого события, а иным образом ведут к разрешению правового конфликта (к примеру, при ре-

ализации института примирения сторон), а также направлены на создание оптимальных условий для достижения назначения того или иного производства по делу, суть которого даже без привязки к той или иной отрасли процессуального права в охранительном его характере, в защите прав и законных интересов всех, кто пострадал от правонарушения. Иными словами, криминалистика должна быть везде, где в правоприменении усматривается необходимость в разумной, взвешенной научно и практически обоснованной рационализации как самого процесса разрешения правового конфликта, так и мер, которые направлены на создание надлежащих к тому условий.

Цифровизация — это объективная и неизбежная реальность, которая в целом направлена на упрощение человеческого труда, экономию сил и средств. При этом, как и всякое оптимизационное направление развития общества, цифровизация может превратно трактоваться и использоваться во вред недобросовестными участниками судопроизводства, и уже сейчас принимается на вооружение криминалом, что неизбежно порождает новые вызовы.

Литература

1. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
2. Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической теории в России и Соединенных Штатах Америки: сравнительный анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 5–12.
3. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М.: НКЮ СССР, 1940. — 304 с.
4. Григорьев В.Н., Суходолов А.П., Ованесян С.С., Спасенникова М.Г., Тюньков В.В. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 873–883.
5. Полстовалов О.В. Отечественный вариант формирования «экологической криминалистики» // Актуальные проблемы государственной экологической политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / ответ. ред. Р.Х. Гиззатуллин. Уфа: Изд-во: БашГУ, 2017. С. 194–201.
6. Россинская Е.Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 144–151.

References

1. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zajcev O.A. O perspektivah razvitiya rossijskogo ugovovnogo sudoproizvodstva v usloviyah cifrovizacii [On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2019, no. 448, pp. 199–207. (In Russian, abstract in English)
2. Volcheckaya T.S. Razvitie kriminalisticheskoy teorii v Rossii i Soedinennyh Shtatah Ameriki: sravnitel'nyj analiz [The development of criminological theory in Russia and the United States of America: comparative analysis]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences]*, 2018, no. 3, pp. 5–12. (In Russian, abstract in English)

3. *Golunskij S.A., Strogovich M.S.* Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, NKYU SSSR Publ., 1940. 304 p. (In Russian)

4. *Grigor'ev V.N., Suhodolov A.P., Ovanesyanyan S.S., Spasennikova M.G., Tyun'kov V.V.* Cifrovye informacionnye platformy kak predmet normativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva [Digital information platforms as an object of normative legal regulation in the sphere of criminal proceedings]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 873–883. (In Russian, abstract in English)

5. *Polstovalov O.V.* Otechestvennyj variant formirovaniya “ekologicheskoy kriminalistiki” [National alternative for developing “Environmental forensics”]. In *Aktual'nye problemy gosudarstvennoj ekologicheskoy politiki. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of the state environmental policy. Collection of materials of the correspondence International scientific and practical conference]*. Ed. R.H. Gizzatullin. Ufa, BashGU Publ., 2017, pp. 194–201. (In Russian)

6. *Rossinskaya E.R.* K voprosu ob innovacionnom razvitii kriminalisticheskoy nauki v epohu cifrovizacii [On the innovative development of criminological science in the Digital Age]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta [Juridical Journal of Samara University]*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 144–151. (In Russian, abstract in English)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Чиненов Евгений Владимирович,
Щукин Владимир Иванович

Цель: раскрыть особенности организации планирования, выдвижения и проверки версий в ходе расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, выделить существующие проблемы и пути их решения.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Планирование по уголовным делам экономической направленности, совершенных на железнодорожном транспорте, позволяет наиболее целесообразно и целенаправленно организовать работу по уголовному делу, способствует быстроте, объективности, полноте и всесторонности в установлении фактических обстоятельств события, а также розыску и изобличению виновного. Оно состоит в своевременном определении задач расследования, построении версий, разработке путей и способов их проверки, в обеспечении максимально широкого использования научно-технических средств и наиболее целесообразных тактических приемов. Планирование расследования определяет, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо провести для проверки версий, в какой последовательности.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в возможности ее использования для построения частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов и групп.

Ключевые слова: расследование преступлений, железнодорожный транспорт, уголовное дело, планирование, построение версий, следственные действия, экономические преступления, фактические данные, возбуждение уголовного дела, план расследования.

Одним из вопросов современной криминалистической науки, требующих своего осмысления, исследования и разрешения [1, с. 352] является вопрос научного анализа сложных в выявлении и доказывании преступлений — преступлений, совершаемых в сферах экономики, характеризующихся сложной производственно-экономической и социальной системой, территориально-производственной и функциональной структурой. Железнодорожный транспорт является одной из них.

Расследование преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, это сложный и трудоемкий вид деятельности предполагающий комплексный подход и соответствующее методико-криминалистическое

обеспечение, в котором особое место отводится вопросам планирования расследования, осуществляемого на основе требований закона и с учетом особенностей уголовного дела. Планирование расследования позволяет наиболее целесообразно и целенаправленно организовать работу по делу, способствует быстроте, объективности, полноте и всесторонности в установлении фактических обстоятельств события, а также розыску и изобличению виновного [2, с. 136–143; 3, с. 155–158].

Чтобы должным образом оценить планирование расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, определить его место в деятельности следователя, необходимо изначально определить-

ся с понятием категории планирования расследования и его содержанием.

Не вдаваясь в глубокую полемику по поводу сущности и содержания планирования расследования преступлений, отметим отдельные точки зрения, повлиявшие на ход и результаты проводимого нами исследования.

По мнению Р.Р. Басханова, планирование расследования представляет собой перспективную прогностическую модель будущих действий и мероприятий субъектов расследования, детальную программу реализации тактических задач уголовного судопроизводства [4, с. 9]. В.Д. Зеленский считает планирование расследования умственной деятельностью следователя по выбору сил в пространстве и времени [5, с. 43]. С.И. Грицаев рассматривает его как функцию по определению оптимальных способов достижения субъектом расследования поставленных целей за счет эффективного распределения и использования средств, времени и сил, привлечения в случае необходимости дополнительных ресурсов [6, с. 24]. Г.М. Меретуков и А.С. Найденов аргументированно считают планирование расследования преступлений системой общих научных положений, направленных на упорядочение криминалистической деятельности должностных лиц органов предварительного расследования объединяющая комплекс научно-правовых предписаний, регулирующих организационно – управленческие функции по расследованию преступлений [7, с. 177]. О.П. Грибунов содержание деятельности следователя по планированию преступлений представляет, как многосложные умственные операции и действия, объединенные между собой в определенный комплекс [8, с. 148].

Обобщение приведенных мнений позволяет нам выделить основное предназначение планирования расследования преступлений – обеспечение целенаправленной организации работы следователя по уголовному делу для объективного, всестороннего, полного и максимально быстрого установления фактических обстоятельств преступного события, и причастных к нему лиц.

Процесс планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, имеет ряд особенностей. В частности, уяснение обстоятельств совершенного преступления, определение круга необходимых доказательств, путей их поиска и способов закрепления предполагает необходимость наличия исходной информации, обеспечивающей производство неотложных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий в наиболее приемлемых их комбинациях.

Это предполагает необходимость знакомства с деятельностью железнодорожной организации, должностных, материально-ответственных лиц, рабочих и служащих, изучения правовых, организационных, технологических и учетных особенностей производственных процессов, обеспечивающих познание механизма преступления, способов его подготовки, совершения и сокрытия.

Специфика расследования изучаемой категории преступлений указывает на необходимость при планировании следственных действий привлечения для их производства специалистов и оперативно-розыскного сопровождения. Эффективность взаимодействия следователя с участниками расследования преступлений в сфере экономики зависит от возможности участникам расследования проводить следственные действия по совместно составленному плану, коррекции взаимодействия в связи с меняющейся следственной ситуацией. Так, например, в каждом из изученных нами уголовных дел осуществлялись осмотры различных видов, в 97,3% случаев при их производстве участвовали специалисты и оперативные работники, в 81,4% случаев с их участием осуществлялось изъятие криминалистически значимых документов, предметов.

Необходимо отметить, что ввиду влияния специфики функционирования железнодорожного транспорта на процесс раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере экономики отрасли, все организационные мероприятия должны быть направлены на скорейшее обнаружение, сбор, закрепление и исследование доказательств. К таким мероприятиям, в частности, относятся:

- формирование следственно-оперативной группы, как наиболее эффективной организационной формы, обеспечивающей эффективную работу по экономическим преступлениям;

- организация доставки группы к месту происшествия в условиях железнодорожного транспорта;

- определение сил, средств и методов обнаружения орудий и средств, применявшихся при подготовке и совершении преступления;

- организация изучения обстановки преступления, выделение в ней материальных, идеальных и цифровых следов; проведения инвентаризаций, документальных ревизий, аудиторских проверок;

- назначение судебных экспертиз; подбор компетентных специалистов, способных надлежащим образом выполнить данную работу;

- выполнение действий по сохранности изъятых документов;

- собираемые сведения о личности, связях преступников, образе их жизни.

Установление фактических обстоятельств преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, в большинстве случаев предполагает использование сведений, полученных оперативным путем, что требует также включения в планирование расследования. Такие сведения обеспечивают установление путей и способов получения доказательств, построение правильных версий по делу, определение хода и направления расследования.

Планирование расследования преступления в сфере экономики, совершенного на железнодорожном транспорте, начинаются с изучения и оценки фактических данных о событии, из которого усматриваются признаки преступления. Максимально информативный путь решения вопроса о возбуждении следователем уголовного дела экономической направленности предполагает предварительную (доследственную) проверку. При этом, следователь должен оттапливаться от определенного лица или группы лиц: должностных, материально-ответственных, служащих и рабочего персонала организаций железнодорожной отрасли. В целях обеспечения ее полноты, всесторонности и объективности требуется составление плана проведения доследственной проверки.

Решение о том, какие действия, в какой последовательности и как провести, должно быть принято сразу после оценки сообщения о преступном событии. При этом планируется разрешение следующих вопросов:

подготовка к проведению неотложных следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий;

привлечение и использование специалиста для участия в следственных действиях;

подбор необходимых технико-криминалистических средств, используемых при производстве следственных действий и фиксации их результатов;

обеспечения личной безопасности участников следственных действий;

соблюдения требований закона и сохранения следственной тайны и др.

Существенной особенностью планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, является установление очередности необходимых мероприятий и следственных действий. При этом целесообразно учитывать факторы, определяющие их неотложность и тактически оправданную очередность в условиях особенностей работы органа внутренних дел на транспорте и специфики выявления и расследования экономических преступлений.

Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо планировать исходя из следующих направлений расследования:

Пресечение совершаемого преступления. Например, задержание в служебном помещении должностного лица железнодорожной организации, получившего взятку. В частности, гр. Ш. – начальник пункта технического обслуживания грузовых вагонов был задержан в своем служебном кабинете при получении взятки от находящегося в его служебной зависимости осмотрщика-ремонтника вагонов гр. Ф. взятку в виде денег в сумме 15000 рублей за общее попустительство по службе при осуществлении тем своей трудовой деятельности (*Уголовное дело № 1-658/2019 // Архив СО Кировского ЛО МВД России на транспорте*).

Обеспечение сбора и фиксации доказательств, которые могут быть сфальсифицированы, уничтожены и пр. К примеру, осмотр служебного помещения должностного лица железнодорожной организации, осмотр и изъятие предметов, документов, компьютерной техники и пр. Так, при расследовании уголовного дела о хищении кладовщиком склада топлива Главного материального склада Хабаровской дирекции материально-технического обеспечения гр.Г. путем присвоения вверенного ей дизельного топлива в крупном размере, следователем в ходе осмотра помещения начальника склада и кладовщика базы ГСМ – ХДМТО ОАО «РЖД» был обнаружен и изъят ряд документов, включая: инструкционную карту рабочего кладовщика склада топлива; ярлыки по замеру нефтепродуктов; инструкционную карту рабочего сливщик-разливщик склада топлива с подписью об ознакомлении; квитанции, доверенности, требования-накладные; журнал учета приема-передачи остатков топлива и смазочных материалов по смене между материально-ответственными лицами (*Уголовное дело № 1-101/2017 // Архив СО Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте*).

Разрешение следственных версий. В частности, в ходе расследования факта присвоения денежных средств начальником внеклассного вокзала Орел гр. Л. Московской региональной дирекции железнодорожных вокзалов («МРДЖВ») допросы начальника финансового отдела дирекции, ведущего бухгалтера, главного инженера вокзала подтвердили версию, предварительно построенную на основе материалов ведомственной служебной проверки о механизме хищения принадлежащих «МРДЖВ» и вверенных ему денежных средств, находящихся в подотчете. А именно, гр. Л. с целью присвоения денежной

суммы дал указание кладовщику вокзала передать ему наличные денежные средства, перечисленные на хозяйственные расходы. После этого, для сокрытия следов преступления, он дал ему указание изготовить фиктивные бухгалтерские и складские документы о приобретении на данную сумму и постановке на учет товарно-материальных ценностей (канцелярских товаров) для нужд вокзала, тем самым придав видимость законности их расходования. Материалы инвентаризации материальных ценностей вокзала, и документальное исследование авансовых отчетов, приложенных к ним первичных бухгалтерских документов, товарных чеков магазина канцелярских товаров, с приложенными к ним кассовыми чеками показания продавца магазина обеспечили формирование согласующихся между собой и дополняющих друг друга доказательств, опровергающих версию гр. Л. о непричастности к хищению (*Уголовное дело № 1-84/2017 // Архив СО ЛО МВД России на станции Орел*).

Обеспечение планомерного хода расследования. Примером могут служить материалы уголовного дела, в рамках которого в ходе доказывания факта подделки официального документа (лицензии), облегчающего совершение, незаконного предпринимательства, следователем было поручено осуществить выемку и изъятие внутренних и нормативных документов ООО «РИЭБ», ОАО «РЖД», документов, касающихся договорных отношений между ними, произвести осмотр предметов, подтверждающих участие в аукционах (*Уголовное дело № 1-4/2020 // Архив СО Алтайского ЛУ МВД России на транспорте*).

Организация планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, предполагает планирование отдельных этапов расследования уголовного дела: плана предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении; плана первоначального этапа расследования; плана последующего этапа расследования. На каждом этапе расследования могут составляться планы проведения конкретного следственного действия (осмотра места происшествия, осмотра документов и пр.), планы отработки версий.

Процесс планирования расследования должен обеспечить последовательное выполнение действий и мероприятий по его осуществлению, с учетом разрешения сложившихся следственных ситуаций. В одних следователь дает органу дознания письменное поручение для проведения оперативно-розыскных мероприятий. В других, необходимо планирование проведения целого

ряда процессуальных действий (допросов, очных ставок, судебных экспертиз). В-третьих, внезапно возникшие следственные ситуации могут менять имеющийся план, например, полученные в ходе в ходе осмотра документов сведения предполагают скорейшее производство встречных проверок в организациях-контрагентах.

Достаточно важным в планировании раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, является постановка целей. Анализ особенностей данной категории уголовных дел и специфики их расследования позволяет нам выделить три группы целей, ставящихся следователем: долгосрочные, среднесрочные, оперативные, что позволяет соответственно выделить три вида планирования расследования этих преступлений: перспективное; тактическое; оперативное.

Перспективное планирование предполагает определение главной цели расследования, разработки программы ключевых действий следователя, выдвижении ряда версий, например, хищение совершено умышленно, или была халатность материально-ответственного лица.

Тактическое планирование включает в себя определение текущих целей расследования, организации и разработки программы действий, включающих планирование тактических операций, комбинаций, отдельных следственных действий.

Оперативное планирование касается организации работы конкретных сотрудников, участвующих в расследовании преступления (оперативных сотрудников, специалистов, экспертов, и пр.) и разработки алгоритма их конкретных действий.

Схематически система планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте представлена на рисунке 1.

Основным элементом представленной системы является результат планирования, т. е. совокупность целей, задач, алгоритмов действий. В то же время многие опрошенные нами следователи считают самым важным предшествующий ему элемент – процесс планирования, так как именно он обеспечивает взаимодействие всех участников расследования.

При расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте построение и проверка версий является основой процесса познания. Принимая во внимание тот факт, что указанные преступления предполагают использование преступником знаний технологии железнодорожного производства, его

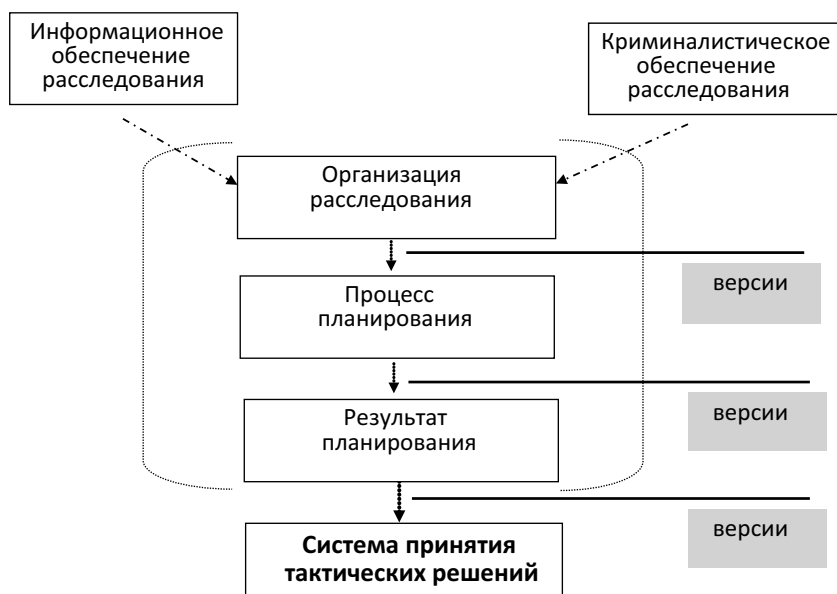

Рис. 1. Система планирования и ее связь с организацией расследования

учета и контроля, выдвижение версий должно осуществляться в поле технологического пространства специфики железнодорожного транспорта и ее влияния на процесс совершения преступления, а также его раскрытия и расследования. В этой связи, первые версии касаются технологии железнодорожного транспорта, и как она влияет на процесс подготовки и совершения преступления, особенностей слеодообразования. Для этого следователь должен обладать специальными экономическими и отраслевыми знаниями, в случае необходимости привлекать для помощи в построении версий соответствующих специалистов, что позволит смоделировать механизм преступления, установить орудия и средства его осуществления.

Предметное изучение технологических особенностей элемента механизма преступления характерно для последующего версионного анализа. В каждом конкретном случае он может быть разным, но всегда касается типичных объектов — документов и предметов, несущих криминалистически значимую информацию. Поэтому уже на этапе предварительной проверки могут быть выдвинуты версии относительно того, в каких документах нашло отражение совершенное преступление, какие предметы и где находятся. Необходимость их скорейшей обработки обуславливается тем, что документы преступники могут уничтожить или фальсифицировать, а предметы похитить или замаскировать, что повлечет осложнение ситуации расследования.

Для этого уже изначально необходимо предполагать место нахождения документов и предметов, а также какая информация, содержится в них, ее

соответствие, расхождение с другими данными может указывать на следы преступления и причастных к нему лиц. В этой связи, документальный и фактический анализ, является обязательной частью поисково-познавательной деятельности следователя, выступая источником выдвижения и проверки версий о механизме совершения преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Важной особенностью отработки таких версий является необходимость привлечения соответствующих специалистов. Например, в сфере бухгалтерского учета, конкретного вида производственной деятельности железнодорожного транспорта и пр., что обусловлено их знаниями, которые могут быть использованы при выдвижении версий, связанных с доказыванием деяния. Специалист в данном случае влияет на оптимизацию процесса познания обстоятельств совершенного преступления.

Важное значение для раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта, имеют выдвигаемые версии о способе совершения и сокрытия преступления. Так, например, материально-ответственное лицо, причинившее ущерб организации железнодорожного транспорта, принимает меры к тому, чтобы скрыть образовавшуюся недостачу; мастер вагоноремонтного депо совершает хищение находящихся у него в подотчете материалов, а затем прибегает к инсценировке кражи; бухгалтер составляет фиктивный документ о выдаче, перечислении денежных средств, списании учетных объектов и пр.

Анализ следственной практики показывает, что одним из существенных факторов, оказывающих серьезное влияние на выбор способов совершения и сокрытия преступлений изучаемой категории, является наличие связи между преступником и объектом посягательства. К примеру, выписка в бухгалтерии транспортной организации фиктивных накладных, впоследствии заменяемых другими, исправленными, явно не может быть произведена посторонними лицами. Любой преступник, совершивший хищение, направит все свои усилия на то, чтобы замаскировать сам факт образовавшейся, в связи с этим недостачи.

Для рационального и целенаправленного планирования следствия особое значение имеет оценка доказательств. С ее помощью у следователя складывается внутреннее убеждение в том, что определенный факт существует, а другой, определенный не существует, или нуждается в проверке, одно доказательство достоверно, а другое недостоверно. Важную роль она играет и в установлении самих фактов, которые затем используются следователем, как для построения версий, так и для окончательных выводов по делу. Значение оценки доказательств для разработки и проверки версий определяется и тем, что без нее невозможно целенаправленно наметить в плане расследования производство тех или иных следственных действий, а также определить, какие задания нужно дать органам полиции о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, построение и проверка версий в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, обеспечивает выполнение следственных, проверочных действий, в результате которых устанавливаются обстоятельства совершенного преступления и лица к ним причастные. Фактически версии являются логической основой организации расследования данных преступлений.

Значительные резервы для организации планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте на современном этапе заложены в автоматизации данного процесса. Автоматизация расследования, в частности планирования, — это

использование в работе следователя IT-продуктов, которые смогут не только упорядочить цели расследования применительно каждому этапу, но и создадут новую стратегию работы.

Ключевыми целями автоматизации планирования расследования преступлений исследуемой категории нам представляются:

- повышение качества расследования;
- быстрота принятия решений о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- формирование оптимального взаимодействия между участниками расследования;
- повышение эффективности использования технико-криминалистических средств;
- отслеживание и анализ результатов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на всех этапах расследования;
- оперативное реагирование на изменения следственной ситуации;
- минимизация влияния «человеческого фактора».

Автоматизация планирования расследования предполагает использование специального программного обеспечения, а потому это потребует новых IT-решений. В тоже время в их основу могут быть положены уже имеющиеся разработки успешно применяемые, планируемые к внедрению, и предназначенные для сбора и исследования доказательств, подготовки процессуальных документов и служебных материалов, производства процессуальных действий [9; 10].

Рассматривая проблему организации планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте следует подчеркнуть, что основой планирования расследования данного вида преступлений является анализ первичных материалов, учет специфики предмета преступного посягательства, характеристика личности преступника, его должностное положение, навыки. При этом в ходе планирования расследования следователь должен максимально использовать возможности специальных знаний, привлечения различных специалистов не только в экономической сфере, но и в сфере железнодорожного транспорта.

Литература

1. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 349–353.
2. Толоконников В.К. Актуальные вопросы планирования при расследовании преступлений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1(15). С. 136–143.
3. Макогон И.В., Косарева Л.В. Квалифицированное планирование — залог успешного расследования преступлений // Символ науки. 2016. № 1–3. С. 155–158.

4. *Басханов Р.Р.* Планирование расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. 12.00.12. М., 2013. – 27 с.
5. *Зеленский В.Д., Агеев Н.В.* О структуре организационного процесса отдельного расследования // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3. С. 42–45.
6. *Грицаев С.И.* Криминалистические проблемы организационных функций следователя в расследовании: монография. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2006. – 136 с.
7. *Меретуков Г.М., Найденов А.С.* Организация планирования расследования убийств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 175–178.
8. *Грибунов О.П.* Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 146–154.
9. *Чиненов Е.В., Воронов С.С.* Информационные технологии в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 328–333.
10. *Чиненов Е.В., Чернышев С.А., Скоморохов О.Н., Симоненко Е.И., Безуглый В.И.* Современные технико-криминалистические средства, используемые в ходе расследования преступлений: Справочник. Белгород, 2019. – 136 с.

References

1. *Volchetskaya T.S.* Sovremennye napravleniya razvitiya kriminalistiki kak nauki i kak uchebnoi distsipliny [Modern trends in the development of criminalistics as a science and as a discipline]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]*, 2015, no. 1, pp. 349–353. (In Russian)
2. *Tolokonnikov V.K.* Aktual'ny'e voprosy' planirovaniya pri rassledovanii prestuplenij [Actual issues of planning in the investigation of crimes]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Right]*, 2014, no. 1(15), pp. 136–143. (In Russian)
3. *Makogon I.V., Kosareva L.V.* Kvalificirovannoe planirovanie – zalog uspešnogo rassledovaniya prestuplenij [Qualified planning – the key to successful investigation of crimes]. *Simvol nauki [Symbol of science]*, 2016, no. 1–3, pp. 155–158. (In Russian)
4. *Baskhanov R.R.* Planirovanie rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy'x v finansovo-kreditnoj sisteme [Planning the investigation of crimes committed in the financial and credit system]. Author. dis. cand. legal sciences. 12.00.12. Moscow, 2013. 27 p. (In Russian)
5. *Zelensky V.D., Ageev N.V.* O strukture organizacionnogo processa otdel'nogo rassledovaniya [On the structure of the organizational process of a separate investigation]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2019, no. 3, pp. 42–45. (In Russian)
6. *Gritsaev S.I.* Kriminalisticheskie problemy' organizacionny'x funkcij sledovatelya v rassledovanii: Monografiya [Criminalistic problems of organizational functions of an investigator in an investigation: Monograph]. Krasnodar, Kubanskij gos. agrarnyj un-t Publ., 2006. 136 p. (In Russian)
7. *Meretukov G.M., Naydenov A.S.* Organizaciya planirovaniya rassledovaniya ubijstv [Organization of murder investigation planning]. *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*, 2018, no. 5, pp. 175–178. (In Russian)
8. *Gribunov O.P.* Osobennosti planirovaniya rassledovaniya prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemy'x na transporte [Features of planning the investigation of crimes against property committed on transport]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal [Leningrad legal journal]*, 2016, no. 2(44), pp. 146–154. (In Russian)
9. *Chinenov E.V., Voronov S.S.* Informacionny'e tehnologii v sisteme kriminalisticheskogo obespecheniya raskry'tiya i rassledovaniya e'konomicheskix prestuplenij, sovershaemy'x na ob'ektax zheleznodorozhnogo transporta [Information technologies in the system of forensic support for disclosure and investigation of economic crimes committed at railway transport facilities]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2018, no. 4(44), pp. 328–333. (In Russian)
10. *Chinenov E.V., Chernyshev S.A., Skomorokhov O.N., Simonenko E.I., Bezugly V.I.* Sovremennyye texniko-kriminalisticheskie sredstva, ispol'zuemy'e v xode rassledovaniya prestuplenij: Spravochnik [Modern technical and forensic tools used in the course of crime investigation: Guide]. Belgorod, 2019. 136 p. (In Russian)

Трибуна вуза Юго-западный государственный университет

Уголовно-процессуальные основания освобождения от наказания в свете экономизации наказательной политики государства

Шевелева Светлана Викторовна

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020–0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

Цель: определить основания освобождения от наказания или отсрочки отбывания наказания, регламентированные исключительно уголовно-процессуальным законодательством, предложить пути совершенствования правоприменительной практики для экономии принудительных ресурсов государства.

Методология: использованы теоретические (анализ, дедукция, моделирование), эмпирические и библиометрические методы. Для выделения сугубо процессуальных оснований освобождения от уголовной ответственности использовался метод контент-анализа научных публикаций и судебной практики, а также корреляционный анализ при изучении судебной статистики.

Выводы: уголовно-процессуальные основания освобождения от наказания делятся на реабилитирующие и нереабилитирующие. Перечень реабилитирующих оснований закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве, поэтому на концептуальном уровне особых проблем не вызывает. Исчерпывающего перечня нереабилитирующих оснований освобождения от наказания в законе не предусмотрено. Большинство из таких оснований закреплены в УК РФ (преимущественно в главе 12 «Освобождение от наказания»), однако отдельные виды имеют исключительно уголовно-процессуальную природу. При этом установлено, что УПК РФ в части закрепления таких оснований крайне непоследователен, в отдельных случаях противоречив. В результате определены конкретные основания, не имеющие юридического закрепления в нормах материального права.

Научная и практическая значимость заключается в том, что на доктринальном уровне выявлены уголовно-процессуальные основания освобождения от наказания, а также представлены научно обоснованные предложения по улучшению качества уголовного и уголовно-процессуального закона в целях продолжения курса гуманизации, и как следствие, экономизации уголовно-правовых отношений.

Ключевые слова: экономизация, гуманизация, освобождение от наказания, реабилитация, обвинительный приговор.

Введение. В условиях экономического кризиса особую актуальность приобретают вопросы экономизации наказательной политики государства, что требует от законодателя и правоприменительной практики поиска новых подходов к сокращению

расходов на отрасль. С одной стороны, это возможно посредством сокращения уголовно-правовой репрессии, с другой – повышения эффективности уголовно-правовых средств, основанных на воздействии материального характера. В таком

аспекте институт освобождения от наказания требует более детального изучения.

Вопросы освобождения от наказания, как правило, рассматриваются в рамках уголовного права, что вполне справедливо, т.к. отказ государства от применения принуждения в отношении виного лица может основываться только на нормах материального права. В то же время отдельного внимания заслуживают так называемые «процессуальные основания освобождения», которые следует разделить на нереабилитирующие и реабилитирующие. В последнем случае у лица возникает право на реабилитацию в соответствии с главой 18 УПК РФ.

Результаты исследования практики правоприменения и норм законодательства. При освобождении вследствие реабилитации все права осужденного восстанавливаются в полном объеме.

Реабилитирующие основания следующие:

- вынесение оправдательного приговора;
- отказ государственного обвинителя от обвинения;
- отсутствие события преступления;
- отсутствие в деянии состава преступления;
- непричастность лица к совершенному преступлению;
- отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению (за исключением случаев возбуждения уголовного дела без заявления по причинам зависимости, беспомощности или иным причинам, когда потерпевший самостоятельно не может защищать свои права);
- отсутствие заключения суда в отношении спецсубъекта (Генеральный прокурор, Председатель Следственного Комитета, член Совета Федерации и т.д.).

Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (ч. 1 ст. 133 УПК РФ).

Возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования; конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества; штрафов и про-

цессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда; сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи. Требование о возмещении имущественного вреда разрешается судом в порядке, установленном п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ. Иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. Размер и основания компенсации морального вреда определяется по правилам, предусмотренным ст. 151, ч. ч. 1 и 3 ст. 1099, ст. ст. 1100, 1101 ГК РФ [5, с. 214].

В соответствии с ч. 1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, — за счет казны субъекта РФ или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Нереабилитирующими основаниями освобождения от наказания следует признать случаи, когда *постановляется обвинительный приговор с назначением наказания и с освобождением от его отбывания* (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) и *без назначения наказания* (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

При освобождении от отбывания наказания правоприменитель основывает свое решение на нормах материального права (например, ст. 80¹, 81, 82, 82¹, 83 УК РФ). Поэтому такие виды оснований являются уголовно-правовыми, уголовно-процессуальное право регламентирует исключительно процедурные вопросы. В то же время УПК РФ к случаям вынесения обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания относит *акт амнистии, освобождающий от наказания, изданный к моменту вынесения приговора* (п. 1 ч. 6 ст. 302 УПК РФ) и ситуации, когда *срок содержания под стражей поглотил размер наказания* (п. 2 ч. 6 ст. 302 УПК РФ). Такие основания можно отнести к процессуальным, несмотря на наличие коррелирующей нормы материального права (ст. 84 и 72 УК РФ соответственно) ввиду их прямого закрепления в уголовно-процессуальном законе.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о зачете времени пребывания под стражей в качестве меры пресечения, когда срок пребывания поглотил размер назначенного судом наказания. В 2018 г. в ст. 72 УК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми зачет времени содержания под стражей и домашнего ареста в качестве мер пресечения осуществляется по-разному при назначении

наказания. Так, время содержания под стражей засчитывается день за полтора дня лишения свободы в колонии общего режима или воспитательной колонии, один день за один день при назначении отбывания наказания в колонии строго или особого режима либо в тюрьме. Также при пересчете срока учитывается наличие рецидива и вид преступления (например, за преступления террористической направленности так называемый льготный режим пересчета, т.е. 1 за 1,5 дня не применяется). Данные изменения — один из шагов продолжающейся либерализации уголовного законодательства, однако не учтена была новая мера пресечения — запрет определенных действий, введенная в УПК РФ федеральным законом от 18 апреля г. 2018 № 72-ФЗ. Учитывая, что законодатель теперь по-разному учитывает время пребывания под стражей и иные меры пресечения, в научной литературе предлагаются вполне обоснованные предложения о необходимости учета поведения подозреваемого (обвиняемого) в период отбывания меры пресечения. «Недопущение нарушений порядка и условий исполнения мер принуждения в сочетании с активной позицией подозреваемого и обвиняемого, доказывающего свое примерное поведение, может быть предпосылкой для льготного исчисления срока мер пресечения при зачете наказания. В этой связи необходимо в ст. 72 УК РФ внести дополнения, устанавливающие зависимость получения льготного зачета наказания от поведения подозреваемого, обвиняемого при содержании его под стражей при применении к нему мер пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий» [3, с. 46].

Что касается ситуаций, когда выносится *обвинительный приговор без назначения наказания*, четкий перечень таких ситуаций ни в законе, ни в доктринальных источниках, ни в статистических данных не определен. Так, в статистических данных решения по осужденным, в отношении которых вынесен обвинительный приговор без назначения наказания, отнесены в группу «По приговору освобождено осужденных от наказания по другим основаниям». Например, в 2019 г. таких лиц освобождено 66018 человек. Отдельной строкой выделена группа «Освобождены от наказания осужденные, которым снижена категория тяжести совершенного преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ». Таких лиц только в 2019 г. было освобождено 65269 человек, 536 из которых несовершеннолетние (*Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции № 1 // [электронный ресурс] <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>*

(дата обращения: 20.09.2020)). Данные судебной статистики дают основание утверждать, что абсолютное большинство осужденных «без назначения наказания» — это лица, освобожденные от наказания в связи с изменением категории тяжести преступления.

Специалисты в области уголовного процесса выделяют следующие комбинации случаев постановления *обвинительного приговора без назначения наказания*: 1) применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему с направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием (ч. ч. 1, 2 ст. 432 УПК РФ); 2) освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ); 3) смерть обвиняемого (подсудимого), когда его родственники настаивают на производстве по уголовному делу, которое необходимо, по их мнению, для реабилитации умершего (если в этом случае основания для постановления оправдательного приговора отсутствуют) [10, с. 418–419]. В другом учебнике по уголовному процессу содержатся следующие основания: амнистия; применение к несовершеннолетнему принудительных воспитательных мер вместо наказания [7]. Отдельные ученые считают, что такая форма вынесения обвинительного приговора возможна при истечении сроков давности или применении мер воспитательного воздействия [6, с. 1430–1432].

Специалисты в области уголовного права чаще всего связывают такие ситуации с применением принудительных мер воспитательного характера [1, с. 20–22; 2, с. 13–15; 8, с. 192–193; 6, с. 1430].

Учитывая неопределенность уголовно-процессуального закона, по данному вопросу Пленум Верховного Суда РФ в свое время связал постановление приговора без назначения наказания с утратой общественной опасности деяния либо лица его совершившего (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7 (документ утратил силу)*). Действующее постановление высшей судебной инстанции, касающееся вопросов постановления приговора, не содержит указания на ситуации, связанные с вопросом постановления обвинительного приговора без назначения наказания (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1*).

В этой связи справедлив вывод И.Э. Звечаровского, указывающего на необходимость исключения из уголовно-процессуального закона понятия

обвинительного приговора без назначения наказания, т.к. во всех случаях провозглашения приговора без наказания речь идет об освобождении от отбывания наказания [4, с. 35–39]. Аналогичной точки зрения придерживаются ученые, специализирующиеся в области уголовно-процессуального права [9, с. 628].

Уголовно-процессуальное и уголовное законодательство предусматривает вопросы отсрочки исполнения приговора. К основаниям отсрочки уголовно-процессуальный закон относит (ст. 398 УПК РФ):

болезнь осужденного – до его выздоровления;

беременность осужденной, наличие у нее малолетнего ребенка, наличие у осужденного, являющегося единственным родителем, малолетнего ребенка – до достижения ребенком возраста четырнадцати лет;

тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные обстоятельствами личного или техногенного характера;

добровольное желание осужденного, больного наркоманией пройти курс лечения.

Беременность осужденной или наличие малолетнего ребенка как основание для отсрочки (п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ) коррелирует с нормой материального права (ст. 82 УК РФ). То же касается отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ и 82¹ УК РФ).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что нормы материального права в случае болезни осужденного признают такие ситуации основанием *освобождения* от наказания (ст. 81 УК РФ), но никак *не отсрочки* до выздоровления осужденного (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ). Однако анализ доктринальных источников и судебной практики показывает, что порядок медицинского освидетельствования по определению заболевания, препятствующего отбыванию наказания в соответствии нормами уголовно-процессуального законодательства, совпадает с процедурой признания осужденного больным, влекущим освобождение от наказания в соответствии со ст. 81 УК РФ. Кроме того, перечень заболеваний, также совпадает, т.к. медицинская комиссия основывает свое решение в соответствии с Перечнем заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденным Постановлением правительства РФ (*Постановление Правительства РФ от 06 февраля 2004 г. № «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью»* (ред. от 03.02.2020)).

Так, осужденная Орлова обратилась в суд с ходатайством об отсрочке исполнения наказания в связи с болезнью – до ее выздоровления. «Исследовав представленные документы суд пришел к выводу, что ее заболевания не входят в перечень препятствующих отбыванию наказания в виде лишения свободы. Осужденная получает лечение, ей рекомендовано лечение в специализированном ЛПУ в плановом порядке». В удовлетворении ходатайства осужденной было отказано (*Апелляционное постановление от 1 ноября 2016 года Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики. Дело № 22–859/2016 // [электронный ресурс] URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 02.09.2020)*).

Примечательно, что ученые и практикующие работники обращают внимание на то, что уголовно-процессуальный закон указывает лишь на наличие заболевания, препятствующее отбыванию наказания вплоть до выздоровления, поэтому связывать данный пункт (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ) с основанием освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью нельзя. Действительно, в случае освобождения от наказания решение медицинской комиссии должно основываться на Перечне заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденным Постановлением правительства РФ. Так, «Защитник – адвокат Германозашвили В.В. в интересах осужденного обратился с апелляционной жалобой, в которой просил постановление суда отменить, материал направить на новое судебное разбирательство ввиду неправильного применения уголовно-процессуального закона, поскольку статья 398 УПК РФ дает право суду отсрочить исполнение приговора на определенный срок, а не освободить от отбывания наказания, **для применения указанной статьи не должен применяться перечень болезней, наличие которых освобождает от дальнейшего отбывания наказания** (выделено авт.); судом первой инстанции было отказано в удовлетворении ходатайства о назначении комплексной судебно-медицинской и психолого-психиатрической экспертиз на предмет наличия заболеваний у осужденного». Суд указал: «Сведения о состоянии здоровья осужденного Соколенко И.С., зафиксированные в представленных с ходатайством медицинских документах, сами по себе не являются достаточным основанием для отсрочки исполнения приговора в связи с болезнью осужденного. Мнение защитника о том, что наличие такого заболевания подлежало установлению путем назначения комплексной судебно-медицинской и психолого-психиатрической экспертизы, не основано на нормах действующего закона. Перечень заболева-

ний, препятствующих отбыванию наказания, утвержден Постановлением Правительства РФ № 54 от 6 февраля 2004 г. Этим же постановлением утверждены правила проведения медицинского освидетельствования осужденных для установления наличия или отсутствия у них подобных заболеваний, согласно которым осужденные направляются на медицинское освидетельствование при наличии у них заболевания, включенного в перечень препятствующих отбыванию наказания, которое подтверждено клиническими данными обследования здоровья в условиях стационара лечебно-профилактического учреждения. Врачебной комиссией такого заболевания у осужденного Соколенко И.С. не установлено» (*Апелляционное постановление от 23.03.2019 Ивановского областного суда, Уголовное дело 22–430/2019 // [электронный ресурс] URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 02.09.2020)*). Обращает внимание тот факт, что указанный в решении суда нормативный акт прямо определяет ситуации, когда речь идет об уже отбывающем наказание осужденном, ходатайствующем об *освобождении* от наказания.

В другом уголовном деле осужденному Кравцову отказано в удовлетворении ходатайства об отсрочке наказания в связи с болезнью до его выздоровления. Суд указал, что осужденный к отбыванию наказания не приступил, соответствующего медицинского освидетельствования не проходил, поэтому не установлено, что его заболевание входит в Перечень заболеваний, препятствующих исполнению наказания. Апелляционная инстанция нарушений уголовного процессуального закона, влекущих отмену решения суда первой инстанции, не усмотрела (*Апелляционное постановление 13 января 2020 года Суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Дело № 22–14/2020 // [электронный ресурс] URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 02.09.2020)*). Однако в соответствии со ст. 299 УПК РФ одним из вопросов, разрешаемых судом при вынесении приговора, является вопрос о наличии основания для постановления приговора без назначения наказания, освобождения наказания или применения отсрочки отбывания наказания (ч. 8 ст. 299 УПК РФ).

В.И. Селиверстов вопрос об освобождении по болезни от наказания сравнивает «с птицей, которая машет крыльями, но никак не взлетит». По мнению ученого это связано с недостатками в законодательстве. «Например, в ст. 398 УПК РФ существует институт отсрочки исполнения наказания, которые мог бы применяться для лечения тех, кто серьезно болен, но чья стадия заболевания еще не дошла до той, что указана в постановлении

№ 54. Однако при этом отсутствуют механизмы контроля за поведением лиц, к которым применена такая отсрочка. В.И. Селиверстов считает целесообразным ввести институт условного освобождения по болезни, что снимет психологический барьер для судей при решении вопроса об освобождении», а, по мнению А.И. Музыканского, наличие заболевания не достигшего стадии освобождения по болезни, должно стать основанием для отсрочки от отбытия наказания, предусмотренной ст. 398 УПК РФ (*«Погублены правосудием»: совещание в аппарате УПЧ по проблеме освобождения смертельно больных заключенных // [электронный ресурс] // <http://zagr.org/1630.html> (дата обращения: 20.09.2020)*).

На наш взгляд, наличие заболевания у осужденного, ходатайствующего лишь об отсрочке отбывания наказания, нельзя связывать с заболеваниями, наличие которых является основанием для полного освобождения от наказания на основании ст. 81 УК РФ. Данный тезис подтверждается и данными судебной статистики, где освобождение по основаниям, изложенным в ст. 81 УК РФ и по основаниям, изложенным в ст. 398 УПК РФ даются отдельно. Так, в 2019 г. отсрочка исполнения приговора в связи с болезнью осужденного, тяжкими последствиями и другими исключительными обстоятельствами (п. 1, 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ) была предоставлена 460 осужденным (тогда как ходатайств заявлено 1392), по основаниям, изложенным в ст. 81 УК РФ освобождено от наказания 2817 осужденных (заявлено 8635 ходатайств) (*Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц): Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 20.09.2020)*).

Что касается основания для отсрочки наказания ввиду тяжких последствий или угрозы их возникновения (п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), то уголовный закон такого основания не содержит.

Следовательно, *исключительно процессуальными основаниями отсрочки исполнения приговора* следует признать болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, — до его выздоровления (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ) и тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, — на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев (п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ).

Итак, процессуальными основаниями освобождения от отбывания наказания (отсрочки отбывания наказания) следует признать *реабилитирующие* основания: вынесение оправдательного приговора; отказ государственного обвинителя от обвинения; отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; непричастность лица к совершенному преступлению; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению (за исключением случаев возбуждения уголовного дела без заявления по причинам зависимости, беспомощности или иным причинам, когда потерпевший самостоятельно не может защищать свои права); отсутствие заключения суда в отношении спецсубъекта (Генеральный прокурор, Председатель Следственного Комитета, член Совета Федерации и т.д.) и *нереабилитирующие*. Последние ввиду отсутствия четкого перечня в УПК РФ на доктринальном уровне понимаются по-разному. Данные официальной статистики также не дают четкого понимания какие основания освобождения

от отбывания наказания следует признавать исключительно процессуальными. На наш взгляд, это могут быть следующие ситуации:

- срок содержания под стражей совпал со сроком наказания;
- издан акт амнистии к моменту вынесения приговора;
- снижена категория тяжести совершенного преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ;

Помимо этого, следует выделить исключительно процессуальные основания *отсрочки исполнения наказания*: болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, — до его выздоровления (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ) и тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, — на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев (п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ).

Литература

1. Горшенин А.А. Возможно ли освобождение от уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда без назначения наказания? // Российский судья. 2011. № 12. С. 20–22.
2. Горшенин А.А. Освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 13–15.
3. Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. Зачет времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий в срок наказания в аспекте прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 45–50.
4. Звечаровский И.Э. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 35–39.
5. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. — 398 с.
6. Козубенко Ю.В. Основания освобождения от наказания при постановлении обвинительного приговора // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 97. № 12. — С. 1430–1442.
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М., 2014.
8. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В.; Предисл.: Бабаев М.М.; под науч. ред.: Пудовочкин Ю.Е. М.: Юрлитинформ, 2006. — 384 с.
9. Уголовный процесс / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. — 1015 с.
10. Уголовный процесс России. Особенная часть / под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2005. — 446 с.

References

1. Gorshenin A.A. Vozmozhno li osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti na osnovanii obvinitel'nogo prigovora suda bez naznacheniya nakazaniya? [Is it possible to be released from criminal liability on the basis of a guilty verdict of a court without imposing a penalty?]. *Rossiiskij sud'ya [Russian judge]*, 2011, no. 12, pp. 20–22. (In Russian, abstract in English)

2. Gorshenin A.A. Osvozhdenie ot nakazaniya nesovershennoletnih (st. 92 UK RF) [Release from punishment of minors (Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [The penal system: law, economics, management]*, 2012, no.1, pp. 13–15. (In Russian, abstract in English)
3. Dashin A.V., Malin P.M., Piven' A.V. Zacet vremeni sodержaniya pod strazhej, domashnego aresta i zapreta opredelennyh dejstvij v srok nakazaniya v aspekte progressivnyh sistem ispolneniya i otbyvaniya ugovolnyh nakazaniij i mer ugovolno-pravovogo haraktera [Offset of the time of detention, house arrest and prohibition of certain actions during the term of punishment in the aspect of progressive systems of execution and serving of criminal penalties and measures of a criminal legal nature]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2019, no. 1 (32), pp. 45–50. (In Russian, abstract in English)
4. Zvecharovskij I.E. Postanovlenie obvinitel'nogo prigovora bez naznacheniya nakazaniya (st. 92 UK RF) [Resolution of a guilty verdict without imposing a penalty (Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2016, no. 2, pp. 35–39. (In Russian, abstract in English)
5. Kabanova I.E. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' publicnyh Sub'ektov: voprosy teorii i praktiki: monografiya [Civil and legal responsibility of public entities: questions of theory and practice: monograph]. Ed. by M.A. Egorova. Moscow, Yusticinform Publ., 2018. 398 p.
6. Kozubenko Yu.V. Osnovaniya osvobozhdeniya ot nakazaniya pri postanovlenii obvinitel'nogo prigovora [Grounds for exemption from punishment in the case of a guilty verdict]. *Lex Russica [Russian Law]*, 2014, vol. 97, no. 12, pp. 1430–1442. (In Russian, abstract in English)
7. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. V.M. Lebedev. Moscow, 2014. (In Russian)
8. Andrienko V.A., Lesnichenko I.P., Pudovochkin Yu.E., Razumov P.V.; Predisl.: Babaev M.M. Ugolovnaya otvetstvennost': ponyatie, problemy realizacii i polovozrastnoj differenciacii [Criminal liability: the concept, problems of implementation and gender and age differentiation]. Ed. Yu.E. Pudovochkin. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 384 p. (In Russian)
9. Ugolovnyj process [Criminal procedure]. Eds. V.S. Balakshina, Yu.V. Kozubenko, A.D. Proshlyakova. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 1015 p. (In Russian)
10. Ugolovnyj process Rossii. Osobennaya chast' [The criminal process of Russia. Special part]. Ed. V.Z. Lukashevicha. Sankt Petersburg, 2005. 446 p. (In Russian)

ДОКТРИНА НЕВМЕНЯЕМОСТИ: ЭРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Назаренко Геннадий Васильевич

***Цель:** предлагаемая статья имеет целью устранение ошибок в учении о невменяемости, которые образуют массив доктринальных заблуждений.*

***Методология** данного исследования опирается на диалектическую логику, метод законодательно-текстологической интерпретации и апробированные инструментальные методы анализа доктринальных и законодательных текстов. Эрратологический аспект невменяемости недостаточно отражен в научной литературе и потому является перспективным направлением уголовно-правовых исследований, который имеет теоретическую и прикладную значимость.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование дает возможность рассмотреть типичные ошибки, которые имеют место в доктрине невменяемости и устранить их в процессе реализации предписаний, предусмотренных ст. 21 УК РФ, ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 81 УК РФ.*

***Ключевые слова:** невменяемость, экскульпация, виды невменяемости, количество и характер критериев, ошибки и заблуждения.*

Доктрина невменяемости, в отличие от других уголовно-правовых концепций, содержит множество ошибок, что позволяет выделить в ней эрратологический аспект и рассмотреть типичные ошибки, которые допускают исследователи проблем невменяемости.

До настоящего времени ряд авторов ошибочно отрицают невменяемость в качестве юридической категории, смешивают с медицинским понятием экскульпации, отождествляют эту юридическую категорию с психическим состоянием лица, совершившего общественно опасное деяние, либо с психическими расстройствами, которые лежат в основе невменяемости, рассматривают невменяемость как невиновное причинение вреда, выделяют несуществующие виды невменяемости, путаются в критериях и допускают другие ошибки, которые находят свое отражение в научной и учебной литературе по уголовному праву.

В литературе по актуальным проблемам уголовного права утверждается, что невменяемость — это состояние психики лица в момент совершения общественно опасного деяния, при котором оно не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (без-

действия) либо руководить ими вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния [1, с. 157].

В данном определении допущено три ошибки: во-первых, невменяемость (юридическая категория) напрямую отождествляется с состоянием психики (медицинская категория); во-вторых, невменяемость соотносится с моментом, а не временем совершения общественно опасного деяния; в-третьих, автор упускает из виду, что в законе (ч. 1 ст. 21 УК) в качестве одной из форм психического расстройства указано «иное болезненное состояние психики», а не болезненное состояние вообще.

Равным образом, является ошибочным отождествление невменяемости с психическим расстройством [2, с. 66]. Такой подход к невменяемости стирает различия между уголовно-правовыми и психиатрическими понятиями. При этом состояние невменяемости рассматривается с позиций судебной психиатрии как психическое расстройство, которое дает возможность поставить вопрос об экскульпации, то есть о признании лица неспособным действовать виновно.

Смещение юридических и медицинских понятий ведет к тому, что в научной литературе ошибочно утверждается, будто невменяемость — понятие медицинское и одновременно юридическое, поскольку все его критерии якобы имеют медицинский характер и одновременно это понятие юридическое, так как невменяемость предусмотрена Уголовным кодексом [3, с. 167]. Это более чем алогичное утверждение, тем не менее не подвергается критике.

С позиций уголовного права психические расстройства, исключаяющие вменяемость — это всего лишь уголовно-релевантные состояния психики, с которыми связана невменяемость, но не сама невменяемость. Категория невменяемости в уголовном праве служит для обозначения неспособности психически больного лица действовать осознанно и волимо и тем самым отвечать за содеянное.

Невменяемое лицо во время совершения общественно опасного деяния не обладает интеллектуально-волевыми потенциями субъекта преступления и неспособно действовать виновно. Вопреки этому очевидному факту отдельные авторы необоснованно полагают, что «невменяемость — это признанная судом невиновность» [4, с. 9–10], а также утверждают, что невменяемые лица невиновны и в силу этого не могут быть подвергнуты ответственности [5, с. 50]. Это означает, что невменяемость ошибочно рассматривается как частный случай невиновности.

Судебные психиатры (А.Н. Бунеев, Ц.М. Фейнберг) выделяют два вида невменяемости: 1) невменяемость в момент совершения преступления; 2) невменяемость после совершения преступления [6, с. 14]. Тезис о существовании двух видов невменяемости содержит, как минимум, три ошибки: во-первых, невменяемость во втором случае отождествляется с ненаказуемостью психически больных лиц; во-вторых, общественно опасные деяния невменяемых лиц рассматриваются как преступления; в-третьих, невменяемость соотносится с моментом, а не со временем совершения деяния, несмотря на прямое указание закона о темпоральных рамках общественно опасного поведения.

Расширительная трактовка невменяемости нашла свое отражение не только в учебниках по судебной психиатрии, но и в комментариях к Уголовному кодексу РФ. В частности, комментарий под редакцией Ю.Д. Северина содержит ошибочное утверждение о том, что лицо, совершившее преступление в состоянии вменяемости, впадает в состояние невменяемости в силу психического заболевания [7, с. 26]. Инерция ошибочных представлений о существовании двух видов невменя-

емости (во время и после совершения деяния) в новейшей литературе выступает в несколько обновленном виде как «последующая невменяемость», наступившая после совершения преступления [8, с. 183].

В современной юридической литературе ошибочно выделяется еще один вид невменяемости: так называемая «возрастная невменяемость», якобы предусмотренная ч. 3 ст. 20 УК РФ [9, с. 217]. При псевдоюридическом подходе к невменяемости упускается из виду отсутствие медицинского критерия в ч. 3 ст. 20 УК РФ и наличие в законодательной формуле критериев психического отставания, явно несовпадающих с критериями невменяемости. Попытка объявить несовершеннолетних, не имеющих психических расстройств и не подпадающих под юридический критерий невменяемости, является несостоятельной не только с точки зрения теории, но и практики, так как несовершеннолетние, имеющие отставание в психическом развитии, в отличие от невменяемых лиц, не подлежат принудительному лечению.

Что касается критериев невменяемости, закон (ч. 1 ст. 21 УК) содержит два критерия: медицинский и юридический. Медицинский критерий по своему характеру является качественным, поскольку указывает различные формы психических расстройств, а юридический критерий является количественным, так как характеризует степень (тяжесть) психического расстройства лица, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости. Тем не менее в юридической литературе неоднократно делались несостоятельные и методологически ошибочные попытки сократить [10, с. 72] или увеличить количество критериев невменяемости [11, с. 103–104], либо вообще обойтись без критериев, ограничившись психиатрическим диагнозом [12, с. 33].

С позиций диалектической философии категория «состояние», как таковая, будь то состояние невменяемости или вменяемости имеет две характеристики: качественную — в данном случае наличие психического расстройства, и количественную — степень выраженности психического расстройства. При этом оба критерия категории «состояние» соотносятся с периодом времени, в течении которого проявляется соответствующее состояние [13, с. 15–16]. Это означает, что состояние невменяемости имеет два обязательных критерия: качественный (медицинский) и количественный (юридический).

В этой связи особо отметим, что в юридической литературе выделяется третий критерий не-

вменяемости — темпоральный [14, с. 58]. Однако существование любых состояний во времени с позиций философии не является критерием невменяемости, поскольку выступает общим свойством всех состояний и не имеет уголовно-правовой специфики. Концепция невменяемости с одним критерием, тремя и четырьмя критериями не востребованы юридической практикой в силу своей непригодности для решения практических задач.

Не менее ошибочны односторонние трактовки критериев невменяемости. Отдельные психиатры объявляют оба критерия медицинскими, тенденциозно полагая, что буквальный текст закона не выходит за рамки медицинского понимания невменяемости [15, с. 14]. Юристы, в свою очередь, пытаются трактовать оба критерия невменяемости в качестве юридических, поскольку эти критерии дают возможность суду признать лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии тяжелого психического расстройства, невменяемым [16, с. 110].

Психолог О.Д. Ситковская ошибочно считает, что для установления невменяемости вполне

достаточен один критерий — психологический, поскольку он якобы дает возможность установить невменяемость [17, с. 13–14]. Такого рода попытки несостоятельны, так как проблема установления невменяемости является комплексной и не может быть решена путем психиатризации или психологизации уголовно-правовых категорий.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что эрратологический аспект доктрины невменяемости недостаточно исследован. Более того, даже явные ошибки и заблуждения не получили своей должной оценки в качестве ошибочных суждений и трактовок. Их выявление и устранение из научного оборота ведется от случая к случаю. Как результат, в научных публикациях, учебниках и пособиях по уголовному праву и комментариях к УК РФ типичные ошибки десятилетиями тиражируются и представляют собой эрратологическое поле уголовно-правовой доктрины. В этом плане соответствующий аспект института невменяемости представляет собой перспективное направление исследований, которое имеет как теоретическую, так и прикладную значимость.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. А.И. Подройкина. М.: Проспект, 2015. 560 с.
2. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: монография. СПб.: Лань, 2000. 188 с.
3. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М.: ЮНИТИ, 1998. 224 с.
4. Протченко Б.А. Принудительные меры медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 1979. 23 с.
5. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: ЛГУ, 1968. 128 с.
6. Судебная психиатрия / под ред. А.Н. Бунеева, Ц.М. Фейнберг. М.: ОГИЗ, 1936. 182 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.А. Северина. М.: Юрид. лит., 1984. 528 с.
8. Козлов А.П. Понятие преступления: Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.
9. Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Былина, 1999. 559 с.
10. Ситковская О.Д. Психологические основы уголовной ответственности. Баку: Билик, 1992. 110 с.
11. Богомяков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость // Советское государство и право. 1989. №4. С. 103–106.
12. Халецкий А. Вопросы вменяемости в уголовном законодательстве // Социалистическая законность. 1939. № 7. С. 33–35.
13. Сорокин Б.Ф. Категория «состояние» и связь состояний как предмет субстационального подхода: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998. 50 с.
14. Галкин В.В., Морозов В.И. К вопросу о критериях невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. (38). С. 52–58.
15. Случевский И.Ф. Понятие невменяемости // Тезисы докладов теоретической конференции по вопросам борьбы с общественно опасными деяниями несовершеннолетних и невменяемых. Л.: ЛГУ, 1956. С. 14–15.
16. Алексеев Н.С. Основы уголовного права ГДР. Л.: ЛГУ, 1960. 161 с.
17. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. М.: Книга по требованию, 2013. 70 с.

References

1. Aktual'nye problemy ugovnogo prava [Actual problems of criminal law]. Ed. A.I. Podrojkina. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 560 p. (In Russian)
2. Pavlov V.G. Sub'ekt prestupleniya i ugovnaya otvetstvennost': Monografiya [Subject of crime and criminal liability: Monograph]. Saint-Petersburg, Lan' Publ., 2000. 188 p. (In Russian)
3. Ivanov N.G. Anomal'nyj sub'ekt prestupleniya: problemy ugovnoj otvetstvennosti [Abnormal subject of crime: problems of criminal responsibility]. Moscow, YUNITI Publ., 1998. 224 p. (In Russian)
4. Protchenko B.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera [Forced measures of medical character]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1979. 23 p. (In Russian)
5. Lejkina N.S. Lichnost' prestupnika i ugovnaya otvetstvennost' [The identity of the offender and criminal liability]. Leningrad, LGU Publ., 1968. 128 p. (In Russian)
6. Sudebnaya psixiatriya [Forensic psychiatry]. Ed. A.N. Buneev, C.M. Fejnberg. Moscow, OGIZ Publ., 1936. 182 p. (In Russian)
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR [Commentary on the Criminal code of the RSFSR]. Ed. Yu.A. Severin. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984. 528 p. (In Russian)
8. Kozlov A.P. Ponyatie prestupleniya: Monografiya [The concept of crime: Monograph]. Saint-Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 819 p. (In Russian)
9. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal law of the Russian Federation]. Ed. V.P. Kashepov. Moscow, Bylina Publ., 1999. 559 p. (In Russian)
10. Sitkovskaya O.D. Psihologicheskie osnovy ugovnoj otvetstvennosti [Psychological bases of criminal responsibility]. Baku, Bilik Publ., 1992. 110 p. (In Russian)
11. Bogomyagkov Yu.S. Ugolovno-pravovaya nevmenyaemost' [Criminal law insanity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*, 1989, no. 4, pp. 103–106. (In Russian)
12. Haleckij A. Voprosy vmenyaemosti v ugovnom zakonodatel'stve [Questions of sanity in criminal law]. *Socialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*, 1939, no. 7, pp. 33–35. (In Russian)
13. Sorokin B.F. Kategoriya "sostoyanie" i svyaz' sostoyanij kak predmet substacional'nogo podhoda [The "state" category and the relationship of States as a subject of the substational approach]. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Moscow., 1998. 50 p. (In Russian)
14. Galkin V.V., Morozov V.I. K voprosu o kriteriyah nevmenyaemosti [To the question of the criteria of insanity]. *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]*, 2016, no. 4 (38), pp. 52–58. (In Russian)
15. Sluchevskij I.F. Ponyatie nevmenyaemosti [The concept of insanity]. In *Tezisy dokladov teoreticheskoy konferencii po voprosam bor'by s obshchestvenno opasnymi deyaniyami nesovershennoletnih i nevmenyaemyh [Abstracts of reports of the theoretical conference on combating socially dangerous acts of minors and the insane]*, Leningrad, LGU Publ., 1956. pp. 14–15. (In Russian)
16. Alekseev N.S. Osnovy ugovnogo prava GDR [Fundamentals of criminal law of the GDR]. Leningrad, LGU Publ. 1960. 161 p. (In Russian)
17. Sitkovskaya O.D. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza affekta [Judicial-psychological examination of affect]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013. 70 p. (In Russian)

ОБ УСИЛЕНИИ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ

Гребеньков Александр Александрович

***Цель:** выявить недостатки российского уголовного и иного законодательства, направленного на предотвращение незаконных деяний с использованием электронной цифровой подписи и предложить пути совершенствования его норм.*

***Методология:** системно-структурный, формально-логический и другие научные методы. Для выявления фактически реализовавшихся в реальной действительности угроз общественным отношениям, связанным с использованием квалифицированной электронной подписи (КЭП), применялся метод контент-анализа публикаций СМИ и судебной практики, а также метод кейс-стади.*

***Выводы.** В современной российской практике встречаются случаи незаконной выдачи и использования средств КЭП для незаконных действий с недвижимостью, осуществления регистрационных действий с юридическими лицами, которые впоследствии используются в качестве фирм-«однодневок» для осуществления операций по обналичиванию и отмыванию денег, осуществления мошеннических действий и уклонения от уплаты налогов.*

Законодательные органы принимают меры по предотвращению незаконных действий, связанных с использованием электронных подписей, однако без подкрепления их установлением уголовной ответственности за нарушения невозможно говорить об их эффективности.

Ввиду этого предлагается включение в Уголовный кодекс РФ норм, предусматривающих преступность и наказуемость следующих деяний: «неисполнение или ненадлежащее исполнение работником аккредитованного удостоверяющего центра своих обязанностей»; «создание и выдачу работником аккредитованного удостоверяющего центра средств электронной подписи ненадлежащим лицам»; «получение в целях использования либо использование средств электронной подписи ненадлежащим лицом».

***Научная и практическая значимость** заключается в анализе существующей криминальной ситуации, выявлении типичных видов посягательств, совершаемых с использованием электронной цифровой подписи, и предложениях по возможному совершенствованию уголовного законодательства, которые позволяют обеспечить достаточную степень защиты общественных отношений в условиях безбумажного документооборота.*

***Ключевые слова:** электронный документооборот, цифровое правительство, электронная подпись, мошенничество, кража, отмывание денег, фирмы-однодневки, удостоверяющие центры.*

***Введение.** В условиях цифровизации экономики в современной России все большее значение приобретает использование средств электронной подписи в рамках электронного документооборота [1]. В частности, широкое применение электронной подписи предусматривается программами создания в РФ «цифрового правительства» [2]. В настоящее время*

возможность использования электронной подписи получила и фактическое широкое распространение, признается законодательством и урегулирована правовыми актами, в частности Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Данный нормативный акт предусматривает использование трех видов электронной подписи:

1) простая электронная подпись — создается без использования криптографических средств. Данный вид электронной подписи является наименее защищенным от подделки и поэтому используется в основном во внутрикорпоративном документообороте, либо для дистанционного обслуживания клиентов — физических лиц наряду с прочими средствами идентификации пользователей;

2) неквалифицированная электронная подпись — создается с использованием криптографических средств. Используется технология шифрования с открытым и закрытым ключом, которая позволяет при проверке электронной подписи технически гарантировать выполнение следующих условий: документ не менялся с момента подписания и документ подписан лицом, имеющим доступ к сертификату (секретному) закрытого ключа, соответствующего общедоступному открытому ключу. Однако в этой схеме без дополнительных условий имеется «слабое звено»: необходимо как-то убедиться, что открытый ключ, которым проверяется подпись, выпущен именно контрагентом, подписавшим документ. Поэтому в документообороте такой вид подписи может использоваться только при условии предварительного заключения дополнительного соглашения, которое определяет процедуру обмена открытыми ключами, необходимую и достаточную с учетом конкретных взаимоотношений между контрагентами [3]. Ввиду этого данная схема преимущественно используется в гражданско-правовых отношениях между юридическими лицами, в том числе трансграничных;

3) квалифицированная электронная подпись (далее — КЭП) — также использует технологию шифрования с открытым и закрытым ключом, однако использует контролируемую государственными органами инфраструктуру подтверждения принадлежности открытых ключей. Обмен документами с КЭП осуществляется с использованием сертифицированных ФСБ России алгоритмов шифрования и хеширования (в частности, ГОСТ Р 34.10–2012), а выдачу сертификатов квалифицированных электронных подписей осуществляет только удостоверяющий центр, имеющий аккредитацию Минкомсвязи РФ.

Электронный документ, подписанный КЭП, в соответствии с законом является полностью равнозначным документу на бумажном носителе, подписанном собственноручной подписью, и может использоваться в любых правоотношениях. Документы, подписанные КЭП, принимаются всеми государственными органами, а также нота-

риусами и могут рассматриваться как основание для совершения различных действий, в том числе внесения изменений в государственные реестры (недвижимости, юридических лиц и так далее).

КЭП может выдаваться как юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, так и физическим лицам, не имеющим никакого специального юридического статуса.

Важной исследовательской задачей является определение возможных угроз для нормального порядка экономических и иных общественных отношений, связанных с возможностью использования КЭП вместо собственноручной подписи, и разработка путей противодействия данным угрозам, в том числе средствами уголовно-правового регулирования.

Результаты исследования практики правоприменения и норм законодательства. Юридической практике известны случаи получения и использования КЭП ненадлежащими лицами для совершения противоправных действий.

Так, в начале 2019 года житель Москвы обнаружил, что в квитанции на уплату коммунальных услуг за квартиру, полученную им по наследству, внезапно сменился плательщик. В ходе разбирательства выяснилось, что был оформлен договор дарения квартиры, который был принят Росреестром в качестве основания для внесения в государственный реестр недвижимости сведений о смене собственника недвижимого имущества. При этом личность и воля обеих сторон указанного договора была подтверждена квалифицированной электронной подписью.

Однако ни бывший собственник квартиры, ни новый ее владелец, согласно полученной от них информации, не доверяют которой оснований нет, не обращались в удостоверяющие центры за выдачей КЭП, и ничего не знают о совершенной сделке (См.: *Рассохин А. Электронная подпись оставила без квартиры / Коммерсантъ. 16 мая 2019 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3969174> (дата обращения: 05.02.2020)*).

Расследование этой ситуации еще не было завершено, однако наиболее вероятными являются три варианта:

1. В удостоверяющий центр были предоставлены поддельные документы, содержащие персональные данные собственника квартиры и лица, впоследствии получившего ее по договору дарения. При этом лица, осуществившие незаконные операции с квартирой, выдали себя за лиц, на чье имя выпущены сертификаты КЭП. Вина сотрудников удостоверяющего центра в этой ситуации отсутствует, поскольку у них имелись основания

считать обратившихся к ним лиц субъектами соответствующих персональных данных.

2. Имел место сговор между лицами, намеревавшимися осуществить незаконные операции с недвижимостью, и сотрудниками удостоверяющего центра, осуществившими выпуск сертификата КЭП без проведения полноценной процедуры установления личности.

3. Удостоверяющим центром не обеспечено соблюдение надлежащей процедуры выпуска сертификатов КЭП, включающей в себя удостоверение личности заявителя и подтверждение его правомочий, позволяющей не допустить выдачу сертификата ненадлежащему лицу. В частности, мог быть осуществлен дистанционный выпуск сертификата без личного контакта заявителя с сотрудником удостоверяющего центра, без осуществления процедуры проверки личности заявителя, обеспечивающей достаточную достоверность.

Возможность реализации последнего варианта была подтверждена экспериментально одним из СМИ: журналисты смогли получить КЭП на генерального директора издания лишь с использованием открытых данных организации и отсканированных документов (паспорта и СНИЛС), подвергшихся простейшей обработке в графическом редакторе. Фактически удостоверяющим центром не были выполнены даже простейшие процедуры, позволяющие оценить действительность представленных документов и подтвердить, что лицо, на имя которого выпускаются сертификаты КЭП, действительно выразило соответствующую волю (См.: *Гильмшина Ю. Продаем под электронный ключ правительство, коммерсантов, квартиры. Быстро, легко, дешево / 47News. 20 мая 2019 // URL: <https://47news.ru/articles/156549> (дата обращения: 05.02.2020)*).

Известно также достаточно большое число случаев, когда с использованием полученных вышеописанными способами сертификатов КЭП осуществляется регистрация юридических лиц. В дальнейшем эти юридические лица используются для осуществления операций по обналичиванию и отмыванию денег, а также используются в качестве фирм-«однодневок» для осуществления мошеннических действий и уклонения от уплаты налогов (См.: *Хабибрахимов А. Открывают фирмы для вывода денег и берут микрозаймы: для чего мошенники крадут электронные подписи и как защитить себя / Vc.ru. 9 августа 2019 // URL: <https://vc.ru/legal/74802-otkryvayut-firmy-dlya-vyvoda-deneg-i-berut-mikrozaymy-dlya-chego-moshenniki-kradut-elektronnye-podpisi-i-kak-zashchitit-sebya> (дата обращения: 05.02.2020)*).

Актуальность данных угроз была отмечена на уровне высших органов власти. Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 286-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»» было установлено, что осуществление регистрационных действий по отчуждению недвижимости на основании документов, подписанных КЭП, возможно только при условии, что заявителем, его законным представителем или представителем, действующим на основании нотариально удостоверенной доверенности лично или с использованием средств почтовой связи будет представлено соответствующее заявление на бумажном носителе с собственноручной подписью, за исключением КЭП, удостоверяющим центром по которым выступает Росреестр.

Также в конце 2019 года был принят Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», вступающий в силу с 1 июля 2020 года. Данный закон содержит следующие основные положения:

- в целом сохраняются действующие правила выдачи сертификатов КЭП и использования КЭП для физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, однако устанавливаются дополнительные требования к выпуску и использованию сертификатов КЭП для органов власти, их должностных лиц и нотариусов;
- повышаются требования к удостоверяющим центрам, в частности, связанные с финансовыми гарантиями их деятельности, устанавливаются положения о надзорных органах в сфере выдачи КЭП;
- устанавливается, что дистанционная идентификация заявителя (без его личного присутствия) осуществляется только с использованием информационных технологий, позволяющих обеспечить идентификацию его личности, в частности, действующего сертификата КЭП, либо с использованием систем биометрической идентификации личности.

В целом эти изменения направлены на противодействие обозначенным выше угрозам, однако имеются и положения спорного характера, в частности, норма о том, что участники электронного взаимодействия не вправе устанавливать иные, за исключением предусмотренных ФЗ «Об электронной

подписи», ограничения признания усиленной квалифицированной электронной подписи. Фактически принятие этого положения без дополнительных указаний (которые отсутствуют в законопроекте) будет означать, что дезавуируется предусмотренный Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 286-ФЗ порядок осуществления регистрационных действий по отчуждению недвижимости на основании документов, подписанных КЭП.

Несмотря на то, что данный документ уже получил окончательную форму опубликованного федерального закона, нельзя исключать его возможной коррекции в ходе весенней сессии Государственной Думы до его вступления в законную силу.

Выявленные угрозы. С учетом изложенного выше можно обозначить следующие основные угрозы, связанные с неправомерным получением и использованием средств электронной цифровой подписи, противодействие которым целесообразно осуществлять с применением средств уголовного правового регулирования.

Во-первых, это непосредственно противоправные действия, в качестве способа осуществления которых выступает использование сертификата КЭП, выданного на определенное лицо, без ведома этого лица. В числе основных таких действий можно назвать следующее:

1. Мошенничество (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ), в том числе мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ). Состав данного преступления будет иметься, если субъектом (субъектами) будут осуществлены такие действия, как заключение сделок по отчуждению имущества или имущественных прав, либо заключение иных сделок имущественного характера от имени лица, на которого выдан сертификат КЭП, без намерения выполнять обязательства по этим сделкам. Основным составообразующим признаком данного деяния выступает обман, который заключается в том, что мошенник выдает себя за другое лицо, уполномоченное совершать соответствующие сделки. Имущественный ущерб при этом причиняется добросовестному контрагенту по сделке, который рассчитывает на приобретение имущества законным путем или выполнение обязательства в обмен на предоставленные денежные средства. Ущерб также может причиняться собственнику или иному законному владельцу отчуждаемого имущества, если в результате мошеннической операции происходит государственная регистрация перехода прав на него.

Что касается мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ), которое, как указывается отдельными учеными, правильнее было бы называть мошенничеством с использованием цифровой информации [4], то сертификат КЭП, несомненно, относится к такой информации. Если имущественные операции осуществляются с использованием автоматизированных систем, в которые вводится сертификат КЭП, выданный на определенное лицо, без ведома этого лица, налицо будет состав данного преступления.

В случае, если речь идет о мошенничестве, совершенном лицом с использованием служебного положения, в крупном (более 250 тысяч рублей или более 3 миллионов рублей, если речь идет о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности) или особо крупном размере (более 1 миллиона и 12 миллионов рублей соответственно), совершенном организованной группой, либо связанном с лишением права гражданина на жилое помещение, то есть образующем тяжкое преступление, наказуемым является также приготовление к преступлению, то есть любые действия, направленные на создание его условий, в том числе связанные с получением сертификатов КЭП (сговор с сотрудником удостоверяющего центра, фактическое получение сертификата КЭП и т.д.). Приготовление к преступлению, в частности, будет образовывать совершение фиктивной безвозмездной сделки по передаче имущества или права на имущество постороннему лицу с целью затруднить последующее истребование имущества законным владельцем.

Наказуемым будет являться также покушение на преступление, то есть любая попытка использовать сертификат КЭП для удостоверения документов, необходимых для получения имущества или имущественных прав.

2. Кража (ст. 158 УК РФ). Сертификат КЭП, выданный на собственника или иного законного владельца имущества без его ведома, может использоваться для отчуждения данного имущества в пользу виновного или третьих лиц. В отличие от мошенничества, потерпевшим от которого будет являться добросовестный приобретатель, считающий, что имеет дело с законным собственником или владельцем имущества, здесь выгодоприобретателем является лицо, осведомленное о незаконном характере передачи имущества и участвующее в данной схеме с корыстными целями.

3. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173¹ УК РФ). Наказуемым является образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган,

осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах. Подставными лицами, в частности, являются лица, без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц. Следует отметить, что наказуемым в этом случае является только фактическое использование КЭП для подачи в регистрационные органы документов от имени подставного лица, а получение сертификата КЭП в этих целях, образующее приготовление к преступлению, остается безнаказанным, поскольку даже квалифицированный состав этого деяния является всего лишь преступлением средней тяжести.

4. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174, ст. 174¹ УК РФ), уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ) и иные преступления, для совершения которых могут использоваться зарегистрированные на подставных лиц юридические лица, созданные с использованием сертификата КЭП, полученного без ведома лица, на которого он выдан. В этом случае для совершения сделок и прочих финансовых операций от имени юридического лица также используется КЭП ее номинального руководителя.

Во-вторых, это действия, связанные с незаконным получением и использованием сертификата КЭП, который фактически выступает в роли официального документа, предоставляющего права. В рамках действующего уголовного законодательства подобные действия наказуемы только как приготовление или покушение на какое-либо преступление. В то же время, например, подделка паспорта или приобретение поддельного паспорта гражданина Российской Федерации в целях совершения тех же самых преступлений влекут за собой уголовную ответственность по ст. 327 УК РФ, причем эта ответственность является самостоятельной и не зависит от привлечения лица к ответственности за иное преступление. Так, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или

освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ. Имеются основания для установления ответственности за получение сертификата КЭП на третье лицо без ведома этого лица, поскольку он фактически аналогичен поддельному официальному документу, удостоверяющему личность.

В-третьих, это действия сотрудника удостоверяющего центра, выдавшего сертификат КЭП. Данные действия могут носить как умышленный характер при наличии сговора с лицом, получающим сертификат, так и представлять собой невыполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, связанных с установлением личности заявителя, вследствие легкомысленного или небрежного отношения к возможным последствиям. В первом случае они могут рассматриваться как пособничество в совершении преступления, однако при этом необходимо установить, что сотрудник удостоверяющего центра был осведомлен о характере деяния, которое намеревается совершить лицо, получающее сертификат. В случае установления ответственности за получение сертификата КЭП на третье лицо без ведома этого лица такие действия сотрудника удостоверяющего центра будут образовывать пособничество в совершении указанного преступления, совершенное с использованием служебного положения, ввиду чего в этом случае нет необходимости в самостоятельной криминализации таких действий. Во второй ситуации в настоящее время никакие меры уголовной ответственности к такому сотруднику применены быть не могут, поскольку единственной схожей по объективной стороне нормой является халатность (ст. 293 УК РФ), однако ее субъектом является должностное лицо, а не сотрудник коммерческой организации — удостоверяющего центра.

Не несут ответственности эти сотрудники и по ст. 201, 204 УК РФ, так как не являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Следует отметить, что Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ предусматривает, что работники аккредитованного удостоверяющего центра несут в том числе уголовную ответственность, однако не детализирует меры такой ответственности.

Выводы. С учетом изложенного выше, существующие меры уголовно-правового регулирования, направленные на противодействие угрозам, связанным с незаконным использованием электронной цифровой подписи, полученной без ведома лица, персональные данные которого она

удостоверяет, следует признать недостаточными и не удовлетворяющими потребности практики.

Выявленные пробелы уголовного законодательства можно ликвидировать путем включения в Уголовный кодекс следующих уголовно-правовых норм.

- Ст. 202¹ УК РФ «Неисполнение или ненадлежащее исполнение работником аккредитованного удостоверяющего центра своих обязанностей», предусматривающая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником аккредитованного удостоверяющего центра своих обязанностей по установлению личности заявителя вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Квалифицированными признаками данного деяния может выступать причинение особо крупного ущерба, а также тяжкие последствия, в том числе лишение права гражданина на жилое помеще-

ние. Установление наказания за данное деяние целесообразно осуществлять по аналогии со ст. 293 УК РФ.

- ч. 2.1 ст. 327 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание и выдачу работником аккредитованного удостоверяющего центра средств электронной подписи ненадлежащим лицам. Наказание за данное деяние должно соответствовать наказанию за подделку паспорта гражданина, ответственность за которую предусмотрена ч. 2 ст. 327 УК РФ.
- ч. 3.1 ст. 327 УК РФ, устанавливающей ответственность за получение в целях использования либо использование средств электронной подписи ненадлежащим лицом. Наказание за данное деяние должно соответствовать наказанию за приобретение либо использование паспорта гражданина, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Установление указанных мер ответственности позволит обеспечить должную защиту общественных отношений, связанных с использованием электронных цифровых подписей в условиях перехода к электронному документообороту.

Литература

1. *Вдовин С. А., Убоженко Е. В., Лобанова Е. И.* Опыт, проблемы и перспективы стратегий развития цифровой экономики в России и за рубежом // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2019. Т. 9. № 1–1. С. 573–582.
2. *Ирхин Ю. В.* «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // *Социологические исследования.* 2006. № 1. С. 77–92.
3. *Bluthe S. E.* Digital signature law of the United Nations, European Union, United Kingdom and United States: promotion of growth in e-commerce with enhanced security // *Richmond Journal of Law and Technology,* 2005, vol. 11, no. 2, pp. 6.
4. *Бегисhev И. Р.* Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2016. № 3. С. 112–117.

References

1. *Vdovin S. A., Ubozhenko E. V., Lobanova E. I.* Opyt, problemy i perspektivy strategij razvitiya cifrovoj jekonomiki v Rossii i za rubezhom [Formation of development strategies of the digital economy in Russia: review, experience, prospects]. *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow],* 2019, vol. 9, no. 1–1, pp. 573–582. (In Russian, abstract in English)
2. *Irhin Ju. V.* “Jelektronnoe pravitel’stvo” i obshhestvo: mirovye realii i Rossija (sravnitel’nyj analiz) [“E-government” and society: world realities and Russia (comparative analysis)]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Studies],* 2006, no. 1, pp. 77–92. (In Russian)
3. *Bluthe S. E.* Digital signature law of the United Nations, European Union, United Kingdom and United States: promotion of growth in e-commerce with enhanced security. *Richmond Journal of Law and Technology,* 2005, vol. 11, no. 2, pp. 6. (In English)
4. *Begishev I. R.* Nekotorye voprosy protivodejstvija moshennichestvu v sfere komp’juternoj informacii [Some issues of combating fraud in the field of computer information]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia],* 2016, no. 3, pp. 112–117. (In Russian)

«СОВЕРШЕНИЕ ЛИЦОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ» КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Лепина Татьяна Геннадьевна

Цель: исследовать признак «совершение преступления впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Среди исследователей и правоприменителей отсутствует единый подход к трактовке данного признака. Целью работы является определение содержания признака, заключенного в ст. 76² УК РФ – «совершение преступления впервые».

Методология: общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, структурно-логический метод, статистический и иные методы научного познания.

Выводы. Освобождение от уголовной ответственности лиц, в отношении которых ранее уже прекращалось уголовное дело или уголовное преследование по нереабилитирующим основаниям, представляется противоречащим принципу справедливости. Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности, уже допускало нарушение уголовного закона. Следовательно, оно не может быть признано совершившим преступление впервые. При принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности на основании статьи 76² УК РФ суду необходимо учитывать сведения о совершении им преступлений, предоставленные Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ и его структурными подразделениями при условии, что не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, установленные ст. 78 УК РФ.

Научная и практическая значимость: полагаем, что целесообразно отменять освобождение лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75–76² УК РФ (при условии, что не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности), если в отношении него вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу. В этом случае уголовное дело и уголовное преследование должно возобновляться.

Ключевые слова: судебный штраф, совершение преступления впервые, освобождение от уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности может быть обусловлено различными обстоятельствами. Под ними подразумеваются основания и условия, способные повлечь такое освобождение. Среди исследователей отсутствует единство в понимании соотношения данных понятий. Нередко наблюдается их отождествление: рассмотрение условий и оснований в качестве равноценных одноуровневых единиц. Помимо этого, существует мнение, согласно которому основание включает в себя условия, то есть они представляют собой целое и часть соответственно [3; 2, с. 117].

Полагаем, что следует согласиться с О.А. Владимировой, разделяющей понятия «основания» и «условия». Основание, по ее мнению, – это нечто главное, сущность чего-нибудь. Условие – это такое обстоятельство, от которого что-либо зависит, также это могут быть требования, которые необходимо принимать во внимание [2, с. 118]. Основание должно давать ответ на вопрос: почему лицо заслуживает освобождение от уголовной ответственности. По нашему мнению, ответом на такой вопрос могут быть обстоятельства, сопутствующие совершению преступления, личностные

характеристики преступника, оказание помощи потерпевшему, заглаживание причиненного вреда и возмещение ущерба и другое. В связи с этим, признак «совершение преступления впервые» не может рассматриваться в качестве основания применения такого освобождения [3, с. 73]. Хотя нельзя не отметить, что данное условие косвенно связано с личностными особенностями виновного (основанием), поскольку подчеркивает, что последний не является злостным преступником. В связи с этим, полагаем, что условия могут быть рассмотрены как составные части оснований либо как их производные.

Признак «совершение преступления впервые» трактуется по-разному как исследователями, так и правоприменителями. Безусловно, таковыми являются лица, которые ранее никогда не совершали общественно опасных деяний. Так, некоторые исследователи полагают, что совершение преступления впервые, это исключительно «вопрос факта, а не права» [12]. А.С. Бурцев и И.В. Миролюков предлагают рассматривать термин «впервые» применительно к ст. 76² УК как совершение лишь одного преступления. Они справедливо указывают, что законодатель устанавливает возможность прекращения уголовного преследования в отношении лиц, чье поведение обладает меньшей степенью общественной опасности. К последним не должны относиться граждане с устойчивой асоциальной направленностью, напротив, применение судебного штрафа допустимо лишь в отношении тех, кто совершил одно преступное деяние под влиянием стечения обстоятельств [1]. Однако распространена и другая точка зрения. К лицам, совершившим преступление впервые, помимо людей, фактически никогда ранее не нарушавших положения уголовного закона, традиционно относят тех, чья судимость была снята или погашена.

Кроме того, существуют и другие ситуации признания лица, совершающим преступление впервые, которые являются дискуссионными. Некоторые авторы полагают, что лиц, освобожденных по реабилитирующим основаниям, которые совершают новое преступление нельзя считать совершившими общественно опасное деяние впервые [11]. Другая группа ученых высказывает иное мнение. Они предлагают считать совершившими преступление впервые лиц, в отношении которых уголовное дело прекращалось по нереабилитирующим основаниям [4, с. 15; 7, с. 72; 10, с. 16].

Правоприменители также не демонстрируют единство мнений по данному вопросу. Исследователи приводят примеры, в которых некоторые судьи признавали лицами, впервые совершившими

преступления, виновных в совершении нескольких преступлений, но при этом осужденных впервые. Также рассматриваются и альтернативные случаи. Судьи посчитали, что лицо, неоднократно преступившее закон (хотя оно и не было осуждено ни за одно из деяний), не заслуживает освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, по мнению правоприменителей прекращение уголовного дела в этом случае невозможно [1].

Верховный Суд обозначил свою позицию по данному вопросу. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19.

(См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ «Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48, от 29 ноября 2016 г. № 56)» от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48, от 29 ноября 2016 г. № 56) // СПС «Консультант-плюс»), впервые совершившим преступление следует считать лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор, в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор, в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор, в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Получается, что из данного перечня исключен лишь рецидив, при этом наличие совокупности преступлений как вида множественности не препятствует признанию лица совершившим преступление впервые. Такая трактовка признака

«совершение преступления впервые» противоречит принципу целесообразности. В сущности, от уголовной ответственности освобождается лицо, совершившее преступление неоднократно, следовательно, демонстрирующее устойчивую тенденцию к общественно опасному поведению и нуждающееся в исправительном воздействии. Согласно типологии преступников, предложенной С.В. Корецким и В.А. Петковым, человек, совершивший несколько преступлений, является злым преступником и находится в устойчивой оппозиции к обществу [5, с. 53]. Полагаем, что эти люди не заслуживают того доверия, о котором свидетельствует освобождение их от наказания. В основе применения судебного штрафа лежит предположение, что эти лица уже встали на путь исправления самостоятельно и (или) не являются асоциальными личностями. Однако, если человек повторно совершает преступление, независимо от того подтверждено ли это приговором суда, вступившим в законную силу, едва ли можно говорить о личностной трансформации и стремлении к правопослушному поведению.

В связи с этим трактовка признака «совершение преступления впервые», которая предложена в рассмотренном выше Постановлении Пленума Верховного Суда, представляется противоречащей традиционному (в том числе криминологическому) толкованию данного понятия. Полагаем, она является производной п. 1 ст. 49 Конституции РФ: человек считается невиновным, пока вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Правоприменители вынуждены действовать с учетом этого положения законодательства. Хотя, по нашему мнению, такой подход противоречит природе института «судебный штраф» как привилегии, которую заслуживает не каждый человек, преступивший закон.

Некоторые авторы выступают противниками признания лицом, впервые совершившим преступление, того, кто уже ранее был освобожден от уголовной ответственности по статьям 75–76 УК РФ. Однако они указывают на единственное исключение. В качестве допустимого основания исследователи называют истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности [7, с. 72]. Разделяем данную точку зрения. Считаем крайне неверным освобождать от уголовной ответственности лиц, в отношении которых ранее прекращалось уголовное дело или уголовное преследование по нереабилитирующим основаниям.

Полагаем, что существует необходимость изменить редакцию ст. 76², а также статей 75–76¹ УК, дополнив их примечанием: «Лицо, ранее ос-

вобождавшееся от уголовной ответственности в соответствии со статьями 75–76² УК РФ, не может быть освобождено от уголовной ответственности в соответствии с настоящей статьей в течение двух лет после совершения преступления небольшой тяжести и в течение шести лет после совершения преступления средней тяжести». Эти сроки согласуются со сроками давности, указанными в ст. 78 УК РФ. Предложение подобного нововведения обусловлено необходимостью подчеркнуть то, что лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности, уже допускало нарушение уголовного закона. Следовательно, оно не может быть признано совершившим преступление впервые.

Исследователи предлагают варианты реализации такого подхода. Чтобы выявлять лиц, уже совершавших ранее преступления, по мнению А.Г. Маркелова, следует использовать статистические карточки правоохранительных органов. Человек, нарушивший положения уголовного законодательства, должен подлежать учету. Следовательно, в базах данных он будет фигурировать как субъект, когда-либо совершивший преступление [9, с. 106]. Н.В. Кузнецова считает целесообразной организацию учета информации о соответствующих лицах на федеральном уровне. Такие сведения, по ее мнению, должны храниться в течение определенного установленного срока. Это будет препятствовать отказу в возбуждении уголовного дела по различным основаниям, в том числе по нереабилитирующим (например, по ст. 78 УК РФ). По ее справедливому замечанию, люди, которые в соответствии с базами данных уже совершали общественно опасные деяния, не могут быть рассмотрены как совершившие преступление впервые [7, с. 73]. Однако, полагаем, что данное предложение повлечет дискуссии, так как его противники будут апеллировать к нарушению принципа презумпции невиновности. Действительно, с точки зрения закона таких людей нельзя считать виновными в совершении преступлений. Однако существование презумпции невиновности в первую очередь связано с необходимостью оградить невиновного человека от негативных последствий, притеснений, сложностей социальной интеграции, которые могут возникать при осуждении. Однако назначение судебного штрафа не предполагает осуждения. Следовательно, при освобождении от уголовной ответственности, которое является привилегией, не может идти речь о презумпции невиновности [6, с. 42]. Основание, предусмотренное

в ст. 76² УК, свидетельствует о том, что лицо не является закоренелым преступником и заслуживает привилегии в виде освобождения от уголовной ответственности. Признак «совершение преступления впервые» — это показатель, характеризующий личностные особенности виновного. Эта привилегия не должна предоставляться тем, кто преступал уголовный закон несколько раз. Соответствующее лицо не может быть случайным преступником. Возможно, даже относится к злостному типу. В связи с этим, его освобождение от уголовной ответственности может причинить вред объектам уголовно-правовой охраны. В результате необоснованное поощрение может трансформироваться в безнаказанность. У преступника может сложиться впечатление, что он и дальше может нарушать закон, избегая привлечения к уголовной ответственности. Так, необоснованно проявленное снисхождение может навредить как самому виновному лицу, подтолкнув его на криминальный путь, так и всему обществу в целом.

Законодательное закрепление необходимости учета сведений о том, что лицо ранее совершало общественно опасные деяния при отсутствии вступившего в законную силу обвинительного приговора, может повлечь определенные сложности и (как посчитают некоторые исследователи и праведы) вступить в противоречие с Конституцией РФ. В связи с этим, возможность закрепления подобной рекомендации в положениях законодательства представляется маловероятной. Однако, полагаем, обращение к соответствующим данным позволит получить объективную информацию о личностных характеристиках и криминальной направленности человека (либо об отсутствии таковой). Именно эти сведения должны лежать в основе принятия судьей решений о целесообразности освобождения виновного от уголовной ответственности. Думается, подобное разъяснение могло бы быть учтено в тексте упомянутого выше Постановления. Его текст должен быть существенно переработан. Так, например, предлагаем исключить из п. 16.1 предложение: «Совершение таким лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76² УК РФ». Также считаем целесообразным дополнить данное постановление пунктом 16.3 в следующей редакции: «При принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности на основании статьи 76² УК РФ суду необходимо учитывать сведения о совершении им преступлений, предоставленные Главным инфор-

мационно-аналитическим центром МВД РФ и его структурными подразделениями, при условии, что не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, установленные ст. 78 УК РФ».

Кроме того, возникает вопрос, как следует поступать, если освобождение от уголовной ответственности уже произошло, поскольку предполагалось, что лицо совершило преступление впервые, но впоследствии открылся факт неоднократного преступного поведения. Полагаем, вынесение обвинительного приговора в отношении освобожденного от уголовной ответственности в соответствии со ст. ст. 75–76² УК должно повлечь отмену такого освобождения. В новых обстоятельствах уголовное преследование следует продолжить. По нашему мнению, лицо, преступившее закон неоднократно, не заслуживает льгот и привилегий. Предлагаем учитывать сроки давности освобождения от уголовной ответственности. В случае, если освобождению подлежало лицо, виновное в совершении преступления небольшой тяжести, отмена такого освобождения возможна в течение двух лет. Аналогичный подход предлагаем применять к лицам, виновным в совершении преступлений средней тяжести. Для них срок отмены освобождения от уголовной ответственности следует установить в 6 лет.

В соответствии с п. 1 ст. 50 Конституции РФ, никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление, но в данном случае не происходит нарушение этого принципа. Виновный в рассматриваемой ситуации не является осужденным. Напротив, он освобождается от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Считаем отмену полученной преступником привилегии в некоторых случаях допустимой. Выяснение факта неоднократного совершения общественно опасных деяний означает, что виновный не заслужил оказанного доверия, демонстрирует асоциальную направленность. Привлечение такого лица к уголовной ответственности согласуется с принципом справедливости. Следовательно, льгота в виде освобождения от уголовной ответственности в подобных обстоятельствах должна подлежать отмене.

В связи с вышесказанным предлагаем дополнить ст. 76² примечанием 2: «Освобождение лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75–76.2 УК РФ подлежит отмене (при условии, что не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности), если в отношении него вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу. В этом случае уголовное дело и уголовное преследование возобновляется».

Литература

1. Бурцев А.С., Миронюк И.В. Судебный штраф: критический очерк // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С.126–129.
2. Владимирова О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тольятти, 2015. 212 с.
3. Джамалдаев М.Э.У. Понятие основания и условия освобождения от уголовной ответственности // Вестник Краснодарского университета УВД России. 2009. № 4. С. 71–74;
4. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. М.: Юнити-Дана, 2004. 231 с.
5. Корецкий С.В., Петьков В.А. Критерии разграничения типологии личности преступников // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 1. С. 48–58.
6. Кострова М.Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: новая норма – старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 36–42.
7. Кострова М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление», в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex Russica. 2015. № 8 (Том CV). С. 70–83.
8. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90
9. Маркелов А.Г. Новый доказательственный компромисс в уголовном процессе России: «заплати и спи спокойно» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 105–109.
10. Новиков В.А. Освобождение от уголовной ответственности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Краснодар, 2003. 22 с.
11. Пляскас В.Ч. Уголовная ответственность и освобождение от нее: учебное пособие. Минск, 1988. 64 с.
12. Солоницын П.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: сущность и проблемы применения // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 4 (22). С. 63–67.

References

1. Burcev A.S., Mironyuk I.V. Sudebny'j shtraf: kriticheskij ocherk [Judicial fine: a critical essay]. *Nauka i obrazovanie: hoz'yajstvo i e'konomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management], 2017, no. 2 (81), pp. 126–129. (In Russian, abstract in English)
2. Vladimirova O.A. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti v svyazi s primirenem s poterpevshim [Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim]. Dis. ... kand. yurid. nauk. Tolyatti, 2015. 212 p.
3. Dzhamaldaev M.E.U. Ponyatie osnovaniya i usloviya osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti [The concept of the ground and condition for exemption from criminal liability]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta UVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the MIA of Russia], 2009, no. 4, pp. 71–74. (In Russian, abstract in English)
4. Endol'tseva A.V. Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti: problemy' i puti ix resheniya: Monografiya [Institution of exemption from criminal liability: problems and ways to solve them: Monograph]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2004. 231 p. (In Russian)
5. Koreczkij S.V., Pet'kov V.A. Kriterii razgranicheniya tipologii lichnosti prestupnikov [Criteria for distinguishing the typology of criminal personalities]. *Vestnik po pedagogike i psixologii Yuzhnoj Sibiri* [Bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia], 2015, no. 1, pp. 48–58. (In Russian)
6. Kostrova M.B. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: novaya norma – stary'e negativny'e tendencii pravoprimereniya [Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine: a new norm – old negative trends in law enforcement]. *Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 2, pp. 36–42. (In Russian)
7. Kostrova M.B. Termin "liczo, v pervy'e sovershivshee prestuplenie", v kontekste vzaimosvyazi ugovolnogo i iny'x otraslej rossijskogo prava [The term "person committed a crime for the first time" in the context of

the relationship between criminal and other branches of Russian law]. *Lex Russica*, 2015, no. 8 (Vol. CV), pp. 70–83. (In Russian)

8. *Larina L.Yu.* Ponyatie licza, vpervy'e sovershivshogo prestuplenie [The concept of a person who first committed a crime]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*, 2014, no. 1, pp. 87–90. (In Russian, abstract in English)

9. *Markelov A.G.* Novy'j dokazatel'stvenny'j kompromiss v ugovnom processe Rossii: "zaplati i spi spokojno" [New evidence of compromise in criminal proceedings of Russia: "Pay and Sleep"]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kasan Law Institute of MIA of Russia]*, 2017, no. 2 (28), pp. 105–109. (In Russian, abstract in English)

10. *Novikov V.A.* Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti [Exemption from criminal liability]. 12.00.08. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2003. 22 p. (In Russian)

11. *Plyaskas V.Ch.* Ugolvnaya otvetstvennost' i osvobozhdenie ot neyo: Uchebnoe posobie [Criminal liability and exemption from it: Textbook]. Minsk, 1988. 64 p. (In Russian)

12. *Solonicyn P.S.* Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: sushhnost' i problemy' primeneniya [Exception from criminal liability by imposing court fines: essence and problems of application]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara law institute]*, 2016, no. 4 (22), pp. 63–67. (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ФСИН РОССИИ В ПОДЧИНЕНИЕ МВД РФ

Тарыкин Владимир Константинович,
Шахбазов Рамиз Физулиевич

Цель: объяснить на основании представленных аргументов и статистических данных возможные последствия включения Федеральной службы исполнения наказаний в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Методология: анализ, абстрагирование, синтез, дедукция и индукция.

Выводы. вопрос передачи ФСИН России в подчинение МВД должен стать предметом широкого обсуждения общественности, по итогам которого может быть принято взвешенное решение, в полной мере отражающее положение сотрудников и осужденных. После этого изменится отношение общества к пенитенциарным учреждениям и, соответственно, степень их привлекательности для тех высококвалифицированных специалистов, которые рассматривают возможность поступления на службу в эти учреждения.

Научная и практическая значимость: проведенное исследование позволяет избежать негативных последствий включения Федеральной службы исполнения наказаний в Министерство внутренних дел Российской Федерации, в частности, злоупотребления должностными полномочиями.

Ключевые слова: МВД, ФСИН, правоохранительные органы, оперативно-розыскная деятельность, СИЗО, уголовный розыск, осужденные, лишение свободы, Российская Федерация, должностные полномочия.

Федеральная служба исполнения наказаний

Федеральная служба исполнения наказаний (сокращенное наименование – ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции:

1) функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных;

2) функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию;

3) функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений.

Деятельность Федеральной службы исполнения наказаний обусловлена выполнением следующих задач:

1) исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовных наказаний, содержание под стражей лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых (далее – лица, содержащиеся под стражей);

2) контроль за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений;

3) контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания;

4) обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

5) обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказа-

ния в виде лишения свободы или в виде принудительных работ (далее — учреждения, исполняющие наказания), и в следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов;

б) охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, по установленным маршрутам конвоирования, конвоирование граждан Российской Федерации и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства в случае их экстрадиции;

7) охрана психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, обеспечение безопасности находящихся на их территориях лиц, сопровождение и охрана лиц, которым назначено принудительное лечение в указанных больницах (стационарах), при переводе их в другие аналогичные больницы (стационары), а также в случае направления их в иные учреждения здравоохранения для оказания медицинской помощи;

8) создание осужденным и лицам, содержащимся под стражей, условий содержания, соответствующих нормам международного права, положениям международных договоров Российской Федерации и федеральных законов;

9) организация деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации;

10) управление территориальными органами ФСИН России и непосредственно подчиненными учреждениями и организациями

Суть реформы

На сегодняшний день не теряют своей актуальности дискуссии относительно реформы, связанной с включением ФСИН в структуру Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Отношение к потенциальному нововведению в системе правоохранительных органов является неоднозначным.

Рассматриваемая в настоящей статье реформа, по сути, подразумевает слияние под одним системным руководством органов уголовного розыска, следствия и органов, осуществляющих профессиональную деятельность по исполнению уголовных наказаний.

Противники включения ФСИН в структуру МВД опасаются возврата к временам следственного произвола, которые увековечились в советском прошлом нашего государства.

Так, в 1930 году создано *Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУИТЛ)*, в 1934-м в его состав вошло *Главное управление лагерей (ГУЛаг)*. В подчинение ему передали все исправительно-трудовые учреждения Наркомата юстиции РСФСР.

Наркомату подчинялось и само ГУИТЛ. Но при этом следует помнить, что существовавший в то время Наркомат юстиции представлял в основном Генеральный прокурор СССР или главный государственный обвинитель.

В 1946 году ГУИТЛ вошло в состав МВД СССР.

В 1953 году пенитенциарная система вновь оказывается в Минюсте, но ненадолго.

В 1954 году тюремная система вновь попадает в ведение МВД.

До 1998 года ведомство не раз переименовывали, в частности: в Главное управление по исправительным делам, Службу по исправительным делам и социальной реабилитации, Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) и т. д.

В 1998 году ГУИН передали Минюсту.

В 2004 году ГУИН преобразовано в Федеральную службу исполнения наказаний.

По состоянию на 1 ноября 2018 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 571 007 чел. (–31 169 чел. к 01.01.2018), в том числе:

– в 707 исправительных колониях отбывало наказание 467 910 чел. (–27 106 чел.), в том числе:

в 123 колониях-поселениях отбывало наказание 34 536 чел. (–277 чел.);

в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы отбывало наказание 2 014 чел.;

– в 212 следственных изоляторах и 97 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось – 100 511 чел. (–3 825 чел.);

– в 8 тюрьмах отбывало наказание 1 268 чел. (–161 чел.);

– в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 318 чел. (–77 чел.).

В учреждениях содержится 45 675 женщин (–2 057 чел.), в том числе 36 546 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9 129 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях.

При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 470 детей.

Дольше всего — еще с советских времен — функции исполнения наказаний лежали в плоскости задач МВД. К данной практике теперь и планируется возврат.

Сотрудники полиции уверяют, что если тюрьма будет в их ведении, то это позволит резко повысить раскрываемость преступлений.

Открытые статистические данные Генпрокуратуры России говорят о том, что в среднем у нас в стране за год совершается около двух миллионов преступлений. Когда УИС была в составе МВД, нераскрытых преступлений было примерно миллион.

За 2017 год было насчитано 886786 нераскрытых преступлений, а за период времени с января по ноябрь 2018 года эта цифра составила 659958 преступлений ([http // genproc.gov.ru](http://genproc.gov.ru) (дата обращения: 02.12.2019)).

Допустимо полагать, что следствие и исполнение наказания не должны находиться в руках у одного ведомства, поскольку это может образовывать почву для злоупотреблений должностными полномочиями со стороны сотрудников правоохранительных органов, и это, в свою очередь, негативно скажется на качестве расследования уголовных дел.

На сегодняшний день следователь проходит в СИЗО на тех же правах, что и адвокат. Представитель стороны обвинения вынужден сдать оружие и прочие запрещенные предметы на КПП, его общение с заключенным проводится в следственном кабинете, рядом с которым дежурят сотрудники изолятора, которые через специальные окошки в двери следственных кабинетов могут видеть, но не слышать, о чем идет разговор. При этом они всегда готовы вмешаться и прервать встречу в случае чрезвычайных происшествий.

Как пример можно привести случай из практики одного из авторов данной статьи (Тарыкин В.К.).

Так, молодой следователь ознакомился с материалами уголовного дела заключенного в следственном кабинете СИЗО. На некоторое время он отвлекся, открывая форточку и в данный момент «арестант» мгновенно воспользовался этим, вырвал из дела важный документ и попытался его съесть.

Профессиональные действия младшего инспектора дежурного у следственных кабинетов не позволили завершить задуманное подследственным. Следователь находился в гневе, но никаких противоправных действий с его стороны в отношении заключенного не совершалось, поскольку находился в окружении сотрудников иного ведомства.

В 90-е годы Российская Федерация приняла на себя ряд обязательств в рамках ООН и Совета Ев-

ропы «по построению демократии» о проведении политических, правовых и экономических реформ и о присоединении к международным инструментам, касающимся защиты прав человека.

В заключении Парламентской ассамблеи Совета Европы от 25 января 1996 года также было закреплено обязательство, согласно которому, «управление пенитенциарных учреждений и надзор за исполнением наказаний будут переданы в компетенцию Министерства юстиции».

Впоследствии после вступления России в Совет Европы это требование было расценено как выполненное. Также этот вопрос был оценен Комитетом ООН против пыток.

Кроме того, пункт 71 Европейских тюремных правил гласит: «За пенитенциарные учреждения должны отвечать органы государственного управления, не подчиненные военному ведомству, полиции или ведомству уголовного расследования».

Однако сегодня есть только один аргумент в пользу передачи пенитенциарной системы в ведение МВД, который связан с улучшением материального положения, поскольку зарплата в полиции больше, а социальные гарантии — выше. Впрочем, никто не мешает распространить такие же гарантии на сотрудников ФСИН России.

Аргументы против реформы

Тем не менее, аргументов против намного больше.

1. Ведомство, которое розыскивает преступников и расследует преступление, не должно заниматься их содержанием и исполнением наказания. Иначе весь срок нахождения в СИЗО и в ИК превратится в процесс получения явок с повинной.

2. Такой этап уголовно исполнительная система уже проходила, когда подследственные писали явки с повинной с целью подольше задержаться в СИЗО, а осужденные — с целью чтобы их этапировали из исправительной колонии в СИЗО.

В данный период времени главной задачей оперативных аппаратов СИЗО было оказание помощи сотрудникам уголовного розыска МВД в раскрытии преступлений, аналогичных совершенному подозреваемым, обвиняемым или осужденным, а также нераскрытых преступлений прошлых лет [1, с. 566]. Обеспечение безопасности самих учреждений уходило на второй план.

Если возобновить данную стратегию работы оперативных работников уголовно-исполнительной системы, у следователей и оперативников увеличится вероятность злоупотребления ими своих должностных полномочий в СИЗО, поскольку будет приобретено еще большее, чем сейчас влияние на внутреннюю жизнь места содержания под стражей.

2. Подбор сотрудников, их обучение и достижения ими тех высоких стандартов, которым должен соответствовать персонал пенитенциарных служб, являются первоочередными задачами пенитенциарной администрации.

В 1998 году, когда массовые сокращения сотрудников МВД и ФСИНа еще никому и не снились, процесс кадровой стабилизации после передачи пенитенциарки из МВД в Минюст занял 2–3 года.

Как правило, под сокращение «попадают» наиболее опытные сотрудники, которые достигли пенсионной выслуги. Учитывая, что в УИС выслуга лет рассчитывается – один день службы за 1,5 дня, то в 40–42 года сотрудник имеет право на пенсию.

Сейчас, после массовых сокращений личного состава, этот процесс в случае передачи пойдет еще тяжелее, и займет гораздо больше времени.

3. В Минюсте и ФСИНе накоплен значительный опыт применения Европейских пенитенциарных правил и исполнения решений Европейского Суда по правам человека. В МВД такого опыта, к сожалению, нет.

4. Передача ФСИНа МВД еще на неопределенный срок отодвинет создание Службы пробации. Сегодня во ФСИНе существует понимание

того, что такая Служба должна быть создана путем преобразования и расширения уголовно-исполнительной инспекции. Однако представить себе структуру МВД, занимающуюся социальной реабилитацией, можно с большим трудом.

Еще труднее представить, что МВД будет исполнять наказания, не связанные с изоляцией от общества. В настоящее время исполнение альтернативных видов наказаний возложено на уголовно – исполнительные инспекции (УИИ). По официальным данным ФСИН России, в 2017 году их количество составляло 1429 (<http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 29.11.2018)).

В качестве показателей рассмотрим характеристики лиц, состоящих на учете в УИИ за период с 2010 по 2016 год. Данные для анализа брались из статистических материалов и аналитических докладов, размещенных на сайте ФСИН России (<http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 29.11.2018)).

В табл. 1 приведены статистические данные для анализа характеристики лиц, состоящих на учете в УИИ (<http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 29.11.2018)).

Таблица 1

Годы	2010		2016	
	Показатели	Кол-во	Доля, %	Кол-во
Прошло по учетам в отчетном периоде, всего лиц	1052492	100	871786	100
Снято с учета в связи с осуждением за новое преступление, всего лиц	18207	1,73	10652	1,22
Состоит на учете на конец отчетного периода, всего лиц, из них:	491257	100	423092	100
– осужденных условно	425179	86,55	261359	61,77
– осужденных к исправительным работам	29211	5,95	24324	5,75
– осужденных к обязательным работам	18822	3,83	39344	9,30
– осужденных к ограничению свободы	6444	1,31	28161	6,66
– осужденных к лишению права занимать должности и деятельности	20481	4,17	96939	22,91
– осужденных с отсрочкой отбывания наказания (ст. 82 и ст. 82.1 УК РФ)	7888	1,61	6822	1,61
– осужденных к штрафам, лечению и подозреваемых на домашнем аресте	0	0,00	5800	1,37

Анализ данных табл. 1 позволяет сделать следующие выводы:

1) отмечается общая тенденция снижения количества лиц, прошедших по учетам в УИИ и снятых с учета в связи с осуждением за новое преступление и существенные количественные и качественные изменения лиц, состоящих на учете в УИИ;

2) уменьшилось: количество осужденных условно в 1,6 раза и их доля с 86,55% до 61,77%; количество осужденных к исправительным работам уменьшилось в 1,2 раза и их доля 5,95% до 5,75%;

количество осужденных с отсрочкой отбывания наказания (ст. 82 и ст. 82.1 УК РФ) в 1,2 раза при сохранении доли 1,61%;

3) увеличилось количество осужденных к обязательным работам в 2 раза и их доля возросла с 3,83% до 9,30%; количество осужденных к ограничению свободы увеличилось в 4,4 раза и их доля возросла с 1,31% до 6,65%; количество осужденных к лишению права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью увеличилось в 4,7 раза и их доля возросла с 4,17% до 22,91%;

4) на учете в УИИ появилось 5800 (доля 1,37%) лиц, осужденных к штрафам, обязательному лечению и реабилитации, подозреваемых (обвиняемых) с мерой пресечения в виде домашнего ареста.

* * *

Следует отметить, что в любом случае вопрос передачи ФСИН России в подчинение МВД должен стать предметом широкого обсуждения

общественности, по итогам которого может быть принято взвешенное решение, в полной мере отражающее положение сотрудников и осужденных.

После этого изменится отношение общества к пенитенциарным учреждениям и, соответственно, степень их привлекательности для тех высококвалифицированных специалистов, которые рассматривают возможность поступления на службу в эти учреждения.

Литература

1. Засорина А.И. Современное состояние уголовно-исполнительной системы РФ // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 3 (30). С. 564–567.

References

1. Zazorina A.I. *Sovremennoe sostoyanie ugovovno-ispolnitel'noy sistemy RF* [Current state of the Russian penal system]. *Alleya nauki [Alley of Science]*, 2019, vol. 2, no. 3 (30), pp. 564–567. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Локтионова Елена Александровна

Цель: рассмотреть вопросы, касающиеся правонарушающего поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, проведен анализ преступлений, связанных и не связанных с исполнением служебных обязанностей с целью выявления, и анализа факторов, препятствующих эффективному выполнению служебных обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Методология: наряду с общенаучными применялись криминологические методы исследования, в частности при сборе эмпирического материала, проанализирована информация официального характера, размещенная в сети Интернет, в том числе статистические данные. Проведен опрос сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы с использованием метода анонимного анкетирования, проводилось интервьюирование.

Выводы. Предлагается расширить границы криминологических пенитенциарных исследований с целью внедрения полученных результатов в процесс совершенствования имеющихся форм и методов работы с личным составом учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере формирования правопослушного поведения сотрудников.

Научная и практическая значимость. Представленная информация может быть использована при изучении курса «Пенитенциарная криминология», а также при разработке мер, направленных на профилактику правонарушающего поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная криминология, сотрудник, служба, пенитенциарная преступность, должностная преступность, служебная дисциплина, правонарушение, профилактика, профессиональная деформация.

Криминологическая составляющая в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы играет немаловажную роль. По-сути, это часть внешнего облика уголовно-исполнительной системы, ее имиджа, авторитета в обществе и среди иных правоохранительных структур. Действия правонарушающего характера сотрудников уголовно-исполнительной системы условно можно разделить на те, которые связаны с непосредственным исполнением служебных обязанностей, и те, которые не связаны с исполнением служебных обязанностей, но совершены в период прохождения службы. Криминологические исследования берут во внимание преимущественно первую категорию, аргументируя тем, что ее по-

следствия негативно отражаются на самом процессе исполнения уголовных наказаний.

Преступления лиц, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе, не связанные непосредственно с профессиональной деятельностью не занимают должного внимания в среде пенитенциарных криминологических исследований. Однако, следует учесть, что сотрудник состоит на службе даже тогда, когда не исполняет обязанности, предусмотренные своей должностной инструкцией. Поступая на службу в УИС сотрудник присягает на верность Российской Федерации и ее народу, обязуясь «свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и иные нормативные правовые акты Российской

Федерации» (См.: Присяга сотрудника уголовно-исполнительной системы ст. 28 гл. 5 Федерального закона от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Российская газета. Федеральный выпуск № 160 (7623)). Соответственно, быть законопослушным для сотрудника УИС есть «священная обязанность» и в рабочее, и во вне рабочее время.

Находясь на службе в УИС, сотрудник обязуется «достойно исполнять обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка», а также «независимо от занимаемой должности, времени суток, места нахождения, в случае обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принимать меры для спасения людей, предотвращению и пресечению правонарушений» (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964.) и т.д. Следовательно, правоохранительные функции для сотрудника УИС, равно как для любого другого сотрудника правоохранительной системы неотъемлемы, пока он проходит службу. Ведомственные нормативно-правовые акты, а также отдельные указания ФСИН России рекомендуют, а в некоторых случаях и обязуют воспитательную и индивидуально-воспитательную работу с личным составом учреждений и органов УИС планировать и проводить с учетом информации, касающейся жизнедеятельности сотрудников вне стен пенитенциарных учреждений. Это подразумевает осуществление некоего завуалированного контроля за поведением сотрудников УИС во вне рабочее время, а также актуализирует проблемы, касающиеся правонарушений, совершенных во вне рабочее время.

Вопросы правонарушающего поведения со стороны сотрудников УИС обсуждаются достаточно широко, о чем свидетельствует дискуссия по поводу того, какие действия (преступные посяательства) относить к пенитенциарным. Большинство исследователей, среди которых Федоров В.С., Ляликова Ю.В., Долгова А.И. и др. под пенитенциарной преступностью понимают преступные действия, совершаемые на территории исправительных учреждений, субъектом которых являются осужденные либо сотрудники (иные лица), а в качестве объекта выступают общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях изоляции от общества.

Используется понятие «должностная преступность сотрудников УИС», под которой подразумевается «совокупность уголовно-наказуемых

деяний, совершенных аттестованным персоналом органов и учреждений исполнения наказания, непосредственно связанных со служебной деятельностью, характеризующихся ненадлежащим исполнением своих функциональных обязанностей, сознательным пренебрежением интересами службы». [2, с.14].

Тем не менее, несмотря на обширную теоретическую базу, практическая деятельность в сфере профилактики правонарушающего поведения сотрудников УИС, связанного и не связанного с исполнением должностных обязанностей, возложена на учреждения уголовно-исполнительной системы, и в ней задействована немалая численность персонала. Работа по укреплению законности и служебной дисциплины, выявление, анализ, устранение причин и предпосылок, повлекших действия правонарушающего характера со стороны личного состава — это все достаточно объемное направление, значимость которого обусловлена рядом факторов, непосредственно влияющих на всю деятельность уголовно-исполнительной системы. К сожалению, используемые сегодня формы и методы работы с личным составом учреждений и органов уголовно-исполнительной системы не дают желаемых результатов, свидетельством чего являются показатели преступности среди сотрудников, отношение общественности к деятельности уголовно-исполнительной системы.

В этой связи проблема правонарушающего поведения сотрудников постепенно приобрела острую актуальность. Каждый случай правонарушающего поведения со стороны персонала УИС темным пятном накладывается на имидж уголовно-исполнительной системы. Преступления сотрудников в последние годы все чаще приобретают резонансный характер, подсознательно вызывая у общества вопрос о том, что же происходит в стенах пенитенциарных учреждений, о неукоснительности исполнения требований приговора суда, и в целом, целесообразности функционирования уголовно-исполнительной системы. В данном случае, в условиях современных реалий целенаправленно возникает вопрос о расширении исследовательских границ пенитенциарной криминологии, как научного направления, актуализации проблемных вопросов, связанных с пенитенциарной преступностью, разработки и внедрении научных проектов в практическую деятельность. Рассмотрим наиболее распространенные преступные деяния, характерные для представителей уголовно-исполнительной системы, связанные и не связанные с их служебной деятельностью.

В 2018 году Генеральная прокуратура РФ опубликовала сведения о численности преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов в 2017 году, где Федеральная служба исполнения наказаний заняла второе место, уступив Министерству внутренних дел. [3, с. 1]

Среди преступлений, связанных со служебной деятельностью, преобладают преступления против интересов государственной службы, объединенные главой 30 УК РФ (ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 «Превышение должностных полномочий», ст. 290 «Получение взятки», ст. 292 «Служебный подлог», ст. 293 «Халатность» УК РФ).

В апреле 2019 года в ходе заседания коллегии Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии законности и практике прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение фактов применения незаконных методов воздействия в отношении лиц, содержащихся под стражей, и осужденных к лишению свободы» была озвучена информация, согласно которой за последние три года, следственными органами возбуждено 144 уголовных дела в отношении сотрудников УИС. В 112 случаях действия сотрудников квалифицированы как превышение должностных полномочий (См.: *Новости Генеральной прокуратуры России. Коллегия о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц* // <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/> (дата обращения 12.06.2020)).

В 2018 году по фактам превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) расследовалось 50 уголовных дел в 23 субъектах Российской Федерации. Как видим, это одно из распространенных деяний, совершаемых сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы, даже с учетом высокой латентности. Оно непосредственно связано с применением насилия, незаконным применением физической силы, специальных средств и оружия в отношении осужденных. Причем, в 2018 году количество возбужденных уголовных дел данной категории (64) возросло практически в три раза по сравнению с 2017 (23) и 2016 годами (25) (См. там же). Не удалось устранить данную проблем посредством обязывания сотрудников УИС производить при наличии возможности видеofиксацию применения физической силы и специальных средств. Преимущественно, полные версии видеозаписей отсутствуют, либо не предоставляются. Как справедливо отмечает

В.В. Фомин, чаще всего сотрудники исправительного учреждения превышают должностные полномочия, руководствуясь ложно принятыми интересами службы или преследуя цели карьеризма [4, с. 69]. Субъектами в основном становятся лица из числа младшего и среднего начальствующего состава исправительных учреждений, осуществляющие функции режимного и надзорного характера, непосредственно контактирующие с осужденными.

Сохраняется высокий уровень правонарушений коррупционной направленности. В 2018 году в отношении работников уголовно-исполнительной системы были возбуждены уголовные дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), ст. 160 (присвоение или растрата), ст. 292 (служебный подлог) УК РФ. Субъектом здесь может являться любой сотрудник уголовно-исполнительной системы независимо статуса в служебной иерархии. Коррупционные нарушения могут быть связаны с предоставлением условно-досрочного освобождения, незаконных льгот и послаблений в режиме, закупке продукции. Если не брать во внимание действия коррупционного характера с участием лиц из числа среднего и старшего начальствующего состава, широко обсуждаемые в средствах массовой информации, то распространенная картина коррупционных действий в среднестатистическом исправительном учреждении уголовно-исполнительной системы будет выглядеть примерно следующим образом.

Сотрудник ... неоднократно проносил на территорию учреждения средства мобильной связи и комплектующие к ним для лиц, отбывающих наказание, за что получал от осужденного через посредников взятки в размере до ... рублей. ... Его действия были пресечены сотрудниками отдела собственной безопасности. Приговором суда назначено наказание за злоупотребление должностных полномочий и взяточничество в виде 3 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Либо сотрудник ... получал денежные средства в качестве взятки, как вознаграждения за пронос в режимную зону учреждения для осужденного ... запрещенных предметов.

В целях установления причин, препятствующих эффективному исполнению служебных обязанностей, был проведен опрос сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы с использованием метода анонимного анкетирования. Большая часть сотрудников (457 из 609 анкетированных) назвали обстоятельства, не устраивающие их в работе, среди них: «неравномерная

нагрузка при распределении служебных обязанностей», «высокая нагрузка ввиду некомплекта в учреждении», «увеличение рабочего времени». Показатель «низкая заработная плата» указывали преимущественно лица из числа рядового и младшего начальствующего состава. Что касается проблемы превышения должностных полномочий, то данные факты большинство опрошенных объясняют стремлением руководства обеспечить высокие показатели низким уровнем профессиональной подготовки. Все названные обстоятельства тесно взаимосвязаны. По причине большой текучести кадров не удается на протяжении длительного времени поддерживать штат высококвалифицированных сотрудников, имеющих «наработанный» профессиональный опыт. И если текучесть среди офицерского состава может быть компенсирована выпускниками ведомственных учебных заведений, то для должностей рядового и младшего состава понятие «некомплект» характерно в полном объеме. Не секрет, что ввиду низкой заработной платы и высокой ответственности желающих поступать на службу в уголовно-исполнительную систему на эти должности не много и поэтому приходится принимать лиц с низким уровнем нравственно-правовой культуры, которые затем в течение нескольких месяцев проходят профессиональную подготовку в ведомственных учебных центрах. Может быть, этого достаточно для того, чтобы обучить основным профессиональным навыкам, но недостаточно для того, чтобы воспитать сотрудника, для которого выполнение правовых предписаний и соблюдение нравственно-правовых норм будет той самой «святой обязанностью». Воспитание сотрудников, в том числе первого года службы, возлагается на учреждения, где упор делается на институт наставничества. Однако, в той форме, какой он сейчас существует, институт наставничества себя изжил. У лиц, осуществляющих наставнические функции, в первую очередь, отсутствует стимулирующий интерес для профессионального развития своих подшефных. Принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. №197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не повлекло на сегодняшний день каких-либо изменений, регламентирующих наставническую деятельность.

Учитывая вышеизложенное, а также беря во внимание личностные характеристики сотрудников, добавив к этому криминологические особен-

ности спецконтингента можно воссоздать картину с благоприятными условиями для совершения сотрудниками правонарушений в период исполнения должностных обязанностей. Личности сотрудников УИС, совершивших должностные уголовно-наказуемые деяния, классифицирует А.В. Салатин. Он выделяет:

преступника по небрежности, для которого характерно легкомысленное отношение к своим служебным обязанностям, обусловленное незнанием непосредственных должностных полномочий;

корыстного преступника, совершающего противоправные деяния в целях получения прибыли или иной материальной выгоды;

самоутверждающегося преступника, для которого характерно превышение должностных полномочий, обусловленное стремлением продемонстрировать свою исключительность и превосходство над спецконтингентом;

солидарного преступника, который совершает противоправное деяние по причине корпоративного единодушия, не желая вступать в конфронтацию с окружающими в силу олицетворения себя с ними [2, С. 16–17].

В дополнение к изложенному следует сказать, что для всех перечисленных категорий характерно абсолютное непонимание значимости своей профессии и своей ответственности за безопасность общества.

На преступления, не связанные с профессиональной деятельностью, но совершенные в период прохождения службы приходится примерно четверть от общей численности преступлений, совершенных сотрудниками УИС. Впрочем, здесь стоит упомянуть о высокой латентности данных показателей. В данной группе преобладают дорожно-транспортные происшествия (ст. 264 УК РФ), преступные посягательства на жизнь и здоровье граждан (ст. 111, ст. 112, ст. 105, ст. 109 УК РФ). Официальная информация по данной проблеме отсутствует. Сведения можно узнать, в основном, из средств массовой информации. Приведем некоторые примеры, полученные в результате мониторинга информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В 2018 году в Интернет-издании «Комсомольская правда» опубликована статья под названием «В Крыму сотрудник УФСИН расстрелял семейную пару и утопил ребенка. Пропавшую семью искали полторы недели». На видеохостинге «You Tube» размещено видео под заголовком «Пьяный тюремный надзиратель на машине врзался в толпу людей на тротуаре»

(См.: *Пьяный тюремный надзиратель на машине врезался в толпу людей на тротуаре* // [yotube.com/6 сентября 2018 года \(дата обращения: 14.06.2020\)](https://www.youtube.com/watch?v=6sept2018)), где сотрудник уголовно-исполнительной системы, управляя личным автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, потерял контроль над транспортным средством и совершил наезд на пешехода. В Карачаево-Черкессии в сентябре 2018 года сотрудник ФСИН, управляя личным автомобилем, на пешеходном переходе возле остановки общественного транспорта совершил наезд на трех пешеходов, двое из которых – несовершеннолетние дети (См.: *Сотрудника ФСИН осудили за наезд на мать с двумя детьми на переходе в Черкесске* // <https://newstracker.ru/news/incident/07-06-2019/sotrudnika-fsin-osudili-za-naezd-na-mat-s-dvumya-detmi-naperehode-v-cherkesske?ind=4889> (дата обращения: 14.06.2020)). Впоследствии было установлено, что преступления совершены в свободное от исполнения служебных обязанностей время, и в обоих случаях пострадавшим причинен тяжкий вред здоровью. Подобная информация всегда вызывает общественный резонанс. Пусть она не касается непосредственно исполнения служебных обязанностей, но она затрагивает в целом служебную деятельность значительной части лиц из числа персонала учреждений уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, отсутствие должного внимания к этой проблеме приведет к усугублению негативных последствий. Для структур уголовно-исполнительной системы наличие подобных показателей будет являться свидетельством отсутствия достаточного контроля за поведением и действиями подчиненных сотрудников, в том числе работы, направленной на формирование их правопослушного поведения. Хотя на практике такая работа ведется, но она преимущественно

имеет формальный характер (доведение информации соответствующего характера, деятельность общественных формирований т.д.). Принимаемые меры подобного рода преимущественно ориентированы не на устранение условий, а на устранение последствий правонарушений. Не секрет, что подготовка квалифицированных кадров является основой профилактики правонарушений в любой сфере, в том числе и уголовно-исполнительной. Касаясь непосредственно уголовно-исполнительной системы, то здесь уместно было бы рассмотреть вопрос о подготовке специалистов со средним профессиональным образованием для занятия должностей рядового и младшего начальствующего состава. Это будет способствовать решению проблемы некомплекта в данной среде, сократит нагрузку на персонал, что непосредственно отразится на состоянии эмоционально-волевой сферы личности сотрудников. Как следствие, появится возможность поддерживать на протяжении продолжительного времени профессионально подготовленный штат. Это в основном, мероприятия общепрофилактического характера.

Что касается мер индивидуально-профилактического характера, то в целом стоит изменить взгляд на концепцию индивидуально-воспитательной работы, проводимой в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Для того, чтобы искоренить формальный подход в данной сфере деятельности, необходима четкая и подробная регламентация этого направления, адаптированная исключительно к службе в уголовно-исполнительной системе, основанная на принципах формирования личной ответственности каждого сотрудника за выполнение не только должностных обязанностей, но и в целом, служебного долга.

Литература

1. *Салатин А.В.* Закономерности должностной преступности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития. Сборник докладов участников Международной научно-практической конференции 22–23 ноября 2012 г. Т.2. 2013. С. 112–117.
2. *Салатин А.В.* Характеристика должностных преступлений сотрудников уголовно-исполнительной системы и классификация личностей преступников // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011 С. 13–17.
3. *Федоров В.Е.* Преступления сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы в структуре пенитенциарной преступности // Проблемы уголовной ответственности и наказания. Материалы научно-практического семинара, посвященного памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова. Под общ. ред. В.Ф. Лапшина. 2015. С. 167–173.
4. *Фомин В.В.* Коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 68–71.

References

1. *Salatin A.V.* Zakonomernosti dolzhnostnoi prestupnosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Regularities of official crime of employees of the criminal Executive system of the Russian Federation]. In *Ugovovno-ispolnitel'naya sistema Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh modernizatsii: sovremennee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Sbornik dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 22–23 noyabrya 2012 g.* [Penal system of the Russian Federation in the conditions of modernization: modern state and prospects of development. Collection of reports of participants of the International scientific and practical conference November 22–23, 2012], vol. 2, 2013, pp. 112–117. (In Russian)
2. *Salatin A.V.* Kharakteristika dolzhnostnykh prestuplenii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy i klassifikatsiya lichnosti prestupnikov [Types of malfeasance committed by officers working in penal system and criminal identity description]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2011, pp. 13–17. (In Russian, abstract in English)
3. *Fedorov V.E.* Prestupleniya sotrudnikov i rabotnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v strukture penitentsiarnoi prestupnosti [Crimes of employees and employees of the penitentiary system in the structure of penitentiary crime]. In *Problemy ugovovnoi otvetstvennosti i nakazaniya. Materialy nauchno-prakticheskogo seminar, posvyashchennogo pamyati professorov V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurtsova* [Problems of criminal responsibility and punishment. Materials of the scientific-practical seminar dedicated to the memory of professors V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsov], 2015, pp. 167–173. (In Russian)
4. *Fomin V.V.* Korruptsionnye prestupleniya, sovershaemye sotrudnikami ugovovno-ispolnitel'noi sistemy [Corruption crimes committed by employees of the criminal Executive system]. *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal executive law], 2012, no. 2. pp. 68–71. (In Russian)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Зарубина Кристина Александровна

Цель: определить основные тенденции развития профессиональной преступности в России в дореволюционный период, факторы, детерминирующие формирование «касты» профессиональных преступников.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод.

Выводы. Профессиональная преступность в России в дореволюционный период развивалась особо. Формирование «касты профессионалов» происходило в специфических социально-экономических, политических и культурных условиях, которые отличались от западноевропейских. Детерминировали развитие профессиональной преступности тяжелое социально-экономическое положение населения, обусловленное длительной ориентацией экономики страны на сельское хозяйство, существованием крепостного строя, карательной (а не исправительной) уголовно-правовой политикой государства и др. Хронологически профессиональная преступная деятельность, как криминологический феномен, имела эволюционное движение развития. Первый этап (до XIX в.) можно определить, как «предпрофессиональный», далее признаки криминального профессионализма обнаруживались более четко, в связи с чем «каста» преступников-профессионалов формировалась как монолитная и сплоченная структура, а преступная деятельность становилась более опасной для общества.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование развивает и уточняет теорию уголовного права и криминологии. В связи с этим анализ эволюции профессиональной преступности в России представляется полезным как для дальнейших научных теоретических изысканий, так и для выработки рекомендаций по противодействию профессиональной преступной деятельности на современном этапе развития государства.

Ключевые слова: профессиональная преступность, признаки криминального профессионализма, конокрадство, карманничество, преступный промысел, преступник-профессионал.

Хронологически формирование профессиональной преступности, как криминологического феномена, в России началось в дореволюционный период.

Исследовать развитие данного явления можно по отражению в нормах уголовного законодательства разного периода признаков криминального профессионализма. Так, на формирование «касты» профессиональных преступников указывают способы и средства совершения преступлений, повторность преступной деятельности, однородность или тождественность правонарушений, отдельные виды преступлений и др. Кроме того, на развитие профессиональной преступности в России на разных этапах существования государства

в дореволюционный период указывали первые криминологические исследования, записки современников и другие письменные источники.

Первые обращения к таким юридическим понятиям как повторность совершения преступления, тождественность или однородность правонарушений встречались еще в законодательстве Московского государства. Так, в Судебниках XV–XVI вв. уголовно-правовые нормы приобретают публично-правовой характер, а преступления воспринимаются как опасные антиобщественные деяния, создающие угрозу всему обществу. Повторность в статьях данных нормативно-правовых актов характеризовалась вторичным задержанием вора. В Судебнике Федора Ивановича 1589 г. со-

держалось интересное положение о занятии колдовством и проституцией: «...А блядям и видьмам за бесчестия 2 деньги против их промыслов...» [14, С. 38–42; 16, С. 184–207], указывающее на еще один вид общественно опасного деяния, оцениваемого обществом и государством как преступный промысел.

В XVII–XVIII вв. деятельность отдельных категорий преступников приобретает черты профессиональной. Крепостническая система, тяжелое налоговое бремя, частые войны, восстания, голод и многое другое оказывали негативное влияние на социально-экономическое развитие страны, и положительное – на криминализацию общества, в виду то, что большая часть населения, в первую очередь крестьянство, находилась в трудном имущественном положении, фактически за чертой бедности. В поисках средств для пропитания еще в период Смутного времени многие бывшие солдаты, крестьяне, бедняки и прочие переквалифицировались в преступников, систематически совершая кражи, грабежи и разбойные нападения. Причем обратно к законопослушной жизни возвращались не часто. Во многом именно в этот период времени формируется такой признак криминального профессионализма, как восприятие и использование преступной деятельности, как средства для добывания дохода – значительного и регулярного, хотя квалификация еще отсутствовала.

На преступную специализацию в указанный период времени косвенно указывал специальный рецидив, фиксируемый как повторность в отношении ряда общественно опасных деяний в Соборном Уложении 1649 г., Воинском артикуле 1715 г. Так, за совершение разбойного нападения вторично, кражи в третий, четвертый «и более» раз в XVII в. назначалась смертная казнь с передачей имущества виновного потерпевшему (Соборное Уложение 1649 г., ст. 12, 17, гл. XXI), даже если виновный «убийства не учинил» (См.: *Соборное Уложение от 29 января 1649 г.* // URL: <http://base.garant.ru/57791500/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a6b868fe/> (дата обращения 22.10.2019)). Подобные положения закреплял и важнейший нормативно-правовой акт, регулирующий уголовно-правовые отношения в России в XVIII в. – Воинский артикул 1715 г., распространяя наказание в виде смертной казни не на трех, а на четырехкратную повторность совершения кражи. Причем важно отметить то, что именно в уголовном законодательстве XVIII в. появляются косвенные указания на приобретение преступниками определенной квалификации. Например, в том же Воинском

артикуле 1715 г. при определении токования статьи встречается фраза: «кто ворвется, отопрет сундуки, хоромы воровскими ключами...того, как прочих воров прогоняли сквозь полк» (См.: *Воинский артикул 26 апреля 1715 г.* // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения 26.10.2019)), сообщающая об использовании ворами специальных приспособлений для совершения краж, а значит, и на формирование определенных умений и навыков, преступного мастерства. Встречаются в нормативно-правовых актах XVIII в. и косвенные указания на развитие института преступной организации.

Говоря о структуре преступных «профессий» в рассматриваемый период, заметим, что наиболее распространенным в XVIII в., на наш взгляд, были карманничество, грабежи и разбои. Такие «аристократические», «интеллектуальные» виды преступлений как фальшивомонетчество, мошенничество в это время не были столь «популярны».

Так, несмотря на то что в XVII–XVIII вв. о профессиональной преступности говорить еще рано, данный период можно определить как «предпрофессиональный», в силу того что именно в это время начали формироваться такие признаки криминального профессионализма, как преступная специализация, квалификация, восприятие преступления как средства для добывания доходов, а также отдельные элементы криминальной субкультуры, связи преступников с антиобщественной средой. На последние признаки указывает появление кличек, уголовного жаргона, распределения обязанностей в преступных группах, образование первых «воровских школ» и т.д. Появлялись в рассматриваемый период и первые «знаменитости» преступного мира, такие как Михайло Денисов, Иван Осипов по прозвищу Ванька Каин, с детства ворующий у барина, соседей и даже собственной матери, а в будущем – фактически настоящий профессиональный преступник, специализирующийся на карманных кражах. По нашему мнению, именно появление вот таких отличившихся преступников сигнализировало о будущем качественном изменении развития преступности, преломившем ее в «профессиональное» русло.

Дальнейшее развитие профессиональной преступности в России имело ряд особенностей. Формирование «касты профессионалов» происходило в специфических условиях, которые отличались от западноевропейских. Структура профессиональной преступности в России в рассматриваемый период складывалась особо, в связи с ориентацией экономики страны на развитие сельского

хозяйства. Так, в XIX в. широкое распространение получило конокрадство, а распространение карманничества, домушничества, как типичного феномена городской среды, в России становится «популярным» гораздо позднее, чем в Западной Европе, в связи с тем, что численность сельского населения в нашей стране преобладала над городским, а все это было следствием особой аграрной ориентации экономики российского государства. Данный факт опосредованно влиял на развитие структуры профессиональной преступности в дореволюционный период.

Еще одной детерминантой профессиональной преступности можно назвать крепостной строй, просуществовавший в России до 1861 г. Усиление крепостной зависимости косвенно способствовало развитию «движения» бегства крепостных от помещиков. Однако и после освобождения крестьян в 1861 г. наметились негативные тенденции в плане роста сельской преступности. В селах и деревнях значительно увеличилось число правонарушений, причем преступления, в основном, имели корыстную направленность. Например, в Тамбовской губернии — типичном регионе центральной России, по данным официальной судебной статистики в пореформенный период отмечен рост числа крестьян, осужденных за грабеж, кражу, разбой. Причем в будущем эта тенденция сохранялась. Так, в указанных преступлениях тамбовские крестьяне от общего числа осужденных в 1881 г. составляли 77,0%, а в 1901 г. — 82,4% [3, с. 285–319]. Эти данные находили подтверждение в наблюдениях сельских сторожил, представленные в многочисленных этнографических источниках. В соседних губерниях ситуация была схожей. По указаниям крестьян в пореформенный период времени преступления, имевшие корыстную направленность, совершались в виду отсутствия, так называемого социального контроля, который ранее осуществлял помещик. Поэтому модернизационные процессы, как и «застой», приводили к весьма негативным последствиям, в том числе, и к формированию профессиональной преступности, как особо опасного явления в обществе.

Детерминировала развитие криминального профессионализма и специфика уголовного законодательства рассматриваемого периода, а именно — карательная, устрашающая (а не исправительная) функция дореволюционных наказаний, поскольку меры государственного воздействия на преступников были достаточно суровыми. Жестко наказывали и «условных» профессиональных преступников — рецидивистов, совершивших

тождественные (однородные) преступные деяния; лиц, многократно осужденных за преступления корыстной или корыстно-насильственной направленности. Одним из наиболее «популярных» наказаний в XIX в. была ссылка на каторгу, которая, по утверждению современников, не «исправляла» преступников, а лишь «укореняла» в них желание совершать новые преступления. Так, министр Юстиции Н.В. Муравьев, оценивая исправительную функцию мест лишения свободы, в 1878 г. писал: «Русская тюрьма не является и не может быть тем, чем ей быть следует, то есть институтом внутренней политики для борьбы с преступностью. Она, напротив, поддерживает и вновь зарождает преступления, ибо арестант выходит из тюрьмы испорченный и беспомощный...» [5, с. 73]. Революционер П.А. Кропоткин замечал, что «тюрьма — это университет преступности, содержимый государством...» [7, с. 445–446].

На формирование профессиональной (как впрочем, и «традиционной») преступности оказывало влияние особое, отчасти нигилистское отношение населения к правоохранительным органам, закону, а также низкий уровень эффективности уголовного преследования, выраженном в невысоком проценте раскрываемости преступлений в России в рассматриваемый период. Причем важно отметить то, что именно преступления имущественного характера оставались часто безнаказанными. По мнению Н.А. Неклюдова, в первой половине XIX в. самые низкие показатели «поимки» преступников по отношению к числу совершенных преступлений были у следующих антиобщественных деяний: преступления против собственности, против порядка управления, различные нарушения полицейских запретов [10, с. 27–28].

В отношении бродяг Е.Н. Гарновский замечал: «Уменьшение этого проступка не может еще служить доказательством действительного уменьшения бродяг и нищих в Империи» [11, с. 64–65]. Представленное утверждение подходит и для оценки иных видов преступных посягательств в данный период времени в России, ввиду низкой раскрываемости преступлений, в том числе условно характеризующих преступное ремесло «профессионалов».

В XIX — начале XX в. в России интенсивно развивается уголовное законодательство. В 1813 г. появляется первый проект систематизированного нормативно-правового акта, регулирующего уголовно-правовые отношения широкого круга. Позднее принимаются Уложения о наказаниях 1845, 1857, 1866 и 1885 гг., Уголовное уложение

1903 г. Особо интенсивно развивается статистика о преступности, появляются первые фундаментальные учения отечественных криминологов, а современники оставляют множество очерков и записок о рассматриваемом периоде времени. Все это позволило нам достаточно тщательно исследовать процесс формирования и развития профессиональной преступности, в виду наличия в данных письменных источниках, в том числе и права, множества «отсылок» к признакам криминального профессионализма.

К основным составам преступлений, указывающим на профессиональный характер преступной деятельности, в исследуемый период можно отнести кражу, разбой, грабеж, фальшивомонетчество, бродяжничество, попрошайничество и некоторые иные преступления. Наиболее «популярным» преступным занятием по-прежнему было воровство, конокрадство. Так, по утверждению Л.С. Бегорич-Котляревского: «Кража до сих пор рассматривалась, как преступление, чаще других повторяющееся и скорее других входящее в привычку, в наклонности, для борьбы с которыми считались необходимыми экстрадиционные уголовные средства» (применительно к XIX – началу XX в.) [2, с. 357].

Однако «интеллектуальные» виды преступлений, такие как мошенничество, фальшивомонетчество и другие также становились более распространенными по сравнению с предшествующим периодом развития преступности. Современники в XIX в. отмечали: «Если воровство преимущественно вербовало своих адептов в низших классах, то мошенничество зачастую отыскивало деятелей в высших сферах общества. Известного рода утонченность, ловкость, сноровка и прочие качества несовместимые с воровством – грубым видом преступлений против собственности – всегда обязательны для мошенничества, которое тем неожиданнее, находчивее и поразительнее, чем чище вымыты руки, чем более развита и зашита голова» [9, с. 153].

Впервые в общей части уголовных уложений присутствовало указание на повторность, причем в определении этого понятия речь шла именно о совершении тождественных преступлений, что указывало на профессионализацию преступной деятельности. В общую часть Уголовного Уложения 1903 г. впервые была включена норма, усиливающая ответственность за многократный специальный рецидив [17, с. 54–60]. О развитии преступной специализации и квалификации свидетельствовали и указания на расширение арсенала способов, приемов совершения преступлений,

совершенствование конструкций преступных орудий, средств. Так, в уголовном законодательстве рассматриваемого периода присутствовало упоминание о совершении кражи в строении с помощью отмычек, иных орудий, принесенных подобранных или подделанных ключей, что определялось законодателем как отягчающее обстоятельство, а в шайках конокрадов присутствовали специалисты по переокраске, перековке, подтачиванию зубов у похищенных лошадей, изменению формы копыт [6, с. 103–108].

Восприятие и использование преступной деятельности как промысла, средства для добывания дохода (значительного и регулярного) в представленный период входит в настоящую «привычку» криминальных элементов. Так, именно с XIX в. конокрадство, как тягчайшее преступление, стало оцениваться законодателем, как особое преступное «ремесло», на что указывали нормы уголовного закона. К примеру, в Уложении о наказаниях 1845 г. была введена ответственность за «занятие скупом или сбытом в виде промысла заведомо краденых лошадей» [12, с. 74–76]. Причем со временем суровость наказания за это общественно опасное деяние усиливалась. Как сообщали некоторые губернаторы в данный период времени: «Коннокрадство в отдельных местностях обратилось в устроенный и постоянный промысел», а раскрываемость преступлений этого вида была крайне низкой, обычно не более 17% [1, с. 10–18].

На значительный «заработок» от преступной деятельности фальшивомонетчиков указывало и уточнение законодателя в нормативно-правовых актах XIX в. при определении степени наказания за совершение указанного вида преступления. Так, за подделку монет, ценных бумаг и знаков, «не представляющих опасности значительного размножения подделанного» наказание назначалось менее суровое, а за изготовление фальшивых монет и ассигнаций фактически в крупном размере и на регулярной основе мера государственного воздействия на преступников была более жесткой [15, с. 85–87]. Примечательно то, что фальшивомонетчики работали «артелью», шайки имели жесткую дисциплину и главарей и свою деятельность нередко осуществляли в мастерских, тюрьмах, подделывали как металлические монеты, так и бумажные купюры.

Качественно новый этап в развитии в рассматриваемый период времени получила организованная преступность, тесно связанная по некоторым признакам с профессиональной преступностью. Законодатель определял эту деятельность как «ремесло» «шак», оценивая применимо

ко многим составам преступлений участие в совершении общественно опасных деяний многих лиц, тесно связанных между собой, как квалифицирующий признак. Хотя четкого разделения преступных организаций по формам законодательство еще не различало.

Особое развитие в XIX – начале XX в. получили связи лиц с преступным миром, криминальная субкультура, как признаки, указывающие на профессионализацию деятельности преступников. Помимо условного разделения преступного «ремесла» на «профессии» по объектам посягательства в системе профессиональной преступности образуется своя функционально-иерархическая структура, сформированная в пенитенциарных учреждениях.

Высшее положение в криминальной иерархии занимали так называемые «иваны», бывшие попрошайки и бродяги, элита преступного мира, далее располагались «храпы», которые отличались от иванов отсутствием в поведении смелости и решительности, «игроки» («жиганы») – профессиональные мошенники и шулеры, «шпанки» – покорное большинство и другие. В российском преступном мире в этот же период времени развивается система кличек, традиций и обычаев уголовной среды, у «профессионалов», как и у ряда иных преступников появляются татуировки, свой фольклор, «университеты» преступности, формируется свой жаргон. Причем тайный язык не просто наполняется новыми словами и фразами, а образует своеобразную систему. В связи с этим в России в конце XIX – начале XX в. издаются целые серии разных словарей [4; 8; 13, с. 261–267]. Так, криминальная субкультура становится частью жизни не ограниченного круга лиц, а всего уголовного преступного мира.

Таким образом, если в XVII–XVIII вв. профессиональная преступная деятельность была скорее редким исключением, то в XIX – начале XX в. – обусловленной закономерностью. У «профессионалов» появляется не только специализация и восприятие преступной деятельности, как средства для добывания дохода, но и необходимая квалификация, связи с общественно опасной средой, криминальная субкультура. Поэтому до XIX в. лиц, условно называемых нами «професси-

оналами» следует называть все же «любителями», а после – настоящими «специалистами». Особо на этот процесс повлиял рост капитализма в России, который знаменовал собой изменения не только в системе социально-экономических, культурных и политических отношениях общества, но и в развитии профессиональной преступности. Многие отказывались от законопослушной жизни из-за нищеты и голода, вызванные низкой приспособляемостью к модернизационным процессам, совершая «примитивные» кражи и грабежи, иные «умнели» вместе с развитием государства, обращаясь к таким «интеллектуальным» видам преступлений как карманничество, подлог кредитных бумаг, карточное мошенничество и многое другое. Женщины чаще занимались проституцией как промыслом, причем не всегда из-за бедности. Структура преступности в России в XIX – начале XX в. значительно изменилась, темп роста преступности значительно опережал темп роста населения (наиболее интенсивно в пореформенный период), а мастерство «профессионалов» совершенствовалось. В уголовном мире наметилась тенденция перехода от насильственных преступлений к корыстным и корыстно-насильственным, что указывало, в частности, на восприятие преступной деятельности, как средства для добывания регулярного дохода в значительном размере.

С середины XVIII в. четко выделялись категории профессиональных преступников, а с XIX в. формировалась криминальная субкультура, налаживались устойчивые связи между отдельными представителями преступного мира. Причем важно отметить и то, что формирование профессиональной преступности в данный период времени с одной стороны зависело от общего состояния развития преступности, а с другой стороны, обуславливало ее структуру.

Хотя в дореволюционное время это социальное явление не оценивают как устойчивое и динамично развивающееся, мы можем говорить о сформированности признаков криминального профессионализма к началу XX в., в силу того что изменения и процессы, происходящие в характере профессиональной преступной деятельности, нельзя оценивать изолированно, вне исторических реалий.

Литература

1. Ахмедов Ч.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика конокрадства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России №2 (70). 2016. С. 10–18.
2. Бегориц-Котляревский Л.С. О воровстве и краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Выпуск 1. Киев. 1880. С. 357.

3. *Безгин В.Б.* Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 285–319.
4. *Гольшев И.А.* Словарь офенского искусственного языка // Владимирские губернские ведомости, 1873. Номера от 9, 16, 23, 30 ноября.
5. *Гуров А.И.* Красная мафия // Коммерческий вестник, 1995. 328 с.
6. *Калпинская О.Е.* Особенности возникновения и развития организованной преступности в до-революционной России // Юриспруденция. 2010. №4. С. 103–108.
7. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. 544 с.
8. *Лебедев В.И.* Словарь воровского языка // Вестник полиции. 1909. № 22–24.
9. *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. В 3-х ч. Часть вторая. СПб.: тип. А. Траншеля, 1871. 353 с.
10. *Неклюдов Н.А.* Уголовно-статистические этюды: Рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права. Этюд первый. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб.: Типография Н.Тиблена и комп., 1865. 250 с.
11. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Издательство Московского университета, 1980. 204 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Том 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881). Часть 1: Законы (60541–61928). Санкт-Петербург, 1884. С. 74–76.
13. *Путилин И.Д.* Условный язык петербургских мошенников, известный под именем «Музыки» или «Байкового языка» // Записки И. Д. Путилина, Кн. 4. СПб., 1904. С. 261–267.
14. *Селяков Н.А., Пшенко А.Г.* Особенности зарождения местного самоуправления на территории Вельского уезда Вологодской губернии в XVI веке (историко-правовой аспект) // Юридические записки. 2014. №2. С. 38–42.
15. Уголовное уложение 1903 года. Санкт-Петербург. Сенатская типография. 1903. 144 с.
16. *Чупова М.Д.* Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica. 2017. №2 (123). С.184–207.
17. *Южанин В.Е.* Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. №2 (89). С. 54–60.

References

1. *Akhmedov Ch.N.* Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristika konokradstva v Rossii [Criminal-legal and criminological characteristics of horse theft in Russia], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia], 2016, no. 2 (70), pp. 10–18. (In Russian)
2. *Bortsov-Kotlyarevsky L.S.* O vorovstve i krazhe po russkomu pravu. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. [On theft and theft under Russian law. Historical and dogmatic research]. Issue 1. Kiev. 1880. 357 p. (In Russian)
3. *Bezgin V. B.* Krazhi v rossijskom sele vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Theft in the Russian village of the second half of the XIX – early XX century]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies], 2013, no. 6, pp 285–319. (In Russian, abstract in English)
4. *Golyshev I.A.* Slovar' ofenskogo iskusstvennogo yazyka [Dictionary of the Russian pedlar language]. *Vladimirskie gubernskie vedomosti* [Vladimir Gubernskie Vedomosti], 1873, nos. 9, 16, 23, 30. (In Russian)
5. *Gurov A.I.* Krasnaya mafiya. [The Red mafia]. *Kommercheskij vestnik*, [Commercial Bulletin], 1995. 328 p. (In Russian)
6. *Kalpinskaya O.E.* Osobennosti vznikoveniya i razvitiya organizovanoj prestupnosti v dorevolucionnoj Rossii [Features of the emergence and development of organized crime in pre-revolutionary Russia]. *Yurisprudenciya* [Jurisprudence], 2010, no. 4, pp. 103–108. (In Russian)
7. *Kropotkin P.A.* Zapiski revolyucionera. [Memoirs of a revolutionary]. Moscow, 1988. 544 p. (In Russian)
8. *Lebedev V. I.* Slovar' vorovskogo yazyka [Dictionary of the thieves' language]. *Vestnik policii* [Bulletin of the police], 1909, no. 22–24. (In Russian)
9. *Maksimov S.V.* Sibir' i katorga. [Siberia and penal servitude]. In 3 parts. Pt. 2. Saint-Petersburg, Transhel A. Publ., 1871. 353 p. (In Russian)
10. *Neklyudov N.A.* Ugolovno-statisticheskie etyudy: Rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra ugolovnogo prava. Etyud pervyj. Statisticheskij opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnyh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnoshenii k prestupleniyu [Criminal statistical studies:

Reasoning written for obtaining a master's degree in criminal law. Etude the first. Statistical experience of studying the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime]. Saint-Petersburg, Printing house Of N. Tiblen and comp. Publ., 1865. 250 p. (In Russian)

11. *Ostroumov S.S.* Prestupnost' i eyo prichiny v dorevolucionnoj Rossii [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow, Publishing house of the Moscow University Publ., 1980. 204 p. (In Russian)

12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 55 (19 fevralya 1880–28 fevralya 1881). CHast' 1: Zakony (60541–61928). [The complete collection of laws of the Russian Empire volume 55 (February 19, 1880 – February 28, 1881). Part 1: Laws (60541–61928)]. Saint-Petersburg, 1884, pp. 74–76. (In Russian)

13. *Putilin I.D.* Uslovnyj yazyk peterburgskih moshennikov, izvestnyj pod imenem “Muzyki” ili “Bajkovogo yazyka” [Conditional language of St. Petersburg fraudsters, known as “Music” or “Baykovskiy language”]. In *Notes of I.D. Putilin, Book. 4.* Saint-Petersburg, 1904, pp. 261–267. (In Russian)

14. *Selyakov N. A., Pshenko A. G.* Osobennosti zarozhdeniya mestnogo samoupravleniya na territorii Vel'skogo uezda Vologodskoj gubernii v 16 veke (istoriko-pravovoj aspekt) [Features of the local self-government origin in Velsk District of Vologda Province in the 16th century (historical-legal aspect)] *Yuridicheskie zapiski. [Legal Notes]*, 2014, no. 2. pp. 38–42. (In Russian, abstract in English, abstract in Ukrainian)

15. Ugolovnoe Ulozhenie 1903 goda. [Criminal Code of 1903]. Saint-Petersburg, Senate printing office Publ., 1903. 144 p. (In Russian)

16. *Copova M.D.* Zabytye Sudebniki (1589 i 1606/07) [The Forgotten Sudebniks (1589 and 1606/07)]. *Lex Russica*, 2017, no. 2 (123), pp. 184–207. (In Russian)

17. *Yuzhanin V.E.* Otvetstvennost' za mnogokratnyj recidiv prestuplenij po zakonodatel'stvu Rossii (istoricheskij aspekt) [Responsibility for repeated recidivism of crimes under Russian law (historical aspect)]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie. [Man: crime and punishment]*, 2015, no. 2 (89), pp. 54–60. (In Russian)

ПИСАТЕЛЬ–ПУБЛИЦИСТ– КРИМИНАЛИСТ–КРИМИНОЛОГ

РУССКАЯ ГРУППА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ: УЧЕНЫЕ, ИДЕИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ. НАЧАЛО ПУТИ, ПРИЧИНЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГРУППЫ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Чучаев Александр Иванович,
Грачева Юлия Викторовна,
Маликов Сергей Владимирович

Цель: проследить историю становления Русской группы Международного союза криминалистов; представить исторические портреты основных действующих лиц, причастных к организации и функционированию различных объединений в области уголовного права и криминологии в XIX в. в России и за рубежом; охарактеризовать структуру Русской группы, принципы организации ее деятельности, очертить основной круг вопросов, подвергавшийся разработке.

Методология: анализ, синтез, исторический, сравнительно-правовой методы, контент-анализ, диалектический, системный методы, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Появление Русской группы Международного союза криминалистов было закономерным итогом начавшегося с середины XIX в. процесса взаимодействия ученых различных стран в области криминологии и уголовного права. Высокий авторитет русских ученых, значительная численность группы и необходимость изучения местных криминологических проблем предопределили выделение в рамках Международного союза самостоятельной национальной группы. Русская группа просуществовала пятнадцать лет, с 1897 по 1914 г., и за это время провела 10 съездов, в рамках которых обсуждались уголовно-правовые проблемы, сохраняющие актуальность вплоть до настоящего времени: условно-досрочное освобождение; введение института патроната; влияние алкоголизма на преступность; о судебном усмотрении; о религиозных и государственных преступлениях и др. Русская группа оставила огромное научное наследие, которое еще предстоит осмыслить современникам.

Научная и практическая значимость. Авторами впервые представлена история Русской группы Международного союза криминалистов; на основе исторических документов охарактеризована ее структура, принципы деятельности, а также основные рассмотренные ею вопросы. Все это позволяет определить исторические истоки взаимодействия криминологов разных стран, установить научную и творческую преемственность современного Союза криминалистов и криминологов с Русской группой Международного Союза криминалистов.

Ключевые слова: Международный союз криминалистов; Русская группа; международное сотрудничество; Союз криминалистов и криминологов; история сотрудничества.

Нет ничего более опасного для оценки новых идей,
как их проникновение в жизнь: победоносные,
они начинают казаться банальными.

(Кулишер Е. Юбилей союза криминалистов // Право. 1914. № 4)

Наша история

Международное сотрудничество в уголовно-правовой сфере

Активное взаимодействие криминалистов разных стран начинает осуществляться с середины 40-х гг. XIX в., когда под влиянием общественного движения, вызванного изменением философских взглядов на преступление и наказание, стремлением найти альтернативу позорящим наказаниям, подавляющим личность и имевшим целью только возмездие, возникает идея проведения Международного пенитенциарного конгресса [1].

Тюремный врач Георг Варентрапп (*Georg Varrentrapp (1809–1886) – немецкий врач, специалист в области гигиены. Во время поездки в Англию его внимание привлекла проводившаяся там реформа тюремной системы. Он посетил немецкие и швейцарские тюрьмы, изучил новейшие американские системы, реформаторские усилия Бельгии и описал результаты своих исследований в 1841 г. в книге «О пенитенциарных системах», в которой выступил за раздельное содержание под стражей в соответствии с системой Пенсильвании. В 1842 г. Варентрапп знакомится с юристом Неллером и доктором Юлием, редактором Ежегодников тюремных исследований и исправительных учреждений. Их совместные усилия привели к созыву первой международной ассамблеи по реформе тюрем во Франкфурте-на-Майне в 1846 г.*) был первым, кто организовал подобный международный съезд, состоявшийся в 1846 г. во Франкфурте-на-Майне. На нем присутствовали почти все видные представители тюремной науки того времени – всего около 75 человек. На конгрессе обсуждались проблемы, касающиеся тюремных систем, вопросы одиночного заключения.

Последующие конгрессы, как и первый, носили частный характер, так как их участниками являлись не официальные представители государств, а отдельные лица, проявляющие интерес на основе либеральных взглядов к проблемам положения заключенных в тюрьмах [2].

Российские ученые положительно относились к подобным съездам, заложившим основу международных связей в сфере пенитенциарного дела, но считали, что ни к каким существенным изменениям в тюремные системы мира эта деятельность не приводит. Например, И.Я. Фойницкий писал: «Частный характер организации, благотворительно-либеральные тенденции, абстрактность мышления и пристрастная защита одиночного заключения, – характерные черты международных пенитенциарных конгрессов» [3, с. 4].

Уголовно-правовым вопросам уделяло некоторое внимание Общество международного права, идейным вдохновителем которого был Гюстав Роллен-Жакмен – редактор журнала «Revue de Droit International et de Legislation Comparée» («Журнала международного права и сравнительного законодательства»), который издавался в Генте (Бельгия) с 1869 г. Датой создания этого общества считается 11 сентября 1873 г. [4] В сфере уголовного права результатом деятельности института стала серия договоров между европейскими державами о выдаче преступников, в частности заключенных, на ежегодном совещании в 1880 г. [5, с. 88–99].

Появление различных площадок для обсуждения проблем преступления и наказания не давало значимых результатов в области уголовного права до тех пор, пока специально ими не начинает заниматься Международный союз криминалистов, образованный в Вене в 1889 г. профессорами А. Принсом (Брюссель, Бельгия), Ф. Листом (Галле, Германия) и Г. ван Гамелем (Амстердам, Нидерланды), также известный как Международный союз уголовного права (Union Internationale de Droit Pénal) (IUPL/UIDP).

Адольф Принс (Adolphe Prins) (1845–1919)

Бельгийский пеналист и социолог, доктор права, профессор. Изучал право в Свободном университете Брюсселя (Université Libre de Bruxelles), который окончил в 1875 г. До 1883 г. был юристом Брюссельской коллегии адвокатов. В университете преподавал как экстраординарный, затем рядовой профессор, также занимал должность декана и ректора. Принимал активное участие в кружке криминологии университета.

С 1884 г. работал вне академических кругов в качестве генерального инспектора тюрем. Являлся президентом Обзора уголовного права и криминологии; членом Королевской академии Бельгии; Высшего трудового совета; Президентом Законодательного совета Бельгии.

Принс был членом комиссии по благотворительности, которая в качестве специального консультативного комитета занималась в течение пяти исследованиями, касающимися реформы государственной помощи. В 1902 г. за научную работу получил премию в области общественных наук. С 1907 г. был одним из редакторов «Revue du droit Penal et de criminologie».

Велика роль Принса в изменении некоторых бельгийских уголовных законов. По праву считается выдающимся ученым в области уголовного права и криминологии, крупным деятелем в дви-

жении за социальную защиту, которое привело к изменению уголовной политики европейских стран. В должности президента Законодательного совета занимался разработкой и внесением изменений в первый том Уголовно-процессуального кодекса Бельгии, являлся председателем комиссии, которая должна была реформировать общие правила содержания в тюрьмах.

Был известен за рубежом благодаря своей теории социальной защиты. Разрабатываемые им идеи впоследствии повлияли на принятие в Бельгии закона о социальной защите от 9 апреля 1930 г., который считается важным шагом в развитии бельгийского и европейского уголовного права, потому что впервые термин «социальная защита» был использован для обозначения законодательной меры. Закон касался лиц с психическими отклонениями и рецидивистов. По мнению Принса, необходимо было создать систему, которая защищала бы общество путем соответствующей их изоляции, при этом сохраняя право последних на реабилитацию в случае исправления. Он также считал, что необходимо создать систему учреждений для содержания под стражей, позволяющую дифференцировать режим отбывания наказания для различных категорий правонарушителей.

В 1904 г. Принс предложил изменить термин «рецидив» на «опасное состояние», что стало результатом дискуссий на конференциях Международного союза уголовного права. Можно сказать, что благодаря ему фокус внимания уголовного права был смещен с преступления и его предупреждения на преступника, а также на опасность, которую он представлял для общества. Выступал ярким критиком коротких тюремных сроков, полагая что они провоцируют рецидив.

Ученый подготовил свыше 100 небольших и крупных публикаций, тематика которых была весьма разнообразной: социальные, экономические и политические темы, а также литературные произведения.

Основные работы: Очерк преступности согласно современной науке. Брюссель, 1880; Философия права и историческая школа. Открытие курса естественного права. Брюссель, 1882; Демократия и парламентская система. Исследование корпоративного режима и представления интересов. Брюссель, Париж, 1884; Преступление и репрессии. Очерк уголовной науки. Брюссель, 1886; Заработная плата, короткие рабочие дни и профессиональные союзы. Брюссель, 1893; Организация свободы и общественного долга. Брюссель, Париж, 1895; Криминальная наука и позитивное право. Париж, Брюссель, 1899; О духе демократи-

ческих правительств. Очерк политической науки. Брюссель, 1905; Социальная защита и трансформации уголовного права. Брюссель, 1910.

Законы и институции, в которых восприняты идеи Принса: Закон 31 мая 1888 г. об условно-досрочном освобождении; Закон о защите детей 1889 г.; Закон 27 ноября 1891 г. о подавлении бродяжничества и попрошайничества; Закон 15 мая 1912 г. о защите детей; Закон социальной защиты 9 апреля 1930 г.; создание патронажного комитета в 1880 г.; реорганизация пенитенциарной системы в 1894 г.; создание антропологической службы в тюрьме в 1914 г.

Франц фон Лист (Franz von Liszt) (1851–1919)

Австрийский и немецкий юрист, специалист в области уголовного и международного права, доктор права, профессор. Кузен и тезка композитора Ференца Листа (по рождению также Франца фон Листа). Депутат прусского парламента от Прогрессивной народной партии.

Преподавал уголовное право в высших учебных заведениях Германии: в Гиссенском (с 1879 г.), Марбургском (с 1882 г.), Галле-Виттенбергском (с 1889 г.) и Берлинском (1898–1917 гг.) университетах. Член Прогрессивной народной партии, которую с 1912 г. представлял в германском рейхстаге.

Считал необходимой координацию действий правоохранительных органов разных стран с целью борьбы с преступниками, которые перемещаются из одного государства в другое с целью уйти от правосудия. В 1893 г. впервые выдвинул идею создания организации, которая занималась бы этими вопросами, — аналога нынешнего Интерпола.

Основал и редактировал журнал «Zeitschrift für die gesarnte Strafrechtswissenschaft» (с 1889 г.). Автор многочисленных трудов по вопросам уголовного права, в том числе двухтомного курса уголовного права (1891 г.), книги «Международное право в систематическом изложении» (1898 г.; на русском языке книга выдержала 6 изданий). Сокращенное издание его статей по криминологии вышло в свет на русском языке в 1895 г. под названием «Задачи уголовной политики Франца фон Листа».

В современной России издан сборник работ Ф. фон Листа «Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление» (М., 2004). Его учебник, впервые опубликованный в 1881 г. под названием «Das deutsche Reichsstrafrecht», переименованный из 2-го издания (1884 г.) в «Учебник немецкого уголовного права», к 1932 г. выдержал в общей сложности 26 изданий. В 1897 г. избран почетным членом

Петербургского университета (исключен из его состава в 1914 г. во время так называемой «войны манифестов профессоров»).

Был одним из лидеров социологической школы в уголовном праве. Определял уголовную политику как целенаправленное воздействие на преступность, основанное на знании реального ее состояния и тенденций, имеющее базой правовые средства и преследующее цель максимально возможной минимизации уровня преступности. Считал, что борьба с преступностью должна быть поставлена в зависимость от каждого отдельного случая, а система наказания должна носить гибкий характер.

По Листу, мера наказания должна определяться его целью: трем основным группам преступников соответствуют и тройная цель наказания. Против профессиональных преступников-рецидивистов общество должно защищаться при помощи обезвреживающего наказания (пожизненное заключение). Для «исправимых» преступников (которые не стали еще «профессионалами») должно быть назначено исправляющее наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года. «Случайные» преступники должны подвергаться устрашающему наказанию, способному удержать их от новых преступлений. Таким образом, по его мнению, тяжесть наказания должна соответствовать внутренним особенностям преступника, объему и глубине его вины. Ученый придавал большое значение превентивным мерам в деле борьбы с преступностью, основанным на изучении всех факторов, влияющих на преступность.

Идеи Листа в области уголовной политики были учтены в реформах уголовного права XX в., приведших к отмене коротких сроков тюремного заключения, условных приговоров, особых мерах против несовершеннолетних и др.

К сожалению, в литературе редко упоминается, что фон Лист с его учебником по международному праву, опубликованным в одиннадцати изданиях в период с 1898 по 1919 г., внес большой вклад в распространение знаний в этой области права, чем любой ранее опубликованный учебник по этой отрасли права. В нем он резюмировал основные идеи международного права своего времени и сделал предложения по международному сообществу, праву морской войны, закону о гражданства, основному международному праву и закону о выдаче. Ему удалось сформулировать классическую идею мира государств, основанную на мышлении о суверенитете XIX в., но при этом не оставаясь привязанным к нему. Выступал за создание обязательного третейского суда, считал это первым шагом к эффективной интеграции

государств в их организованное объединение. В основе сотрудничества между экономически, культурно и географически тесно связанными государствами видел появление «международного права групп государств». Еще в 1914 г. обсуждал вопросы о дизайне будущей Лиги Наций («Völkerareopag»). Он призвал к созданию Союза государств Центральной Европы, а также к созданию Лиги Наций, наделенной судебной и принудительной властью.

Основные работы: Цель в уголовном праве. Марбург, 1882; Уголовное право Германского рейха. Берлин, 1881; Уголовное право государств Европы. Берлин, 1884; Международное право. Берлин, 1898; Обязанности деликта в системе Гражданского кодекса. Критические и догматические примечания на полях. Берлин, 1896; Учебник немецкого уголовного права. Берлин, 1902; Суть объединения государств по международному праву и Международной премии Суда. Бреслау, 1910.

Герард Антониус ван Гамель
(*Gerardus Antonius van Hamel*)
(1842–1917)

Голландский адвокат по уголовным делам и либеральный политик. Происходит из старой гугенотской семьи и был братом-близнецом романиста А. Г. ван Гамеля (1842–1907). Изучал право в Гронингене и Лейдене, получил докторскую степень в Лейдене в 1865 г. С 1865 по 1871 г. работал юристом в Лейдене. С 1 апреля 1871 г. был заместителем прокурора в Херенвене, а с 1 марта 1874 г. — в Роттердаме. 1 июня 1878 г. перешел в голландское военное министерство в качестве советника по правовым вопросам.

В 1870 г. инициировал создание Ассоциации голландских юристов. В 1880 г. был назначен профессором уголовного права в Амстердамском университете. Одно время занимал пост ректора данного университета.

Ван Гамель широким кругам стал известен прежде всего как адвокат по уголовным делам и участник континентального европейского движения за реформу уголовного права. В 1885 г. на Международном тюремном конгрессе в Риме установил тесные отношения с Ч. Ломброзо и Э. Ферри, впервые встретился с Францем фон Листом, которого вскоре посетил в Марбурге. В 1886 г. основал журнал «Tijdschrift voor Strafrecht» по образцу итальянского «Archivio di psichiatria criminale» (1880) и журнала фон Листа.

Является автором фундаментального введения в голландское уголовное право. Выступал против догматизма в уголовном праве и, основываясь на

криминальной антропологии Ломброзо, считал уголовное право мерой социальной защиты. Как член парламента, выступал за тюремную реформу. С 1910 г. являлся членом комиссии, которая должна была разработать новый уголовно-процессуальный кодекс Нидерландов.

Основные работы: Новое уголовное законодательство Японии. Брюссель, 1882; Пределы уголовного права. Амстердам, 1880; Уголовное право Индии. Амстердам, 1882.

И.Я. Фойницкий отмечал, что Международный союз поставил себе задачей изучение преступности как юридического и социологического явления. Он создавался для удовлетворения потребностей криминалистов разных стран во взаимном обмене мыслями и помощи в научных работах. Помимо этой общей задачи Союз ставил специальную цель — дать отпор доктринам, порожденным школой Ломброзо, отрицавшим коренные устои уголовного права. Признав антропологическую точку зрения, Союз выступал против ее исключительности, требовал учитывать точку зрения представителей социологической и юридической школ [6, с. 6].

В проекте Статута Международного союза [7, с. 829–835] были сформулированы основные проблемы в области уголовного права (ст. 2), которые целесообразно, на наш взгляд, привести без каких-либо купюр, сохранив стилистику того времени:

«1. Задача уголовного права состоит в борьбе против преступности, понимаемой как явление.

2. Поэтому наука уголовного права и уголовные законодательства должны принимать во внимание результаты исследований антропологических и социологических.

3. Наказание есть одна из наиболее действенных мер против преступности, находящихся в распоряжении государства. Оно не есть мера исключительная. Поэтому оно не должно быть изолировано от других общественных мер, не должно именно вести к забвению мер предупредительных.

4. Практически и теоретически представляется весьма существенным различие между преступниками случайными и преступниками привычки; оно должно быть положено в основание определений уголовного законодательства.

5. Имея в виду, что цель, преследуемая уголовными судами и тюремной администрацией, одна и та же и что приговор получает значение лишь в его исполнении, необходимо признать неразумной и вредной ту рознь, которая устанавливается современным правом между функциями репрессивной и пенитенциарной.

6. Ввиду того, что наказание лишением свободы по справедливости занимает первенствующее место в нашей карательной системе, Союз посвящает особенное внимание всему, что относится к улучшению мест заключения и учреждений, к ним примыкающих.

7. Однако Союз находит, что краткосрочное заключение желательно и возможно заменить другими мерами равной силы.

8. В отношении долгосрочного заключения Союз полагает, что продолжительность задержания должна зависеть не только от материальной и моральной тяжести учиненного, а также от результатов, достигнутых тюрьмой;

9. Союз полагает в отношении неисправимых преступников привычки, что уголовная система своей главной задачей должна иметь поставление их в невозможность вредить обществу на возможно более продолжительное время, независимо от тяжести учиненного и даже когда повторными были проступки незначительные...»

Представленный проект Статута в 1888 г. был разослан всем предполагаемым членам Союза для обсуждения. И.Я. Фойницкий отметил, что ряд положений вызвал у него нарекания, что было созвучно мнению других лиц. Это привело к тому, что на первом съезде были внесены коррективы, из которых необходимо отметить следующие:

«Ст. 1. Международный Союз криминалистов исходит из положения, что преступность, с одной стороны, и способы борьбы с нею — с другой, должны быть рассматриваемы как с антропологической и социологической, так и с юридической точки зрения.

Задача Союза есть научное исследование преступности, а также ее причин и способов, пригодных для борьбы с нею.

Ст. 2. В отдельных странах могут быть учреждаемы местные группы. Члены таких групп избирают свое бюро и могут созывать местные собрания. Один из членов каждой местной группы, избранный последней, входит в состав центрального бюро Союза» [6, с. 17; 8, с. 6–10].

Центральными органами Союза выступали международные конгрессы (съезды) и центральное бюро. Первоначально конгрессы созывались ежегодно, затем — раз в три года, потом — один раз в пять лет. Как отметил П.И. Люблинский, конгрессы получили, таким образом, значение чрезвычайных мероприятий в деятельности Союза. Всего состоялось 12 конгрессов (съездов) Международного союза криминалистов: Брюссель (1889), Берн (1890), Христиания (1891), Париж (1893), Антверпен (1894), Линц (1895), Лиссабон (1897),

Будапешт (1899), Санкт-Петербург (1902), Гамбург (1905), Брюссель (1910), Копенгаген (1913) [9, с. 7].

Центральное бюро состояло из четырех членов, избираемых общим собранием Союза, и представителей местных групп. Оно созывало ежегодные совещания по вопросам организации общей работы, на которые приглашались представители отдельных национальных групп. На них осуществлялся обмен мнениями о развитии законодательства в различных странах, а также организовывались различные международные научные мероприятия [9, с. 7].

Высокий авторитет русских ученых был подтвержден в 1902 г., когда представитель нашей страны (И.Я. Фойницкий) был избран в Центральное бюро наряду с основателями Международного союза криминалистов.

Первые списки членов Международного союза уголовного права насчитывали 75 членов, к 1904 г. их уже было 1122. П.И. Люблинский впоследствии верно подметил тенденцию: центр тяжести работы Союза постепенно перемещался в национальные группы, которые проводили свои съезды. Так, по состоянию на 1908 г. самой многочисленной национальной группой была германская, насчитывавшая 339 членов. Следующей по численности была австрийская группа – 284 человека, третье место занимала русская группа – 269 членов. Кроме них существовали венгерская (81 член), датская (71), французская (60), хорватская (47), швейцарская (43), норвежская (19), бельгийская (14), греческая (4) группы. В общей сложности указанные 11 групп включали в себя 1231 члена, 85 членов Союза не входили в национальные группы. Уже в 1912 г. членами Международного союза были 1243 человека, представлявшие 14 национальных групп. Наибольшей по численности стала русская группа – 405 членов, в германской групп осталось 315 членов [9, с. 140].

Русская группа Международного союза криминалистов

Наличие национальных групп в рамках Международного союза криминалистов, постоянный обмен мнениями с зарубежными коллегами привели к формулированию и реализации идеи проведения углубленных исследований отечественных проблем в уголовно-правовой сфере. В России имелись все правовые предпосылки для получения русской группой обособленного, самостоятельного статуса: Общий устав императорских российских университетов 1884 г. предоставлял право Университетам с разрешения министра народного просвещения учреждать ученые общества, уставы

которых утверждались министром народного просвещения (§ 145) [10] (См.: *Общий устав императорских российских университетов 1884 г.* // URL: <http://музейреформ.рф/node/13676> (дата обращения: 08.09.2020)).

Другим важным фактором послужила потребность в освобождении от «credo и символа веры», под которыми понимались строгие границы научной дискуссии, зафиксированные в ст. 2 Статута Международного союза (названные там «коренные основы»), казавшиеся русским ученым неуместными в свободном научном поиске.

Русская группа Международного союза криминалистов учреждается 5 июня 1897 г., в этот день Министр народного просвещения, статс-секретарь граф Иван Давыдович Делянов утвердил ее Устав [6, с. 3]. Она была образована при Юридическом обществе, состоящем при императорском Санкт-Петербургском университете, для научной разработки, распространения и применения положений уголовного права в соответствии с задачами Международного союза и условиями русской жизни (ст. 1 Устава).

Если сравнить повестку Международных съездов и повестку съездов Русской группы, можно утверждать, что в России воспринимались и обсуждались определенные передовые мировые идеи в уголовно-правовой сфере, однако подавляющее внимание уделялось специфическим национальным вопросам (см. табл. 1).

В Уставе закреплялось, что Русская группа собирает материалы по вопросам, обсуждаемым Союзом, распространяет научно выработанные положения уголовного права путем их опубликования в научных журналах, в публичных лекциях и беседах, готовит доклады для съездов Международного союза и разрешает вопросы, передаваемые Союзом на обсуждение групп или иницируемые самой группой (ст. 2).

Первый список членов Русской группы насчитывал 21 человек, среди которых были известные профессора, сенаторы, министры и практикующие юристы из разных городов Российской Империи (к 1 января 1914 г. Русская группа объединяла уже 330 членов):

1. Борзенко Александр Александрович (Одесса);
2. Вульферт Антон Карлович (профессор Военно-Юридической академии, Санкт-Петербург);
3. Дриль Дмитрий Андреевич (юрисконсульт Министерства юстиции, Санкт-Петербург);
4. Закревский Игнатий Платонович (сенатор, Санкт-Петербург);
5. Есипов Владимир Владимирович (профессор университета, Варшава);

Таблица 1

Основные уголовно-правовые вопросы, обсуждавшиеся на Международных съездах МСК	Основные уголовно-правовые вопросы, обсуждавшиеся на съездах Русской группы МСК
<i>Несовпадающие вопросы повестки</i>	
<ul style="list-style-type: none"> – влияние новых понятий в области уголовного права на законодательные постановления относительно покушения и соучастия; – понятие нравственной и уголовной ответственности; – проступки: определение, репрессия и судопроизводство; – при каких условиях и в каких случаях можно рекомендовать законодателю применение денежной пени в уголовном законе? – какую роль может играть ссылка в современной уголовной репрессии? – принятие начала реабилитации для законодательства тех стран, которым институт этот еще неизвестен; – какие меры благотворительности или репрессии могут быть приняты по отношению к нищим и бродягам? – о мерах, которые надлежит принять для уничтожения международной торговли женщинами; – составление общих правил относительно выдачи; – в чем заключаются недостатки современной системы борьбы с рецидивом, которой придерживается большинство законодательств? – каким образом должно определить в законе понятие несправимого привычного преступника и какие меры можно порекомендовать по отношению к этому классу преступников; – какие меры можно предложить законодателю для ограничения роли тюрьмы в том, что касается приговоров, постановляемых за легкие правонарушения? 	<ul style="list-style-type: none"> – условно-досрочное освобождение; – категории лиц, к которым не применяется ссылка; – введение института патроната за освобожденными лицами; – необходимость телесных наказаний; – о наказуемости хищений малоценных предметов; – об условиях помещения душевно больных в соответствующие помещения; – психические элементы преступления понятие вменяемости; – влияние алкоголизма на преступность; – о судебном усмотрении; – о принудительном воспитании; – восстановление в правах; – погашение рецидива давностью; – о религиозных преступлениях; – о государственных преступлениях; – о хулиганстве; – об аборте; – случайный преступник.
<i>Совпадающие вопросы повестки</i>	
<ul style="list-style-type: none"> – какое влияние могут иметь социологические и антропологические работы на основные юридические понятия уголовных законов? – начиная с какого возраста можно преследовать малолетних преступников? – о режиме для уменьшено-вменяемых лиц; – можно ли порекомендовать законодателю последовать примеру Бельгии (закон 31 мая 1881 г.) и ввести в уголовно-правовую систему условное осуждение? – о распространении на определенные категории рецидивистов понятия опасного состояния преступника. 	<ul style="list-style-type: none"> – правовая охрана детей; – уменьшенная ответственность некоторых лиц; – условное осуждение; – опасное состояние преступника; – о новейших исследованиях уголовной социологии.

6. Ивановский Игнатий Александрович (профессор университета, Санкт-Петербург);

7. Микляшевский Валентин Валентинович (профессор университета, Варшава);

8. Мольденгавер Александр Эдуардович (член Окружного суда, Варшава);

9. Муравьев Николай Валерианович (министр юстиции, Статс-Секретарь Его Величества, Санкт-Петербург);

10. Муромцев Сергей Андреевич (профессор Императорского Александровского лицея, присяжный поверенный, Москва);

11. Пионтковский Андрей Антонович (профессор Демидовского лицея, Ярославль);

12. Пржевальский Владимир Владимирович (состоит при университете, мировой судья, Москва);

13. Рененкампф Владимир Николаевич (профессор университета, Одесса);

14. Слиозберг Генрих Борисович (помощник присяжного поверенного, Санкт-Петербург);

15. Случевский Владимир Константинович (обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, профессор Училища правоведения, Санкт-Петербург);

16. Спасович Владимир Данилович (присяжный поверенный, Санкт-Петербург);

17. Таганцев Николай Степанович (сенатор, профессор Училища правоведения, Санкт-Петербург);

18. Филиппов Александр Никитич (профессор университета, Юрьев);

19. Фойницкий Иван Яковлевич (профессор университета, член Консультации при Министерстве Юстиции, Санкт-Петербург);

20. Фукс Эдуард Яковлевич (сенатор, Санкт-Петербург);

21. Шлиосковский Иосиф (присяжный поверенный, Варшава).

В Русской группе наблюдалось волнообразное изменение численности состава: от желания принять как можно больше членов на первом этапе — от 20 до 90 членов за одно заседание комитета, до массового исключения членов группы в силу отсутствия их деятельного участия в научной работе. При этом можно констатировать, что подготовкой и представлением докладов занимались максимум 30 человек за всю историю деятельности организации.

Структурно Русская группа включала комитет и собрание членов. Дела группы вел комитет, состоявший из председателя и трех членов, избираемых на два года собранием группы: один из членов исполнял обязанности секретаря, другой — казначея, третий — библиотекаря. В обязанности комитета входили формирование круга вопросов, подлежащих рассмотрению на собраниях; определение тем докладов и докладчиков; выработка предложений об оптимальных формах сбора материалов для научных исследований, их апробации, популяризации и внедрении в уголовное законодательство и практическую деятельность.

Для составления докладов комитет обращался к членам группы, известным своими работами по соответствующим вопросам, однако другие члены группы также имели право подготовить доклад. Сроки проведения работ хотя и закреплялись, однако они могли быть скорректированы. Например, к первому собранию Русской группы планировалось заслушать восемь докладов, но ни один из них не был подготовлен. Это произошло из-за того, что многие члены группы привлекались в течение 1898 г. Министерством юстиции к сбору материалов для международного пенитенциарного конгресса в Брюсселе, а также к работе комиссии по борьбе с алкоголизмом, учрежденной при обществе охранения народного здоровья [6, с. 70]. Подобные эксцессы случались довольно редко.

Как правило, проекты докладов предварительно направлялись в комитет, который принимал решение об их одобрении либо высказывался о необходимости доработки. В случае положительного решения комитет обязывался их опубликовать.

Каждое заседание комитета Русской группы оформлялось протоколом, в котором отражались дата проведения, повестка, ход обсуждения вопросов, принятые решения. Только за первые

пять лет деятельности Русской группы комитет заседал свыше 40 раз. Помимо научных, значительную часть повестки составляли финансовые (о размере, сроках, причинах неуплаты взносов) и кадровые (о принятии новых членов или об их исключении) вопросы.

Постановлением комитета созывались собрания группы не менее одного раза в год в определяемых им местах. Целью этих собраний (съездов) были:

- рассмотрение и утверждение отчетов комитета;
- обсуждение и рассмотрение вопросов, предложенных Союзом или инициированных самой группой.

Иными словами, именно собрание решало основные задачи Русской группы, определенные в ст. 1 ее Устава: научная разработка, распространение и применение положений уголовного права в соответствии с задачами Международного союза и «условиями русской жизни».

За всю историю существования Русской группы с 1897 по 1914 г. было проведено 10 съездов (1899, 1900, 1901, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910, 1912, 1914), при этом полноценное обсуждение научных вопросов удалось провести лишь на 8 из них. Киевский съезд группы, намеченный на 1905 г., был сорван. Как писали местные газеты: «На Киевский съезд явились толпой адвокаты ... Адвокаты себя и показали» [11, с. 340]. На общее собрание 1907 г. явилось лишь 27 человек, он признан несостоявшимся. В 1908 г. собрание констатировало необходимость переноса съезда на более поздний срок.

В случае предложения о созыве международного съезда Союза в пределах России комитет был обязан заниматься его организацией, для чего мог быть избран особый организационный комитет. В России съезд Международного союза криминалистов проводился единожды — в 1902 г. в Санкт-Петербурге.

Бюджет Русской группы формировался из:

а) членских взносов Международного союза. Комитету предоставлялось право для русских членов увеличивать взнос до двойного размера для того, чтобы обеспечить собственных расходов (*размер взноса был определен на первом заседании группы и составил 5 рублей с человека. В то время на 5 рублей можно было провести сутки в роскошной гостинице в Москве. Указанная сумма тратилась в основном на текущие нужды группы: изготовление печатей, бланков, книг. Часть взноса направлялась в бюджет Международного союза, который издавал и рассылал по всем странам-участницам свой Бюллетень — Bulletin de l'Union internationale de droit penal*);

б) пособий от правительственных или общественных организаций;

в) пожертвований в пользу группы;

г) доходов от изданий, предпринимаемых группой, а равно от устраиваемых ею публичных лекций, выставок и т.п.

Следует особо отметить, что Русская группа не являлась собранием теоретиков или участников различных научных конференций. Вырабатываемые ими консолидированные предложения максимально были ориентированными на практику. Внедрить в практику научные результаты можно было несколькими способами: опубликованием всех материалов собраний и их резолюций в журнале Министерства юстиции, по сути являвшимся настольной книгой всех служащих Министерства (выходил с 1859 г. и издавался как приложение к «Судебному вестнику». Периодичность – 10 раз в год; объем одного экземпляра составлял приблизительно 20 печатных листов. К 1905 г. тираж составлял примерно 6000 экз. и полностью окупал себя, хотя вначале финансировался из Государственного казначейства); приглашением к участию в собраниях (съездах) высших должностных лиц Империи, а также практикующих юристов; путем участия членов группы в различных комиссиях по изменению законодательства и использовании ими подготовленных на собраниях материалов.

Так, в протоколе заседания от 16 февраля 1900 г. рассматривалось сообщение статс-секретаря А.С. Танеева о командировании Комитетом попечительства о домах трудолюбия и работных домах, согласно Высочайше утвержденному Ее Величеством Государыней Императрицей Александрой Федоровной, барона Н.А. Витте, барона Б. Э. фон-Вольфа и Е.Д. Максимова делегатами на предстоящий 17–19 февраля съезд Русской группы международного союза криминалистов. Другим примером является сообщение И.Я. Фойницкого, из которого явствует, что представленный им Министру юстиции проект нормального устава патроната, выработанный согласно постановлению Московского съезда, по распоряжению Министра юстиции передан на окончательное рассмотрение Высочайше учрежденной комиссии о принятии мер по введению в действие нового Уголовного уложения (протокол от 12 января 1904 г.).

Члены Русской группы также знакомили своих иностранных коллег с теми проблемами, которые разрабатывались в России: «...в виду ближайшего ознакомления иностранных членов с прошлой деятельностью русской группы, комитет счел полезным озаботиться переводом на французский язык и напечатании протоколов заседаний комитета,

а равно и журналов трех уже состоявшихся съездов, с теми сокращениями, необходимость коих будет признана комитетом» [6, с. 433].

Первые шаги группы

Первое собрание Русской группы состоялось 23 ноября 1897 г., оно было посвящено организационным вопросам. В частности, определялось, что собрания будут проходить в зданиях Министерства юстиции, а все материалы Русской группы будут печататься в Журнале этого же министерства (*Русская группа не только публиковала протоколы всех своих заседаний в Журнале Министерства юстиции, но также в виде отдельных приложений к журналу выходили материалы собраний группы. В 1912–1913 гг. Русская группа выпускала собственный журнал – Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской группе Международного союза криминалистов. Свет увидели 8 номеров*). Все это подтверждало высокий статус группы.

Вступительная речь И.Я. Фойницкого была пламенной, критикующей иные международные собрания по вопросам уголовного права (Общество международного права и Международные пенитенциарные конгрессы) за их недоступность, официозность, помпезность и значительные временные интервалы в собраниях. По его мнению, требовалась гораздо более масштабная постановка предмета исследования и программа работ, что и смог взять на себя Международный союз криминалистов.

Ученый подчеркивал органическое единство Русской группы с Союзом. Но при этом особо отмечал, что «...русская группа не стесняет себя положениями Статута Международного союза ... хотя и примыкает к его задачам ... пользуется полным простором для всякой научной работы в уголовно-правовой области ... Русская группа занимает по отношению к Союзу самостоятельное положение и получает возможность пользоваться его огромной эрудицией и богатым опытом, не стесняясь теми его заключениями, которые не вызываются отечественными потребностями и нуждами ... Открывая свое существование, русская группа имеет в виду интересы и нужды русской юриспруденции и жизни. Дальнейшее развитие этого важного положения для установления отношений к Международному союзу считается одним из ближайших дел нашего комитета» [6, с. 8].

В приветственном обращении также говорилось, что Русская группа не противопоставляет себя другим отечественным юридическим сообществам, правительственным и общественным организациям.

Применительно к первым конкретно разграничивалось «поле деятельности»:

- юридические общества занимаются преимущественно догматическим изучением отечественного права и процесса; группа предполагает широкое изучение преступности и наказания, что потребует участия не только юристов, но и статистиков, политиков, экономистов, медиков и представителей разных ветвей администраций, главным образом тюремной;
- в вопросах *de lege ferenda* юридические общества для успеха своей деятельности должны опираться на действующее законодательство; круг работ группы гораздо шире, выходит за пределы преступности и наказания;
- юридические общества являются местными учреждениями, существующие лишь в некоторых городах России; группа получила право открывать заседания как своего комитета, так и общего собрания в любом месте России.

Таким образом, сотрудничество Русской группы и юридических сообществ России могло быть исключительно взаимовыгодным, что осознавалось всеми учеными страны. Например, уже 17 марта 1898 г. И.Я. Фойницкий был избран почетным членом Курского юридического общества.

Первым председателем Русской группы был избран И.Я. Фойницкий. По этому поводу в протоколе заседания указывалось: «...И.Я. Фойницкий, который, благодаря собрание за оказанный ему почет, заявил, что он охотнее бы желал, чтоб эта должность была предоставлена другим лицам, более его авторитетным и свободным от других занятий и более способным принести пользу делу, которому должна служить русская группа... и в этих видах обращался к некоторым членам группы ... но, к сожалению, безуспешно» [6, с. 13].

И.Я. Фойницкий (1847–1913)

Иван Яковлевич Фойницкий – известный ученый-криминалист, доктор уголовного права, декан юридического факультета и профессор кафедры уголовного права Императорского Санкт-Петербургского университета, сенатор Правительствующего Сената Российской Империи. Известен как автор многочисленных работ по уголовному праву и процессу, признанных, по свидетельству современников, непревзойденными по полноте и точности догматической разработки.

Фойницкий родился 29 августа 1847 г. в г. Гомеле. Образование получил в Черниговской и Мо-

гилевской гимназиях, в 1868 г. окончил юридический факультет С.-Петербургского университета.

Еще студентом был награжден золотой медалью за сочинение по уголовному процессу. Поэтому не удивительно, что после окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Три года (1868–1871) читал курс уголовного права в Аудиторском училище (впоследствии преобразованном в Военно-юридическую академию).

В 1871 г. защитил магистерскую диссертацию «Мошенничество по русскому праву», посвященную сравнительно-догматическому исследованию данного преступления. Об обстоятельствах автора свидетельствуют объем работы (289 стр.) и охват материала. В ней дан анализ развития законодательства (от Судебника Ивана Грозного до петровского права), показано регулирование ответственности за это преступление по финляндскому, германскому, французскому и англо-американскому праву, скрупулезно рассмотрены различные аспекты мошенничества по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Рассматривая конкретное преступление, ученый пытался ответить и на основной вопрос криминологии: причинах преступности и возможности ее искоренения, посвятив первую часть диссертации гипотезе о постепенном ее вырождении и о так называемых действительных законах развития преступлений.

Фойницкий стоял на позициях социологической школы уголовного права, базировавшихся на теории факторов преступности (социально-экономических – безработица, нищета, проституция; физических или космических – время года, суток, климат, состояние погоды; индивидуальных или биологических – пол, возраст, темперамент, психофизические особенности преступника и т.д.). В советской криминологии такой подход подвергался критике, однако в настоящее время отказ от многих утопических целей совсем в ином свете представляет выводы «социологов» о вечности преступности как социального явления.

После защиты диссертации Фойницкий был избран доцентом и для стажировки командирован за границу. Молодой педагог прослушал лекции выдающихся ученых-криминалистов в университетах Берлина, Лейпцига, Вены, Парижа, в это же время изучал деятельность мест заключения в европейских странах, прежде всего пенитенциарные учреждения ирландской системы. Многие свои впечатления позднее изложил в фундаментальной работе «Учение о наказании в связи с тюремоведением» (СПб., 1889), положения которой

сохраняют актуальность и в наши дни. В частности, представляют интерес взгляды ученого на цели и свойства наказания, по поводу которых и сегодня не прекращаются научные дискуссии.

Возвратившись из-за границы, Фойницкий полностью посвящает себя преподаванию. В 1873 г. в учебный процесс вводит два курса: общий – уголовное право для «студентов административного разряда»; специальный – тюрьмоведение для всех студентов юридического факультета. Кроме этого, читает курс уголовного судопроизводства в Императорском училище правоведения и курс энциклопедии права в Императорском Александровском лицее.

В 1874 г. Фойницкий зачислен в Министерство юстиции, а через два года назначен товарищем (заместителем) обер-прокурора Правительствующего Сената.

В это же время он усиленно занимается подготовкой докторской диссертации «Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии», которая им успешно защищена 1 марта 1881 г. Официальными оппонентами Н.С. Таганцевым и И.Е. Андреевским проведенное исследование оценено очень высоко.

Фойницкий был удостоен степени доктора уголовного права и утвержден вначале экстраординарным, а затем ординарным профессором.

Ученый несколько лет возглавлял юридический факультет С.-Петербургского университета, являлся председателем дисциплинарного суда при университете (1902–1903 гг.).

В 1901 г. Фойницкого перевели экстраординарным профессором, хотя фактически до самой смерти он возглавлял кафедру уголовного права и процесса. Параллельно с его новым заведующим, своим учеником профессором Н.Н. Розиным, приглашенным из Томского университета, читал курс уголовного судопроизводства.

Поражает широта научных интересов ученого, востребованность его работ. Достаточно сказать, что подготовленный им «Курс русского уголовного права. Часть Особенная», впервые опубликованный в 1890 г., выдержал семь изданий; «Курс уголовного судопроизводства» (СПб., 1884–1888) – четыре издания. Без преувеличения можно сказать: если бы творческое наследие Фойницкого ограничивалось бы только этим фундаментальным трудом, известным, пожалуй, каждому процессуалисту, то и тогда бы он обессмертил свое имя в науке.

В первую очередь ученого интересовали социологические проблемы преступности, которым он посвящает исследования: «Влияние времен года

на распределение преступлений. Опыт социального диагноза преступлений»; «Факторы преступности»; «Женщина-преступница» и др.

В то же время не ослабевало его внимание к проблемам уголовного права и тюрьмоведения. Им опубликованы статьи: «Уголовное право, его предмет и задачи»; «Проект основных положений тюремного преобразования в России гр. В.А. Соллогуба»; «Тюремная реформа и тюрьмоведение»; «Русская карательная система»; «Необходимость реформы постановлений русского уголовного законодательства по вопросу о лишении прав»; «Управление ссылки» и др.

До обращения Фойницкого к проблемам пенологии работы по организации тюремного заключения в целом представляли собой справочный материал, предназначенный для тюремной реформы, и разного рода компиляции либо описанию отдельных тюремных систем. Работы Фойницкого заметно отличаются от них и в первую очередь самостоятельностью и глубиной исследования, опирающегося на русский опыт организации лишения свободы, исполнения других видов наказания. Они сочетают в себе академизм и практическую направленность, свидетельствуют о попытке автора решить уголовно-политические проблемы, в первую очередь рационализации наказания, и на основе этого предложить конкретные решения.

Ряд трудов автора переведены на иностранные языки и изданы за границей: на немецком языке – «Уголовно-правовая доктрина о соучастии» (1891) и «О проекте уголовного уложения с точки зрения сравнительного законодательства» (1895); на французском языке – «О ссылке римской, английской и русской» (1895).

По предложению профессора Листа им написан очерк «Русское уголовное право в историческом его развитии», опубликованный в 1894 г. на французском языке в бюллетене Международного союза уголовного права. В этом же бюллетене он опубликовал некоторые свои мемуары.

Фойницкий известен как государственный и общественный деятель. В 1900 г. был произведен в тайные советники и назначен сенатором Уголовного кассационного департамента. Незадолго до смерти по состоянию здоровья он перешел на должность сенатора общего собрания.

Несколько лет работал в качестве гласного в Петербургской городской думе, сосредоточив свои усилия на деятельности юридической комиссии. Здесь он выступил инициатором устройства особых судов в России для малолетних, которые были введены в 1909 г.

Ученый состоял членом редакционной комиссии, учрежденной для составления проекта уголовного уложения, принимал участие в комиссии обычного права при Императорском географическом обществе (подготовил программу для собирания народных юридических обычаев, опубликована: Уголовное право, 1878) и в комиссии по организации тюремной статистики.

Фойницкий неоднократно возглавлял государственные испытательные комиссии (государственные аттестационные комиссии) С.-Петербургского и других университетов страны.

По его предложению при Санкт-Петербургском университете в 1877 г. было организовано юридическое общество, устав которого подготовлен лично Фойницким. В работе общества он принимал активное участие, выполнял обязанности секретаря, товарища председателя и председателя уголовного отделения. На Петербургском и Парижском пенитенциарных конгрессах были обсуждены доклады, подготовленные членами этого юридического общества.

С именем Фойницкого связано развитие международных контактов русских криминалистов. Он многое сделал для сближения русской науки уголовного права с западной криминалистикой. С 1889 г. являлся членом Международного союза уголовного права, принимал участие в его съездах в Брюсселе, Берне, Париже, Линце (Австрия).

Профессор долгие годы страдал туберкулезом, но, несмотря на это, много и плодотворно работал в университете. За три дня до смерти он экзаменовал студентов по уголовному судопроизводству.

Умер Фойницкий 19 сентября 1913 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге [12, с. 57–60].

На организационном собрании Русской группы были определены предметы научных исследований, требующие разработки в ближайшее время. К ним отнесли: «1) условное осуждение; 2) условно-досрочное освобождение; 3) воспитательные заведения для новичков преступления (система Эльмиры); 4) меры общественной безопасности против наказанных неисправившихся, настоятельность которых станет вне сомнения при вероятном сокращении ссылки или даже упразднении ее; например, принудительное задержание в работном доме, продолжение определенного приговором срока наказания и т.п.; сюда же принадлежит вопрос о приговорах неопределенных по сроку; 5) способы, которыми могло бы быть облегчено действительное осуществление в России идеи патронажа для отбывших наказание; 6) спо-

собы привлечения обществ крестьянских и иных к помощи лицам, стоящим на рубеже преступности, и к надзору за ними» [6, с. 14].

Общий алгоритм проведения организационной работы группы, который не претерпел изменения в последующем, может быть продемонстрирован на примере второго дня собрания, прошедшего 25 ноября 1897 г. [6, с. 18–20]. На нем обсуждалось: 1) какие вопросы требуют со стороны группы разработки в ближайшее время; 2) какие способы разработки могут быть предложены с вероятностью наибольшего успеха. Комитет пришел к заключению, что наиболее настоятельными оказываются вопросы об условном осуждении и условно-досрочном освобождении от заключения, которые должны быть немедленно поставлены в очередь. Применительно к способу их разработки, то по мнению комитета, авторам следовало рекомендовать:

1) составить сжатые и точные доклады, в которых было бы обращено внимание и выяснены разные стороны обсуждаемых институтов вообще и применительно к условиям русской жизни в частности. Для составления докладов комитет обращается к членам группы, известным своими работами по соответствующим вопросам, но также доклады могут быть представлены другими членами группы. После рассмотрения докладов комитет обязывается их напечатать либо в отдельности, либо в виде общего свода;

2) составить по темам докладов вопросы, ответы на которые было бы желательно получить от возможно более широкого круга лиц, состоящих на правительственной или общественной, занимающихся соответствующими вопросами, в частности: чины судебных установлений, присяжные поверенные, земские начальники, чины тюремного ведомства, не говоря уже о профессорах университетов по соответствующим кафедрам, так как их участие было бы крайне полезно для выяснения изучаемых институтов. Таким программам должны предшествовать предисловия, в которых желательно вкратце изложить назначение и существо соответствующего института, формы его осуществления и доводы, приводимые за и против него;

3) для привлечения общественного внимания к разрабатываемым вопросам, комитет признал желательным устроить по этим вопросам публичные лекции в разных местностях России лицами, ими занимавшимися; со своей стороны, комитет гарантировал поддержку этому делу, при условии присылки ему и одобрения им программы лекций, в которой должно быть указано не только

содержание лекций, но и защищаемое автором направление.

Комитет принял следующее решение:

1) признать подлежащими безотлагательной разработке группы вопросы: а) об условном осуждении (погасительная отсрочка исполнения приговора); б) об условном досрочном освобождении из заключения;

2) просить о составлении и предоставлении комитету в рукописи или в печатных оттиках докладов:

а) по вопросу об условном осуждении — С.В. Гогеля, А.А. Жижиленко, А.А. Пионтковского и В.В. Пржевальского;

б) по вопросу об условно-досрочном освобождении из заключения — Д.Л. Дриля, М.В. Духовского, В.П. Даневского и В.В. Есипова;

3) просить тех же лиц о составлении по соответствующим вопросам детальных программ и о представлении их комитету;

4) срок представления докладов и программ — 15 февраля 1898 г.

В силу указанных ранее причин доклады не были представлены, однако это не помешало через год, как и предписывалось Уставом, провести первое собрание (съезд) Русской группы, прошедшего 4–5 января 1899 г., центральное внимание на котором уделялось вопросу об условном осуждении.

История группы, к сожалению, не была всегда безоблачной. Накалявшаяся обстановка в стране в 1905 г., отразилась на деятельности группы, в ее рядах также произошел собственный «переворот», приведший к смене председателя. На V съезде Русской группы, проходившей 3–5 января 1905 г. в Киеве, между И.Я. Фойницким и большинством делегатов произошел конфликт, приведший к его отставке. После доклада А.А. Леонтьева, посвященного оказанию юридической помощи населению, профессором А.Ф. Кистяковским была предложена резолюция, в которой говорилось: «при условии бесправия и произвола, являющихся основными устоями нашего современного русского строя, ни о какой юридической помощи не может быть и речи».

Вместо этой резолюции И.Я. Фойницким была предложена другая, она не содержала ни одного положения, обличающего существующие порядки в России. Абсолютное большинство съезда проголосовало за резолюцию А.Ф. Кистяковского. В ответ на это председатель объявил съезд закрытым, поскольку он, по его мнению, стал «принимать нелегальный характер». Вечером в здание явился

наряд полиции. В таких условиях, разумеется, съезд не мог продолжать работу. Поведение И.Я. Фойницкого вызвало среди либеральных юристов сильное возмущение. Делегаты съезда осудили действия председателя русского отделения Международного союза уголовного права и отказались от дальнейшей работы под его руководством.

14 января 1905 г. в комитет Русской группы поступило заявление И.Я. Фойницкого: «Как Комитету известно, с сентября 1902 г. я неоднократно просил освободить меня от звания Председателя Группы. Между тем, вследствие оказавшегося необходимым закрытия Киевского съезда, выборы бюро Комитета отложены до апреля месяца. Не имея решительно никакой возможности, по состоянию здоровья моего, текущим моим занятиям и иным причинам, оставаться в должности Председателя Группы до этого срока, я вынужден сложить ее с себя теперь же, с сегодняшнего дня, о чем заявляю Комитету» [11, с. 335].

Вторым и последним председателем Русской группы стал В.Д. Набоков (*авторам не удалось найти протокол заседаний рабочей группы, на котором был избран В.Д. Набоков в качестве председателя. Последний опубликованный протокол за 1905 г. датирован 14 января. Следующее запротоколированное заседание состоялось 17 февраля 1906 г., в котором председателем уже указан В.Д. Набоков, причины его назначения также неизвестны. Можно предположить, что группа не собиралась в силу революционной обстановки в стране*).

В.Д. Набоков (1869–1922)

Владимир Дмитриевич Набоков — юрист, политический деятель, журналист, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии. Отец — Дмитрий Николаевич Набоков — министр юстиции, образование получил в Императорском училище правоведения; мама — баронесса Мария Фердинандовна фон Корф. Владимир Дмитриевич — отец писателя В.В. Набокова.

Как отмечается в литературе, жизнь красивого и богатого молодого человека была светлой и радостной. С детства он усвоил привычки англома, занимался спортом, боксировал и фехтовал. Вел светский образ жизни. Посещал костюмированные балы, оперу. Утром — верховая езда на собственных лошадях в манеже на Исаакиевской площади, вечером — театр. Уделял много времени крокету, теннису и многолюдным пикникам. Два раза в год посещал европейские курорты. Следуя традициям своего англоязычного аристокра-

тического окружения, занимался благотворительностью. Был библиофилом и председателем Российского литературного фонда.

В 1891 г. окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (в период учебы подвергался аресту за участие в студенческих волнениях). Проходил стажировку в Галльском университете, целью которой была так называемая профессорская подготовка по уголовному праву. С 1896 г. начал преподавать указанную дисциплину в Императорском училище правоведения. Принимал участие в редактировании журнала «Вестник права», газеты «Право», был постоянным сотрудником журнала «Освобождение».

В 1906 г. избран членом Первой Государственной Думы от С.-Петербургa. По некоторым сведениям, 28 раз выходил на трибуну Думы, выступая по актуальным проблемам государственного строительства. Так, одна из его речей (13 мая 1906 г.) содержала призыв к разделению ветвей власти. Фактически был брошен вызов правительству: «...с точки зрения народного представительства, мы можем только сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной».

С 14 мая по 17 августа 1908 г. отбывал заключение, к которому был приговорен в связи с подписанием Выборгского воззвания.

В 1911 г. вызвал на дуэль редактора газеты «Новое время» М.А. Суворина. Поводом для этого стала публикация сотрудника газеты Н.В. Снесарева с упоминанием семейной жизни Набокова. Расчет Снесарева, автора оскорбительной заметки, и главного редактора Суворина строился на предположении, что В.Д. Набоков, автор недавней работы «Дуэль и уголовное законодательство» (СПб., 1910), осуждавшей этот обычай, скрывал себя своей собственной теорией.

3 марта 1917 г. вместе с бароном Б.Э. Нольде составил акт отречения великого князя Михаила Александровича.

После Февральской революции 1917 г. активно включился в формирование новых органов власти,

став управляющим делами Временного правительства. На этом посту принял участие в разработке ряда важных законодательных актов новой власти. В мае 1917 г. стал сенатором, работал в Юридическом совещании при Временном правительстве, принимал участие в Государственном совещании в Москве (август 1917 г.), был товарищем (заместителем) председателя Временного совета Российской республики – Предпарламента (октябрь 1917 г.); был избран членом Учредительного Собрания от Петроградской губернии. занимал пост управляющего делами Временного правительства.

Октябрьской революции Набоков не принял, войдя в состав антибольшевистского «Комитета спасения Родины и революции». В ноябре 1917 г. был арестован большевиками, но через несколько дней его освободили. Не дожидаясь нового ареста (партия кадетов была объявлена большевиками вне закона), Набоков уехал к семье в Крым, где в ноябре 1918 г. занял пост министра юстиции краевого правительства.

2 апреля 1919 г. вместе с семьей эмигрировал за границу. Некоторое время проживал в Лондоне и Париже. В 1920 г. переехал в Берлин, где погиб от рук террориста С.В. Таборицкого.

Основные научные труды: Содержание и метод науки уголовного права. СПб., 1896; Элементарный учебник особенной части уголовного права. СПб., 1903; Сборник статей по уголовному праву. СПб., 1904; Дуэль и уголовный закон. СПб., 1910; «Ceterum censeo...» (К вопросу о смертной казни). СПб., 1913 и др.

Русская группа Международного союза криминалистов просуществовала пятнадцать лет, которые сопровождалась жаркими спорами, выработкой плодотворных идей, постоянными контактами с зарубежными коллегами и даже скандалами. Работа Русской группы прерывалась лишь из-за революционных событий 1905–1907 гг., а окончательно прекратилась в 1914 г. с началом Первой мировой войны.

Литература

1. *Беляева Л.И.* Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Пенитенциарная наука. 2012. № 17. С. 69–81.
2. *Таганцев Н.С.* Стокгольмский тюремный конгресс // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 2. С. 28–90.
3. *Викторова И.Б.* Учреждения ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней. М., 1980. – 64 с.
4. Лауреаты Нобелевской премии: энциклопедия. М., 1992. – 740 с.
5. *Дорская А.А.* Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 134. С. 88–101.
6. Международный союз криминалистов. Русская группа. СПб., 1902. – 577 с.

7. Statuts de l'Union Internationale de Droit Pénal (1889) // *International Review of Penal Law*. 2015. № 3–4.
8. Фойницкий И.Я. Международный союз уголовного права // *Юридический вестник*. 1890. Г. 22. № 9. С. 3–24.
9. Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915). М., 2013. – 348 с.
10. Зайцева Л.А. Общий устав императорских российских университетов 1835 г.: генезис «университетского» законодательства // *Lex Russica*. 2014. № 7. С. 862–875.
11. К заявлению И.Я. Фойницкого от 7 января // *Журнал Министерства юстиции*. 1905. № 2. С. 321–357.
12. Чучаев А. Фойницкий // *Законность*. 2007. № 9. С. 57–60.

References

1. Belyaeva L.I. Mezhdunarodnye penitenciarnye kongressy i razvitie ucheniya o vospitanii nesovershennoletnih pravonarushitelej [International penitentiary congresses and the development of teaching on the education of juvenile offenders]. *Penitenciarnaya nauka [Penitentiary science]*, 2012, no. 17, pp. 69–81. (In Russian)
2. Tagancev N.S. Stokgol'mskij tyuremnyj kongress [Stockholm prison Congress]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava [Journal of civil and criminal law]*, 1880, book 2, pp. 28–90. (In Russian)
3. Viktorova I.B. Uchrezhdeniya OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i bor'be s nej [UN agencies for the prevention and control of crime]. Moscow, 1980. 64 p. (In Russian)
4. Laureaty Nobelevskoj premii: Enciklopediya [Nobel prize laureates: Encyclopedia]. Moscow, 1992. 740 p. (In Russian)
5. Dorskaya A.A. Institut mezhdunarodnogo prava: opyt neoficial'nogo nauchnogo soobshchestva [Institute of international law: experience of the informal scientific community]. In *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena [Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen]*, 2010, no. 134, pp. 88–101. (In Russian)
6. Mezhdunarodnyj soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa [International Union of Criminologists. Russian group]. Saint-Petersburg, 1902. 577 p. (In Russian)
7. Statuts de l'Union Internatiionale de Droit Pénal (1889). *International Review of Penal Law*, 2015, no. 3–4.
8. Fojnickij I.Ya. Mezhdunarodnyj soyuz ugovolnogo prava [International Union of criminal law]. *Yuridicheskij vestnik [Legal Bulletin]*, 1890, year 22, no. 9, pp. 3–24. (In Russian)
9. Lyublinskij P.I. Mezhdunarodnye s'ezdy po voprosam ugovolnogo prava za desyat' let (1905–1915) [International congresses on criminal law for ten years (1905–1915)]. Moscow, 2013. 348 p. (In Russian)
10. Zajceva L.A. Obshchij ustav imperatorskih rossijskih universitetov 1835 g.: genезis “universitetskogo” zakonodatel'stva [General Charter of the Imperial Russian universities of 1835: the genesis of “University” legislation]. *Lex Russica*, 2014, no. 7, pp. 862–875. (In Russian)
11. K zayavleniyu I.YA. Fojnickogo ot 7 yanvarya [To the statement of I.Ya. Fojnitsky from January 7]. *Zhurnal Ministerstva yusticii [Journal of the Ministry of Justice]*, 1905, no. 2, pp. 321–357. (In Russian)
12. Chuchaev A. Fojnickij [Fojnitsky]. *Zakonnost' [The legality]*, 2007, no. 9, pp. 57–60. (In Russian)

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ВСЛЕДСТВИЕ НЕБРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА К ВЫПОЛНЕНИЮ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (СИСТЕМА НОРМ ПО УК РФ)

Борукаева Лана Алиевна,
Федоров Никита Ильич

Цель: актуальность данной темы объясняется пугающей динамикой медицинских преступлений, возросшим количеством жалоб на некачественную медицинскую помощь. Участвовавшие случаи уголовного преследования в отношении врачей имеют в своей основе разнообразные факторы. Однако основными являются следующие:

1) некомпетентность медицинских работников, явное нарушение ими профессиональных стандартов, пренебрежительное отношение к своим должностным обязанностям;

2) боязнь врачей идти даже на обоснованный риск, так как любой неблагоприятный исход грозит привлечением к уголовной ответственности. Иногда объективные причины (такие как слабая техническая оснащенность медицинских учреждений или физиологические особенности организма пациента и т. д.) становятся помехой в принятии правильного решения специалистом, что влечет за собой негатив со стороны больного или его родственников, выливающийся в судебном разбирательстве. Близким пациента намного проще переложить всю вину на врача, чем смириться с утратой любимого человека.

Целью данной работы является рассмотрение систем норм по УК РФ по причинению вреда здоровью вследствие небрежного отношения медицинского работника к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Методология: методы исследования выражаются изучением и анализом научной литературы, изучением и обобщением судебной практики, анализом и синтезом, а также сравнение.

Выводы. Все рассмотренные составы сконструированы как материальные, что, естественно, предполагает установление причинно-следственной связи между совершенным медработником профессионально неправомерным деянием и фактически наступившими общественно опасными последствиями. Если же последствия (даже в виде смерти пациента) наступают ввиду непосредственного воздействия на состояние больного внезапно возникших посторонних факторов, предвидеть наступление которых медицинский работник не мог, то, несмотря на свое небрежное или легкомысленное отношение к исполнению профессиональных обязанностей, объективно могущее в результате определенных действий (бездействия) повлечь причинение вреда здоровью или смерть больного, привлечь медработника к уголовной ответственности УК РФ возможности не дает.

Научная и практическая значимость данной темы объясняется пугающей динамикой медицинских преступлений, возросшим количеством жалоб на некачественную медицинскую помощь. Проблема преступлений в сфере медицины всегда интересовала специалистов в области уголовного права, поскольку она имеет практическое значение, выраженное в охране здоровья.

Ключевые слова: уголовное наказание, медицинский работник, пациент, медицинская помощь, вред здоровью, сопутствующие заболевания, ответственность, небрежное отношение, медицинское преступление, профессиональные обязанности.

Актуальность данной темы объясняется пугающей динамикой медицинских преступлений, возросшим количеством жалоб на некачественную медицинскую помощь. Участвовавшие случаи уголовного преследования в отношении врачей имеют в своей основе разнообразные факторы. Однако основными являются следующие:

1) некомпетентность медицинских работников, явное нарушение ими профессиональных стандартов, пренебрежительное отношение к своим должностным обязанностям;

2) боязнь врачей идти даже на обоснованный риск, так как любой неблагоприятный исход грозит привлечением к уголовной ответственности. Иногда объективные причины (такие как слабая техническая оснащённость медицинских учреждений или физиологические особенности организма пациента и т. д.) становятся помехой в принятии правильного решения специалистом, что влечет за собой негатив со стороны больного или его родственников, выливающийся в судебном разбирательстве. Близким пациента намного проще переложить всю вину на врача, чем смириться с утратой любимого человека.

Одной из наиболее действенных гарантий конституционного права на охрану здоровья являются меры уголовно-правового воздействия. Преступления в сфере здравоохранения в настоящее время перечисляются в Уголовном кодексе РФ.

Таковыми деяниями, согласно УК РФ, являются: 1) причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ); 2) принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); 3) заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ); 4) неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ); 5) воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ); 6) причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ).

В ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса РФ говорится о причинении тяжкого вреда здоровью и смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Повышение ответственности в этих случаях связано с тем, что лицо, исполняющее профессиональные обязанности, должно соблюдать, наряду с общими, еще и специальные правила, обусловленные спецификой профессиональной деятельности. Объект и субъект указанных преступлений те же, что и применительно к неоказанию помощи больному.

Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, в основных чертах характеризуется аналогично причинению смерти по неосторожности. Надо так же отметить, что неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, квалифицируется как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Если же неосторожная вина по отношению к смерти при этом отсутствует, содеянное квалифицируется по ст. 118 УК РФ.

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ). Основной состав воспрепятствования оказанию медицинской помощи является материальным. Обязательным признаком его объективной стороны выступает тяжкий вред здоровью пациента. По этой причине сфера применения статьи 124¹ УК – оказание медицинским работником экстренной и неотложной помощи.

Медицинская помощь может оказываться в следующих условиях (ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ): 1) вне медицинской организации (по месту вызова бригады скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также в транспортном средстве при медицинской эвакуации); 2) амбулаторно (в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения), в том числе на дому при вызове медицинского работника; 3) в дневном стационаре (в условиях, предусматривающих медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения); 4) стационарно (в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение). Этими условиями определяется обстановка совершения преступления. Медицинский работник – «физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность» (ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ).

Объективная сторона основного состава этого преступления (ч. 1) – намеренное создание помех (в любой поведенческой форме) для оказания медицинским работником помощи пациенту, следствием чего явилось наступление последствий в виде тяжкого вреда здоровью пациента. Наступление смерти пациента является квалифицирующим признаком этого преступления (ч. 2 ст. 124¹ УК РФ). Субъект

воспрепятствования оказанию медицинской помощи — лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъективная сторона преступления включает неосторожную вину (легкомыслие или небрежность) по отношению к наступлению последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека (или его смерти): виновный действует (бездействует), руководствуясь своими интересами и мотивами, не осознавая возможности наступления тяжких для здоровья (жизни) человека последствий либо рассчитывая на их избежание.

Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ). Условия и порядок трансплантации органов и (или) тканей человека определяются Законом РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Приказом Минздрава России № 306н/3, Российской академии наук № 3 от 4 июня 2015 г. утвержден Перечень объектов трансплантации, а приказом Минздрава России № 307н, Российской академии наук № 4 от 4 июня 2015 г. Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека.

Трансплантация (пересадка) органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан и должна осуществляться на основе соблюдения законодательства РФ. Статья 1 указанного Закона устанавливает, что трансплантация органов и (или) тканей от живого донора может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного либо восстановления его здоровья. Изъятие органов и (или) тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред.

Трансплантация органов и (или) тканей допускается исключительно с согласия живого донора. Принуждение любым лицом живого донора к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей влечет уголовную ответственность по ст. 120 УК РФ.

Непосредственный объект преступления — здоровье человека. Предмет — органы или ткани человека, с целью изъятия которых и совершается деяние. К таким органам и тканям человека относятся: сердце, легкое, печень, почка, селезенка, костный мозг и другие органы и ткани человека, перечень которых определен Минздравсоцразвития России и РАМН. Органы и их части, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека (например, яйцеклетка, яичники, эмбрионы), в названный перечень не включены.

Объективная сторона выражается в принуждении живого потенциального донора к согласию на

изъятие у него органов и (или) тканей для трансплантации, сопряженном с применением физического насилия либо угрозой его применения.

Слово «принудить» означает «заставить что-нибудь сделать». Принуждение в рамках ст. 120 УК РФ означает незаконное воздействие (физическое или психическое) на потерпевшего с целью добиться от него согласия на донорство. Применение насилия в процессе принуждения выражается в нанесении ударов, побоев, причинении легкого и средней тяжести вреда здоровью. Эти действия не требуют самостоятельной юридической оценки, т.е. при квалификации они охватываются диспозицией ст. 120 УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью в процессе принуждения образует совокупность преступлений и квалифицируется по ст. 120 и 111 УК РФ.

Угроза применения насилия означает психическое воздействие на потерпевшего и состоит в явно выраженном и реально осуществимом намерении прибегнуть к физическому насилию в случае, если лицо не захочет поступить нужным для виновного образом [2]. Угроза предполагает потенциальную возможность причинения любого физического вреда, включая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. При этом все содеянное охватывается ст. 120 УК РФ и дополнительной квалификации не требует. Угроза может быть высказана как самому потерпевшему, так и его близким. Способ доведения угрозы до потерпевшего может быть различным (устно, письменно, по телефону, через третьих лиц и т.п.) и на квалификацию не влияет. Важно лишь то, что она воспринимается потерпевшим как реальная, т.е. у него имеются основания опасаться осуществления этой угрозы.

Если лицо принуждалось к донорству иными способами (например, обман, подкуп и др.), то содеянное не образует состава преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ, и в зависимости от обстоятельств подлежит квалификации по ст. 111, 112, 115 УК РФ.

Состав формальный. Преступление считается оконченным с момента принуждения лица дать согласие на донорство своих органов или тканей, независимо от наступления общественно опасных последствий.

Если принуждение состоялось и орган и (или) ткани у потерпевшего были изъятые и тем самым ему причинен вред, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 120 и ст. 111 или 112 УК РФ, в зависимости от наступивших последствий, либо в случае наступления смерти — со ст. 105 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Частью 2 ст. 120 УК РФ устанавливается ответственность за то же деяние, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного. Содержание названных признаков типовое и было рассмотрено выше.

Заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). Рассматривая ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией» в системе норм раздела 16 Особенной части УК РФ, то эта норма является специальной по отношению к нормам об ответственности за причинение вреда здоровью человека. Это связано, в первую очередь, с тем, что состав ст. 122 УК РФ сконструирован так, что преступление считается оконченным с момента заражения ВИЧ-инфекцией человека, и не предполагается наступление общественно-опасных последствий в виде наступления смерти потерпевшего, как это предусмотрено, например в ст. 105 или ч. 4 ст. 111 УК РФ. Как отмечает С.В. Расторопов, заражение ВИЧ-инфекцией является одним из способов причинения вреда здоровью, хотя и в обобщенном виде [3]. Используя правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, ухудшение состояния здоровья человека, которое обусловлено характером и тяжестью травмы, отравлением, заболеванием, поздними сроками начала лечения, его возрастом, сопутствующей патологией и другими причинами, не признается причинением вреда здоровью и тем более причинением смерти. Поэтому трудно согласиться с теми учеными, которые считают непосредственным объектом ст. 122 УК РФ общественные отношения, охраняющие жизнь человека. Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является научная точка зрения о том, что к непосредственному объекту заражения ВИЧ-инфекцией относятся общественные отношения, охраняющие здоровье человека

Рассматривая состав преступления по ст. 122 УК РФ, необходимо отметить, что в настоящее время ведутся дискуссии по поводу определения непосредственного объекта данного преступления. Поэтому для выяснения сущности непосредственного объекта, предусмотренного ст. 122 УК РФ, необходимо определить признаки тех общественных отношений, на которые совершается конкретное посягательство. Одни ученые под непосредственным объектом заражения ВИЧ-инфекцией определяют здоровье человека. Другие ученые непосредственный объект данного состава преступления определяют как общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека. При этом у сторонни-

ков данного мнения так же имеются различные точки зрения.

Л.А. Можайская утверждает о том, что заражение ВИЧ-инфекцией имеет два непосредственных объекта: общий непосредственный объект – здоровье человека и факультативный – жизнь человека. В качестве обоснования своей точки зрения ученый выдвигает тезис о том, что с одной стороны, заражение ВИЧ-инфекцией не всегда переходит в стадию СПИД, а, значит, и не всегда приводит к смерти. Иными словами, потерпевший, в зависимости от состояния здоровья может быть носителем инфекции в течение неопределенного периода времени, а, может быть, и всей жизни. Поэтому Л.А. Можайская при заражении ВИЧ-инфекцией жизнь должна рассматриваться в качестве факультативного объекта.

Данное утверждение является спорным в силу того, что в теории уголовного права под факультативным непосредственным объектом преступления признается то общественное отношение, которое данное преступление в одних случаях изменяет, а в других – нет. А как показывает медицинская практика, заражение ВИЧ-инфекцией всегда приводит к смертельному исходу либо от СПИДа, либо от вторичных сопутствующих заболеваний. Поэтому наибольшую популярность обрело другое мнение ученых, которые считают, что состав преступления ст. 122 УК РФ включает в себя два объекта основных объекта – жизнь и здоровье человека. Данное мнение обосновано тем, что ВИЧ-инфекция – это медленно прогрессирующее инфекционное заболевание, возникающее вследствие заражения вирусом иммунодефицита человека, поражающего иммунную систему, в результате чего организм становится высоковосприимчивым к оппортунистическим инфекциям и опухолям, которые в конечном итоге приводят к гибели больного. Однозначным является то, что ВИЧ-инфекция причиняет вред здоровью.

С медицинской точки зрения здоровье человека – определенное физиологическое (соматическое и психическое) состояние организма, при котором все его составляющие функционируют нормально, а также которое предполагает сохранение в норме анатомической целостности органов и тканей, их физиологических функций, отсутствие заболеваний и патологических состояний. Так же законодательно закреплено, что ВИЧ-инфекция – хроническое заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека. Данное заболевание характеризуется специфическим поражением иммунной системы, приводящее к медленному ее разрушению до формирования СПИД, сопровождающегося развитием оппортунистических инфекций и вторичных злокачественных новообразований.

Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Субъектом преступления является только лицо, обязанное оказывать медицинскую помощь больным в силу закона или специального правила. В первую очередь это врачи и лица среднего медицинского персонала. Причем правилами не предусмотрено различий между служебным и неслужебным временем медицинских работников, между теми из них, кто состоит в штате государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждений, и теми, кто является сотрудником частных лечебных учреждений. Привлечение лица к уголовной ответственности возможно только при установлении его вины в содеянном [4]. Рассматриваемое преступное деяние характеризуется умышленной формой вины.

Таким образом, не может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 124 УК РФ медицинский работник, не оказавший помощь больному по неосторожности, выразившейся в том, что он неосновательно заблуждался в характере заболевания пострадавшего и не прибегнул к соответствующему медицинскому вмешательству, необходимость в котором стала бы для него очевидной при более внимательном отношении к делу. Объектом этого преступления является жизнь и здоровье человека.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется бездействием. Поэтому не охватываются признаками ст. 124 УК РФ профессионально неправомерные деяния медицинских работников, совершенные в активной форме, то есть путем действия. Кроме того, представляется, что для квалификации по ст. 124 УК РФ необходимо, чтобы само бездействие заключалось в полном отсутствии помощи больному. Бездействие медицинского работника может выражаться, например, в неявке

к больному по вызову, либо в отказе принять его в лечебное учреждение.

Надо отметить, что сопоставление неоказания помощи больному в современной редакции ст. 124 УК РФ с преступлением, предусмотренным ст. 125 УК РФ (Оставление в опасности) не может не вызвать критических замечаний по поводу конструкции состава в ст. 124 УК РФ. При попытке отграничить указанные составы, получаем любопытную картину. Объектом обоих преступлений выступает жизнь и здоровье человека.

Законодатель предусмотрел единственный критерий отграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 124 и 125 УК РФ. Этим критерием является субъект преступления, и в зависимости от того, кто и при каких обстоятельствах не выполнил обязанности по оказанию помощи, ставятся различия в объективной стороне. Получается, что, если «оставление в опасности» имеет место в сфере оказания медицинской помощи, совершается медицинским работником в отношении больного, содеянное следует квалифицировать по ст. 124 УК РФ, являющейся специальной по отношению к ст. 125 УК РФ. Недоумение вызывает следующее обстоятельство. Состав преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ – формальный, окончанным преступление является независимо от наступления реальных вредных последствий. В случае же совершения подобного (в сущности, тождественного) деяния медицинским работником в отношении больного, содеянное следует квалифицировать по ст. 124 УК РФ, предусматривающей обязательным признаком состава данного преступления – наступление общественно опасных последствий деяния, выраженных в причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерти больного.

VERURSACHT GESUNDHEITSSCHÄDEN AUFGRUND DER NACHLÄSSIGEN HALTUNG EINES MEDIZINERS ZUR ERFÜLLUNG SEINER BERUFLICHEN PFLICHTEN (NORMENSYSTEM NACH DEM STRAFGESETZBUCH DER RUSSISCHEN FÖDERATION)

**Borukaeva Lana Alievna,
Fedorov Nikita Ilyich**

Die Relevanz dieses Themas erklärt sich aus der erschreckenden Dynamik medizinischer Straftaten und der zunehmenden Zahl von Beschwerden über schlechte

medizinische Versorgung. Die häufigeren Fälle von strafrechtlicher Verfolgung von Ärzten beruhen auf verschiedenen Faktoren. Die wichtigsten sind jedoch die folgenden:

1) die Inkompetenz von Medizinern, ein klarer Verstoß gegen berufliche Standards durch sie, eine verächtliche Haltung gegenüber ihren Pflichten;

2) die Angst der Ärzte, auch nur ein angemessenes Risiko einzugehen, da jedes ungünstige Ergebnis droht, strafrechtlich verfolgt zu werden. Manchmal werden objektive Gründe (wie die schlechte technische Ausstattung medizinischer Einrichtungen oder die physiologischen Eigenschaften des Körpers des Patienten usw.) zu einem Hindernis für die richtige Entscheidung eines Spezialisten, was zu einem negativen Ergebnis des Patienten oder seiner Angehörigen führt Gerichtsverfahren. Für die Angehörigen des Patienten ist es viel einfacher, die Schuld auf den Arzt zu übertragen, als sich mit dem Verlust eines Angehörigen abzufinden.

Solche Handlungen sind nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation: 1) Tod durch Fahrlässigkeit infolge der unzulässigen Erfüllung ihrer beruflichen Pflichten durch eine Person (Teil 2 von Art. 109 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation); 2) Zwang zur Entnahme menschlicher Organe oder Gewebe zur Transplantation (Artikel 120 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation); 3) HIV-Infektion (Artikel 122 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation); 4) Versäumnis, dem Patienten Hilfe zu leisten (Artikel 124 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation); 5) Behinderung der medizinischen Versorgung (Artikel 124.1 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation); 6) Verursachung schwerer Körperverletzung durch Fahrlässigkeit aufgrund einer nicht ordnungsgemäßen Erfüllung seiner beruflichen Pflichten durch eine Person (Artikel 118 Teil 2 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation).

Teil 2 der Kunst. 118 und Teil 2 der Kunst. 109 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation spricht von der Verursachung schwerer Körperverletzung und Tod durch Fahrlässigkeit aufgrund unangemessener Erfüllung seiner beruflichen Pflichten durch eine Person. Die Zunahme der Verantwortung in diesen Fällen ist darauf zurückzuführen, dass die Person, die berufliche Aufgaben wahrnimmt, neben allgemeinen auch besondere Regeln aufgrund der Besonderheiten beruflicher Tätigkeiten einhalten muss. Gegenstand und Gegenstand dieser Verbrechen sind dieselben wie für das Versäumnis, dem Patienten Hilfe zu leisten.

Die Zufügung schwerer Körperverletzung durch Fahrlässigkeit, die aufgrund einer nicht ordnungsgemäßen Erfüllung seiner beruflichen Pflichten durch eine Person begangen wird, ist grundsätzlich genauso gekennzeichnet wie die Zufügung des Todes durch Fahrlässigkeit. Es sollte auch beachtet werden, dass eine unachtsame Zufügung schwerer Körperverletzung, die zum Tod des Opfers

durch Fahrlässigkeit führt, als Todesursache durch Fahrlässigkeit gilt (Artikel 109 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation). Wenn es keine nachlässige Schuld in Bezug auf den Tod gibt, ist die Tat gemäß Art. 118 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation.

Behinderung der medizinischen Versorgung (Artikel 124.1 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation). Die Hauptzusammensetzung der Behinderung der medizinischen Versorgung ist materiell. Ein obligatorisches Zeichen seiner objektiven Seite ist eine ernsthafte Schädigung der Gesundheit des Patienten. Aus diesem Grund ist Artikel 124.1 des Strafgesetzbuchs die Bereitstellung von Notfall- und Notfallversorgung durch einen medizinischen Mitarbeiter. Die medizinische Versorgung kann unter folgenden Bedingungen erfolgen (Artikel 32 Teil 3 des Bundesgesetzes vom 21. November 2011 Nr. 323-ФЗ): 1) außerhalb der medizinischen Organisation (am Ort des Anrufs des Krankenwagens, einschließlich des spezialisierten Krankenwagens, der medizinischen Versorgung sowie in Fahrzeug für die medizinische Evakuierung); 2) ambulant (unter Bedingungen, die keine medizinische Überwachung und Behandlung rund um die Uhr vorsehen), auch zu Hause, wenn ein medizinischer Mitarbeiter gerufen wird; 3) in einer Tagesklinik (unter Bedingungen, die eine ärztliche Überwachung und Behandlung während des Tages vorsehen, jedoch keine ärztliche Überwachung und Behandlung rund um die Uhr erfordern); 4) stationär (unter Bedingungen, die eine medizinische Überwachung und Behandlung rund um die Uhr ermöglichen).

Die objektive Seite des Hauptkorpus delicti dieses Verbrechens (Teil 1) ist die absichtliche Schaffung von Störungen (in jeglicher Verhaltensform) für die medizinische Versorgung des Patienten durch einen medizinischen Mitarbeiter, die zu Folgen in Form einer ernsthaften Gesundheitsschädigung des Patienten führten. Der Beginn des Todes des Patienten ist ein qualifizierendes Zeichen für dieses Verbrechen (Teil 2 von Artikel 124.1 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation). Gegenstand der Behinderung der medizinischen Versorgung ist eine Person, die das 16. Lebensjahr vollendet hat. Die subjektive Seite des Verbrechens umfasst nachlässige Schuld (Frivolität oder Nachlässigkeit) in Bezug auf den Beginn von Konsequenzen in Form einer schwerwiegenden Schädigung der Gesundheit (oder des Todes) einer Person: Die schuldige Person handelt (handelt nicht), geleitet von ihren eigenen Interessen und Motiven, ohne es zu merken die Möglichkeit schwerwiegender Konsequenzen für die Gesundheit (das Leben) einer Person oder das Verlassen auf deren Vermeidung.

Zwang zur Entnahme menschlicher Organe oder Gewebe zur Transplantation (Artikel 120 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation). Die Bedingungen und Verfahren für die Transplantation menschlicher Organe und (oder) Gewebe werden durch das Gesetz der Russischen Föderation vom 22. Dezember 1992 Nr. 4180–1 «Über die Transplantation menschlicher Organe und (oder) Gewebe» festgelegt. Im Auftrag des russischen Gesundheitsministeriums Nr. 306n / 3 der Russischen Akademie der Wissenschaften Nr. 3 vom 4. Juni 2015 wurde die Liste der Transplantationsobjekte und im Auftrag des russischen Gesundheitsministeriums Nr. 307n der Russischen Akademie der Wissenschaften Nr. 4 vom 4. Juni 2015 die Liste der an der Sammlung, Beschaffung und Beschaffung beteiligten Gesundheitseinrichtungen genehmigt (oder) menschliches Gewebe. Die Transplantation (Transplantation) menschlicher Organe und (oder) Gewebe ist ein Mittel zur Rettung von Menschenleben und zur Wiederherstellung der Gesundheit der Bürger und sollte auf der Grundlage der Einhaltung der Rechtsvorschriften der Russischen Föderation durchgeführt werden. Artikel 1 des genannten Gesetzes legt fest, dass eine Organ- und (oder) Gewebetransplantation von einem lebenden Spender nur angewendet werden kann, wenn andere medizinische Mittel die Erhaltung des Lebens des Patienten oder die Wiederherstellung seiner Gesundheit nicht garantieren können.

Eine Organ- und / oder Gewebetransplantation ist nur mit Zustimmung eines lebenden Spenders zulässig. Der Zwang einer Person eines lebenden Spenders, der Entnahme von Organen und (oder) Geweben von ihr zuzustimmen, führt zu einer strafrechtlichen Haftung nach Art. 120 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Der direkte Gegenstand des Verbrechens ist die menschliche Gesundheit

Die objektive Seite drückt sich darin aus, einen lebenden potenziellen Spender zu zwingen, der Entnahme von Organen und (oder) Geweben zur Transplantation zuzustimmen, die mit der Anwendung körperlicher Gewalt oder der Androhung ihrer Verwendung verbunden ist.

Das Wort “Kraft” bedeutet “etwas erzwingen, was getan werden soll”. Zwang nach Art. 120 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation bedeutet illegalen (physischen oder psychischen) Einfluss auf das Opfer, um seine Zustimmung zur Spende zu erhalten. Die Anwendung von Gewalt im Prozess des Zwangs drückt sich darin aus, Schläge und Schläge zuzufügen, die leichte und mäßige Gesundheitsschäden verursachen. Diese Maßnahmen erfordern keine unabhängige

rechtliche Beurteilung, d. H. Wenn sie qualifiziert sind, fallen sie unter die Verfügung von Art. 120 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation. Das Verursachen schwerer Körperverletzung im Prozess des Zwangs stellt eine Reihe von Verbrechen dar und ist gemäß Art. 120 und 111 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Die Zusammensetzung ist formal. Ein Verbrechen gilt ab dem Moment als abgeschlossen, in dem eine Person gezwungen ist, der Spende ihrer Organe oder Gewebe zuzustimmen, unabhängig vom Einsetzen sozial gefährlicher Folgen. Wenn Zwang stattfand und der Körper und (oder) das Gewebe des Opfers entfernt wurden und ihm dadurch Schaden zugefügt wurde, bildet die Tat eine Reihe von Verbrechen gemäß Art. 120 und art. 111 oder 112 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, je nach den aufgetretenen Folgen oder im Todesfall – aus Art. 105 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Die subjektive Seite ist durch direkte Absicht gekennzeichnet.

Das Thema ist eine gesunde Person, die das Alter von 16 Jahren erreicht hat.

Infektion mit HIV (Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation). Betrachtet man Kunst. 122 “Infektion mit HIV-Infektion” Im Normensystem von Abschnitt 16 des Sonderteils des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation ist diese Norm in Bezug auf die Normen zur Verantwortung für die Schädigung der menschlichen Gesundheit besonders. Dies liegt vor allem daran, dass die Zusammensetzung der Kunst. 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist so konzipiert, dass das Verbrechen ab dem Zeitpunkt der HIV-Infektion als abgeschlossen gilt und das Einsetzen sozial gefährlicher Folgen in Form des Todes des Opfers nicht zu erwarten ist, wie dies beispielsweise in Art. 105 oder Teil 4 der Kunst. 111 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation. Als S.V. Mariendistel, HIV-Infektion ist eine der Möglichkeiten, Gesundheitsschäden zu verursachen, wenn auch in allgemeiner Form.

L.A. Mozhaiskaya behauptet, dass die HIV-Infektion zwei direkte Objekte hat: ein gemeinsames direktes Objekt – die menschliche Gesundheit und ein optionales – menschliches Leben. Als Untermauerung seines Standpunkts stellt der Wissenschaftler die These auf, dass einerseits die HIV-Infektion nicht immer das AIDS-Stadium erreicht und daher nicht immer zum Tod führt. Mit anderen Worten, das Opfer kann je nach Gesundheitszustand auf unbestimmte Zeit und möglicherweise für das ganze Leben Träger der Infektion sein. Daher hat L.A. Das Leben von Mozhaisk sollte im Falle einer HIV-Infektion als optionales Objekt betrachtet werden.

Diese Aussage ist umstritten, da in der Theorie des Strafrechts ein optionaler direkter Gegenstand eines Verbrechens als die soziale Einstellung anerkannt wird, die das gegebene Verbrechen in einigen Fällen ändert, in anderen jedoch nicht. Und wie die medizinische Praxis zeigt, führt eine HIV-Infektion immer zum Tod durch AIDS oder durch sekundäre Begleiterkrankungen. Am beliebtesten ist daher eine andere Meinung von Wissenschaftlern, die glauben, dass das Corpus Delicti der Kunst. 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation enthält zwei Objekte der Hauptobjekte – menschliches Leben und Gesundheit.

Keine Unterstützung des Patienten (Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation).

Gegenstand einer Straftat ist nur eine Person, die aufgrund des Gesetzes oder einer Sonderregel verpflichtet ist, Patienten medizinisch zu versorgen. Zuerst sind dies Ärzte und Krankenschwestern. Darüber hinaus sehen die Vorschriften keine Unterscheidung zwischen der offiziellen und der inoffiziellen Zeit von Medizinern, zwischen Mitarbeitern staatlicher und kommunaler medizinischer Einrichtungen und Mitarbeitern privater medizinischer Einrichtungen vor. Eine Person strafrechtlich zur Verantwortung zu ziehen ist nur möglich, wenn ihre Schuld für die Tat festgestellt ist. Die betrachtete Straftat ist durch eine vorsätzliche Schuldform gekennzeichnet.

Ein medizinischer Mitarbeiter, der dem Patienten nicht fahrlässig Hilfe geleistet hat, weil er sich in der Art der Krankheit des Opfers unangemessen geirrt hat und keine angemessene medizinische Intervention in Anspruch genommen hat, kann daher nicht nach Artikel 124 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation verfolgt werden, dessen Notwendigkeit dies werden würde für ihn offensichtlich mit einer aufmerksameren Einstellung zur Sache. Der Gegenstand dieses Verbrechens ist menschliches Leben und Gesundheit.

Die objektive Seite des fraglichen Verbrechens ist durch Untätigkeit gekennzeichnet. Daher fallen sie nicht unter die Merkmale der Kunst. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation beruflich rechtswidrige Handlungen von Medizinern, die in aktiver Form, dh durch Handlung, begangen wurden. Darüber hinaus scheint es, dass für Qualifikationen nach Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist es notwendig, dass die Untätigkeit selbst in der völligen Abwesenheit von Unterstützung für den Patienten besteht. Die Untätigkeit eines medizinischen Arbeitnehmers kann zum Beispiel dadurch ausgedrückt werden, dass er nicht zu einem Patienten auf Abruf erscheint oder sich weigert, ihn in eine medizinische Einrichtung aufzunehmen.

Литература

1. *Новоселов В.П.* Профессиональная деятельность работников здравоохранения: Ответственность, права, правовая защищенность. Новосибирск: Наука, 2013. – 312 с.
2. *Красиков А.Н.* О совершенствовании уголовно-правовых средств борьбы с «медицинскими» преступлениями // Первая международная конференция «Общество – Медицина – Закон». М., 1999. – 125 с.
3. *Сергеев В.В., Захаров С.О.* Юридический анализ профессиональных ошибок медицинских работников. Самара, 2000. – 144 с.
4. *Бурдилис Г.В.* Правовое обеспечение профессиональной деятельности медицинских работников. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 212 с.

References

1. *Novoselov V.P.* Professional'naya deyatel'nost' rabotnikov zdavoohraneniya [Professional activities of health workers: Responsibility, rights, legal protection]. Novosibirsk, Nauka publ., 2013. 312 p. (In Russian)
2. *Krasikov A.N.* O sovershenstvovanii ugolovno-pravovyh sredstv bor'by s "medicinskimi" prestupleniyami [On improving the criminal legal means of combating "medical" crimes]. In *First international conference "Medicine – Law – Society"*. Moscow, 1999. 125 p. (In Russian)
3. *Sergeev V.V., Zakharov S.O.* Yuridicheskij analiz professional'nyh oshibok medicinskih rabotnikov. [Legal analysis of professional errors of medical workers] Samara, 2000. – 144 p. (In Russian)
4. *Birdilis G.V.* Pravovoe obespechenie professional'noj deyatel'nosti medicinskih rabotnikov [Legal support for the professional activities of medical workers]. Rostov-On-Don, 2015. – 212 p. (In Russian)

ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ. СТАТЬЯ 122 УК РФ

Данилов Кирилл Владимирович

Цель: изучить данное социально-правовое явление и дать оценку мер предупреждения и профилактики.

Методология: логический, системный, аксиологический, статистический, синергетический, сравнительно-правовой методы, метод конкретно-социологических исследований.

Научная и практическая значимость. Автором оценивается эффективность мер предупреждения и профилактики рассматриваемого вида преступности и предложены способы решения поставленной проблемы.

Выводы. В статье обосновывается, что рост числа совершения заражения ВИЧ-инфекцией обусловлен высоким уровнем латентности данного социально-правового явления. Однако на увеличение числа зараженных в немалой степени влияет недостатоккупаемых Минздравом лекарств, на что, в свою очередь, влияет недостаток финансирования. В современной системе профилактики преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних отсутствуют эффективные средства их предупреждения и обнаружения.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, угроза заражения, проблемы квалификации, диспозиция, продолжительный инкубационный период, нормативно-закрепленные ошибки, СПИД, правоохранительные органы.

Состав статьи 122 УК РФ

1. Объективная сторона преступления выражена в деянии (действии или бездействии), которым создается реальная угроза заражения другого лица ВИЧ-инфекцией.

Способ совершения преступления не влияет на квалификацию и определяется способом распространения вируса иммунодефицита: путем полового сношения, через кровь в процессе, например, ее переливания и т.д.

Преступление считается оконченным с момента поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

2. Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла.

3. Субъект преступления — лицо, достигшее возраста 16 лет.

Опасность заражения этим заболеванием могут создавать не только больные и инфицированные ВИЧ-инфекцией, но и, например, медицинские работники (статья 122 Уголовного кодекса РФ).

В России число зарегистрированных преступлений увеличилось больше, чем на 75% за по-

следние пять лет. Об этом со ссылкой на МВД России сообщает RT.

По данным ведомства, в 2012 году в стране было зафиксировано 101 такое преступление, тогда как в минувшем году — уже 179. Кроме того, в 2017 году были предварительно расследованы 144 преступления о заражении ВИЧ (См.: *Общественное телевидение России* // URL: <https://otr-online.ru/news/v-rossii-chislo-prestupleniy-po-state-o-zarazhenii-vich-vyroslo-na-75-za-pyat-let-104269.html> (дата обращения: 21.05.2018)).

Если же обратиться к статистике осужденных по данной статье за 2016–2019 года, то мы можем увидеть постепенное увеличение в 2016–2017 годах. В 2018 году было зафиксировано самое большое количество осужденных за данный период (66 по сравнению 55 и 56 в два прошлых года соответственно). Однако данный пик в 2019 году сменился заметным снижением и вернулся к почти исходным показателям прошлых лет. Но, несмотря на более позитивные показатели 2019 года, по-прежнему как количество осужденных, так и количество преступлений по данной

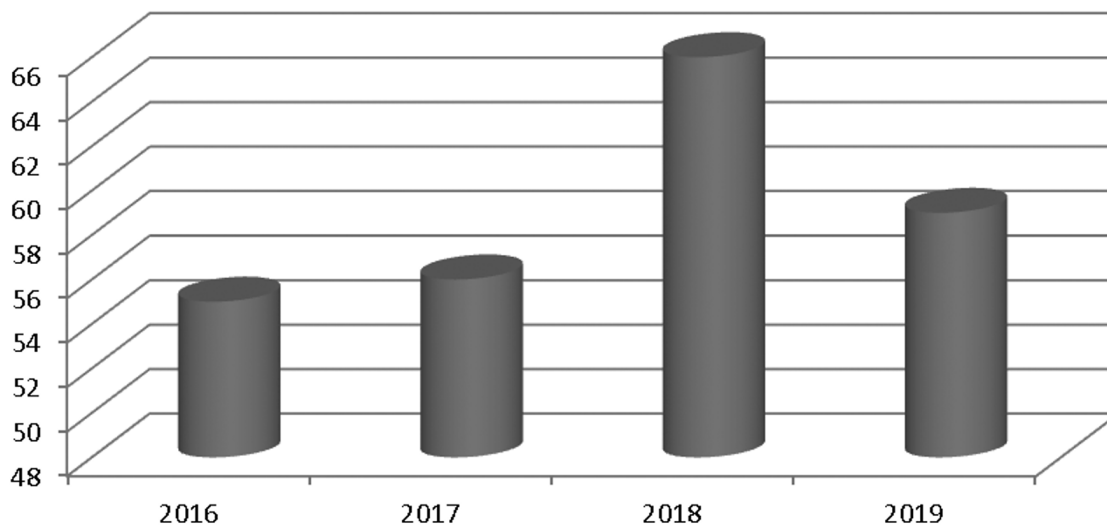

Рис. 1. Данные о количестве осужденных по статье 122 УК РФ в 2016–2019 годы

статье не имеет тенденции уменьшения, а напротив только постепенно растет (См.: Судебная статистика РФ // URL: <http://stat.anu-npess.pf/stats/ug/t/14/s/17>) (дата обращения: 16.05.2018)).

4. Преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 122 УК, считается оконченным с момента наступления последствий в виде реального заражения другого лица ВИЧ-инфекцией.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла (прямого или косвенного) или неосторожности (как правило, легкомыслием). Субъект преступления специальный – лицо, достигшее возраста 16 лет и знающее о наличии у него ВИЧ-инфекции.

5. Субъектом по ч. 4 ст. 122 УК РФ может быть только лицо, которое профессионально, по работе, связано с инфицированными или больными ВИЧ-инфекцией. Субъективная сторона в данном случае характеризуется неосторожной формой вины (Комментарий к ст. 122 УК РФ).

Проблемы квалификации и применения данной статьи.

Следует отметить, что некоторые проблемы уголовного-правового характера имеют место быть и остаются нерешенными, несмотря на введение норм, противодействующих распространению опасных инфекционных заболеваний человека, еще с момента принятия УК РФ.

Таковую ситуацию создает дефицит современных официальных судебных разъяснений по вопросам применения уголовного законодательства об ответственности за преступления такого рода. Вследствие этого возникают проблемы, которые проявляются в момент квалификации деяний по

ст. 121 и ст. 122, а также их соотношение с современными административного и медицинского законодательства. Кроме того, проблемы возникают и при определении момента окончания преступления (по ст. 121–122).

Диспозиция УК РФ сконструирована по типу состава создания реальной опасности и предусматривает ответственность за создание заведомо реальной опасности заражения ВИЧ-инфекцией. Если заражения другого лица ВИЧ-инфекцией не следует, то наступает ответственность по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Окончание преступления (ч. 1 ст. 122 УК РФ) наступает при возникновении угрозы заражения другого лица ВИЧ-инфекцией, при этом квалифицировать деяния можно лишь при установлении (в достаточной мере) реальности угрозы заражения для другого человека. Также стоит упомянуть и об отсутствии единого толкования заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, а также определении момента окончания указанных преступных деяний, наблюдающегося в следственно-судебной практике. Наблюдается также различное толкование положений статьи 122 УК РФ, связанных со случаями квалификации, когда действия лица направлены на реальное создание угрозы заражения ВИЧ-инфекцией, если непосредственное заражение не произошло, в качестве покушения на заражение ВИЧ-инфекцией, а не как поставление другого лица в опасность заражения. Причины данного явления можно обнаружить в недостаточном разъяснении Верховным Судом РФ. Наличие же разнообразных точек зрения препятствует пользе доктринального толкования [1, с. 2–4].

На основании проведенного мною исследования, я могу выделить два блока нерешенных проблем, источник чего кроется в отсутствии официальной статистики и неактуальности ч. 4 ст. 122 УК РФ.

Так, к первому блоку можно отнести проблемы, возникающие при установлении и доказывании причинно-следственной связи между действиями виновных лиц и наступившими последствиями совершенного преступления.

Например, следует учитывать продолжительный «инкубационный» период лентивирусов, когда вирус иммунодефицита человека у инфицированного не обнаруживается. По некоторым, установленным медициной фактам, такой период может достигать десяти лет, а точную дату заражения, можно определить только через многие месяцы или годы.

Проблема единой и однозначной квалификации содеянного составляет второй блок проблем. О конструкции объективной стороны преступления (ст. 122 ч. 1) говорится как и в теории уголовного права, так и в работах сторонников «усеченных составов» (М.Д. Шаргородского, Н.Д. Дурманова). Они считали, что состав является «способствующим активизации борьбы с наиболее опасными преступлениями» [3, с. 28–31].

Например, медицинскому работнику достаточно нарушить определенный порядок забора биологических сред и жидкостей для тестирования (порядок обращения с биологическими средами ВИЧ-инфицированного, биологическими жидкостями и органами для трансплантации), тем самым создать опасность для заражения ВИЧ-инфекцией. Наступление последствий в виде заражения, в таком случае не требуется.

В нормативно-правовых актах не закреплены ошибки, которые может совершить медицинский работник и которые могут быть признаны как обстоятельство, ставящее в опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

Я думаю, что именно поэтому в настоящее время практически невозможно привлечь медицинских работников к ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РФ.

Квалификация действия ВИЧ-инфицированного значительно осложняется признаком «заведомости», который присутствует только при наличии прямого умысла. Однако возникают ситуации, когда ВИЧ-инфицированный честно выполняет все необходимые предписания врача-специалиста, сообщает о наличии у себя заболевания своему половому партнеру, и, соответственно, использует

контрацептив барьерного типа, препятствующий передаче вируса иммунодефицита человека, но потерпевшая все равно привлекает зараженного к уголовной ответственности [4, с. 16–18].

Отсюда и возникает сложность квалификации, ибо здесь представлено действие «без умысла», так как нет алгоритма верной квалификации преступления, совершенного медицинским работником, заразившим пациента ВИЧ-инфекцией, в свете разъяснений п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, устанавливающего возможность наряду с умышленным, неосторожное заражение лица ВИЧ-инфекцией» [2, с. 30–33].

Примеры приговоров суда по данной статье

Приговор суда по ч. 1 ст. 122 УК РФ № 1-190/2017 | Заражение ВИЧ-инфекцией

Саяпину С.В. признать виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 УК РФ, и назначить ей наказание в виде 2 (двух) лет лишения свободы.

«Викино дело»

Против 17-летней Виктории, воспитанницы детского дома, которой в 15 лет диагностировали ВИЧ, 19 апреля 2017 года возбудили уголовное дело по части 1 статьи 122 УК РФ – заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Некий гражданин Ф., с которым Вика познакомилась в интернете и впоследствии имела интимную связь (в процессе которой Вика предлагала использовать презерватив, а Ф. отказался), заявил о девушке в полицию после их совместной сдачи анализов на ВИЧ (у него результат отрицательный, а у нее – положительный). В результате, судья Н. А. Усова вынесла Виктории приговор, признающий ее виновной и назначающий наказание в виде двух месяцев ограничения свободы и ограничений передвижений девушки. В ответ на это Вика вместе с адвокатом подали апелляционную жалобу. В данном деле стоит обратить внимание на несколько фактов (высказанных также общественным защитником на суде): во-первых, Виктория, в силу своего несовершеннолетия, проживания в детском доме, не могла обладать достаточным багажом знаний о данном заболевании (которое, к тому же, диагностировали ей совсем недавно), во-вторых, Вика, по причине своей незрелости, попыталась намекнуть мужчине о заболевании (выставляя свою историю за ситуацию из жизни

подруги), но побоялась, опять же, вследствие отсутствия понимания последствий своих действий, так как никогда не имела возможности обратиться к специалистам по данному вопросу. К тому же ей необходимо регулярно посещать СПИД-центр (находящийся достаточно далеко от места проживания девушки), но вынесенный приговор как раз-таки не способствует лечению девушки, а значит, и пресечению подобной ситуации в дальнейшем.

Приговор Бутырского районного суда от 12 октября 2015 года в отношении Алексева Д.П.

В данном деле Алексей обвинялся по части 2 статье 122 УК РФ. Он полностью признал вину и согласен с обвинением. Так как он признал вину, а сторона обвинения не возражала насчет смягчения наказания, то ему назначали 2 года лишения свободы условно, а также обязали выплатить моральную компенсацию. На данном примере отлично видно, что стороны могут договориться и нет никакого смысла в уголовном наказании, ведь моральной компенсации вполне достаточно в виде наказания в данном конкретном случае и других схожих по обстоятельствам делам.

Вывод

На основании проведенного мной исследования для написания данной статьи, могу с уверенностью сказать, что данная статья неактуальная на данный момент и должна быть перенесена в Административный кодекс, потому что, несмотря на то, что количество осужденных с каждым годом растет и можно подумать, что данная статья нужна, большая часть наказаний — это условный срок от 1–2 месяцев до 3 лет или сопутствующее нарушение при другом нарушении закона (ограбление, изнасилование). Неактуальность также подтверждается сложностью квалификации данного преступления и определения периода окончания данного преступления, например, как я писал выше, «нет алгоритма верной квалификации преступления, совершенного медицинским работником, заразившим пациента ВИЧ-инфекцией». Таким образом, изучив и проанализировав эту проблему как социально-правовое явление, на основании конкретных примеров и статистики стоит отметить, что меры, предлагаемые в статье 122 УК РФ, излишне суровы, неактуальны в данный период времени и, по моему мнению, данная статья должна подлежать декриминализации.

ANSTECKUNG MIT HIV-INFektion, ARTIKEL 122 DES STRAFGESETZBUCHES DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Danilov Kirill Vladimirovich

Tatbestand der Straftat, Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation

1. Die objektive Seite der Straftat äußert sich in der Tat (der Tätigkeit oder der Untätigkeit), die eine echte Gefahr für die Ansteckung mit HIV einer anderen Person bildet.

Die Begehungsweise der Straftat hat keinen Einfluss auf die Qualifikation und wird durch die Methode der Verbreitung der Immunschwäche bestimmt: durch das sexuelle Kontakt, durch das Blut im Prozess, zum Beispiel, dessen Transfusion usw.

Die Straftat gilt als abgeschlossen, sobald eine andere Person dem Risiko einer HIV-Infizierung ausgesetzt ist.

2. Die subjektive Seite ist durch die Schuld in Form eines direkten Vorsatzes gekennzeichnet.

3. Subjekt der Straftat ist eine Person, die das Alter von 16 Jahren erreicht hat.

Trotz der negativen Dynamik der Ausbreitung der HIV-Infektion hat die Russische Föderation noch keinen wirksamen Mechanismus zur medizinischen und rechtlichen Prävention dieser Krankheit entwickelt. Insbesondere wird das präventive Potenzial der Strafgesetzgebung nicht umgesetzt. Die Norm des Artikels 122 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation funktioniert praktisch nicht, da keine klaren wissenschaftlich fundierten Empfehlungen zu den wichtigsten Problemen ihrer Anwendung vorliegen. Unter diesen können folgende erwähnt werden: 1) Bestimmung der Taten, die ein Risiko für eine HIV-Infizierung darstellen; 2) Feststellung des Zeitpunkts der Ansteckung; 3) Aufdeckung der Bedeutung der Ansteckungsmethode für die rechtliche Bewertung der Tat; 4) Definition des Begriffs und der rechtlichen Merkmale der Einwilligung des Geschädigten zur Ansteckung mit einer HIV-Infektion. Wie bekannt

ist, wird der Tatbestand der bewussten Gefährdung einer anderen Person durch HIV (Teil 2 des Artikels 122 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation) nach dem formalen Grundsatz formuliert: Für die Anerkennung einer Straftat als einer abgeschlossenen Straftat sind keine Wirkungen in Form einer Krankheit erforderlich. N. D. Durmanow untersuchte die Tatbestände der Gefährdung von der HIV-Ansteckung und bemerkte, dass “sie nicht direkt in das Leben und in die Gesundheit von den Menschen eingreifen und größtenteils nicht zum Tod einer Person oder zu einer Schädigung ihrer Gesundheit führen, sondern eine echte Bedrohung darstellen, eine echte Gefahr, einen solchen Schaden zu verursachen”. Die im Artikel 122 Teil 1 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehene Straftat ist keine Ausnahme. Von der objektiven Seite kann sie in der Begehung einer Tat zum Ausdruck gebracht werden, die eine echte Gefahr einer Infizierung (einer Ansteckung) eines Geschädigten mit HIV-Infektion darstellt. Gleichzeitig zeigt das Gesetz keine Möglichkeiten zur Gefährdung.

Als Ergebnis untersuchen einige Autoren nur die Handlungen einer infizierten Person, die anderen meinen, dass die Gefährdung der Ansteckung sowohl durch die Tätigkeit als auch durch die Untätigkeit erfolgen kann.

Widersprüche bei der Bewertung dieser Norm beeinflussten die Ermittlungs- und Gerichtspraxis. Die Frage ist, ob die Nichtbefolgung von den persönlichen Sicherheitsmaßnahmen als eine Art der Gefährdung bewertet werden soll. In der Theorie des Strafrechts ist die Begehung einer Straftat in Form der Untätigkeit möglich, wenn “das Subjekt direkt in eine bestimmte Ordnung eingreift und die ihm obliegenden Pflichten nicht erfüllt”. Eine infizierte Person hat in Russland zwei Rechtspflichten: sich einer Therapie unterziehen und die Erkrankung bei der Eheschließung und beim Gebrauch der Hilfe von den medizinischen Einrichtungen anzeigen. Der Verstoß dieser Pflichten passt jedoch nicht in das Modell der bewussten Gefährdung der HIV-Ansteckung. Die Gefährdung der HIV-Ansteckung sieht das Schuldverhalten voraus, das eine Situation der realen sozial gefährlichen Wirkungen schafft. Die Umgehung der medizinischen Behandlung und keine Anzeige einer HIV-Infektion schaffen keine echte Gefahrensituation, da kein direkter Zusammenhang zwischen diesen Taten und den möglichen Wirkungen besteht. Die Gefahr entsteht durch die spezifischen Taten des Täters (das sexuelle Kontakt, die Bluttransfusion usw.), aber nicht durch die vorangehende Untätigkeit.

Im Allgemeinen können wir schlussfolgern, dass nur aktive Taten, die bewusst auf die Ansteckung (Infizierung) eines Patienten gezielt sind, können den Tatbestand der Straftat bilden, die im Teil 1 des

Artikels 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation beschrieben wird. Dabei sollen die Gerichte und die Behörden der Voruntersuchung in jedem einzelnen Fall die Art der Gefährdung feststellen und durch die Prüfung das Vorhandensein der realen und unmittelbaren Ansteckungsgefahr beweisen.

Heutzutage diskutiert man die Frage, wann die HIV-Ansteckung als abgeschlossen gilt und was man unter Ansteckung zu verstehen ist. Im enzyklopädischen medizinischen Wörterbuch versteht man unter Ansteckung das Eindringen eines Infektionserregers in den menschlichen und in den tierischen Organismus, was zur Entwicklung einer Form des Infektionsprozesses (Krankheit, Tragen von den Infektionserregern) führt. Einige Forscher betrachten die Ansteckung als eine tatsächliche Übertragung von den Krankheitserregern auf eine andere Person, unabhängig von den möglichen Wirkungen [5, S. 1–3].

Gesellschaftsgefährlichkeit einer HIV-Ansteckung beruht auf der Tatsache, dass durch die Gefährdung einer Person eine Gefahr für das Leben und die Gesundheit des Menschen entsteht (Artikel 122 Teil 1 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation). Bei der HIV-Ansteckung werden die sozialen Beziehungen wirklich stark geschädigt (Teile 2–4 des Artikels 122 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation).

Aus theoretischer und praktischer Sicht ist die Frage des Zusammenhanges zwischen der strafrechtlichen Norm und dem Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation “HIV-Ansteckung” sehr interessant. Das Problem besteht darin, dass die Strafnorm und der Artikel des Gesetzes nicht gleichbedeutend sind, sie können übereinstimmen oder nichtübereinstimmen. Im Fall, wenn ein Artikel des besonderen Teils des Strafrechts mit der Strafnorm übereinstimmt, können die Taten eines Täters nach einem Artikel (einem Teil eines Artikels) als ein einziger Tatbestand qualifiziert werden. Im anderen Teil ist eine strafrechtliche Beurteilung der Straftat als Tateinheit erforderlich. Zum Beispiel Artikel 222 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation enthält zwei strafrechtliche Normen, Teile 1–3 des Artikels enthalten die Verantwortung für den illegalen Austausch von bürgerlichen Schusswaffen, ihren Hauptteilen und der Munition und Teil 4 des Artikels enthält die Verantwortung für den illegalen Austausch von den bürgerlichen glattläufigen, langröhrigen Waffen, Faustfeuerwaffen, Gaswaffen, Blankwaffen und Wurfwaffen. Wenn der Täter gleichzeitig Schusswaffen und Wurfwaffen verkauft, soll die Tat als Tateinheit laut dem Teil 1 und dem Teil 4 des Artikels 222 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation qualifiziert werden. Nach der Beantwortung der Frage nach dem Zusammenhang zwischen dem Artikel und der strafrechtlichen Norm, die die

strafrechtliche Verantwortung für die HIV-Ansteckung vorsehen, können die Untersuchungs- und Justizirrtümer bei der Qualifizierung der Straftat vermieden werden.

Bei dem Kommentieren der Merkmale des Tatbestandes der Straftat, die im Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehen ist, betont J.W. Gratschew, dass dieser Artikel einen Tatbestand enthält, da man “die Wirkungen in Form der HIV-Ansteckung für das Qualifikationsmerkmal hält (Teil 2 des Artikels 122 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation)”. Diese Meinung berücksichtigt die Erläuterung der Konstruktion des Tatbestandes nicht, da die Gefährdung der HIV-Ansteckung und die HIV-Ansteckung zwei unabhängige Tatbestände sind, denn die Gefährdung der HIV-Ansteckung keine sozial gefährlichen Wirkungen erfordert, aber der HIV-Ansteckung die HIV-Infektion folgt.

J.E. Pudowotschkin meint, dass der Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation die Verantwortung für zwei unabhängige Tatbestände bestimmt: a) Gefährdung der HIV-Ansteckung (Teil 1) und b) HIV-Ansteckung (Teil 2–4). Wir meinen, dass diese Stellungnahme nicht voll ist und nicht die Tatsache berücksichtigt, dass das Subjekt der Straftat laut dem Teil 4 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation eine Person ist, die ihre Pflichten erfüllt.

Wir meinen, dass der Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation die Verantwortung für drei unabhängige Tatbestände enthält: a) bewusste Gefährdung der HIV-Ansteckung (Teil 1 des Art. 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation; b) die HIV-Ansteckung von einer Person, die von ihrer Erkrankung wusste, c) die strafrechtliche Verantwortung ist möglich wegen der Fahrlässigkeit bei der Erfüllung der Berufspflichten.

Es sei auch darauf hingewiesen, dass die Anmerkung zum Art. 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation eine unabhängige strafrechtliche Norm enthält, die die Frage vom Absehen von Maßnahmen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für die Person, die die im Teil 1 und Teil 2 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehene Straftat begangen hat, regelt. In diesem Fall wird eine Person der Ansteckungsgefahr ausgesetzt oder mit HIV infiziert, aber sie wird davon gewarnt und sie begeht freiwillig eine Tat, die die Ansteckungsgefahr schafft. In diesem Fall handelt es sich um eine besondere Form der Befreiung einer Person von der strafrechtlichen Verantwortung, die im Artikel des Sonderteils des Strafgesetzbuches (Teil 2 des Artikels 75 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation) vorgesehen ist. Das ist der einzige Fall der “Einwilligung des Geschädigten zur

Beschädigung”. Wir meinen, dass die Einwilligung des Geschädigten zur HIV-Ansteckung gesetzlich durch die Anordnungen des Kapitels 8 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation geregelt werden soll.

Der Hauptgegenstand der Straftat laut dem Art. 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist das menschliche Leben und die Gesundheit. Es gibt keine Meinungsmeinigkeit in der Frage des Gegenstandes dieser Straftat. In seinem Werk über die Straftaten gegen das Leben und die Gesundheit betrachtet G.N. Borzenkov die HIV-Ansteckung als eine besondere Art vom Gesundheitsschaden. Die meisten Gelehrten halten die menschliche Gesundheit für den Gegenstand der untersuchten Straftat. Da die moderne Wissenschaft noch keine wirksamen Arzneimittel erfunden hat, die den Tod eines Patienten an einer HIV-Infektion verhindern können, soll das Leben des Menschen neben der Gesundheit in den Gegenstand der Straftat eingeschlossen werden. Diese Stellungnahme entspricht der Definition der HIV-Infektion, die im Art. 1 des Bundesgesetzes vom 30. März 1995 № 38-FZ (in der Fassung vom 23. Mai 2016) “Über die Verhinderung der Ausbreitung der durch das Virus der Immunschwäche verursachten Krankheit in der Russischen Föderation” als chronische durch das Virus der Immunschwäche verursachte Krankheit bestimmt wird. Es handelt sich dabei um eine langsame Infektionskrankheit, die das Virus der Immunschwäche verursacht, das Immunsystem wird stark beschädigt, der Mensch leidet an Infektionen und Tumoren, was letztendlich zum Tod führt.

Artikel 122 des Strafgesetzbuches enthält verschiedene konstruktive Merkmale aufgrund der Anwesenheit von mehreren unabhängigen Straftaten, die die Möglichkeit eines Eingriffs in bestimmten Fällen in Form von Untätigkeit bedingt.

Nach dem Artikel 122 des Strafgesetzbuches wird die objektive Seite der Straftat nur durch eine sozial gefährliche Handlung in Form von einer anderen Person in Gefahr einer HIV-Infektion gekennzeichnet. Nach der Konstruktion der objektiven Seite dieser Tatbestand ist eine formale, d.h. als beendet gilt seit der Gründung der realen Gefahr einer Infektion einer anderen Person HIV-Infektion unabhängig von der Tatsache der Infektion.

Nach dem Artikel 122 des Strafgesetzbuches sind drei Merkmale zu bemerken: 1) eine sozial gefährliche Handlung in Form von Handlungen, die auf die Infektion einer anderen Person mit HIV gerichtet sind; 2) eine kriminelle Folge-Infektion einer anderen Person mit HIV; 3) eine kausale Beziehung zwischen den Handlungen einer Person, die von der Anwesenheit dieser Krankheit wusste, und der Infektion einer anderen Person mit HIV.

Auch der Artikel 122 des Strafgesetzbuches umfasst die folgenden rechtlich relevanten Zeichen: 1) eine gesellschaftlich gefährliche Handlung (Handlungen oder Unterlassungen), die mit der unangemessenen Ausführung der Person ihrer beruflichen Pflichten verbunden ist; 2) kriminelle Folge – Infektion einer anderen Person mit HIV-Infektion; 3) eine kausale Beziehung zwischen der unangemessenen Ausführung der Person ihrer beruflichen Pflichten und der Infektion einer anderen Person mit HIV-Infektion. Für die Straftaten, die in den Teilen 2 bis 4 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches sind, ist es notwendig, neben der eigentlichen Überschreitung der Befugnisse auch die Offensive sozial gefährliche Folgen in Form einer Infektion einer anderen Person mit einer HIV-Infektion (die materielle Zusammensetzung der Straftat). [6, S. 1–5].

Die Gefahr einer Infektion mit dieser Krankheit kann nicht nur Patienten und Infizierte mit HIV, sondern auch, zum Beispiel, Mediziner (Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation)

In Russland ist die Zahl der registrierten Straftaten in den letzten fünf Jahren um mehr als 75% gestiegen. Darüber berichtet RT bezüglich des Innenministeriums Russlands.

Nach Angaben der Behörde wurden im Jahr 2012 im Land 101 Straftaten registriert, im vergangenen Jahr waren es bereits 179. Darüber hinaus wurden im Jahr 2017 144 HIV-Infektionen vorläufig untersucht (8, Russisches öffentliches Fernsehen, otr-online.ru, URL:<https://otr-online.ru/news/v-rossii-chislo-prestupleniy-po-state-o-zarazhenii-vich-vyroslo-na-75-za-pyat-let-104269.html> von dpa 21.05.2018))

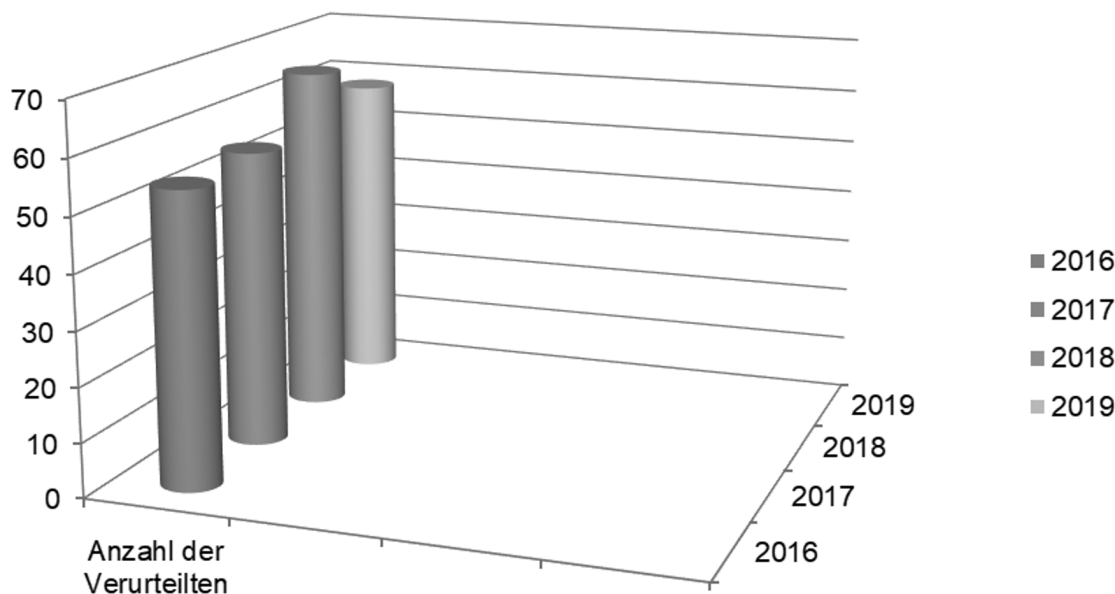

Bild. 1. Daten über die Anzahl der Verurteilten nach Artikel 122 des Strafgesetzbuches, 2016–2019

Wenn wir uns auf die Statistik der Verurteilten in diesem Artikel für 2016–2019 Jahr beziehen, können wir einen allmählichen Anstieg in 2016–2017 Jahren sehen. Im Jahr 2018 wurde die höchste Zahl von Verurteilten in diesem Zeitraum verzeichnet (66 gegenüber 55 bzw. 56 in den beiden Vorjahren). Dieser Höhepunkt im Jahr 2019 wurde jedoch durch einen deutlichen Rückgang ersetzt und kehrte auf fast den ursprünglichen Wert der vergangenen Jahre zurück. Doch trotz der positiveren Zahlen von 2019 weist sowohl die Zahl der Verurteilten als auch die Zahl der Straftaten nach wie vor keine abnehmende Tendenz auf, sondern steigt im Gegenteil nur allmählich. (7, Gerichtsstatistik der Russischen Föderation (JudicialstatisticsoftheRussianFederation), stat.апи-пресс.пф, URL:<http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>))

4. Die Straftat, die im Artikel 122 des Strafgesetzbuches vorgesehen ist, gilt als beendet mit dem Beginn der Folgen in Form einer echten Infektion einer anderen Person mit HIV-Infektion.

Die subjektive Seite wird durch Schuld in Form von Absicht (direkt oder indirekt) oder nicht-Vorsicht (in der Regel Leichtsinns) gekennzeichnet. Es geht hier um eine Person, die das Alter von 16 Jahren erreicht hat und über das Vorhandensein einer HIV-Infektion Bescheid weiß.

5. Nach dem Artikel 122 des Strafgesetzbuches kann Subjekt nur die Person sein, die beruflich mit infizierten oder Patienten mit HIV-Infektion verbunden ist. Die subjektive Seite ist in diesem Fall durch eine nicht vorsichtige Form der Schuld gekennzeichnet (Kommentar zu Artikel 122 des Strafgesetzbuches)

Probleme bei der Qualifikation und Anwendung dieses Artikels

Es sollte beachtet werden, dass einige Probleme des strafrechtlichen Charakters auftreten und ungelöst bleiben, trotz der Einführung von Normen, die der Verbreitung gefährlicher Infektionskrankheiten des Menschen seit der Verabschiedung des Strafgesetzbuches entgegenwirken.

Solche Situation schafft einen Mangel an modernen offiziellen gerichtlichen Erklärungen über die Anwendung des Strafrechts über die Haftung für solche Verbrechen. Nach den Artikeln 121 und 122 entstehen Probleme der modernen administrativen und medizinischen Rechtsvorschriften. Außerdem treten Probleme auf und bei der Bestimmung des Zeitpunkts des Endes des Verbrechens (gemäß Art. 121–122).

Die Disposition des Strafgesetzbuches ist nach der Art der Zusammensetzung der Schaffung einer realen Gefahr konstruiert und sieht die Verantwortung für die Schaffung einer offensichtlich realen Gefahr einer HIV-Infektion vor. Wenn die Infektion einer anderen Person mit einer HIV-Infektion nicht folgt, kommt die Verantwortung nach Teil 1 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches. Der Artikel 122 des Strafgesetzbuches tritt auf, wenn die Gefahr einer Infektion einer anderen Person mit einer HIV-Infektion auftritt, während die Handlungen nur qualifiziert werden können, wenn Sie (ausreichend) die Realität der Bedrohung einer Infektion für eine andere Person festlegen. Es ist auch erwähnenswert, dass es keine einheitliche Interpretation der notorischen Versorgung einer anderen Person in Gefahr einer HIV-Infektion gibt, sowie die Definition des Endes dieser kriminellen Handlungen, die in der recherchierenden Rechtspraxis beobachtet werden. Es gibt auch eine unterschiedliche Auslegung der Bestimmungen des Artikels 122 des Strafgesetzbuches im Zusammenhang mit Fällen der Qualifikation, wenn die Handlungen einer Person auf eine Reale Bedrohung für eine HIV-Infektion gerichtet sind, wenn keine direkte Infektion stattgefunden hat, als Versuch einer HIV-Infektion, und nicht als eine andere Person in Gefahr einer Infektion zu setzen. Die Ursachen dieses Phänomens können in unzureichender Klärung durch das Oberste Gericht der Russischen Föderation gefunden werden. Das Vorhandensein verschiedener Perspektiven behindert den Nutzen der doktrinalen Auslegung [1, S. 2–4].

Auf der Grundlage unserer Forschung kann man zwei Seiten von ungelösten Problemen hervorheben, deren Quelle in der Abwesenheit von offiziellen Statistiken und Irrelevanz von Teil 4 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches.

So können die Probleme, die bei der Errichtung und dem Nachweis der Ursache-Wirkungs-Beziehung zwischen den Handlungen der Täter und den Folgen des begangenen Verbrechens entstehen, der ersten Seite zugeschrieben werden.

So sollte zum Beispiel die lange "Inkubationszeit" von lentiviren berücksichtigt werden, wenn das Immunschwächevirus bei einem Infizierten nicht nachweisbar ist. Nach einigen von der Medizin festgelegten Fakten kann ein solcher Zeitraum zehn Jahre erreichen, und das genaue Datum der Infektion kann erst nach vielen Monaten oder Jahren bestimmt werden.

Das Problem der einheitlichen und eindeutigen Qualifikation von Taten macht den zweiten Block von Problemen. Über die Konstruktion der objektiven Seite der Straftat (Artikel 122 Teil 1) heißt es wie in der Theorie des Strafrechts und in den Werken der Anhänger der "abgeschnittenen Formulierungen" (M. D. Schargorodski, N. D. Durmanow). Sie glaubten, dass die Zusammensetzung "zur Intensivierung des Kampfes gegen die gefährlichsten Verbrechen beiträgt"[3, S. 28–31].

Zum Beispiel einem Arzt reicht es für eine bestimmte Reihenfolge der Entnahme von biologischen Medien und Flüssigkeiten beim Testen einen Fehler zu machen (Verfahren für den Umgang mit biologischen Medien, biologischen Flüssigkeiten und Organen für die Transplantation), entsteht die Gefahr für eine HIV-Infektion. Das Auftreten von Konsequenzen in Form einer Infektion ist in diesem Fall nicht erforderlich.

In den Vorschriften sind Fehler, die ein Arzt machen kann und die als ein Umstand erkannt werden können, der eine HIV-Infektion gefährdet, nicht verankert. (6, disserCat – electronic library of dissertations), dissercat.com, URL: <https://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-zarazheniyu-infektsionnymi-zabolevaniyami>)

Wir denken, dass gerade deshalb in der heutigen Zeit fast unmöglich ist die Mediziner zur Verantwortung gemäß dem Teil 1 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches der RF bringen.

Die Qualifikation der HIV-infizierten wird durch das Zeichen der "Notwahrnehmung", das nur in Gegenwart von direkter Absicht vorhanden ist, erheblich erschwert. Jedoch gibt es Situationen, wenn HIV-infizierte ehrlich alle erforderlichen Vorschriften des Arztes erfüllt, meldet sich bei der Erkrankung ihrer Sex-Partner, und verwendet dementsprechend Verhütungsmittel Barriere-Typ, verhindert die Übertragung von humanen Immundefizienz-Virus, aber das Opfer alle gleich zieht den Infizierten zur strafrechtlichen Verantwortung [4, S. 16–18].

Daher tritt die Schwierigkeit der Qualifikation der Tat, denn hier ist die Tat "ohne Absicht", da

es keine sicheren Algorithmus der Qualifikation des Verbrechens der Person, auch Mediziner, die die andere mit HIV-Infektion angesteckt hat, gibt (nach Absatz 12 der Verordnung des Plenums des Obersten Gerichts der Russischen Föderation vom 4. Dezember 2014 Nr. 16 “Über die Rechtskunde auf Fälle von Verbrechen gegen die sexuelle Unversehrtheit und sexuelle Freiheit”) [2, S. 30–33].

Beispiele für Gerichtsurteile zu diesem Artikel

(5, Gerichtliche und regulatorische Akte der Russischen Föderation (Judicialandregulatoryactsof theRussianfederation)URL:sudact.ru):

Artikel 122 des Strafgesetzbuches № 1–190 / 2017 / Infektion mit HIV-Infektion.

Nach dem Teil 2 des Artikels 321 des Strafgesetzbuches, ist Sajapina S.V. die Schuldige, hat Strafe in Form von 2 (zwei) Jahren Haft.

“Vikas Tat”

Gegen 17-jährige Victoria, einer Erzieherin des Waisenhauses, die in 15 Jahren HIV diagnostiziert wurde, war ein Strafverfahren nach Teil 1 Artikel 122 des Strafgesetzbuches am 19. April 2017. Die Ursache ist die notorische Bereitstellung einer anderen Person in Gefahr, HIV-Infektion. Ein Bürger von F., mit dem Vika sich im Internet traf und später intime Beziehung hatte (in dem Vika bot an, ein Kondom zu verwenden, und F. weigerte sich), sagte das Mädchen bei der Polizei nach ihrer gemeinsamen HIV – Tests (er hat ein negatives Ergebnis, und Sie-positiv).

Infolgedessen hat die Richterin N. A. Usova Victoria einen Satz ausgesprochen, der sie für schuldig erklärt und Strafe in der Form von zwei Monaten der Beschränkung der Freiheit und Beschränkungen der Bewegung des Mädchens ernannt. Als Antwort darauf hat Wika zusammen mit dem Rechtsanwalt die Berufungsbeschwerde eingereicht.

In diesem Fall lohnt es sich, die Aufmerksamkeit auf mehrere Tatsachen (auch durch den öffentlichen Verteidiger auf dem Gericht festgesetzt): Erstens, Victoria, infolge der Minderheit, des Aufenthalts im Waisenhaus, konnte nicht genügend Gepäck des Wissens über diese Krankheit (die, außerdem diagnostiziert Ihr vor kurzem), zweitens, Vika, wegen der unreife, hat versucht, dem Mann über die Krankheit (die Geschichte für eine Situation aus dem Leben der Freundin)

anzudeuten, aber ich hatte Angst, wieder, infolge des Mangels an Verständnis für die Folgen, da ich nie die Möglichkeit hatte, mich an Spezialisten für dieses Thema zu wenden. Darüber hinaus muss sie regelmäßig das Aids-Zentrum besuchen (das weit genug vom Wohnort des Mädchens entfernt ist), aber das Urteil wird nur nicht zur Behandlung des Mädchens beitragen also auch, um eine solche Situation in der Zukunft zu verhindern.

Das Urteil des Butyrsky Landgerichts vom 12. Oktober 2015 gegen Alekseev D. P.

In diesem Fall wurde Alekseev gemäß Teil 2 des Artikels 122 des Strafgesetzbuches angeklagt. Er hat die Schuld voll und ganz zugegeben und stimmt der Anklage zu. Da er die Schuld anerkannt hat, und die Partei der Anklage über die Milderung der Strafe nicht Einwände hat, dazu hat 2 Jahre der Haft bedingt ernannt, und hat auch verpflichtet, moralische Entschädigung zu zahlen. Dieses Beispiel zeigt, dass die Parteien zustimmen können und es gibt keinen Sinn in der strafrechtlichen Strafe, weil die moralische Entschädigung in Form von Strafe in diesem speziellen Fall und anderen ähnlichen Fällen ausreicht.

Schluss

Aufgrund unserer Forschung, um diesen Artikel zu schreiben, kann man mit Sicherheit sagen, dass dieser Artikel im Moment irrelevant ist und in den Verwaltungscode übertragen werden muss, denn trotz der Tatsache, dass die Zahl der Verurteilten jedes Jahr wächst und Sie denken können, dass dieser Artikel notwendig ist, ist der größte Teil der Strafen eine Bewährungsstrafe von 1–2 Monaten bis 3 Jahren oder eine begleitende Verletzung bei einer anderen Verletzung des Gesetzes (Raub, Vergewaltigung).

Irrelevantität ist auch durch die Komplexität der Qualifizierung dieses Verbrechens und der Bestimmung der Periode der Beendigung dieser Straftat, zum Beispiel, wie oben beschrieben ist, “keine sicheren Algorithmus Qualifikation der Straftat medizinischen Fachkraft, die Patienten mit HIV-Infektion angesteckt hatten”. Daher ist es nach der Untersuchung und Analyse dieses Problems als Soziales und rechtliches Phänomen, basierend auf konkreten Beispielen und Statistiken, erwähnenswert, dass die in Artikel 122 des Strafgesetzbuches vorgeschlagenen Maßnahmen in diesem Zeitraum unnötig streng sind und unserer Meinung nach, sollte dieser Artikel entkriminalisiert werden.

Литература

1. *Власенко С.С.* Поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2009. № 12. С. 2–4.
2. *Ильяшенко А.Н.* О некоторых особенностях определения момента окончания преступлений, связанных с заражением ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2017. № 12. С. 30–33.

3. Камнев Р.Г. Проблемы законодательной регламентации и практического применения основания освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2011. № 23. С. 28–31.

4. Никитин Д.А. Проблемные вопросы квалификации заражения ВИЧ-инфекцией и дифференциации ответственности // Российский следователь. 2015. № 13. С. 16–18.

References

1. Vlasenko S.S. Postavlenie drugogo litsa v opasnost' zarazheniya VICH-infektsiei [Putting another person at risk of contracting HIV infection]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2009, no. 12, pp. 2–4. (In Russian)

2. Ilyashenko A.N. O nekotorykh osobennostyakh opredeleniya momenta okonchaniya prestuplenii, svyazannykh s zarazheniem VICH-infektsiei [About some features of determining the moment of completion of crimes related to HIV infection]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2017, no. 12, pp. 30–33. (In Russian)

3. Kamnev R.G. Problemy zakonodatel'noi reglamentatsii i prakticheskogo primeneniya osnovaniya osvobodzheniya ot ugovnoyi otvetstvennosti za zarazhenie VICH-infektsiei [Problems of legislative regulation and practical application of the grounds for exemption from criminal liability for HIV infection]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2011, no. 23, pp. 28–31. (In Russian)

4. Nikitin D.A. Problemnye voprosy kvalifikatsii zarazheniya VICH-infektsiei i differentsiatsii otvetstvennosti [Problematic issues of HIV infection qualification and differentiation of responsibility]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2015, no. 13, pp. 16–18. (In Russian)

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПНОГО НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Ефимова Дарья Петровна

Цель: рассмотреть особенности ст. 124 УК РФ для правильной квалификации деяния в соответствии с характером и степенью общественной опасности. Опираясь на анализ специальных норм законодательства Российской Федерации, раскрыть объективные признаки преступного неоказания помощи больному. Выявляется целесообразным разобрать сущностную характеристику понятий, указанных в диспозиции ст. 124 УК РФ, показать их правовую зависимость и выявить пробелы законодательного регулирования.

Методология: общенаучные (анализ, синтез, систематизация) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Вывод. Противоправное неоказание помощи больному входит в группу преступлений против жизни и здоровья. На данном этапе развития уголовного законодательства отсутствие в уголовном кодексе прямого указания на характеристику отдельных признаков объективной стороны дает основание для разнообразного толкования и неправомерной квалификации. В связи с чем мы приходим к выводу о необходимости введения в диспозицию нормы термина «медицинской помощи» и его конкретизации.

Научная и практическая значимость. Статья формирует толкование теоретических положений отдельных признаков объективной стороны преступного неоказания помощи больному.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный кодекс, преступление, объективные признаки, неоказание помощи, характер помощи, первая помощь, медицинская помощь, бездействие, больной.

Объективная сторона выступает обязательным элементом для квалификации преступления. Деяние, предусмотренное ст. 124 УК РФ, отнесено к числу преступлений с материальным составом, поэтому включает в себя противоправное бездействие, последствие и прямую причинно-следственную связь.

Определение формы деяния вызывает неоднозначное толкование среди ученых. Интерпретация комментируемой статьи рядом ученых указывает на возможность выражения в так называемом частичном бездействии. С их точки зрения это объясняется недобросовестным лечением или недостаточным объемом предпринятых мер, которые приравниваются к бездействию. Однако такую позицию следует опровергнуть. В настоящее время проходит разграничение понятий неоказания помощи и ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных

обязанностей. Если помощь была оказана, но ненадлежащего качества, то это будет другой состав, предусмотренный ст. 109 или ст. 118 УК РФ. Показательным в этом отношении является дело № 22-1886/2019, где в апелляционном порядке был обжалован приговор Воронежского областного суда, ввиду необходимости перекалificarовать приговор с ч. 2 ст. 109 на ч. 2 ст. 124 УК РФ. Осужденный провел формальный осмотр и назначил рентгенографию, которая не отражала необходимой информации для постановки диагноза о состоянии больного. Адвокат настаивал на том, что лечащий врач проявил преступное бездействие при оказании помощи, однако суд в удовлетворении требования отказал. Таким образом, неоказание помощи больному выражается исключительно в форме бездействия, в волевом пассивном поведении специального субъекта, только тогда, когда виновное лицо принимает

решение вообще не проводить необходимые мероприятия.

Противоправность бездействия обусловлена тремя ключевыми условиями, когда лицо было должно и могло действовать, но не оказало помощь при отсутствии уважительных причин. Первый из них определяет действие по оказанию помощи в качестве обязанности, необходимости предпринять меры. Тут особое внимание следует уделить виду и требуемой в соответствии с ней соразмерному объему помощи. Долженствование вытекает из ст. 38 и ст. 39 федерального законодательства об Основах охраны здоровья граждан. Они регламентируют исключительно медицинскую помощь, в качестве подвидов выделяя первичную медико-санитарную, скорую и специализированную. Отсутствие в диспозиции ст. 124 УК РФ указания на вид помощи порождает основание для широкого толкования. Ф.Ю. Бердичевский полагает, что дело не только в медицинской помощи, но и иной не лечебной, приводя в пример ситуацию, при которой фармацевт умышленно не предоставляет телефон в случае необходимости вызвать скорую помощь [1, с. 74]. Противоположной точки зрения придерживаются Т.В. Кирпиченко [2, с. 99] и А.С. Горелик [3]. Их мнение опирается на толкование диспозиции, которая содержит указание на термин «больной», тем самым подразумевая исключительно медицинскую помощь.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» различает первую и медицинскую помощь. Здесь важно понимать, что первая помощь не относится к виду медицинской и оказывается лицами, не относящимися к категории сотрудников медицинских учреждений. Ст. 31 вышеуказанного закона регламентирует порядок и условия, при которых у специального субъекта возникает обязанность оказания помощи. В Постановлении Правительства РФ от 21 мая 2001 г. № 402 «Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности» употреблялся термин «первичной медико-социальной помощи». В своем понимании он рассматривался как аналог доврачебной и включал в себя комплекс мер, предпринимаемых до вмешательства врача. Фактически первичная медико-социальная помощь предшествовала медицинской и оказывалась при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью. Однако на сегодняшний день Постановление утратило силу, что указывает на необходимость обра-

щения действия ст. 124 УК РФ исключительно на медицинскую. Она осуществляется на профессиональной основе и возникает по двум основаниям: из трудовых отношений между медицинским работником и медицинской организацией и из занятия частной медицинской практикой, которую осуществляет медицинский работник в установленном законом порядке как предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Стоит отметить, что проявляется необходимость в конкретизации диспозиции нормы, в части указания характера требуемой помощи – «медицинской». Практика применения такого положения прямо закреплена в уголовных кодексах Эстонии, Литвы, Azerbaijan и Украины. В то время, как уголовное законодательство Молдовы, Беларуси, Казахстана и Таджикистана, так же как России, не характеризует, а просто называет не оказание «помощи» больному. Иной опыт прослеживается в Латвии, где характер помощи определяется «профессиональными обязанностями».

Субъективным фактором при оценке преступного деяния в форме бездействия выступает возможность оказания помощи. В обстановке бездействия лицо «могло», а значит имело должный уровень квалификации и специальной подготовки. Важным примечанием является отсутствие уважительных причин, которые считаются непреодолимыми на момент возникновения конкретной обязанности действовать. К их числу относятся обстоятельства, исключающие преступность деяния, связанные с объектом, или состояние лица, на которое возложена обязанность по оказанию помощи. Так, например, указание на нерабочее время или место, во внимание не принимается. В теории уголовного права сложилась классификация по источникам возникновения, которая включает в себя четыре основные группы:

- обстоятельства природного и техногенного характера: процессы, возникающие естественным путем на земле, на воде или в атмосфере (землетрясения, оползни, наводнения, ураганы, снегопады высокой интенсивности), а также аварии и катастрофы техногенного характера (в последствии способны вызвать взрывы, пожары, отравления водоемов, атмосферы и т.п.);
- общественно опасные действия людей: массовые беспорядки, противоправные выступления граждан (несанкционированные демонстрации, шествия, митинги), создание физических препятствий медицинским со-

- трудникам для выполнения ими служебных обязанностей, насильственное удержание машины «скорой помощи» и т. п.;
- сопоставление физических состояний двух больных, жизнь или здоровье которых одновременно находятся в опасности. То есть когда специальный субъект находится перед выбором, кому из них первоначально следует оказывать помощь. Решение принимается в зависимости от конкретных обстоятельств дела, например, времени вызова к больному;
 - обстоятельства, непосредственно связанные с личностью обязанного: психофизическое состояние врача в момент неоказания помощи, профессиональная неподготовленность, узкая специализация (при учете оказания необходимой первой медицинской помощи) и т. д.

Нормативно закреплён принцип приоритета охраны интересов пациента при оказании медицинской помощи. Это указывает на то, что возможность применения определенных мер субъектом, напрямую зависит также и от самого больного и (или) его законного представителя. В соответствии со ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» они в надлежащей форме вправе отказаться от медицинского вмешательства. Обязанность действовать возникает на основании обращения больного, его родственников или иных лиц. Фактическое медицинское вмешательство само по себе требует согласия. При его отсутствии ответственность по ст. 124 УК РФ исключается. С нашей точки зрения, в отсутствие обоснованного риска законом должна быть закреплена возможность непринятия отказа от медицинской помощи, которая обусловлена позицией со стороны родственников или законных представителей. Поскольку они тем самым распоряжаются жизнью и здоровьем больного и подрывают признание приоритета прав человека охраняемой законом ценностью. Вместе с тем оказание помощи без согласия больного или уполномоченных на то лиц возможно, если оно не может быть получено в силу экстренности обстановки при необходимости срочного и неотлагательного медицинского вмешательства для спасения человека.

Неоказание помощи больному характеризуется материальным составом преступления. Это означает, что оно может считаться оконченным только при наступлении общественно опасных последствий, т. е. в результате нарушения ана-

томической целостности и физиологической функции организма. Юридический факт причинения вреда подлежит установлению органом предварительного расследования или судом. При квалификации деяния они ориентируются на разработанные Министерством здравоохранения Медицинские критерии квалифицирующих признаков тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Причинение вреда здоровью средней тяжести является минимальным размером, при наличии которого предусмотрена уголовная ответственность. Современный уголовный закон отражает оправданное сужение ответственности за данное деяние. Тенденция к гуманизации уголовного законодательства в отношении виновных лиц определяется в результате сравнения предшествовавшего УК РСФСР 1960 г. Он предусматривал формальный состав неоказания помощи больному и ответственность за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 128, наступала независимо от наличия или отсутствия последствий. Законодательство – бывших союзных республик СССР по-прежнему устанавливает формальный состав, в частности в ст. 161 УК Республики Беларусь, ст. 130 УК Грузии, ст. 129 УК Литовской Республики, ст. 162 Республики Молдова и ст. 139 УК Украины.

Законодатель при характеристике причинной связи наступивших последствий применяет понятие «повлекло», а не термин «причинение» [4, с. 373]. Непосредственной причиной смерти или наступления вреда здоровью является заболевание потерпевшего, возникшее в силу различных факторов, к которым субъект преступления не имеет отношения. Вред здоровью должен быть обусловлен бездействием виновного, неоказанием им помощи потерпевшему, при этом квалификация деяния не зависит от заболевания и его стадии прогрессирования. Суду в рамках разбирательства предстоит установить именно прямой характер причинной связи.

Как показывает изучение правоприменительной практики, верная юридическая оценка деяния продолжает сохранять свою актуальность. Это связано с наличием отсылочных и бланкетных признаков соответствующего состава преступления, отсутствием официального и единого доктринального толкования отдельных его признаков, необходимостью соотношения теоретических положений с практикой применения ст. 124 УК РФ. В связи с чем проявляется необходимость детальном регламентировании положений преступного неоказания помощи больному.

OBJEKTIVE ANZEICHEN DER KRIMINELLEN UNTERLASSUNG VON DEN MEDIZINISCHEN HILFELEISTUNGEN

Efimova Daria Petrovna

Die Objektive Seite ist ein obligatorisches Element für die Qualifikation einer Straftat. Die kriminelle Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen ist ein Verbrechen mit dem materiellen Tatbestand. Daher ist die Objektive Seite durch die Tat in Form von Untätigkeit, Gefolge und Kausalzusammenhang zwischen ihnen zu charakterisieren.

Die Definition der Tatform verursacht eine mehrdeutige Auslegung unter Wissenschaftlern. Kommentare zu Art. 124 des Strafgesetzbuches zeigen an, dass die kriminelle Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen in teilweiser Untätigkeit ausgedrückt werden kann, z. B. in der Nichtannahme des gesamten Komplexes von medizinischen Maßnahmen oder minderwertiger Behandlung. Das Strafrecht unterscheidet die Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen und die unsachgemäße Ausführung. Wenn Hilfe geleistet worden war, aber von minderwertiger Qualität war, so handelt es sich um einen anderen Tatbestand (Art. 109, Art. 118 des Strafgesetzbuches). Bezeichnend in dieser Hinsicht ist der Gerichtsfall Nr. 22–1886 / 2019. Im Apellationsverfahren wurde das Urteil des Woronesch – Gebietsgerichts angefochten. Es wurde ein Antrag auf Änderung eines Satzes von Artikel 109 in Artikel 124 des Strafgesetzbuches. Der verurteilte führte eine formelle Untersuchung durch und ordnete eine Röntgenaufnahme an, die nicht die notwendigen Informationen für die Diagnose über den Zustand des Patienten widerspiegelte. Der Rechtsanwalt hat darauf bestanden, dass der behandelnde Arzt kriminelle Untätigkeit bei der Versorgung gezeigt hat. Aber hier geht es um die Abweisung der Klageforderung. Die Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen kann ausschließlich in Form von Untätigkeit ausgedrückt werden, die sich im willensstarken passiven Verhalten einer Person ausdrückt. Es ist wichtig, dass

der Schuldige die Entscheidung trifft, die notwendigen Maßnahmen überhaupt nicht durchzuführen.

Die unrechtmäßige Untätigkeit enthält in sich drei Schlüssel Bedingungen, in denen eine Person handeln sollte und könnte, aber in Abwesenheit von guten Gründen keine Hilfe geleistet hat. Das erste Element ist die Verpflichtung, Maßnahmen zu ergreifen. Hier spielten der Umfang und die Art der Hilfe eine besondere Rolle. Die Pflicht basiert sich auf Art. 38 und 39 der Grundlagen der Gesetzgebung der Russischen Föderation zum Schutz der öffentlichen Gesundheit. Sie regeln ausschließlich die medizinische Versorgung: primär ärztliche Versorgung, medizinische Schnellhilfe und spezialisierte Hilfe. Das Fehlen in der Disposition von Art. 124 des Strafgesetzbuches bildet die Angabe der Art von Unterstützung der Rechtfertigung für eine vielfältige Auslegung. F.J. Berditschewski glaubt, die Tat kann darin bestehen, dass nicht nur medizinische Hilfe, sondern auch andere direkte Krankenversorgung fehlt. Wenn z. B. ein Apotheker absichtlich kein Telefon zur Verfügung gestellt hat, um einen Krankenwagen zu rufen. Die Gegenposition wird von T.V. Kirpichenko und A.S. Gorelik gegeben. Ihre Meinung basiert direkt auf der Struktur der sogenannten Norm. Der Gesetzgeber verwendet den Begriff "krank", was eigentlich medizinische Versorgung bedeutet.

Das föderale Gesetz Nr. 323-FZ vom 21.11.2011 "Über die Grundlagen des Gesundheitsschutzes der Bürger in der RF" unterscheidet die Erste-Hilfe-Maßnahmen und die medizinische Versorgung. Die Erste-Hilfe-Maßnahmen sind keine Art von medizinischer Versorgung und wird nicht von den Mitarbeitern der medizinischen Einrichtungen bereitgestellt. Art. 31 des oben genannten Gesetzes regelt die Ordnung und die Bedingungen, unter denen ein spezielles Subjekt eine Pflicht zur Hilfeleistung hat. Die Verordnung der Regierung der Russischen

Föderation Nr. 402 vom 21. Mai 2001 verwendet den Begriff "primäre sozialmedizinische Versorgung" als Analogon zu den Ersten-Hilfe-Maßnahmen. Das ist einer der Maßnahmekomplexe vor dem medizinischen Eingriff. Das heißt, Sie gehen der medizinischen Versorgung voraus und kommen zu Unfällen, Verletzungen, Vergiftungen und anderen Zuständen und Krankheiten, die das Leben und Gesundheit gefährden. Zum heutigen Tag ist die Verordnung nicht mehr gültig. Das bedeutet ausschließlich medizinische Versorgung.

Die medizinische Versorgung erfolgt auf professioneller Basis und entsteht aus zwei Gründen: aus dem Arbeitsverhältnis unter dem Mediziner und der medizinischen Anstalt und aus dem Beruf einer privaten medizinischen Praxis, die der Mediziner als unternehmerische Tätigkeit ausübt. Es ist notwendig, die Disposition der Norm zu konkretisieren und die Art der erforderlichen Hilfe anzugeben. Die Anwendungspraxis ist direkt im Strafgesetzbuch von Estland, Litauen, Aserbaidschan und der Ukraine verankert. Während das Strafrecht von Moldawien, Belarus, Kasachstan und Tadschikistan sowie Russland nicht charakterisiert, sondern einfach die Nicht-Anzeige "Hilfe" für den Patienten nennt. Andere Erfahrungen werden in Lettland verfolgt, wo die Art der Hilfe durch "berufliche Pflichten" bestimmt wird.

Die Fähigkeit zur Versorgung ist ein subjektives Kriterium bei der Beurteilung einer Straftat in Form von Untätigkeit. Die Untätigkeit bedeutet, dass die Person über das richtige Qualifikationsniveau und der speziellen Ausbildung verfügt. Ein wichtiger Hinweis ist, dass es keine triftigen Gründe gibt, die auf der Entstehung einer bestimmten Handlungspflicht bezogen und als überwältigend angesehen werden. Das sind Umstände, die Strafbarkeit einer Handlung auszuschließen, die mit dem Objekt oder dem Zustand der Person verbunden ist, die mit der Verpflichtung betraut, Hilfe zu leisten. In der Theorie des Strafrechts hat sich eine Klassifizierung nach den Quellen des Auftretens entwickelt, die vier Hauptgruppen umfasst:

- natürliche und vom Menschen selbst erzeugte Umstände: Prozesse, die auf der Erde, auf Wasser oder in der Atmosphäre (Erdbeben, Erdbeben, Überschwemmungen, Hurrikane, Schneefälle mit hoher Intensität) sowie Unfälle und von Menschen selbst erzeugte Katastrophen, die später Explosionen, Feuer, Vergiftung von Gewässern etc. verursachen;
- gesellschaftsgefährliche Handlungen von Menschen: Massenunruhen, Bewegungen, unberechtigte Demonstrationen, Umzüge, Kundgebungen), physisches Hindernis für das

medizinische Personal in der Ausübung ihrer Amtspflichten, gewaltsame Beibehaltung eines Krankenwagens etc.

- das Verhältnis der körperlichen Zustände von zwei Patienten, deren Leben und Gesundheit gleichzeitig in Gefahr sind, d. h. dann, wenn der spezielle Fachmann einsiedet, wer zuerst unterstützt werden soll. Die Entscheidung wird in Abhängigkeit von den näheren Umständen des Einzelfalls getroffen, z. B. dem Zeitpunkt des Anrufs beim Patienten;
- Umstände, die in direktem Zusammenhang mit der Persönlichkeit des Verpflichteten stehen: psychophysischer Zustand des Arztes zum Zeitpunkt der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen, berufliche Unvorbereitetheit, enge Spezialisierung (bei der Berücksichtigung der notwendigen Ersten Hilfe) usw.

Der Grundsatz der Priorität des Schutzes der Interessen des Patienten bei der medizinischen Versorgung ist normativ festgelegt. Die Handlungsfähigkeit hängt auch vom Patienten und (oder) seinem gesetzlichen Vertreter ab. Die Tatsache ist, dass diese in Übereinstimmung mit Art. 20 des föderalen Gesetzes "Über die Grundlagen des Gesundheitsschutzes der Bürger in der RF" in geeigneter Form kommen, medizinische Eingriffe verweigert. Der Anhaltspunkt für die Entstehung der Pflicht zu handeln ist die Behandlung des Patienten, seine Verwandten und anderer Personen. Aber selbst der medizinische Eingriff bedarf Zustimmung. Andernfalls ist die strafrechtliche Verantwortlichkeit nach Art. 124 des Strafgesetzbuches ausgeschlossen. Das Gesetz sollte die Möglichkeit vorsehen, dass die Verweigerung der medizinischen Versorgung nicht akzeptiert wird, die durch die Position von Verwandten oder gesetzlichen Vertretern bedingt ist. Sie kontrollieren tatsächlich das Leben und die Gesundheit des Patienten. Dies untergräbt die Anerkennung der Priorität der Menschenrechte als gesetzlich geschützten Wert. Die Zustimmung spielt bei einer Notsituation keine Rolle, wenn ein dringender und sofortiger medizinischer Eingriff zur Rettung einer Person notwendig ist.

Der betreffende Artikel hat einen materiellen Tatbestand. Die Straftat gilt als beendet, wenn gemeingefährliche Folgen auftreten, d. h., als Folge einer Verletzung der anatomischen Integrität und der physiologischen Funktion des Körpers. Die rechtliche Tatsache, Schaden zu verursachen, muss von der Voruntersuchungsstelle oder vom Gericht festgestellt werden.

Bei der Qualifikation der Tat orientieren sie sich an den vom Gesundheitsministerium entwickelten medizinischen Kriterien, die die schwere des durch die menschliche Gesundheit verursachten Schadens bestimmen. Die strafrechtliche Verantwortlichkeit verfällt bei mittelschwerer Verletzung der Gesundheit. Das ist die Mindestgrenze. Das moderne Strafrecht spiegelt die Einschränkung der Verantwortung für diese Handlung wider. Obwohl das Strafgesetzbuch der RSFSR 1960 in Art. 128 für den formalen Tatbestand gestellt wird. Ausländische Gesetzgebung – die ehemaligen Unionsrepubliken der UdSSR legen die formale Zusammensetzung fest, insbesondere in der Republik Belarus (Art. 161), in Georgien (Art. 130), in der Republik Litauen (Art. 129), in der Republik Moldau (Art. 162) und in der Ukraine (Art. 139).

Der Gesetzgeber verwendet bei der Charakterisierung von Kausalzusammenhang der eingetretenen Gefolge den Begriff “zieh nach sich” und nicht den Begriff selbst “verursacht”. Die unmittelbare Todesursache oder Schaden für

die Gesundheit ist die Krankheit des Opfers. Der Täter hat nichts mit Krankheitsursache zu tun. Der Schaden für die Gesundheit muss durch Untätigkeit des Täters verursacht werden. Die Qualifikation der Handlung hängt nicht von der Krankheit und ihrem Fortschrittsstadium ab. Das Gericht muss genau den direkten Charakter des kausalen Zusammenhangs feststellen.

Die Strafverfolgungspraxis zeigt, dass die korrekte rechtliche Beurteilung dieses Gesetzes weiterhin relevant ist. Dies ist aufgrund der Verweis- und Blankett-Zeichen des Tatbestandes, das Fehlen einer offiziellen einheitlichen doktrinären Interpretation der einzelnen Merkmale und die Notwendigkeit, das Verhältnis der theoretischen Bestimmungen mit der Praxis der Anwendung von Art. 124 des Strafgesetzbuches zu sehen. In diesem Zusammenhang zeigt sich die Notwendigkeit für eine detaillierte Regelung der Bestimmungen der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen.

Литература

1. *Бердичевский Ф.Ю.* Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. – 128 с.
2. *Кирпиченко Т.В.* Уголовная ответственность за оставление в опасности. Дис. ... канд. юр. наук. 12.00.08. М., 1983. – 153 с.
3. *Горелик А.С.* Уголовная ответственность за оставление в опасности: Дис. ... док. юр. наук. 12.00.08. – 162 с.
4. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. – 400 с.

References

1. *Berdichevskij F.Y.* Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskogo personala za narushenie professional'nyh obyazannostej [Criminal liability of medical personnel for violation of professional duties]. Moscow, 1970. 128 p. (In Russian)
2. *Kirpichenko T.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' za ostavlenie v opasnosti [Criminal liability for leaving in danger]. Dis. ... kand. jur. nauk. 12.00.08. Moscow, 1983. 153 p. (In Russian)
3. *Gorelik A.S.* Ugolovnaya otvetstvennost' za ostavlenie v opasnosti [Criminal liability for leaving in danger]. Dis. ... dok. jur. nauk. 12.00.08. 162 p. (In Russian)
4. *Zhalinskij A. E.* Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis]. 2nd edition. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p. (In Russian)

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В МОНГОЛИИ И РОССИИ

Иванова Любовь Геннадьевна

Цель: сравнить законодательство Монголии и России по противодействию распространения ВИЧ-инфекции, предложить возможную доработку российского законодательства.

Методология: логический, системный, статистический, сравнительно-правовой методы.

Выводы. В статье сравнивается статистика заболеваний ВИЧ-инфекцией в Монголии и России, по которой видно, что в Монголии, исходя из предпринятых мер, имеется положительная динамика прироста зараженных людей. Данная положительная динамика непосредственно связана с действующим уголовным законодательством Монголии и с законодательством, которое действовало до 2013 года. На данный момент уголовное законодательство Монголии содержит два состава преступления за заражение ВИЧ-инфекцией: уклонение от лечения ВИЧ-инфекции (ст. 104 УК Монголии) и заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 105 УК Монголии). В России имеется уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией, а ответственности за уклонение от лечения не существует. Считается необходимым ввести данную ответственность в уголовный кодекс РФ, так как это послужит профилактикой новых случаев заражения, также снизит численность людей, у которых ВИЧ перетекает в СПИД из-за того, что люди запускают свое лечение, и возможно снизит смертность населения от ВИЧ-инфекций.

Научная и практическая значимость. Автором сравнивается правовой опыт, эффективность мер предупреждения и профилактики рассматриваемого вида преступности, а также предлагаются возможные варианты улучшения российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, СПИД, профилактика, предупреждение, объект преступления, субъективная сторона преступления, заражение, уклонение от лечения, эпидемиологическая ситуация, уголовная ответственность, иммунодефицит человека.

Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) является повсеместной проблемой XXI века. Опасность заражения этим вирусом заключается в том, что заболеть им может абсолютно любой человек, независимо от возраста, места нахождения, состояния здоровья. Поэтому важное значение приобретает исследование уголовно-правовых мер борьбы с заражением ВИЧ-инфекцией человека.

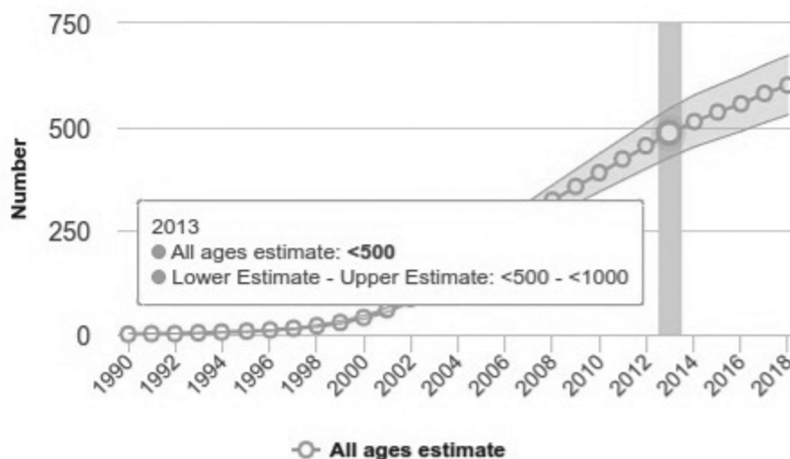
Причина выбора страны Монголии для сравнения с Россией очевиден, ведь у этих стран была похожая система права, оба государства взаимодействовали и ранее, то есть у них существуют исторические, культурные связи. Также в современное время отношения Монголии и России базируются на дружбе и сотрудничестве. При этом у Монго-

лии наблюдается положительная динамика борьбы с ВИЧ/СПИД. Поэтому целесообразно изучить уголовно-правовые нормы Монголии для сравнения с отечественным законодательством и проанализировать существующие проблемы нашего уголовного закона, а также предложить пути их решения.

Для начала рассмотрим статистику заболеваний ВИЧ-инфекцией в Монголии.

В 2018 г. в Монголии количество людей, живущих с ВИЧ-инфекцией, приблизилось к 625. Это известно исходя из статистики, представленной ЮНЭЙДС. (Приложение 1) (См.: ЮНЭЙДС. Монголия // URL: <https://www.unaids.org/ru/regionscountries/countries/mongolia> (дата обращения: 16.03.2020)).

Согласно данным Роспотребнадзора к концу 2018 года с официальным диагнозом ВИЧ-

Source: UNAIDS Estimates 2019

Рис. 1. Люди, живущие с ВИЧ (все возрасты)

инфекции в России жили более 1 млн человек (См.: Число живущих с ВИЧ в России превысило миллион. // URL: <https://www.rbc.ru/society/03/04/2019/5ca4bed19a794709eb47сес9> (дата обращения: 16.03.2020)). По состоянию на конец 2017 года во всем мире заразились ВИЧ-инфекцией 77,3 млн человек, из них 35,4 млн умерли.

В Монголии диагностировано ВИЧ-инфицирование 267 человек; 42 из которых умерли. Эта центральноазиатская страна зарегистрировала свой первый случай ВИЧ/СПИДа в 1992 г., что случилось в примерно в это же время и в России, где эпидемиологическая ситуация по заболеванию ВИЧ в России. В 2017 г. в нашей стране показатель заболеваемости составил 71,1 на 100 тыс. населения. В 2018 г. Минздрав зарегистрировал 896 075 новых случаев заболевания ВИЧ-инфекцией. Вместе с тем в России растет число смертей среди ВИЧ-инфицированных.

Достигнуть таких успехов в профилактике ВИЧ-заболеваний Монголии помогли усиленные нормы и верная государственная политика, например, в декабре 2012 г. Правительство внесло изменения в национальный закон Монголии по СПИДу. Ранее существовали ограничения на въезд, пребывание в Монголии и другие положения в отношении инфицированных людей, которые дискриминировали их положение. Теперь же для въезда в Монголию не нужно сообщать о своем ВИЧ-статусе и предоставлять подтверждающие документы. Также были сняты ограничения, связанные с работой ВИЧ-инфицированных, на определенных видах работ.

Монгольское правительство уделяет достаточно большое внимание борьбе с ВИЧ/СПИДом.

Так, в 2017 г. в Монголии был учрежден Национальный комитет по СПИДу, который стабильно увеличивает свое финансирование.

В Монголии, как и в России, в связи с противостоянием распространения ВИЧ-инфекции предусмотрена уголовная ответственность за преступное заражение данным заболеванием. Рассмотрим более детально монгольское уголовное законодательство, которое может быть полезным опытом для России.

Уголовное законодательство Монголии содержит два состава преступления за данные деяния: уклонение от лечения ВИЧ-инфекции (ст. 104 УК Монголии) и заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 105 УК Монголии).

Рассмотрим существующие особенности составов преступлений, связанных с ВИЧ-инфекциями.

Во-первых, объектом данных преступлений являются общественные отношения охраняемые уголовным законом, то есть здоровье человека. Получается, что уголовное законодательство Монголии не признает жизнь человека дополнительным объектом при преступлениях, связанных с ВИЧ заражениями.

Во-вторых, в уголовном законе Монголии способ заражения ВИЧ-инфекцией не влияет на квалификацию указанных преступлений.

В-третьих, в преступлении, предусмотренном статьей 104 УК Монголии, субъективная сторона выражается в форме прямого или косвенного умысла, либо в неосторожности, но только в виде легкомыслия, так как небрежность здесь недопустима, потому что виновный знает о своем заболевании ВИЧ.

Деяние совершено с прямым умыслом в том случае, если виновный знал, что он инфицирован

ВИЧ, предвидел возможность или неизбежность заражения потерпевшей (потерпевшего) вирусом иммунодефицита человека и желал наступления указанных последствий. Косвенный умысел возможен в случае, если виновный знал о наличии у себя ВИЧ-инфекции, предвидел возможность заражения другого лица, не желал, но сознательно допускал заражение либо относился к нему безразлично. Данное преступление совершается с такой формой вины, как легкомыслие, если виновный, осознавая наличие у него ВИЧ-инфекции, предвидит возможность заражения другого, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этого последствия (например, при использовании барьерных контрацептивов).

Рассмотрим некоторые особенности норм, представленных в этих статьях 104, 105 УК Монголии.

УК Монголии содержит отдельный состав преступления за уклонение от лечения ВИЧ-инфекции (ст. 104 УК Монголии). Кроме указанных особенностей ч. 2 ст. 104 УК Монголии предусматривает наступление уголовной ответственности для лиц, отказавших ВИЧ-инфицированному пациенту в проведении необходимых медицинских мероприятий. Более того, по УК Монголии необходимо привлекать к уголовной ответственности руководителя фармацевтической компании, ответственного за производство и продажу медикаментов и препаратов, а также ответственного за продажу крови, ее продуктов, органов и тканей, не прошедших предварительное тестирование на СПИД (ч. 1 ст. 105 УК Монголии). Также субъектом уголовной ответственности обозначен и медицинский работник, заразивший пациента ВИЧ-инфекцией по неосторожности (ч. 2 ст. 105 УК Монголии).

Что касается объективной стороны данного преступления, то для признания деяния преступным нужен сам факт заражения другого лица ВИЧ-

инфекцией, требуется наличие деяния (действия или бездействия), последствия в виде заражения лица ВИЧ-инфекцией и причинной связи между ними.

Вместе с тем, можно заметить, что уклонение от лечения ВИЧ-инфекции (ч. 1 ст. 104) в УК Монголии является формальным составом.

Способ заражения венерическим заболеванием в УК Монголии прямо указан в ч. 2 ст. 103: «...заражение венерическим заболеванием половым путем или иными способом...» (См.: Уголовный кодекс Монголии принят 10 января 2002 г., вступил в действие 1 сентября 2002 г. и в настоящее время действует в редакции с учетом поправок, внесенных в него до 8 июля 2010 г. Criminal Code of Mongolia. Ulan Bator, 2010. // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=183247 (дата обращения: 10.03.2020)), что исключает возникновение двойственности при понятии закона.

В соответствии со ст. ст. 104, 105 УК Монголии субъект преступления специальный, то есть лицо, которое заведомо знает о своем заболевании (ВИЧ-инфекции), либо лицо, ответственное за проведение необходимого лечения ВИЧ-инфицированного пациента, или нарушившее его права по причине наличия указанного заболевания, а также медицинский работник, заразивший пациента ВИЧ-инфекцией по неосторожности.

Таким образом, в Монголии более детально разработаны уголовно-правовые нормы об ответственности за анализируемые преступления, чем в отечественном уголовном законодательстве. Следовательно отечественное законодательство требует некоторых доработок, а именно внесение новой статьи в УК РФ, которая будет предусматривать уголовную ответственность за уклонение от лечения ВИЧ-инфекции, также предусматривать наступление уголовной ответственности для лиц, отказавших ВИЧ-инфицированному пациенту в проведении необходимых медицинских мероприятий.

ANSTECKUNG MIT HIV-INFEKTION, ARTIKEL 122 DES STRAFGESETZBUCHES DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Ivanova Lyubov Gennadievna

HIV-Virus ist eine weit verbreitete Pandemie des 21. Jahrhunderts. Die Gefahr einer HIV-Infektion besteht darin, dass jeder Mensch damit infiziert werden kann, unabhängig vom Alter, vom Wohnort und vom

Gesundheitszustand. Daher ist die Untersuchung strafrechtlicher Maßnahmen zur Bekämpfung der HIV-Infektion der Menschen von großer Bedeutung. Die negativsten Trends der Ausbreitung der HIV-

Infektion in der Welt sind in den Regionen von Osteuropa und von Zentralasien sowie in der Region des Nahen Ostens und Nordafrikas zu beobachten [1, s. 5–9; 2, s. 3–5].

Die Wahl der Mongolei zum Vergleich mit Russland ist dadurch zu begründen, da diese Länder ein ähnliches Rechtssystem hatten, beide Staaten früher zusammenarbeiteten, d.h. sie haben historische und kulturelle Beziehungen. Auch in der Neuzeit existieren die Beziehungen zwischen der Mongolei und Russland auf der Grundlage der Freundschaft und der Zusammenarbeit. Gleichzeitig zeigt die Mongolei eine positive Dynamik der Bekämpfung vom HIV / AIDS. Daher ist es ratsam, das Strafrecht der Mongolei im Vergleich mit der russischen Gesetzgebung zu untersuchen, die bestehenden Probleme unseres Strafrechts zu analysieren und Wege ihrer Lösung vorzuschlagen.

Zuerst zeigen wir die Statistiken der HIV-Infektionen in der Mongolei.

Im Jahr 2018 näherte sich die Zahl der Menschen, die in der Mongolei mit HIV infiziert sind, 625 Menschen an. Dies ist durch UNAIDS – Statistiken bekannt. (Anhang 1).

Laut den Angaben vom Föderalen Dienst für die Aufsicht auf dem Gebiet des Schutzes der Verbraucherrechte und des Wohlergehens des Menschen lebten bis zum Ende 2018 mehr als 1 Million Menschen mit einer offiziellen Diagnose der HIV-Infektion in Russland.

Bis Ende 2017 waren weltweit 77,3 Millionen Menschen mit HIV infiziert, von denen 35,4 Millionen starben.

In der Mongolei wurden 267 Fälle der HIV-Diagnose registriert. 42 HIV-Infizierten sind gestorben. Das zentralasiatische Land zeigte den ersten Fall HIV / AIDS – Infektion in 1992 an.

Die epidemiologische Situation der HIV-Erkrankungen in Russland verschlechtert sich weiter. Im Jahre 2017 betrug die Krankheitsrate in Russland 71,1 Menschen pro 100.000 Einwohner. Im Jahr 2018 registrierte das Gesundheitsministerium 896.075 neue Fälle der HIV-Infektionen. Gleichzeitig wächst in Russland die Zahl der Todesfälle der HIV-Infizierten.

Die verschärften Normen und die richtige Politik der Mongolei trugen zu solchem Erfolg der HIV-Prävention bei. Zum Beispiel, im Dezember 2012 änderte die Regierung das nationale AIDS-Gesetz der Mongolei. Früher gab es Einreisebeschränkungen, Aufenthaltsbeschränkungen in der Mongolei und andere Vorschriften für die infizierten Personen, die ihren Zustand diskriminierten. Um in die Mongolei einzureisen, soll man zurzeit den HIV-Stand nicht mehr anzeigen und keine Belegscheine vorlegen. Außerdem

wurden Einschränkungen der Arbeitstätigkeit von den HIV-Infizierten in bestimmten Arbeitsbereichen aufgehoben.

Die mongolische Regierung widmet der HIV / AIDS – Bekämpfung eine große Aufmerksamkeit. So wurde 2017 in der Mongolei der Nationale AIDS-Ausschuss gegründet, der seine Finanzierung stetig erhöht.

In der Mongolei wird wie in Russland im Rahmen der Bekämpfung von der Ausbreitung der HIV-Infektionen eine strafrechtliche Verantwortung für die kriminelle HIV-Infektion vorgesehen. Untersuchen wir die mongolische Strafgesetzgebung, die für Russland eine nützliche Erfahrung darstellen kann.

Das Strafrecht der Mongolei enthält zwei Arten des Tatbestandes für diese Tat: Umgehung der Behandlung der HIV-Infektion (Artikel 104 des Strafgesetzbuchs der Mongolei) und HIV-Infizierung (HIV-Ansteckung) (Artikel 105 des Strafgesetzbuchs der Mongolei).

Untersuchen wir die bestehenden Besonderheiten der mit HIV-Infektionen verbundenen Straftaten.

Erstens sind Gegenstand dieser Straftaten die strafrechtlich geschützten sozialen Beziehungen, d.h. die menschliche Gesundheit. Es stellt sich heraus, dass die Strafgesetzgebung der Mongolei das menschliche Leben nicht als zusätzlicher Gegenstand bei den mit HIV-Infizierung verbundenen Straftaten anerkennt.

Zweitens hat die Art der HIV-Infizierung im mongolischen Strafrecht keinen Einfluss auf Verbrechenqualifikation.

Drittens wird für die im Artikel 104 des Strafgesetzbuchs der Mongolei vorgesehene Straftat die subjektive Seite in Form vom direkten oder indirekten Vorsatz oder in Form der Fahrlässigkeit ausgedrückt, jedoch nur in Form vom Leichtsinne, die Fahrlässigkeit ist hier nicht zulässig, da der Täter von seiner HIV-Erkrankung weiß.

Die Tat ist mit dem direkten Vorsatz begangen, falls der Täter von seiner HIV-Infizierung wusste, die Möglichkeit oder die Unvermeidlichkeit der Infizierung des Geschädigten mit HIV oder mit der menschlichen Immunschwäche voraussah und wünschte, dass die angegebenen Wirkungen folgen. Der indirekte Vorsatz ist möglich, wenn der Täter von seiner HIV-Infizierung wusste, die Möglichkeit der Infizierung des Geschädigten mit HIV oder mit der menschlichen Immunschwäche voraussah und nicht wünschte, aber sie bewusst zuließ oder der Infizierung gleichgültig war. Diese Straftat wird in Form von der Leichtfertigkeit begangen, wenn der Täter von seiner HIV-Infizierung weiß, die Möglichkeit der Infizierung des Geschädigten mit HIV oder mit der menschlichen Immunschwäche voraussieht, aber ohne ausreichende Gründe davon ausgeht, diese Wirkungen

zu verhindern (z. B. bei der Verwendung von den Barriere-Verhütungsmitteln).

Untersuchen wir einige Besonderheiten der Normen, die die Artikel 104, 105 des Strafgesetzbuchs der Mongolei enthalten.

Das Strafgesetzbuch der Mongolei enthält den Tatbestand der Umgehung der HIV-Behandlung (Artikel 104 des Strafgesetzbuchs der Mongolei). Zusätzlich zu diesen Besonderheiten sieht Teil 2 des Artikels 104 des Strafgesetzbuches der Mongolei die strafrechtliche Verantwortung für Personen voraus, die einem HIV-infizierten Patienten die Durchführung der erforderlichen medizinischen Maßnahmen verweigert haben. Darüber hinaus soll laut dem Strafgesetzbuch der Mongolei der Leiter eines Pharmaunternehmens zur strafrechtlichen Verantwortung gezogen werden, der für die Herstellung und den Verkauf von den Arzneimitteln und für den Verkauf vom Blut, seinen Produkten, Organen und Geweben verantwortlich ist, die die AIDS-Teste nicht bestanden haben (Teil 1 des Artikels 105 des Strafgesetzbuches der Mongolei).

Ein medizinischer Mitarbeiter, der einen Patienten fahrlässig mit HIV infiziert hat, wird ebenfalls strafrechtlich verfolgt (Artikel 105 Teil 2 des Strafgesetzbuches der Mongolei).

Was die objektive Seite dieser Straftat betrifft, so ist für die Anerkennung einer Handlung als Straftat die Tatsache erforderlich, dass eine andere Person mit HIV infiziert ist, eine Tat (die Tätigkeit oder die Untätigkeit), die Wirkungen in Form einer HIV-Infizierung und ein Kausalzusammenhang existieren.

Gleichzeitig kann festgestellt werden, dass die Umgehung der HIV-Infektion – Behandlung (Teil 1 des Artikels 104) im Strafgesetzbuch der Mongolei ein formeller Tatbestand ist.

Die Art der Infizierung mit einer sexuell übertragbaren Krankheit im Strafgesetzbuch der Mongolei ist im Teil 2 des Artikels 103 angegeben: "...Infizierung mit einer Geschlechtskrankheit durch ein sexuelles Kontakt oder auf eine andere Weise...", was die Doppelheit der Gesetzesverständigung ausschließt.

Laut den Artikeln 104, 105 des Strafgesetzbuches der Mongolei gilt das Subjekt der Straftat als ein spezieller Subjekt, d.h. das ist eine Person, die von ihrer HIV-Erkrankung weiß, oder eine Person, die für die notwendige Behandlung eines HIV-infizierten Patienten verantwortlich ist, oder eine Person, die die Rechte eines HIV-infizierten Patienten verletzt hat oder ein Arzt, der fahrlässig einen Patienten mit HIV infiziert hat.

So sind in der Mongolei strafrechtliche Normen der strafrechtlichen Verantwortung für die untersuchten Straftaten detaillierter ausgearbeitet als in der russischen Strafgesetzgebung. Darum erfordert die russische Gesetzgebung einige Verbesserungen, nämlich die Einführung eines neuen Artikels ins Strafgesetzbuch der Russischen Föderation, der die strafrechtliche Verantwortung für die Umgehung der Behandlung von der HIV-Infektion sowie die strafrechtliche Verantwortung für die Personen vorsieht, die einem HIV-infizierten Patienten die erforderlichen medizinischen Maßnahmen verweigert haben.

Литература

1. Общий обзор прогресса в обеспечении всеобщего доступа к профилактике, лечению, уходу и поддержке при ВИЧ-инфекции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных Наций: Азиатско-тихоокеанское межправительственное совещание по ВИЧ и СПИДу. 28–30 января 2015 г.

References

1. Obshchii obzor progressa v obespechenii vseobshchego dostupa k profilaktike, lecheniyu, ukhodu i podderzhke pri VICH-infektsii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Overview of progress in achieving universal access to HIV prevention, treatment, care and support in the Asia-Pacific region]. In Ekonomicheskii i Sotsial'nyi Sovet Organizatsii Ob'edinennykh Natsii: Aziatsko-tikhookeanskoe mezhpriavitel'stvennoe soveshchanie po VICH i SPIDu. 28–30 yanvarya 2015 g. [United Nations Economic and Social Council: Asia-Pacific Intergovernmental Meeting on HIV and AIDS. January 28–30, 2015].

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ

Кузнецов Андрей Юрьевич,
Мустафазаде Ровшан Шахин оглы

Цель: новейшие методики жизнеобеспечения предоставляют возможность продлевать остаток жизни пациентов, страдающих неизлечимыми заболеваниями. Перед медицинским персоналом встает задача по обеспечению таких пациентов всеми необходимыми условиями для достойного ухода из жизни. Вместе с тем полноценному выполнению этой задачи зачастую препятствуют многие факторы – недостаточный уровень финансирования медицинских учреждений, некомпетентность медицинского персонала, недостаток обезболивающих средств и др. Эти факторы приводят к тому, что немалая часть incurable-пациентов отказывается от оказываемой им медицинской помощи, поскольку она не способствует облегчению их физических и нравственных страданий, вызванных болезнью. И поскольку степень таких страданий достигает порой критического уровня, некоторые из таких пациентов совершают самоубийство. Другие больные в качестве способа избавления от страданий используют процедуру эвтаназии или осуществляют самоубийство при врачебном содействии. В этой связи не утрачивает своей актуальности вопрос установления оптимальных пределов уголовно-правового регулирования эвтаназии, а также причинения смерти лицу по его просьбе. В статье предпринимается попытка установления таких пределов, исходя из необходимости минимизации уголовно-правового воздействия на общественные отношения при сохранении надежных гарантий защиты прав граждан от криминальных угроз. При этом авторы приходят к разным выводам относительно оптимальности установления таких пределов.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Вопрос легализации эвтаназии в России в ближайшее время вряд ли может быть решен. Вместе с тем необходимо установить оптимальные пределы уголовно-правового регулирования эвтаназии и причинения смерти лицу по его просьбе.

Научная и практическая значимость: с точки зрения действующего УК РФ эвтаназия образует состав убийства и квалифицируется по ч. 1 ст. 105, поскольку является не чем иным, как умышленным причинением смерти другому человеку, хотя и по его просьбе, и влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет. При наличииотяажаяющих обстоятельств не исключена квалификация эвтаназии по ч. 2 ст. 105 (например, в случае ускорения смерти больного за вознаграждение). Одновременно с этим в ч. 5 ст. 110¹ УК РФ установлена уголовная ответственность за самоубийство при врачебном содействии, типовая общественная опасность которого оценена законодателем в границах от 6 до 12 лет лишения свободы. При таком подходе простое убийство, убийство по просьбе потерпевшего (в том числе по мотиву сострадания) и ассистированное самоубийство фактически приравняются друг к другу по общественной опасности, что нельзя признать обоснованным. Следовало бы смягчить уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ст. 110¹ УК, руководствуясь критерием необходимости минимизации уголовно-правового воздействия на общественные отношения при сохранении надежных гарантий защиты прав граждан от криминальных угроз. Надлежащая дифференциация уголовной ответственности послужила бы законодательной предпосылкой назначения справедливого наказания лицам, совершившим указанные деяния.

Ключевые слова: эвтаназия, убийство лица по его просьбе, убийство при врачебном содействии, дифференциация уголовной ответственности, индивидуализация уголовного наказания.

Новейшие методики жизнеобеспечения предоставляют возможность продлевать остаток жизни пациентов, страдающих неизлечимыми заболеваниями. Перед медицинским персоналом встает задача по обеспечению таких пациентов всеми необходимыми условиями для достойного ухода из жизни. Вместе с тем полноценному выполнению этой задачи зачастую препятствуют многие факторы – недостаточный уровень финансирования медицинских учреждений, некомпетентность медицинского персонала, недостаток обезболивающих средств и др. Эти факторы приводят к тому, что немалая часть инкурабельных пациентов отказывается от оказываемой им медицинской помощи, поскольку она не способствует облегчению их физических и нравственных страданий, вызванных болезнью. И поскольку степень таких страданий достигает порой критического уровня, некоторые из таких пациентов совершают самоубийства. Другие больные в качестве способа избавления от страданий используют процедуру эвтаназии или осуществляют самоубийство при врачебном содействии.

Вопрос о допустимости применения эвтаназии и самоубийства при врачебном содействии является одним из наиболее остро обсуждаемых в современном обществе. Достижения в области медицины приводят к изменениям общественного сознания и существующих нравственных ценностей. Так, уже давно выделяют группы прав нового поколения – соматических, к которым предлагают относить право на употребление наркотиков, на смену пола, на аборт, на пересадку органов и ряд иных прав [1]. В эту группу прав предлагают включить и право на смерть, сущность которого заключается в возможности каждого человека самостоятельно определять время и способ ухода из жизни, в том числе посредством применения процедуры эвтаназии или обращения к медицинским работникам с просьбой об оказании содействия в осуществлении самоубийства.

В настоящее время законодательство некоторых зарубежных стран предусматривает возможность применения данных процедур. Этот факт способствует еще большему повышению внимания к данной теме. Особенно это касается тех стран, в которых отмеченные процедуры не легализованы. В настоящей статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки эвтаназии в России. Однако для их решения необходимо обращаться не только к медицине и праву, но и к социологии, философии, религии и этике.

Понятие «эвтаназия» образовано при помощи слияния двух греческих слов: «ev» – «благо»

и «thanatos» – «смерть» и при буквальном переводе означает «благоую, хорошую смерть». Принято считать, что впервые это понятие было введено в научный оборот в XVI веке Ф. Бэконом в его труде «О достоинстве и усовершенствовании наук». По мнению философа, врачи обязаны не только восстанавливать здоровье своих пациентов, но и прикладывать все возможные усилия для облегчения боли и страданий, вызываемых неизлечимой болезнью, чтобы обеспечить больному тихую и внешне покойную смерть, то есть эвтаназию [2, с. 308–314].

Однако упоминание об эвтаназии можно найти и в труде более раннего периода времени – в книге римского историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей», написанной в 121 году н.э. Светоний использовал понятие «эвтаназия» для обозначения естественной смерти от старости, наступление которой не сопровождается физическими и нравственными страданиями (См.: URL: <http://www.life.org.nz/euthanasia/abouteuthanasia/history-euthanasia> (дата обращения: 02.06.2020)).

В дальнейшем упоминание об эвтаназии как о «естественной» смерти можно найти в работе А. Шопенгауэра «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа»: «наконец, естественная смерть, в настоящем смысле этого слова, – та, которая происходит от старости, эвтаназия, представляет собою постепенное и незаметное удаление из бытия...» [3]. Таким образом, Светоний и А. Шопенгауэр использовали понятия «естественная смерть» и «эвтаназия» в качестве синонимов.

К настоящему времени сложилось иное понимание термина «эвтаназия». В Энциклопедическом словаре медицинских терминов представлено следующее его определение: «намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимо больного человека с целью прекращения его страданий» [4, с. 1354]. А.И. Коробеев называет эвтаназией «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий» [5, с. 17]. Ю.А. Дмитриев и Е.В. Шленева дают следующее определение эвтаназии: «Специальное медицинское вмешательство, направленное на прекращение жизни неизлечимо больного, тяжело страдающего человека, осуществляемое в соответствии с его собственной добровольно выраженной волей и имеющее единственной целью прекращение ненужных страданий» [6, с. 52–58]. Н.Е. Крылова определила эвтаназию как «умышленные действия или бездействие медицинского работника, которые осуществляются в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной

просьбой информированного больного или его законного представителя с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящегося в угрожающем жизни состоянии, в результате которых и наступает его смерть» [7, с. 143].

Как видно, в отечественной доктрине уголовного права отсутствует единое определение понятия «эвтаназия». При этом первоначальное понимание эвтаназии как естественной смерти, неотягощенной физическими и нравственными страданиями, трансформировалось в понимание этой процедуры в качестве способа избавления от страданий неизлечимо больных людей посредством причинения им смерти. Данное же Ф. Бэконом толкование этого понятия как медицинской деятельности, сущность которой заключается в облегчении страданий безнадежно больных пациентов посредством оказания им всей необходимой помощи, на сегодняшний момент больше подходит к описанию иного вида медицинской деятельности – паллиативной помощи.

Такое различие в понимании эвтаназии не в последнюю очередь может быть обусловлено возможностью расширительного толкования буквального перевода термина как «благой, легкой, безболезненной смерти». Рассматривая эвтаназию в качестве разновидности убийства, исследователи указывают, что такое умерщвление является, как правило, быстрым и безболезненным.

Как известно, расширительное и вольное толкование какого-либо понятия может привести к негативным последствиям. Понимание эвтаназии как «легкой и быстрой» смерти стало основанием для использования этой процедуры при реализации немецких планов по умерщвлению лиц, относящихся к определенным категориям. В начале XX века в Германии была издана работа К. Биндинга и А. Гоша «Право уничтожения неполноценных жизней, его пределы и формы». Главная идея этого труда – обоснование необходимости принудительного умерщвления слабоумных и страдающих психическими отклонениями людей [8, с. 36–78]. Как известно, такие идеи не остались существовать только на страницах книг и воплотились в реальность с легкой руки А. Гитлера. Организованное сторонниками евгенических программ умерщвление людей, параметры тел которых не подходили под установленный ими образец «чистой» арийской расы, было широко распространено в Германии. Этот пример явно демонстрирует те возможные последствия, которые могут наступить при отсутствии четко сформулированного и закрепленного определения того или

иного понятия, а именно – толкование термина в более подходящем, а не в истинном смысле.

Итак, к настоящему времени среди исследователей института эвтаназии сложилось понимание ее как разновидности убийства, совершаемого гуманным и безболезненным способом по просьбе безнадежно больного пациента.

Существует устоявшееся мнение о необходимости выделения активной и пассивной форм эвтаназии, в основу выделения которых положен критерий наличия или отсутствия действий, направленных на причинение смерти больному. В ситуации, когда лицо совершает определенные действия, которые либо приближают наступление смерти, либо непосредственно становятся ее причиной, речь идет об активной эвтаназии. В случаях, когда лицо намеренно прекращает мероприятия по искусственному поддержанию жизни больного, то есть не выполняет обязанности по сохранению его жизни, стоит говорить о пассивной эвтаназии. Данный подход нашел свое отражение в российском законодательстве.

В России законодательное определение эвтаназии впервые было закреплено в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года (*Ведомости СНД и ВС РФ, 1993, № 33, ст. 1318*). Статья 45 Основ устанавливала, что «медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни». С 1 января 2012 г. действует новый Федеральный закон 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724*).

Определению эвтаназии в нем посвящена ст. 45, однако сформулировано оно несколько по-иному. Согласно этой статье, «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента».

Как видно, определение эвтаназии в новом законе имеет ряд отличий по сравнению с ранее действовавшим. Во-первых, в новом законе говорится о «медицинских работниках», а не о «медицинском персонале». Под медицинским работником, в соответствии со ст. 2 Федерального закона 2011 г., понимается физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые

(должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. В прежнем законе понятие «медицинский персонал» не определялось.

Во-вторых, вместо «удовлетворения просьбы больного об ускорении его смерти» в новом законе сказано об «ускорении по просьбе пациента его смерти».

В-третьих, новый закон содержит указание на ускорение смерти бездействием медицинского работника. Таким образом, как верно отмечается в научной литературе, с принятием нового закона должен быть положен конец дискуссии о том, разрешена ли в России «пассивная эвтаназия» [9, с. 155]. Мнение о допустимости пассивной эвтаназии основывалось на ст. 33 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г., закреплявшей право гражданина требовать прекращения медицинского вмешательства. Новый закон, хотя и предоставляет пациенту такое право (ст. 19, 20), в ст. 45 прямо запрещает ускорение смерти не только действиями, но и бездействием медицинского работника.

Российские врачи утверждают, что де-факто пассивная эвтаназия существует. Они работают в таких условиях, когда нередки ситуации наличия нескольких тяжелобольных пациентов, состояние одного из которых оценивается как более тяжелое. В таком положении при отсутствии медицинского оборудования приходится фактически отказываться от оказания надлежащей медицинской помощи пациентам, находящимся в менее тяжелом состоянии.

Некоторые авторы включают в понятие эвтаназии причинение больному смерти лицом, не являющимся медицинским работником, иными словами так называемая немедицинская эвтаназия. К примеру, О.С. Капинус предложила понимать под эвтаназией в уголовно-правовом смысле «умышленное причинение смерти неизлечимо больному, осуществленное по его просьбе врачом, фельдшером или медсестрой, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических страданий» [10].

Некоторые исследователи идут в этом вопросе еще дальше и отождествляют эвтаназию с лишением жизни лица с его согласия [11, с. 164].

Вместе с тем, с учетом прямого указания в Федеральном законе 2011 г. на то, что эвтаназия может осуществляться только «медицинским работ-

ником», эвтаназию необходимо рассматривать как акт, который может осуществляться только таким, являющимся в уголовно-правовом смысле специальным субъектом. Следовательно, ни «немедицинская эвтаназия», ни, тем более, причинение смерти лицу с его согласия не могут быть отнесены к эвтаназии.

С точки зрения действующего уголовного закона эвтаназия образует состав убийства и квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, поскольку является не чем иным, как умышленным причинением смерти другому человеку, хотя и по его просьбе. При наличииотягчающих обстоятельств не исключена квалификация эвтаназии по ч. 2 ст. 105 УК РФ (например, в случае ускорения смерти больного за вознаграждение).

В судебной практике имеется одна интересная особенность. Как известно, запрет на проведение эвтаназии установлен только в отношении медицинских работников и содержится он не в уголовном законодательстве. Отсутствует в уголовном законе и специальная норма, устанавливающая уголовную ответственность за проведение эвтаназии медицинскими работниками. Однако встречаются случаи, когда в мотивировочной части приговора, вынесенного в отношении лица, не являющегося медицинским работником и совершающего убийство лица по его просьбе, имеется ссылка на установленный ст. 45 Закона от 2011 г. запрет на осуществление эвтаназии (См.: *Приговор Ижемского районного суда Республики Коми № 1-78/2016 от 30 ноября 2016 г. по делу № 1-78/2016 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.06.2020)*).

В ст. 45 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. говорилось об установлении уголовной ответственности за побуждение больного к эвтаназии и (или) ее осуществление. Новый закон от 2011 г. не упоминает об этом. В уголовно-правовой литературе часто упоминался такой пробел в законодательстве, как отсутствие составов, криминализующих причастность к самоубийству другого лица. Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 110¹, где устанавливается уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.

Родовым и видовым объектом склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) является жизнь человека. Дополнительным объектом данного состава преступления может являться психическое здоровье человека. Это обусловлено

прежде всего тем, что состав преступления по конструкции является формальным, а последствия в виде смерти являются квалифицирующими обстоятельствами (ч. ч. 3–6 ст. 110¹ УК РФ) и влекут более строгое наказание. Следовательно, создание условий к совершению самоубийства, за что и регламентирована ответственность в ст. 110¹ УК РФ, может вовсе не привести к результату в виде смерти потерпевшего, а может привести к помутнению рассудка последнего, к решимости на совершение суицида, вызвать расстройство здоровья (временное, хроническое или иное психическое расстройство). При этом при определенных условиях такое расстройство здоровья дополнительно может квалифицироваться по соответствующим частям ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Объективная сторона ст. 110¹ УК РФ заключается в склонении к совершению самоубийства, что предусмотрено частью 1 рассматриваемой статьи, а также в содействии совершению самоубийства (часть 2). Склонение может быть выполнено одним из предусмотренных в законе способов (альтернативных действий), а именно, путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. Как видно, перечень способов является открытым, что свидетельствует о том, что правоприменитель не скован лишь указанными в ч. 1 ст. 110¹ УК РФ. При этом в диспозиции указанной статьи подчеркивается, что к иным способам не относятся перечисленные в ч. 1 ст. 110 УК РФ, то есть угрозы, жестокое обращение, а также систематическое унижение человеческого достоинства. Объективная сторона содействия совершению самоубийства описана законодателем также в форме перечисления альтернативных способов. Среди них в ч. 2 ст. 110¹ УК РФ названы следующие: содействие ... советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Данная формулировка всем известна, как формулировка пособничества в совершении преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ), при этом как физического, так и интеллектуального. Однако аналогично склонению к совершению самоубийства содействие направлено на совершение уголовно ненаказуемого деяния (самоубийства), и оно так же является формой исполнения в отличие от пособничества по ч. 5 ст. 33 УК РФ. Отличительной чертой ч. 2 ст. 110¹ УК РФ является закрытый перечень способов содействия совершению самоубийства.

Состав содействия совершению самоубийства по конструкции формальный, не требующий наступления последствий в виде смерти потерпевшего. Таким образом, под действие данной статьи попадает так называемое «ассистированное самоубийство», когда медицинский работник предоставляет средства, например, яд, или иными способами (в том числе путем побуждения) содействует совершению самоубийства лицом. При этом законодатель в ч. 2 ст. 110¹ УК РФ указал на лицо, находящееся в заведомо беспомощном для виновного состоянии. Ассистированное самоубийство сразу же влечет ответственность за квалифицированный состав, поскольку, когда речь идет об эвтаназии и ассистированном самоубийстве, то имеется в виду тяжелое состояние больного.

Причинную связь в составах ч. 1 и ч. 2 ст. 110.1 УК РФ устанавливать не требуется, поскольку ответственность в них установлена за создание условий к совершению самоубийства (обусловленные). При выполнении данных составов преступления наличествует так называемая нефизическая причинность [12, с. 259]. При этом обязательно установление причинной связи при квалификации действий по ч. ч. 3–6 ст. 110.1 УК РФ, поскольку составы из формальных «превращаются» в материальные.

В литературе справедливо отмечается, что законодатель мог объединить два состава в одной части статьи 110¹ УК РФ с целью исключить проблему, для разрешения которой, как представляется, сегодня полноценного решения не находится [13]. Имеется в виду ситуация, при которой в действиях лица содержатся одновременно и склонение, и содействие. Вариантов квалификации может быть несколько: совокупность ч. 1 и ч. 2 ст. 110¹ УК РФ или квалификация по ч. 2 ст. 110¹ УК РФ. Думается, что более разумным является второй вариант квалификации (только по ч. 2 ст. 110¹ УК РФ) ввиду соблюдения принципа «non bis in idem».

Субъективная сторона склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства выражается в наличии у виновного прямого умысла. Мотивы и цели значения для квалификации содеянного не имеют, однако должны устанавливаться для целей индивидуализации ответственности. Применительно к лицу, находящемуся в беспомощном состоянии п. «а» и «б» ч. 3 и ч. 5 ст. 110¹ УК РФ содержат указание на «заведомость».

Главное отличие эвтаназии от ассистированного самоубийства кроется в объективной стороне. Действие, приводящее к смерти пациента, будет

считаться ассистированным самоубийством, когда оно совершается самим пациентом. Эвтаназия же — сознательное поведение врача (действие по причинению смерти или акт бездействия, обладающий причинением смерти).

Проблема эвтаназии тесно связана с понятием убийства по просьбе потерпевшего. В доктрине уголовного права тяжесть и общественную опасность убийства по просьбе потерпевшего оценивают по-разному. Некоторые исследователи усматривают наличие объективно существующих оснований включения в систему привилегированных составов убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, поскольку таковое обладает значительно меньшей степенью общественной опасности по сравнению с основным составом [9, с. 157–158]. О меньшей степени общественной опасности убийства по просьбе потерпевшего говорили и Л.Д. Гаухман [14, с. 100], П.С. Дагель [15], М.Д. Шаргородский [16, с. 206–212]. Вместе с тем ряд отечественных ученых также утверждали, что нет оснований рассматривать такое убийство как совершенное при смягчающих обстоятельствах [17, с. 39–42].

В российском уголовном праве впервые смягчение уголовной ответственности за убийство, учиненное по настоянию убитого и из сострадания к нему, предусматривалось в Уголовном уложении 1903 г. Это положение не было воспринято позднейшим законодательством. Имелась лишь попытка вообще исключить уголовную ответственность за такое убийство в УК РСФСР 1922 г. [18, с. 156]. В период разработки нового уголовного закона в 1990-е гг. к этой проблеме вернулись. В ст. 106 проекта УК РФ, принятого Государственной Думой в первом чтении, признаки соответствующего состава преступления были сформулированы следующим образом: «Лишение жизни из сострадания к потерпевшему (эвтаназия) в связи с его тяжелой неизлечимой болезнью и (или) непереносимыми физическими страданиями при условии его добровольного на то волеизъявления» [18, с. 156]. В окончательной редакции УК РФ 1996 г. эта норма не сохранилась, что связано с трудностями установления субъективных признаков рассматриваемого убийства, каковые являлись бы конструктивными.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что оценку убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания как «простого» убийства нельзя признать справедливой. Более того, нельзя признать справедливым и наказание за ассистированное самоубийство от 6 до 12 лет лишения свободы, каковое установлено в ч. 5 ст. 110¹ УК РФ. При таком

подходе простое убийство, убийство по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания и ассистированное самоубийство фактически приравняются друг к другу по общественной опасности, что нельзя признать обоснованным.

Вместе с тем представляется также, что нет необходимости и в выделении привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания или, как это было предложено О.С. Капинус, привилегированного состава «эвтаназия». К медицинскому работнику, осуществившему эвтаназию или ассистированное самоубийство, может быть применен ряд уголовно-правовых норм, индивидуализирующих уголовную ответственность, таких как: п. «д» ст. 61 УК РФ (смягчающее наказание обстоятельство «совершение преступления по мотиву сострадания»), ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление), ст. 73 (условное осуждение), ч. 6 ст. 15 УК РФ (возможность изменения категории преступления на менее тяжкую). Верховный Суд РФ указал также на возможность совместного применения данных положений уголовного закона (*Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»*).

Как отмечал Г.Н. Борзенков, «эвтаназия вообще не может быть оправдана ссылкой на естественное право человека распорядиться своей жизнью. Это право юридически неоспоримо, если отвлечься от этических, моральных и религиозных норм. Но никто другой не вправе приводить в исполнение смертный приговор, вынесенный человеком самому себе... эвтаназия — это тоже убийство. Смягчающие же обстоятельства такого убийства, включая мотивы, могут быть учтены при выборе наказания» [18, с. 159].

Другому же соавтору нашей статьи, Р. Мустафаде, представляется, что более предпочтительным вариантом является предложение внести изменения в уголовный кодекс посредством его дополнения статьей «Убийство лица по его просьбе». О необходимости урегулирования данного вопроса на законодательном уровне свидетельствуют следующие факты. В мае 2017 г. в сети «Интернет» появилась информация о возможности российских граждан, желающих получить помощь в самоубийстве, приобрести специальный тур в Швейцарию, где допускается оказание таких услуг в отношении иностранных граждан (*См.: Россиянам предложат туры в Швейцарию для*

эвтаназии // URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/18/deathtour/> (дата обращения: 02.06.2020)).

В российских социальных сетях можно наткнуться на группы, участники которых открыто обсуждают способы приобретения препаратов для совершения самоубийства, дают рекомендации по вопросам оформления необходимых документов для посещения Швейцарии в целях осуществления процедуры ассистированного самоубийства, а на сайте Российской общественной инициативы можно увидеть 4 инициативы, поданные за легализацию эвтаназии (См.: URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 02.06.2020)).

В 2007 г. Валентиной Петренко был предложен законопроект об эвтаназии, предусматривающий возможность ее применения в строго ограниченных законом случаях. Однако мало кто из представителей власти его одобрил, и дальнейшее движение проекта заблокировали. Представляется, внесение аналогичного законопроекта в настоящее время вызовет те же реакцию и последствия. Ни большая часть общества, ни власть не готовы к таким кардинальным изменениям, а у смертельно больных пациентов в таком случае остается только один выход – самоубийство. Был предложен также проект федерального закона, регулирующего проведение процедуры эвтаназии и устанавливающего ответственность за нарушение условий правомерности ее осуществления [19, с. 160–163].

Решить вопрос посредством легализации эвтаназии, как это предлагают отдельные исследователи, на современном этапе развития российского общества и государства невозможно. Во-первых, представители медицинского сообщества указывают на то, что партнерская система взаимоотношений между информированным пациентом и врачом еще не до конца воспринята обществом [20, с. 154–181]. Отношение населения к медицинским работникам до сих пор строится по принципам патерналистической системы. Во-вторых, не стоит исключать возможность злоупотреблений со стороны медицинского персонала при проведении этой процедуры.

В то же время, если государство выступает против использования данной процедуры в качестве способа избавления от страданий неизлечимо больных пациентов, оно должно предоставить доступ к качественной паллиативной медицинской помощи. Согласно Рекомендациям Европейской ассоциации паллиативной помощи, она представляет собой «активную, всеобъемлющую помощь пациенту, страдающему заболеванием, которое не поддается излечению. Главной зада-

чей паллиативной помощи является купирование боли и других симптомов, а также решение социальных, психологических и духовных проблем» (См.: *Белая книга: стандарты и нормы хосписной и паллиативной помощи в Европе: часть 1* // URL: <https://pro-palliativ.ru/wp-content/uploads/2018/10/Belaya-kniga-standarty-i-normy.pdf> (дата обращения: 02.06.2020)).

На использование паллиативной помощи как альтернативы эвтаназии было обращено внимание еще в 1992 г. в официальном докладе Комитета экспертов ВОЗ по обезболиванию при раке (См.: URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/89602/WHO_TRS_804_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 02.06.2020)). Члены Комитета указали на то, что внедрение современных методов паллиативного лечения исключает необходимость постановки вопроса о легализации эвтаназии, поскольку система паллиативной помощи представляет собой не только медикаментозное лечение и купирование боли, но и применение мер, направленных на решение психологических, социальных и духовных проблем как самого пациента, так и членов его семьи. Соответственно, необходимо уделять внимание разработке действенных и эффективных программ по оказанию такой помощи, а не участвовать в дискуссиях о целесообразности легализации эвтаназии.

К сожалению, в России вопросы оказания паллиативной помощи решаются не полноценно, а качество такой помощи находится на низком уровне, поскольку отсутствует достаточное государственное финансирование таких учреждений. Наблюдается и нехватка персонала, обладающего теоретическими знаниями и практическими навыками для взаимодействия с такими больными.

В настоящее время регулирование вопросов оказания паллиативной медицинской помощи осуществляется на основании положений федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», положений Приказа Министерства здравоохранения РФ от 14 апреля 2015 г. № 187н «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению» и положений Приказа Министерства здравоохранения от 14 апреля 2015 г. № 193н «Об утверждении Порядка оказания медицинской паллиативной помощи детям» (Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 апреля 2015 г. № 187н «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению» // Офи-

циальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2015; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 апреля 2015 г. № 193н «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи детям»).

6 марта 2019 г. в Закон были внесены изменения, затрагивающие вопросы оказания паллиативной медицинской помощи (*Федеральный закон от 6 марта 2019 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам оказания паллиативной медицинской помощи»*).

В прежней редакции Закона об основах охраны здоровья граждан паллиативная помощь понималась в качестве разновидности медицинской помощи, в то время как мировое сообщество в лице Всемирной организации здравоохранения и Европейской ассоциации по паллиативной помощи рассматривает ее в качестве медико-социальной помощи. После внесения изменений понятие «паллиативная помощь» было скорректировано, и теперь пациентам предоставляется право на получение не только медицинской, но и психологической помощи и на все другие услуги, которые необходимы для поддержания их стабильной жизнедеятельности.

Раньше Закон предусматривал возможность оказания паллиативной помощи в амбулаторных и стационарных условиях. Однако на практике амбулаторное лечение осуществлялось только посредством посещения самим пациентом медицинского учреждения, а предоставление паллиативной помощи на дому не практиковалось. Отныне пациенты имеют право на получение паллиативной помощи на дому, а медицинский персонал обязан предоставить для этого все необходимые средства.

Ст. 19 Закона, содержащая перечень прав пациента, дополнена правом на облегчение боли наркотическими и психотропными лекарственными средствами. В то же время, как известно, использование наркотических средств и психотропных веществ для оказания медицинской помощи находится под жестким государственным контролем. За нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ медицинский работник может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 228² УК РФ. Как отмечает А. Федермессер, медицинский персонал достаточно насторожено подходит к обязанностям по выписыванию медицинских препаратов, содержащих такие средства и вещества. Чтобы полностью устранить опасения быть подвергнутым уголовному преследованию,

необходимо внести изменения в уголовный кодекс в части декриминализации ответственности врача за нарушение правил оборота таких средств и веществ (*URL: <https://www.hospicefund.ru/nyuta-o-zakone-o-palliativnoy-pomoshchi/> (дата обращения: 02.06.2020)*).

В сфере оказания паллиативной медицинской помощи еще имеется ряд недочетов, которые остались неурегулированными даже после внесения выше указанных изменений. В частности, на настоящий момент пациенты, нуждающиеся в паллиативной помощи, могут получить ее только по месту постоянной регистрации. Кроме того, отсутствуют единые критерии, по которым можно устанавливать стандарты качества оказываемой помощи и оценку их соблюдения.

Как представляется, сторонникам и противникам легализации эвтаназии никогда не удастся прийти к консенсусу в своем споре о допустимости внедрения этого института в России. Разделяя позицию тех, кто положительно оценивает практику Нидерландов и Бельгии в регулировании этого вопроса, отстаивать мнение о необходимости внедрения этого института в российское законодательство представляется нецелесообразным.

Вопрос о легализации эвтаназии в этих странах поднимался уже довольно давно, в то время как российское общество только недавно стало обсуждать эту тему. Узаконению эвтаназии в Нидерландах предшествовали несколько судебных процессов, по результатам которых постепенно сформировались критерии правомерности осуществления процедуры и требования к ее проведению, которые потом были систематизированы и изложены в законе.

В российской судебной практике, согласно официальным данным, такие случаи отсутствуют, однако некоторые медики заявляют, что и в России практикуется осуществление так называемой подпольной эвтаназии. Как с этим бороться? Верное, но далеко не единственное решение этой проблемы видится в увеличении государственного финансирования деятельности учреждений, оказывающих паллиативную помощь, разработке и внедрении специальных образовательных программ, с помощью которых медицинский персонал, работающий в данной сфере, будет получать все необходимые навыки для взаимодействия с такими больными. На уровне субъектов РФ необходимо разработать специальные региональные программы по оказанию паллиативной помощи с учетом специфики каждого из регионов.

Литература

1. *Гончаров И.В.* Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. 2018. №2 (46). С. 23–27.
2. *Бэкон Ф.* Собрание сочинений. О жизни Бакона и о значении Баконих философии. О достоинстве и усовершенствовании наук; пер. П.А. Бибииков. Ч. 1–2. Санкт-Петербург., 1874. Т. 2. – 636 с.
3. *Шопенгауэр А.* Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский. Ростов на Дону, 1997. – 540 с.
4. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 т. / Под ред. Б.В. Петровского. М., 1982. – 1354 с.
5. *Коробеев А.И.* Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право. 2001. № 2. С. 16–19.
6. *Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В.* Право человека в РФ на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 52–58.
7. *Крылова Н.Е.* Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006. – 318 с.
8. *Глэд Д.* Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М., 2005. – 169 с.
9. *Аленкин Н.Е.* Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования. Дис. ... канд. юр. наук. 12.00.08. Москва, 2017. – 217 с.
10. *Капинус О.С.* Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006. – 479 с.
11. *Широков К.С.* Согласие лица на причинение ему вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Хабаровск, 2010. – 196 с.
12. *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. – 478 с.
13. *Дубовиченко С.В., Карлов В.П.* Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник ВУиТ. 2017. № 4. С. 1–9.
14. *Гаухман Л.Д.* Уголовно-правовое значение «согласия потерпевшего» на причинение смерти или телесных повреждений // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Выпуск 10. Киев, 1976. С. 92–101.
15. *Дэгель П.* Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 25–26.
16. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. – 512 с.
17. *Загородников Н.И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. – 278 с.
18. *Борзенков Г.Н.* Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. Москва, 2013. – 256 с.
19. *Чернышева Ю.А.* Легализация эвтаназии в России // Общество и право. 2008. №2. С. 160–163.
20. *Чурикова А.Е., Шишкин С.В.* Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменения // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №2. С.154–181.

References

1. *Goncharov I.V.* Somaticheskije prava: voprosy yuridicheskogo priznaniya i praktika realizatsii [Somatic rights: issues of legal recognition and practice of implementation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2018, no. 2 (46), pp. 23–27. (In Russian)
2. *Bekon F.* Sobranie sochinenii [Collected works. On the life of Bacon and the meaning of Bacon's philosophy. On the dignity and improvement of the sciences]. Translated by P.A. Bibikov. Pt. 1–2. Vol. 2. Saint Petersburg, 1874. – 636 p. (In Russian)
3. *Schopenhauer A.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Comp., ed. introduction and notes by I. S. Narsky. Rostov-On-Don, 1997. – 540 p. (In Russian)
4. Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov [Encyclopedic dictionary of medical terms: in 3 vols.]. Ed. by B.V. Petrovsky. Moscow, 1982. – 1354 p. (In Russian)
5. *Korobeev A.I.* Prostoe ubiistvo i slozhnosti ego kvalifikatsii [Simple murder and difficulties of its qualification]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2001, no 2, 16–19. (In Russian)
6. *Dmitriev Yu.A., Shleneva E.V.* Pravo cheloveka v RF na osushchestvlenie evtanazii [Human right in the Russian Federation to euthanasia]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2000, no. 11, pp. 52–58. (In Russian)

7. *Krylova N.E.* Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenii [Criminal law and bioethics: problems, discussions, search for solutions]. Moscow, 2006. – 318 p.
8. *Glad D.* Budushchaya evolyutsiya cheloveka. Evgenika XXI veka [Future human evolution. Eugenics of the 21st century]. Moscow, 2005. – 196 p. (In Russian)
9. *Alenkin N.E.* Sistema privilegirovannykh sostavov ubiistva v ugolovnom prave Rossii: problemy sovershenstvovaniya [The system of privileged compositions of murder in the criminal law of Russia: problems of improvement]. Dis. ... kand. jur. nauk. Moscow, 2017. – 217 p. (In Russian)
10. *Kapinus O.S.* Evtanaziya v svete prava na zhizn' [Euthanasia in the light of the right to life]. Moscow, 2006. – 479 p. (In Russian)
11. *Shirokov K.S.* Soglasie litsa na prichinenie emu vreda kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya [Consent of a person to harm him as a circumstance that excludes the criminality of the act]. Khabarovsk. 2010. 196 p. (In Russian)
12. *Ter-Akopov A.A.* Prestuplenie i problemy nefizicheskoi prichinnosti v ugolovnom prave [Crime and problems of non-physical causality in criminal law]. Moscow, 2003. – 478 p. (In Russian)
13. *Dubovichenko S.V., Karlov V.P.* Novelly ugolovnogo zakonodatel'stva o prestupleniyakh protiv zhizni: kriticheskiy analiz [Novelties of criminal legislation on crimes against life: critical analysis]. *Vestnik Vuit [Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev]*. 2017, no. 4, pp. 1–9. (In Russian, abstract in English).
14. *Gaukhman L.D.* Ugolovno-pravovoe znachenie "soglasiya poterpevshego" na prichinenie smerti ili telesnykh povrezhdenii [Criminal-legal meaning of "consent of the victim" to cause death or bodily injuries]. *Trudy Kievskoi vysshei shkoly MVD SSSR [Proceedings of the Kiev higher school of the Ministry of internal Affairs of the USSR]*, 1976, issue 10, pp. 92–101. (In Russian)
15. *Dagel P.* Imeet li "soglasie poterpevshego" ugolovno-pravovoe znachenie? [Does "consent of the victim" have a criminal legal meaning?]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*, 1972, no. 3. p. 26. (In Russian)
16. *Shargorodsky M.D.* Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya [Crimes against life and health]. Moscow, 1947. – 512 p. (In Russian)
17. *Zagorodnikov N.I.* Prestupleniya protiv zhizni po sovetskomu ugolovnomu pravu [Crimes against life in Soviet criminal law]. Moscow, 1961. – 278 p. (In Russian)
18. *Borzenkov G.N.* Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: zakon i pravoprimenitel'naya praktika [Crimes against life and health: law and law enforcement practice]. Moscow, 2013. – 256 p. (In Russian)
19. *Chernysheva Yu.A.* Legalizatsiya evtanazii v Rossii [Legalization of euthanasia in Russia]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2008, no. 2, pp.160–163. (In Russian)
20. *Chirikova A.E., Shishkin S.V.* Vzaimodeistvie vrachei i patsientov v sovremennoi Rossii: vektory izmeneniya [Interaction of doctors and patients in modern Russia: vectors of change]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [World of Russia. Sociology. Ethnology]*, 2014, no. 2, pp. 154–181. (In Russian)

СТАТЬЯ 120 УК РФ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. МОЖНО ЛИ ПРИЗНАТЬ ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА ОБЪЕКТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА?

Мазулина Софья Александровна,
Емелькина Яна Васильевна

Цель: проведение исторического обзора законодательства в сфере привлечения к ответственности за нарушение правил трансплантации органов и тканей, выявление предпосылок и целей введения статьи 120 в Уголовный кодекс РФ; анализ состава преступления, закрепленного статьей, анализ судебной практики применения рассматриваемой нормы; разработка альтернативного варианта регулирования правовых отношений, связанных с принуждением к изъятию органов и тканей человека.

Методология: исторический метод, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, социологический метод.

Выводы. При проведении ретроспективного обзора российского законодательства авторами определены предпосылки и цели введения ст. 120 УК РФ, выразившиеся в стремлении к гуманизации, признанию за человеком исключительного права на распоряжение и использование своего тела, недопустимости медицинского вмешательства в человеческий организм без его согласия, а также в уничтожении «черного рынка», где происходит нелегальная купля-продажа органов.

При анализе судебной практики авторы приходят к выводу, что ст. 120 УК РФ почти никогда не применялась для привлечения к уголовной ответственности. Подробный анализ состава преступления, его основных элементов объясняет, что данная статья может быть применена только к очень узкому кругу деяний. Авторы считают, что таким образом, ст. 120 УК РФ не может выполнять первоначально определенные за ней законодателем цели.

Научная и практическая значимость: выдвигается идея признания органов и тканей человека объектами права собственности, в связи с чем изменится не только их гражданско-правовой статус как объектов гражданского оборота, но и уголовно-правовой порядок привлечения к ответственности за принуждение лица к их изъятию для трансплантации, что приведет к декриминализации ныне «бездействующей» ст. 120 УК РФ. Главная причина отсутствия этих изменений, отмеченных авторами, заключается в морально-этическом аспекте, то есть готовности общества признать органы и ткани человека объектами гражданского оборота.

Ключевые слова: уголовное право, гражданское право, принуждение к изъятию органов и тканей, декриминализация, объекты гражданских прав, ретроспективный анализ.

Введение

Жизнь и здоровье людей представляют в России особую ценность и пользуются повышенной степенью правовой защиты, что фактически проистекает из основополагающего принципа гуманизма, вытекающего из ст. 2 Конституции Российской Федерации и закрепленного в ст. 7 УК

РФ. В связи с этим проблемные вопросы в данной сфере уголовно-правового регулирования выглядят особенно остро и по сути приобретают фундаментальное значение.

Призванное более или менее оперативно реагировать на потребности динамично развивающегося общества и отвечать на запросы на-

учно-технического прогресса, уголовное законодательство неизбежно вплетается и в правовой контекст практической медицины как области, непосредственно связанной с жизнью и здоровьем людей. Особая необходимость в уголовно-правовом регулировании данной сферы возникла еще во второй половине XX века – с появлением возможности преодоления неизлечимых заболеваний путем трансплантации органов и тканей [1, с. 3]. С тех пор данная практика прочно вошла в «хирургическую повседневность» и на сегодняшний день представляется обыкновенным явлением, закономерным этапом на пути излечения от многих тяжелых заболеваний.

Согласно результатам медицинских исследований, ежегодная потребность в трансплантации органов на 1 млн населения составляет 246,9 цельных органов: почка – 74,5; сердце – 67,4; печень – 59,1; поджелудочная железа – 13,7; легкое – 13,7; комплекс сердце–легкое – 18,5 (См.: *Иванов Ю. Трансплантация органов и тканей. Справка / РИА Новости. 2009. // URL: https://ria.ru/20091001/187003474.html (дата обращения: 14.09.2020)*). Таким образом, по всему миру необходимо каждый год проводить более 19 млн трансплантаций, в России – более 36 000 (*Расчеты проводились на основе данных Росстата на декабрь 2019 года (прим. авт.)*). При этом, по данным статистики Глобальной обсерватории по донорству и трансплантации (далее – ГОДТ), в 2018 году количество проведенных операций по трансплантации цельных органов составило лишь 140 964 единиц (в 135 раз меньше необходимого). В Российской Федерации за этот период было осуществлено 2 196 пересадок органов (в 16 раз меньше необходимого): 1 136 пересадок почек, 505 пересадок печени, 285 пересадок сердца, 28 пересадок легких и 17 пересадок поджелудочной железы (См.: *Global Observatory on Donation and Transplantation (GODT) // URL: http://www.transplant-observatory.org/summary/ (дата обращения: 14.09.2020)*).

Исходя из приведенных статистических данных, можно сделать вывод о том, что в 2018 году в Российской Федерации доноры обеспечили чуть более 6% пригодных для пересадки органов. Более того, при обращении взора к прошлому пятнадцатилетней давности, картина вырисовывается еще тревожнее: по данным за 2005 год, было проведено около 10% от необходимого числа трансплантаций [1, с. 3]. Таким образом, налицо не только острейший дефицит жизненно необходимых человеческих органов, но и его стойкий рост.

Как отмечается в научной литературе, ситуация такого резкого преобладания величины спроса над

величиной предложения определяет рост преступности в этой области [2, с. 26]. Иными словами, *дефицит человеческих органов и тканей* становится причиной возникновения «черных» рынков купли-продажи этой редкой, но потребной продукции. Причем существование таких подпольных организаций на территории России гармонично вписывается в мировосприятие подавляющего большинства ее жителей, принявших участие в тематическом опросе Левады-Центра: «каждый второй [россиянин] считает, что незаконная торговля [органами] все же имеет место в нашей стране и только 4% могут сказать, что «черный» рынок отсутствует» (См.: *Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), Москва. С. 10. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/donorstvo-i-peresadka-organov-v-obschestvennom-mnenii-rossiyan/viewer (дата обращения: 14.09.2020)*).

Другой предпосылкой криминогенности отношений по поводу трансплантации органов и тканей является низкий уровень социально-экономического благосостояния в условиях конкретного государства. Т.А. Фабрика замечает: «Особенно данная проблема касается слаборазвитых стран, где доведенные до отчаянья безденежьем и безработицей люди предлагают на продажу собственные органы: почки, глаза» [1, с. 3]. К Российской Федерации характеристика слаборазвитой страны вряд ли применима, однако ироничные высказывания на тему продажи почек не являются редкостью в повседневном-бытовом дискурсе россиян. Такая благосклонность российских граждан в отношении коммерческих основ донорства проявилась и в результатах опроса Левада-Центра: «“за” возможность денежных выплат для неродственных доноров в рамках прижизненного донорства выступает почти половина населения» (См.: *Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), Москва. С. 15. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/donorstvo-i-peresadka-organov-v-obschestvennom-mnenii-rossiyan/viewer (дата обращения: 15.09.2020)*).

С целью предупреждения преступных деяний в сфере здравоохранения в действующий УК РФ был включен ряд норм, регулирующих данную область: п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120, п. «ж» ч. 2 ст. 127. В данной работе будет произведен многосторонний анализ ст. 120 УК РФ, включающий историко-политический, телеологический и специально-юридический аспекты толкования. Кроме того, в процессе исследования будет подробно освещена этико-правовая проблема, непосредственно связанная с применением ст. 120 УК РФ: возможность приравнения чело-

веческих органов и тканей к объектам права собственности.

Ретроспективный обзор российского законодательства. Исторические предпосылки введения ст. 120 в УК РФ.

Уголовная ответственность за принуждение к изъятию органов и тканей для их последующей трансплантации впервые была введена в 1996 году — в составе нового и действующего на сегодняшний день УК РФ. Зачастую авторы связывают ее появление с нововведенным правом каждого на свободу и личную неприкосновенность, конституционно провозглашенным тремя годами ранее (ст. 23). Впрочем, добровольный порядок отчуждения частей человеческого организма для пользы другого лица был урегулирован на федеральном уровне еще с принятием Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон от 1992 г.). В «Общих положениях» Закона установлено, что трансплантация органов и (или) тканей может быть проведена только при реальной медицинской необходимости для реципиента, а также исключительно с согласия донора и отсутствия значительного вреда для его здоровья (Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета». 09.01.1993. № 4. Ст. 1). Однако и Закон 1992 г. далеко не был революционным в данной сфере.

Начало правового регулирования отношений по поводу изъятия и трансплантации органов и тканей принято связывать с принятием Постановления Совета Народных Комиссаров от 15 сентября 1937 г. «О порядке проведения медицинских операций» (Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О порядке проведения медицинских операций» от 15 сентября 1937 г. // *Собрание законов и распоряжений РКП СССР. 1937. № 61. Ст. 274*) (далее — Постановление СНК от 1937 г.). Особую значимость данному акту придает не только пионерство во введении права медицинских учреждений изымать цельные органы от трупов с целью их пересадки в организм больного человека. Постановление СНК от 1937 г. послужило юридической основой для последующего принятия конкретизирующих нормативно-правовых актов, нацеленных на упорядочение проведения офтальмологических операций. Так, в 1954 году Министерством здравоохранения СССР были изданы важные взаимодополняющие документы: Приказ «О широком внедрении в практику окулистов операции пересадки роговиц» и Инструкция «Об использовании глаз умерших лю-

дей для операции пересадки роговицы слепым», отразившие государственную политику поощрения трансплантации органов в пользу больного от мертвого донора.

С изданием Приказа Министра здравоохранения СССР № 166 от 10 апреля 1962 г. «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР», а в частности, приложения к нему — «Правил направления, приема, порядка исследования, хранения и выдачи трупов в судебно-медицинских моргах», перечень разрешенных к пересадке органов вышел далеко за пределы офтальмологии. С этого времени был урегулирован порядок трансплантации «кожи, реберных хрящей, костей и др. тканей» (Приказ Минздрава СССР от 10 апреля 1962 г. № 166 «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР» (вместе с «Положением о бюро судебно-медицинской экспертизы»)), однако живой человек все еще не мог выступать в качестве потенциального донора.

В 1969 году Основами законодательства Союза СССР и союзных республик о здравоохранении впервые было законодательно закреплено право пациента на личную свободу и телесную неприкосновенность. Об этом свидетельствует текст статей 32 и 33 указанного нормативно-правового акта, утверждающий необходимость получения согласия реципиента на трансплантацию в его тело «чужеродных» органов и тканей (Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении»). Аналогичное право у донора было тогда вне поля зрения законодателей, поскольку речь о живых людях в то время еще не шла. Впрочем, закон все же накладывал некоторые ограничения на изъятие органов и тканей от мертвых тел, которое не должно было «сопровождаться обезображиванием трупа» и, при необходимости, предполагало «произведение его последующей реставрации» (Приказ Минздрава СССР от 10 апреля 1962 г. № 166 «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР». П. «в». Ст. 20).

Приказ Минздрава СССР от 17 февраля 1987 г. № 236 «О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране» констатировал и ранее законодательно предписанную возможность изъятия органов и тканей исключительно от трупного донора, при этом впервые введя необходимым условием констатацию его смерти (См.: Приложение 2 «Временная инструкция о порядке изъятия органов и тканей у доноров-трупов» к Приказу Минздрава СССР от 17 февраля 1987 г. № 236 «О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране» (утв. Академией медицин-

ских наук СССР и Ученым медицинским советом Минздрава СССР от 25 сентября 1986 г.) / СПС «ГАРАНТ» // URL: <http://base.garant.ru/4177342/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/#friends> (дата обращения: 17.09.2020)).

Однако несмотря на многолетнее и неизменное действие этого принципиального ограничения, по всей видимости, имевшего гуманные природу и цели, наивно полагать, что государство исключало изъятие органов и тканей от живых людей. Более того, проводимые таким образом операции не всегда имели в виду принципы гуманизма и зачастую наносили неоправданный и непоправимый вред здоровью доноров при незначительном улучшении здоровья пациентов. Из воспоминаний свидетелей аварии на Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 г., особого внимания в контексте рассматриваемой проблематики заслуживает следующий отрывок: «Когда он узнал, что костный мозг берут у его младшей сестрички, наотрез отказался: «Я лучше умру. Не трогайте ее, она маленькая» [3] (младшей сестре Василия Игнатенко — пожарного, работавшего на Чернобыльской аварии — было на тот момент 14 лет. — *Прим. авт.*). Старшей сестре Люде было двадцать восемь лет, она сама медсестра, понимала, на что идет. <...> Операция длилась два часа... Когда кончили, хуже было Люде, чем ему, у нее на груди восемнадцать проколов, тяжело выходила из наркоза. И сейчас болеет, на инвалидности... Была красивая, сильная девушка. Замуж не вышла...» [3]. На данном примере видно, что в качестве потенциальных доноров допускались не только живые, но и малолетние лица, при этом такие операции не всегда оказывались безвредными для здоровья последних. Более того, учитывая характер и степень нанесенного вреда здоровью ряду жертв Чернобыльской катастрофы, фактически не совместимого с жизнью, риск осуществления таких операций едва ли был оправдан.

Впервые возможность изъятия органов и тканей с добровольного согласия живого человека была официально провозглашена с принятием упомянутого ранее Закона от 1992 г. Четырьмя годами позднее новый УК РФ с текстом ст. 120 ввел уголовную ответственность за нарушение права на личную свободу и телесную неприкосновенность донора как специального субъекта уголовного права. В условиях становления нового общества путем искусственного прерывания его связи с социалистическим прошлым, ст. 120 УК РФ была призвана гарантировать новому россиянину демократическое, антропоцентричное, индивидуалистическое настоящее и будущее. Ст. 120

УК РФ, фактически наделив человека исключительным правом собственности над своим телом, стала «одним из показателей демократизации общества, необходимой предпосылкой становления и формирования правового государства» [4, с. 74].

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ

Для того, чтобы понять, как должна применяться на практике ст. 120 УК РФ стоит обратиться к ее диспозиции и проанализировать состав преступления, предусмотренный данной статьей. Данная статья расположена в разделе VII УК РФ «Преступления против личности». Следовательно, личность является родовым объектом данного преступления. Видовым объектом данного преступления является жизнь и здоровье, что указано в названии Главы 16 УК РФ, в которой находится данная статья. В литературе также выделяют непосредственный объект преступления, который представляет собой общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование здоровья человека и его права на невмешательство в целостность организма, и дополнительный объект — свобода волеизъявления человека по распоряжению своим телом и его частями [1, с. 12].

Предметом преступления являются органы и ткани человека, конкретизированный список которых в настоящее время закреплен в Перечне объектов трансплантации, прилагаемом к Приказу Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 04.06.2015 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (См.: *Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 26.06.2015. № 138*). В данном акте указано всего 24 объекта (сердце, легкие, почка, селезенка, печень, сосуды, фрагменты верхних и нижних конечностей и др.), которые и представляют собой предмет преступления, закрепленного в ст. 120 УК РФ.

Следует обратить внимание, что в данный перечень не входят, и согласно ст. 2 Закона РФ от 1992 года, не могут входить органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты (См.: *Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета». 09.01.1993. № 4. Ст. 2*). Оборот крови и ее компонентов регулируется Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О до-

норстве крови и ее компонентов» (далее – ФЗ от 2012 года), в ст. 4 которого закреплен принцип добровольности сдачи крови и ее компонентов (См.: *Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // Российская газета. 23.07.2012. № 166. Ст. 4*).

Таким образом отношения, возникающие по поводу репродуктивных тканей, остаются вне зоны правового регулирования и не охватываются статьей. Однако они востребованы, например, в пластической хирургии при осуществлении репродуктивных технологий [5, с. 72]. Специализированные клиники донорства и репродуктивные центры всегда в поиске таких биоматериалов, готовы за них заплатить (См.: *Как стать донором яйцеклетки за деньги? // Жизнь на миллион. URL: <https://namillion.com/kak-stat-donorom-yajceketki.html> (дата обращения: 17.09.2020)*). Не исключено, что данные биоматериалы могут забираться и без согласия донора. Однако, когда речь идет об органах, связанных с воспроизводством человека, то принуждение к их изъятию не будет образовывать состава ст. 120 УК РФ.

Аналогично такие деяния как принуждения к беременности, аборт не будут образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ. Такая проблема, как репродуктивное насилие существует в РФ и широко освещается в СМИ (См.: *Рожать, нельзя помиловать: что такое репродуктивное насилие / Яндекс Дзен. // URL: <https://zen.yandex.ru/media/7sisters/rojat-nelzia-pomilovat-chno-takoe-reproduktivnoe-nasilie-5bdff983b54c0700aa9baf50> (дата обращения: 17.09.2020)*), но никак не урегулирована со стороны уголовного законодательства.

В литературе также рассматриваются возможные ситуации, при которых женщины с низким доходом могут пожелать забеременеть с единственной целью – прервать беременность и извлечь материальную выгоду из продажи репродуктивных тканей. Такое деяние не подпадает ни под предмет ст. 120 УК РФ, ни под состав преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности», так как этой статьей запрещается проведение абортов лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, и не указывается субъективная сторона деяния («из корыстных побуждений» или «с целью извлечения материальной выгоды»). Таким образом, образуется пробел в праве. В литературе предлагается его заполнить добавлением квалифицированного состава ст. 123 УК РФ, предусматривающим ответственность за использование

эмбрионального материала при прерывании беременности [6, с. 279; 7].

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в принуждении, под которым понимается воздействие на потерпевшего с целью получения его согласия на изъятие у него органов или тканей для последующей трансплантации. Согласие живого человека необходимо для трансплантации согласно ст. 1 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

В действующем уголовном кодексе понятие «принуждение» встречается в нескольких статьях. В некоторых из них они не конкретизированы, как, например, в ст. 147 УК РФ, где в качестве одного из возможных действий указывается принуждение к соавторству. Пленум Верховного Суда РФ впоследствии разъяснил, что под принуждением в данной статье понимается оказание воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий) (См.: *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2007. № 7*).

В других статьях способы принуждения конкретизированы в диспозиции нормы. В качестве примера можно привести ст. 179 УК РФ, в первой части которой в качестве способов принуждения указаны угроза применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Что касается рассматриваемой нами ст. 120 УК РФ, то в ее составе способы принуждения указаны в первой части – это только применение насилия или угроза его применения. К насилию в данном случае относятся побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы, не повлекших вреда здоровью и не создавших реальной опасности для жизни или здоровья [8, с. 50].

Под угрозой применения насилия понимается высказывание намерения применить физическое воздействие на потерпевшего.

Следует отметить, что под объективную сторону преступления не будут подпадать подкуп, угрозы распространить сведения, уничтожить имущество и прочие способы принуждения, благодаря которым можно получить согласие на

трансплантацию, кроме применения насилия или угрозы его применения. Это значительно сужает круг деяний, которые могут быть квалифицированы по ст. 120 УК РФ.

Кроме того, из вышеизложенного следует, что у рассматриваемого преступления формальный состав, то есть оно считается оконченным с момента применения насилия или высказывания намерения его применить. Квалификация по данной статье не зависит от самой дачи согласия или от получения реальной возможности изъять органы у потерпевшего.

Субъективная сторона преступления представляет собой прямой умысел, так как лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Можно выделить определенную цель действий – получение согласия от потерпевшего на трансплантацию его органов и (или) тканей.

В статье 120 УК РФ не предусмотрен специальный субъект преступления. Также эта статья не входит в перечень преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет, предусмотренный ст. 20 УК РФ. Следовательно, субъектом рассматриваемого преступления по общему правилу является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Потерпевшим в данном преступлении может являться только то лицо, которое было подвержено насилию или угрозе его применения с целью изъятия органов этого лица. Стоит еще раз подчеркнуть, что принудить к изъятию органов и тканей можно только живого человека, данная статья не касается изъятия органов и тканей у трупов [9, с. 45]. Изъятие тканей и органов умершего человека следует квалифицировать по п. «м» ч. 2 ст. 105 (убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего). В связи с этим в научной литературе предлагается включить в УК РФ статью, предусматривающую ответственность за действия, связанные с незаконным изъятием органов (тканей) у трупа человека [10, с. 309–310].

Стоит обратить внимание также на то, что потерпевшим признается лицо, которое в момент совершения над ним преступления находилось в сознании и понимало предъявляемые к нему требования о даче согласия на изъятие органов. Так, нельзя квалифицировать по рассматриваемой статье нашумевшее в 2003–2006 годах в России дело врачей-трансплантологов, в котором врачи, осознавшие, что спасти пациента нельзя сразу же вызвали бригаду по забору органов из Московского координационного центра органного донорства

(См.: Батенева Т. Дело врачей трансплантологов: трижды обвиненные / Известия // URL: <https://iz.ru/news/312449> (дата обращения: 19.09.2020)). Несмотря на то, что было покушение на изъятие органов у все еще живого человека, врачам вменялось покушение не на ст. 120 УК РФ, а на причинение тяжкого вреда здоровью. Потерпевшее лицо было без сознания, следовательно, на него нельзя было воздействовать с целью получения согласия на трансплантацию органов.

Вторая часть рассматриваемой статьи предполагает квалифицированный состав, в котором потерпевшим является лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.

Такую же формулировку «беспомощное состояние» содержит п. «в» ч. 2 ст. 105. В Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (См.: *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3*) Верховный суд разъясняет, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, помимо малолетних, относятся тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Однако, на наш взгляд, по смыслу ст. 120 это понятие можно рассмотреть шире. Например, лицами, находящимися в беспомощном состоянии, можно считать пациентов с тяжелой стадией болезни, для которых указания врачей являются авторитетными и бесспорными. Будучи напуганными за свою жизнь, пациенты могут согласиться и на такой крайний шаг, как трансплантация органов, а медработники, в свою очередь, воспользоваться таким состоянием для совершения преступления, предусмотренного ст. 120.

Что касается материальной или иной зависимости, то данная формулировка содержится в некоторых других квалифицированных составах статей особенной части УК РФ (например, ст. 110¹ и ст. 117). Верховный Суд РФ еще не давал разъяснений по этой формулировке. В литературе под материальной зависимостью принято понимать нахождение потерпевшего на полном или частичном иждивении виновного лица, а иная зависимость может быть основана на родственных, брачных, семейных отношениях, на законе, договоре (например, зависимость детей от родителей, опекаемых от опекунов, служащего от начальника, должника от кредитора и т.п.) [11].

Разобрав состав преступления, можно понять причину, по которой практически не существует реальных дел, возбужденных по рассматриваемой статье. Большинство дел, касающихся незаконной трансплантологии, купли-продажи органов на «черном рынке», и прочие ситуации, которые, на первый взгляд, можно квалифицировать как принуждение к изъятию органов и тканей человека, не будут подпадать под состав ст. 120 УК РФ.

Проанализировав сводные статистические данные о состоянии судимости в России с 2009 по 2019, а именно отчеты о числе осужденных по всем статьям УК РФ, можно наглядно увидеть, что за этот период ни одно лицо не привлекалось к уголовной ответственности по ч. 1 или ч. 2 ст. 120 УК РФ. В 2017 году по данной статье было возбуждено одно дело, которое было прекращено по «иным основаниям» (См.: *Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2017 г. / Ведомственное статистическое наблюдение. Раздел 2 (Гл. 16).* // URL: [https://www.cdep.ru/%2Fuserimages/%2Fsudebnaya_statistika/%2F2018/%2Fk3-svod-2017.xls&cc_key\(дата_обращения: 19.09.2020\)\)](https://www.cdep.ru/%2Fuserimages/%2Fsudebnaya_statistika/%2F2018/%2Fk3-svod-2017.xls&cc_key(дата_обращения: 19.09.2020))).

Органы и ткани человека как объекты права собственности: возможно ли такое?

В сложившихся условиях, когда охранительно-гарантирующая функция интересующей нас статьи фактически не выполняется, а соответственно теряется и ее юридическая актуальность, закономерно возникают сомнения в целесообразности ее специального выделения в УК РФ. Речи о декриминализации деяний, связанных с принуждением к изъятию органов и тканей, идти, разумеется, не может. Однако некоторые идеи по рационализации уголовного законодательства России можно почерпнуть из контекстов современного уголовно-правового дискурса.

Учитывая специфику отношения человека со своим телом, для которого характерен прямо вытекающий из ст. 23 Конституции РФ единственный и полновластный характер, невольно приходится задуматься о схожести этих отношений с отношениями собственности и целесообразности их рассмотрения с позиций частного и общего. Особенно эту мысль подогревает факт несовершенства уголовного закона, допускающего неравенство различных органов и тканей как предмета преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ. В то время как селезенку УК РФ признает человеческим органом и защищает его владельца от соответствующего принудительно-

го изъятия, попавший в аналогичную ситуацию владелец тестикул (яичек) на защиту по ст. 120 УК РФ может не рассчитывать. С другой стороны, владелец селезенки не имеет законной возможности свободно распоряжаться ею в коммерческих целях, владельцу же тестикул ничто не мешает их изъять и возмездно реализовать. Стоит ли напоминать о существовании «черного рынка» органов и тканей, отчуждение которых законодательно запрещено? Иными словами, кто захочет – тот изыщет способ продать или купить. Такая тенденция говорит о несоответствии действующего законодательства в сфере трансплантологии потребностям современного общества.

В свете вышеизложенного представляется разумным рассмотреть возможность принятия следующих мер: во-первых, по унификации статуса всех человеческих органов и тканей, а во-вторых, по приравниванию последних к объектам права собственности человека. В рамках данной статьи мы подробнее остановимся только на втором вопросе, поскольку ответ на первый относится к компетенции более узких специалистов.

Для начала предположим, что же произойдет, если органы и ткани каждого отдельного человека будут признаны объектами его права собственности? Исходя из доктринально установленного содержания такого права – классической триады его элементов («владение-пользование-распоряжение») – за всеми людьми будет подтверждено полномочие фактического господства над своими органами и тканями, а также закреплены возможности извлечения из них полезных свойств и решать их юридическую судьбу. Иными словами, мы сможем делать с нашими органами и тканями все, что посчитаем нужным, под безусловной протекцией государства. Таким образом конституционное право на личную неприкосновенность найдет законодательную конкретизацию.

Изменения неминуемо коснутся и действующего УК РФ, поскольку потерявший актуальность состав ст. 120 УК РФ уже будет охватываться составами ст. 163 УК РФ «Вымогательство» или, при иных обстоятельствах, ст. 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения».

На практике такие реформы приведут к легализации ныне существующего «черного рынка» сбыта человеческих органов и тканей, а, соответственно, появления нового сегмента свободной рыночной торговли. Вслед за этим последует неизбежность разработки новых инструментов правового регулирования отношений по поводу товарооборота органов и тканей, что, соответственно,

потребуется широкой мобилизации финансовых и интеллектуальных ресурсов. И хотя на первый взгляд может показаться, что «игра не стоит свеч», такие меры оправданны, если мы говорим о необходимости соответствия законодательства потребностям общества.

Несмотря на относительную простоту задумки, воплощение идеи о приравнивании органов и тканей человека к объектам права собственности сопряжено как с морально-этическими, так и юридическими препятствиями. В первую очередь споры в научном сообществе вызывает вопрос о моральной допустимости признания составных частей человека вещами.

Еще в далеком 1928 году З. В. Волож отрицал такую мысль, утверждая, что человеческие органы и ткани «образуются в результате естественного биологического процесса и не имеют рыночного эквивалента» [12]. На наш взгляд, данная точка зрения в корне слаба, поскольку, к примеру, животные, образованные в результате аналогичного биологического процесса, на сегодняшний день беспрепятственно выступают в вещном качестве. В поддержку позиции З. В. Воложа авторы также отмечают, что за признанием органов и тканей имуществом, закономерно следует абсурдный вывод, будто «человек выступает одновременно и объектом, и субъектом правоотношений» [13, с. 53]. Впрочем, учитывая существующую легальную практику возмездной сдачи донорской крови и ее компонентов, мы не видим серьезных морально-этических барьеров для признания всех остальных человеческих органов и тканей объектами права собственности.

Существенные трудности в рассматриваемом контексте вызывает именно уголовно-правовой аспект защиты отношений в области трансплантологии. Проблема здесь состоит в установлении объекта преступления, связанного с принуждением к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. На сегодняшний день расположение ст. 120 в УК РФ указывает на то, что в первую очередь ее функция заключается в защите жизни и здоровья человека. Перенесение же предусмотренного ею состава в область действия ст. 163 УК РФ и (или) ст. 179 УК РФ одновременно повлечет за собой признание того, что принудительное изъятие органов или тканей вредит скорее праву собственности человека, нежели его жизни и здоровью [14, с. 50]. Впрочем, нам думается, что российское общество готово к таким переменам.

Нами был проведен опрос среди 115 молодых граждан (средний возраст респондентов – 19 лет), в рамках которого были вопросы об отношении

граждан к предлагаемым переменам. Так, 92,2% опрошенных считают органы и ткани человека, являющиеся объектами трансплантации, своей собственностью. Однако почти четверть опрошенных считают, что стоимость органов и тканей нельзя оценить в определенной денежной сумме. В то же время 86,1% считают, что человек должен иметь право свободно распоряжаться своими органами и тканями, например, продавать или дарить.

На основе результатов проведенного опроса можно сделать вывод о том, что современное российское общество в целом готово к предлагаемым переменам, заключающимися в признании органов и тканей человека объектами права собственности.

Интересный, на наш взгляд, способ определения объекта преступления предлагает В. Н. Винокуров. Он утверждает: «...при помощи признаков субъекта преступления, выступающего до совершения преступления субъектом отношений с соответствующим правовым статусом, происходит установление их предмета как видового объекта преступления, поскольку признаки субъекта детерминируются качествами объекта преступления» [14, с. 50]. Иными словами, определение признаков субъекта уголовно-правовых отношений позволяет установить предмет таких отношений, что в совокупности и дает видение объекта возможного преступления. При этом, в качестве признаков субъекта отношений следует иметь в виду его правовое положение (права и обязанности), а также характер и цель деятельности. Для определения предмета преступления необходимо выяснить, «какие обязанности не выполнил или какими полномочиями злоупотребил субъект преступления и какие права потерпевшего были нарушены» [14, с. 50].

Руководствуясь предложенным алгоритмом, определим объект преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ. Субъектами общественных отношений по поводу пересадки органов в современной действительности могут выступать, с одной стороны, как медицинские работники, так и скупщики человеческих органов и тканей, а с другой, – реципиенты, то есть лица, подвергнутые операционному вмешательству, связанному с изъятием от него органов и тканей. То есть стороны таких отношений представлены заказчиком и (или) исполнителем операций по изъятию и пересадке, а также донором и пациентом.

Права и обязанности заказчика в данной ситуации не характеризуются специальными признаками и, в целом, предусмотрены ст. 779 ГК

РФ. В качестве цели его деятельности выступает получение материальной выгоды от реализации приобретенных (выкупленных или самостоятельно изъятых) человеческих органов и тканей.

Права и обязанности медицинских работников, осуществляющих операции по изъятию и пересадке органов и тканей, закреплены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (права – в ст. 72, обязанности – в ст. 73). Цель их деятельности связана с возмездным осуществлением профессиональных функций.

Права пациентов гарантированы Конституцией РФ и конкретизированы в главе 4 указанного выше Федерального закона № 323-ФЗ. Законом РФ от 1992 г. закреплены права донора. В обоих случаях речь идет о добровольности проведения хирургических вмешательств со стороны оперируемых и гарантий защиты их жизни и здоровья, связанных, в частности, с деятельным возмещением причиненного вреда целостности и нормальному функционированию их органов и тканей (*Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Ст. 12*). Цели деятельности доноров могут быть сопряжены как с соображениями выгоды, так и с благотворными побуждениями (например, в случае с донорством крови и ее компонентов). Целью реципиентов будут выступать медицинские показатели, хотя не исключены и «экспериментаторские» стремления выступать в роли «подопытного» (См.: Иванов Ю. *Трансплантация органов и тканей. / Справка // URL: <https://ria.ru/20091001/187003474.html> (дата обращения: 13.09.2020)*).

Предмет преступления в области отношений по поводу трансплантации органов и тканей определяется невыполнением возложенных на их субъект обязанностей или злоупотреблением его полномочиями. В контексте ст. 120 УК РФ речь идет о злоупотреблении полномочиями медицинского работника, а равно о невыполнении заказчиком как одной из сторон потенциальной сделки принципа свободы договора (См.: *ГК РФ. Ст. 421*) и преимущество воли и волеизъявления в договорных правоотношениях (*Там же. Ст. 431*).

Итак, на основе определения субъектов и предмета правовых отношений в области изъятия и пересадки органов и тканей человека, можно сделать довольно замысловатый вывод: объектом таких отношений в равной степени выступают как жизнь и здоровье человека, так и право собственности. Получается, что однозначный ответ на вопрос о юридической судьбе ст. 120 УК РФ дать невозможно. Ясным и непреложным остается одно: учитывая

безусловный правовой и морально-этический приоритет жизни и здоровья перед правом собственности, подобные колебания и сомнения должны быть разрешены в пользу первых. Однако такой вывод не исключает возможности отнесения органов и тканей человека к объектам права собственности. Практически это может быть реализовано во включении в текст ст. 179 УК РФ такого квалифицирующего признака принуждения к заключению сделки, как ее особый предмет – человеческие органы и (или) ткани. При этом ст. 120 УК РФ может быть сохранена в своем прежнем виде. Впрочем, это не избавляет правоведов и законодателей от действительных подвижек в сторону легализации рынка купли-продажи органов и тканей человека с закреплением их статуса, поскольку в современных социальных реалиях это жизненно необходимо.

Заключение

На основе проведенной нами работы можно прийти к следующим выводам.

Изначально, как показывает историко-правовой анализ, внесение в Уголовный кодекс ст. 120 преследовало такие демократичные и гуманистические цели как признание за человеком исключительного права на свое тело и недопустимость медицинского вмешательства в функционирование человеческого организма. Предполагалось, что наличие данной статьи в УК РФ должно снизить число нелегально производимых операций по трансплантации органов, уничтожить «черный рынок» или хотя бы минимизировать издержки его деятельности.

Однако за 25 лет существования данной статьи эти цели не достигаются, на практике по ней не привлекают к уголовной ответственности, и она носит лишь номинальный характер. Причина тому становится понятна после внимательного разбора диспозиции статьи – ей охватывается лишь очень узкий круг деяний. Объективная сторона ограничена «воздействием с целью получения согласия», способы совершения преступления – насилием или угрозой его применения, предмет преступления составляет список из всего 24 видов органов и тканей и не включает в себя кровь и ее компоненты, а также репродуктивные ткани.

В связи с ограничением применения этой статьи, мы сочли возможным признание органов и тканей, которые являются предметом преступления, объектами права собственности. В таком случае деяния, предполагающие принуждение к изъятию органов и тканей для трансплантации, охватывались бы составами статей, предусмотренных главой 21 УК РФ, закрепляющих преступления против соб-

ственности, например, ст. 163 УК РФ или ст. 179 УК РФ, а не ст. 120 УК РФ, как это происходит сейчас. Изменения коснулись бы и гражданско-правового регулирования оборота органов и тканей, которые могли бы стать предметом сделки, тем самым легализовали бы «черный рынок».

На сегодняшний день главной причиной, останавливающей эти изменения, является

морально-этический аспект. Однако, проведенный нами опрос показал, что, в частности, молодой российский контингент в целом готов к признанию органов и тканей объектами гражданских прав.

Таким образом, мы не отрицаем того, что в будущем возможны такие изменения и декриминализация «бездействующей» ст. 120 УК РФ.

ART. 120 STGB DER RUSSISCHEN FÖDERATION: WIRKSAMKEIT UND ENTWICKLUNGSPERSPEKTIVEN. DARF MAN MENSCHLICHE ORGANE UND GEWEBE ALS OBJEKTE DES ZIVILUMSATZES ANERKENNEN?

Mazulina Sofja Aleksandrovna,
Emelkina Yana Vasilievna

Einleitung

Das Leben und die Gesundheit der Menschen sind in Russland von besonderem Wert und stehen daher unter entsprechendem rechtlichem Schutz. Diese Vorschrift wird aus dem fundamentalen Prinzip des Humanismus abgeleitet, der seinerseits in Artikel 2 der Verfassung der Russischen Föderation und in Artikel 7 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation (StGB RF) verankert ist. In diesem Zusammenhang scheinen die problematischen Fragen in diesem Bereich der strafrechtlichen Regelung extra akut zu sein und gewinnen grundlegende Bedeutung.

Russische Strafgesetzgebung wurde auf solche Art und Weise gebildet, um mehr oder weniger operativ auf Bedürfnisse der sich dynamisch entwickelnden Gesellschaft zu reagieren und dem wissenschaftlich-technischen Fortschritt zu entsprechen. Aus diesem Grund versteht die feste Verbundenheit zwischen dem Strafrecht und der Medizin von sich selbst: die beiden Bereiche befassen sich mit dem Leben und Gesundheit der Menschen ganz unmittelbar. Allerdings entstand die Notwendigkeit zu der Regelung der medizinischen Sphäre schon in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Gerade damals wurde die Möglichkeit erreicht, unheilbare Krankheiten durch die Transplantation von Organen und Geweben zu überwinden [1, S. 3]. Seitdem stieg diese Praktik in den “chirurgischen Alltag” ein und positioniert sich zu diesem Zeitpunkt als eine der natürlichen Entwicklungsstufen auf dem Weg der Ausheilung von allermeisten schweren Krankheiten.

Zufolge der Ergebnisse der medizinischen Forschungen, erfordert jede Million der Erdbevölkerung 246,9 ganze Organe alljährlich. Hinter dieser Ziffer verbergen sich folgende Werte: Niere – 75,5; Herz – 67,4; Leber – 59,1; Pankreas – 13,7; Lunge – 13,7; Herz-Lunge-Komplex – 18,4 (*Siehe: Iwanow, J. Transplantation von Organen und Geweben. Auskunft // URL: <https://ria.ru/20091001/187003474.html> (Abrufdatum: 14.09.2020)*). Daraus folgt, dass jährliches Bedürfnis nach Transplantationen mehr als 19 Millionen Operationen weltweit und über 36 Tausend Operationen in Russland beträgt (*Die Berechnungen wurden auf der Grundlage von Rosstat-Daten vom Dezember, 2019 durchgeführt*). Nach der offiziellen Statistik von Global Observatory on Donation and Transplantation (GODT) wurden im Jahre 2018 jedoch nur 140 964 Transplantationsoperationen von ganzen Organen durchgeführt (135-mal weniger als nötig). In der Russischen Föderation wurden in diesem Zeitraum nur 2 196 Patienten operiert (16-mal weniger als nötig), unter allem: 1 136 Nieren-, 505 Leber-, 285 Herz-, 28 Lungen- und 17 Pankreas-Transplantationen (*Siehe: Globales Observatorium für Spende und Transplantation (GODT) // URL: <http://www.transplant-observatory.org/summary/> (Abrufdatum: 14.09.2020)*).

Aus den angegebenen statistischen Daten ergibt sich, dass im Jahre 2018 die russischen Spender etwas mehr als 6% der benötigten passenden Organe verschafften. Und mehr als das, die Statistiken für die Vergangenheit von fünfzehn Jahren sehen wirklich alarmierend aus: 2005 wurden 10% der erforderlichen

Transplantationen durchgeführt [1, S. 3]. Anhand dieser Ergebnisse wird deutlich, dass es einen steigenden akuten Mangel an den lebenswichtigen menschlichen Organen zu beobachten ist.

Wie es in wissenschaftlicher Literatur bemerkt wird, führt solch eine starke Steigerung der nachfragenden Menge zum Kriminalitätsanstieg im entsprechenden Bereich [2, S. 26]. Anders gesagt, ein Mangel an den menschlichen Organen und Geweben verursacht die Entstehung von sogenannten Schwarzmärkten, wo sich illegaler Handel dieser seltenen und gleich notwendigen Produktion befindet. Die Existenz dieser Untergrundorganisationen auf dem Territorium Russlands passt dabei in die Weltanschauung der allermeisten Einheimischen ganz harmonisch. Laut der Ergebnisse der Lewada-Zentrum-Umfrage, während jeder zweite Russe das Vorhandensein des Schwarzmarkts in unserem Land erkennt, stehen nur 4% der Befragten darauf, dass es in Russland keinen illegalen Handel mit Organen und Geweben gibt (*Das analytische Zentrum von Jurij Lewada (Siehe: "Das Lewada-Zentrum"), Moskau. S. 10 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/donorstvo-i-peresadka-organov-v-obschestvennom-mnenii-rossijan/viewer> (Abrufdatum: 14.09.2020)*).

Andere Voraussetzung zur Kriminalität der Transplantationsbeziehungen basiert auf dem sozialwirtschaftlichen Tiefstand im bestimmten Staat. Die Autorin Tamara Fabrika stellt in ihrem Autoreferat "Probleme der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für den Zwang zur Organ- oder Gewebeentnahme für die Transplantation" fest, dass dieses Problem die unterentwickelten Länder betrifft, wo bettelarme und verzweifelte Menschen ihre eigenen Organe zum Verkauf anbieten [1, S. 3]. Obwohl die Charakteristik des unentwickelten Landes zu der Russischen Föderation kaum passt, sind ironische Aussagen in Bezug auf Verkauf von Organen in der russischen Haushaltsrede gang und gäbe. Solche Duldung der russischen Bürger zur Kommerzialisierung der Spenden spiegeln sich in den Statistiken von Lewada-Zentrum wider. Nach den Umfrageergebnissen stimmte für die Bezahlung der intravitalen Organspende fast die Hälfte der befragten Russen (*Ibid. S. 15*).

Zur Verhinderung der Straftaten im Bereich der Medizin wurde eine Reihe von folgenden Rechtsnormen ins geltende StGB RF aufgenommen: Art. 105 StGB RF, Art. 111 StGB RF, Art. 127 StGB RF. Im Laufe dieser Arbeit wird multilaterale Analyse des Artikels 120 StGB RF durchgeführt, die historische, teleologische und systematische Auslegungen umfasst. Außerdem wird das begleitende ethisch-rechtliche Problem ausführlich beleuchtet: die Möglichkeit der Gleichsetzung von menschlichen Organen und

Geweben einseitig und Objekte des Eigentumsrechts andererseits.

Rückblick auf die russische Strafgesetzgebung. Historische Voraussetzungen für die Annahme des Art. 120 StGB RF

Strafrechtliche Verantwortlichkeit für den Zwang zur Organ- oder Gewebeentnahme für die nachfolgende Transplantation wurden erstmalig im Jahre 1996 als Teil des geltenden StGB RF verabschiedet. Manche Autoren verknüpfen das Entstehen des Art. 120 StGB RF mit dem neuen Recht auf Freiheit und persönliche Unversehrtheit, das 3 Jahre zuvor verfassungsrechtliche Verankerung erhielt. Es ist jedoch zu bemerken, dass freiwilliges Entnehmen von menschlichen Körperteilen durch Gesetz der Russischen Föderation über Transplantation von Organen und Geweben eines Menschen vom 22. Dezember 1992 geregelt wurde. In "Allgemeinen Bestimmungen" des Gesetzes wurde gestellt: Organ- und Gewebeübertragung kann ausschließlich bei der tatsächlichen medizinischen Notwendigkeit für den Empfänger sowie mit Zustimmung des Spenders ohne erheblichen Schaden für seine Gesundheit durchgeführt werden (*Gesetz der RF vom 22.12.1992 № 4180-I "Über Transplantation von Organen und (oder) Geweben eines Menschen" // "Russische Zeitung". 09.01.1993. № 4. Art. 1*). Das Gesetz vom 22. Dezember 1992 ist trotzdem kein Pionier in diesem Bereich.

Es ist angenommen, dass gesetzliche Regelung der Organ- und Gewebeentnahme und ihrer nachfolgenden Transplantation mit der Annahme des Beschlusses des Rates der Volkskommissare der Sowjetunion (russische Transkription: Sowjet Narodnych Kommissarow; SNK) über das Verfahren der medizinischen Operationen vom 15. September 1937 anfang (*Beschluss des Rates der Volkskommissare der Sowjet Union vom 15.09.1937 "Über das Verfahren der medizinischen Operationen" // Gesetz- und Auftragsband von der Russischen Kommunistischen Partei der UdSSR. 1937. № 61. Art. 274*). Aufgrund dieses normativen Rechtsaktes wurde nicht nur medizinisch lizenzierte Organentnahme von Leichen erlaubt. Der Beschluss des SNK wurde rechtliche Grundlage für die nachfolgende Annahme der normativen Rechtsakten zur Regelung der ophthalmologischen Operationen. Zum Beispiel erließ Ministerium für Gesundheit der UdSSR die gegenseitig komplementären Dokumente: den Befehl über den Einsatz von Hornhauttransplantation in die Praxis der Augenärzte und die Anweisung über die Verwendung der Augen von Verstorbenen für Hornhauttransplantation auf den Blinden. Diese Rechtsakte spiegeln die Förderpolitik in Bezug auf Organübertragung von toten Spendern wider.

Der Befehl des Ministeriums für Gesundheit der UdSSR über Maßnahmen zur Verbesserung der forensischen Untersuchung in der UdSSR vom 10. April 1962 erweiterte die Liste der für Transplantation erlaubenden Organe. Aufgrund dieses Rechtsakts konnten noch Haut, Rippenknorpel, Knochen und sonstige Gewebe übertragen werden (*Befehl des Ministeriums für Gesundheit der UdSSR vom 10.04.1962 № 166 “Über Maßnahmen zur Verbesserung der forensischen Untersuchung in der UdSSR”*). Lebender Mensch durfte aber nicht als potenzieller Spender handeln.

Im Jahre 1969 wurde das Recht des Patienten auf persönliche Freiheit und körperliche Unversehrtheit gesetzlich verankert. Kraft § § 32–33 der Grundlagen der Gesundheitsgesetzgebung der UdSSR und der Unionsrepubliken war die Zustimmung eines Empfängers für die Transplantation von “fremden” Organen und Geweben in seinen Körper erforderlich (*Gesetz der UdSSR vom 19.12.1969 № 4589-VII “Über die Feststellung der Grundlagen der Gesundheitsgesetzgebung der UdSSR und der Unionsrepubliken”*). Analogisches Recht galt für Spender nicht, da es noch keine Rede um lebenden Spender gegangen war. Es sei jedoch betont werden, dass die Grundlagen der Gesundheitsgesetzgebung einige Einschränkungen auf Organ- und Gewebeentnahme von Leichen festlegten. Beispielsweise durften solche Operationen nicht zur Verunstaltung des Leibs führen. Andernfalls wurden entsprechende Restaurationsarbeiten vorgesehen (*Befehl des Ministeriums für Gesundheit der UdSSR vom 10.04.1962 № 166 “Über die Maßnahmen zur Verbesserung der forensischen Untersuchung in der UdSSR”. Art. 20*).

Der Befehl des Ministeriums für Gesundheit der UdSSR über weitere Entwicklung der klinischen Transplantologie im Land vom 17. Februar 1987 verankerte erstmals die Gelegenheit der Entnahme von Organen und Geweben ausschließlich von verstorbenen Spendern, deren Tod offiziell konstatiert wurde (*Siehe: Anhang 2 “Temporäre Anweisung über das Verfahren der Entnahme von Organen und Geweben von verstorbenen Spendern” zum Befehl des Ministeriums für Gesundheit der UdSSR über weitere Entwicklung der klinischen Transplantologie im Land vom 17. Februar 1987 № 236 / Referenzsystem “GARANT” // URL: <http://base.garant.ru/4177342/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/#friends> (Abrufdatum: 17.09.2020)*).

Trotz der ständigen Wirkung dieser humanen Einschränkung, wäre es naiv zu glauben, dass der Staat die Entnahme von Organen und Geweben völlig ausschließ. Und mehr als das, solche Operationen wurden nicht immer mit Rückblick auf das Prinzip des Humanismus durchgeführt. Diese Transplantationen

führten oft zum ungerechtfertigten und irreparablen Gesundheitsschaden der Spender mit geringfügiger Verbesserung der Gesundheit der Empfänger. Besondere Aufmerksamkeit verdient dabei folgende Erinnerung der Zeugin des Unfalls im Kernkraftwerk Tschernobyl vom 26. April 1986: “Als er erkannte, dass das Knochenmark bei seinem jüngeren Schwesterlein entnommen werden wird, weigerte er sich kategorisch: “Ich sterbe eher. Lasst sie los! Sie ist noch klein” (die jüngere Schwester von Wasilij Ignatenko – dem Feuerwehrmann, der an Tschernobyl-Unfall arbeitete – war damals 14 Jahre alt – A.d.A.). Die ältere Schwester Ljuda war 28 Jahre alt, sie selbst war Krankenschwester und verstand, was sie sich traute. <...> Die Operation dauerte zwei Stunden... Als sie zu Ende war, war der Ljuda es schlimmer als ihm, sie hatte achtzehn Einstiche an der Brust, wachte aus der Narkose schwer auf. Und nun ist sie behindert... Sie war eine starke, schöne Frau. Nicht geheiratet...” [3]. Anhand dieses Beispiels wird deutlich, dass nicht nur volljährige, sondern auch minderjährige Personen als potenzielle Spender handelten. Außerdem wird es offenbar, dass solche Übertragungen nicht immer harmlos für die Patienten waren. Unter Berücksichtigung des Grads des Schadens für Gesundheit der Tschernobyl-Opfer war das Risiko solcher Operationen kaum gerechtfertigt.

Die legale Möglichkeit zur Organ- und Gewebeentnahme mit freiwilliger Zustimmung des lebendigen Menschen wurde im zuvor benannten Gesetz der Russischen Föderation über Transplantation von Organen und Geweben eines Menschen vom 22. Dezember 1992 erstmals verkündet. Nach 4 Jahren wurde die Verantwortlichkeit für die Verletzung des Rechts auf persönliche Freiheit und körperliche Unversehrtheit des Spenders im Art. 120 StGB RF verankert. Während sich die Gesellschaft in die entgegengesetzte Richtung von sozialistischer Vergangenheit entwickelt, gilt Art. 120 StGB RF als eine der Gewährleistungen der demokratischen, anthropozentrischen, individualistischen Gegenwart und Zukunft für neue russische Bürger. So, Art. 120 StGB RF gab den Menschen ausschließliches Eigentumsrecht auf den Körper und wurde “einer der Indikatoren der Demokratisierung der Gesellschaft und erforderliche Voraussetzung des Entstehens und der Bildung des Rechtsstaates” [4, S. 74].

Die Tatbestandsanalyse des Artikels 120 StGB RF Um klar zu verstehen, wie Artikel 120 StGB RF in der Praxis benutzt sein muss, muss man an den Straftatbestand appellieren und die Tatbestandsmäßigkeit analysieren. Dieser Artikel findet im Titel VII StGB RF “Straftaten gegen die Person” statt. Daraus folgt, dass die Person das Objekt

dieser Straftat ist. Das andere Objekt dieser Straftat sind Leben und Gesundheit, wie es im Namen des Kapitels 16 StGB RF festgestellt ist. In der Literatur werden noch Gesellschaftliche Verhältnisse, die normale Funktionierung der Gesundheit und die Rechte auf die Nichteinmischung in der Ganzheit des Organismus garantieren, und die Freiheit der Verfügung seines Körpers und der Körperteile [1, c. 12].

Der Gegenstand der Straftat sind die menschlichen Organe und Gewebe. Die konkrete Liste davon findet heutzutage im Register der Transplantationsobjekte, das die Anordnung des Gesundheitsministeriums "Über die Feststellung des Registers den Transplantationsobjekten" beigefügt ist (Siehe: *Befehl des Ministeriums für Gesundheit der Russischen Föderation und der Russischen Akademie der Wissenschaften vom 04.06.2015 № 306n/z "Über die Feststellung des Registers den Transplantationsobjekten" // Russische Zeitung. 26.06.2015. № 138*). In dieser Liste sind nur 24 Objekte (Herz, Lunge, Niere, Milz, Leber, Blutgefäße, Gliedmaßen usw.), die das Objekt des Tatbestandes nach Artikel 120 sind.

Man muss betonen, dass diese Liste nach Artikel 2 des Gesetzes vom Jahre 2002 keine Organe und Gewebe, die zu dem Reproduktionsprozess gehören und Reproduktionsgewebe (Eizelle, Sperma, Eierstock, Hoden und Embryos) einschließen, und kein Blut mit Blutkomponenten enthält (Siehe: *Gesetz der Russischen Föderation vom 22.12.1992 № 4180-I "Über Transplantation von Organen und (oder) Geweben eines Menschen" // "Russische Zeitung. 09.01.1993. № 4. Art. 2*). Der Umsatz des Bluts mit Blutkomponenten lässt sich vom Bundesgesetz der RF vom 20.07.2012 № 125-FG "Über Blutspende und Spende den Blutkomponenten" (weiter – BG vom Jahre 2012) regulieren. Im Artikel 4 dieses Gesetzes wird der Grundsatz der freiwilligen Blutspende aufgestellt (Siehe: *Bundesgesetz der Russischen Föderation vom 20.07.2012 № 125-FZ "Über Blutspende und Spende den Blutkomponenten" // "Russische Zeitung". 23.07.2012. № 166. Art. 4*).

Also bleiben die über die Reproduktionsgewebe entstehenden Verhältnisse ohne die Rechtsordnung und sind von Artikel 120 nicht reguliert. Trotzdem sind sie ziemlich gesucht, zum Beispiel, in der plastischen Chirurgie und in der Durchführung der Reproduktionstechnologie [5, S. 72]. Spezialisierte Spendekliniken und Reproduktionszentren sind immer auf der Suche nach solchen Biomaterialien und sind bereit, das zu bezahlen (Siehe: *Wie man entgeltlich Eizellspenderin werden kann? / Eines der Millionen Leben // URL: <https://namillion.com/kak-stat-donorom-yajceketki.html> (Abrufdatum: 17.09.2020)*). Nicht auszuschließen ist es, dass die Biomaterialien

ohne die Zustimmung des Spenders genommen werden können. Aber wenn es um die Reproduktionsorgane und Reproduktionsgewebe geht, dann wird der Zwang zu der Entnahme kein Tatbestand des Artikels 120 StGB RF sein.

In ähnlicher Weise sind solche Taten als der Zwang zu der Schwangerschaft oder zum Schwangerschaftsabbruch kein Tatbestand nach dem Sinn des Artikels 120 StGB RF. Das Problem des Reproduktionszwangs existiert doch in Russland und darüber wird ausführlich auch in den Massenmedien berichtet (Siehe: *Ohne Begnadigung gebären: was ist reproduktive Gewalt / Yandex Zen URL: <https://zen.yandex.ru/media/7sisters/rojatelzia-pomilovat-chto-takoe-reproduktivnoe-nasilie-5bdff983b54c0700aa9baf50> (Abrufdatum: 17.09.2020)*).

In der Literatur sind auch solche Situationen, wenn die Frauen mit geringerem Einkommen schwanger werden wollen, nur um ein Ziel zu erreichen: Schwangerschaft abzubrechen und von dem Verkauf der Reproduktionsgewebe zu profitieren. Solche Tat ist weder der Tatbestand des Artikels 120 noch der Tatbestand des Artikels 123 "Illegale Durchführung des künstlichen Schwangerschaftsabbruches", weil dieser Artikel Durchführung der Abtreibung bei den Personen, die keine medizinische Ausbildung im entsprechenden Bereich, verbietet, und kein subjektives Tatbestandselement (z. B. "aus Eigennutz", "mit dem Ziel finanziell zu profitieren") enthält. Also ist es eine Gesetzeslücke entstanden. In der Literatur findet man das Angebot, diese Gesetzeslücke zu schließen. Artikel 123 StGB RF solle einen qualifizierten Tatbestand, der die Haftung für Nutzung des embryonalen Materials während des Schwangerschaftsabbruches enthält [6, S. 279, 7].

Objektiver Tatbestand des Artikels 120 ist der Zwang, unter dem man der Einfluss auf das Opfer mit dem Ziel der Zustimmung zur Entnahme von Organen und Gewebe für die weitere Transplantation versteht. Die Zustimmung von dem lebendigen Menschen ist für die Transplantation notwendig nach Art. 1 des Gesetzes "Über Transplantation der menschlichen Organe und Gewebe".

In dem gültigen StGB RF findet man den Begriff "Zwang" in den einigen Artikeln. Manche von ihnen sind nicht konkretisiert. Solcher ist, zum Beispiel, Artikel 147 StGB, wo als eine der möglichen Taten ist der Zwang zur Mitautorenschaft ist. Der Oberste Gerichtshof erklärte danach, dass man darunter die Auswirkung auf jede Art (u.a. mittels der Gewalt, der Bedrohungen der ungünstigen Folgen für die Opfer) (Siehe: *Plenarentscheidung des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation vom 26.04.2007 № 14 "Über die Gerichtspraxis in den Kriminalfällen über Urheberrechts- und Patentverletzung sowie über illegale Nutzung der*

Marke” / *“Bulletin des Obersten Gerichtshofs der RF”*. 2007. № 7).

In anderen Artikeln sind die Arten des Zwangs in der Disposition des Artikels konkretisiert. Als Beispiel kann man Artikel 179 StGB RF nennen, wo im ersten Teil als Art des Zwangs die Bedrohung der Gewaltanwendung, der Vernichtung und Beschädigung des Eigentums ist, sowie die Verbreitung der Information, die die Rechte und gesetzliche Interessen von dem Geschädigten und seiner Verwandten verletzen kann.

Was den ansehenden Art. 120 StGB RF betrifft, sind die Arten des Zwangs im Tatbestand festgestellt. Das sind nur Gewaltanwendung und die Bedrohung der Gewaltanwendung. Zur Gewalt in diesem Fall gehören die Schläge und andere gewaltsame Taten, die wehtun oder die Freiheit beschränken, aber der Gesundheit nicht schädigen und keine reale Gefahr für das Leben und die Gesundheit erstellen. Unter der Bedrohung der Gewaltanwendung versteht man die Aussage der Absicht Gewalt anzuwenden [8, S. 50].

Man muss betonen, dass die Bestechung, die Bedrohung die Information zu verbreiten oder das Eigentum zu beschädigen, und alle anderen Arten des Zwangs, mit deren Hilfe man die Zustimmung zur Transplantation bekommen kann (ohne die Gewaltanwendung und die Bedrohung der Gewaltanwendung) keinen objektiven Tatbestand sind. Das verengt beträchtlich den Bereich der Taten, die nach Artikel 120 StGB RF qualifiziert sein können.

Außerdem folgt aus allem, was oben genannt war, dass die ansehende Straftat nach dem Moment der Gewaltanwendung oder der Aussage der Absicht die Gewalt anzuwenden beendet ist. Die Qualifikation einer Handlung als Verbrechen, diesem Artikel nach, hängt davon nicht ab, dass der Straftäter der Zustimmung oder reale Möglichkeit die Organe zu entnehmen bekommen hat.

Der subjektive Tatbestand stellt sich den direkten Vorsatz vor, weil die Person die gesellschaftliche Gefahr seiner Handlung einsieht, die Möglichkeit oder die Unvermeidbarkeit der für die Gesellschaft gefährlichen Folgen vorhersieht und wünscht. Man kann auch ein bestimmtes Ziel hervorheben: eine zur Transplantation der Organe und Gewebe von dem Opfer zu bekommen.

Artikel 120 StGB RF stellt kein spezielles Subjekt der Tat fest. Dieser Artikel fehlt auch in der Liste des Artikels 20 StGB RF der Straftaten, auf denen die Personen ab 14-jährigem Alter zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit gezogen werden. Also ist das Subjekt des ansehenden Tatbestandes in der Regel zurechnungsfähige physische Person ab 16 Jahren alt.

Der Geschädigte in dieser Straftat kann nur die Person sein, zu der die Gewalt oder die Bedrohung

angewendet wurde. Man muss nochmal betonen, dass nur lebendige Menschen zur Entnahme den Organen und Geweben gezwungen werden können. Dieser Artikel betrifft die Entnahme den Organen und Geweben von den Leichen nicht [9, S. 45]. Die Entnahme der Organe und Gewebe von den gestorbenen Menschen muss man nach Artikel 105 Teil 2 Punkte “m” qualifizieren (der Mord mit dem Ziel die Organe und Gewebe des Opfers zu benutzen). Deshalb wird in der Literatur Aufnahme des Artikels, der Verantwortlichkeit, für die mit der illegalen Entnahme den Organen von den Leichen gebundene Taten enthält, angeboten [10, SS. 309–310].

Man muss sich auch darauf achten, dass der Geschädigte die Person ist, die in dem Moment der Ausführung der Straftat bei Bewusstsein war und die Forderungen über die Zustimmung für die Entnahme den Organen verstand. So, ist ein bedeutender in 2003–2006 Jahren in Russland Fall von den Transplantationschirurgen, in dem die Ärzte verstanden, dass man den Patienten nicht retten kann, und sofort holten sie ein Transplantationsteam aus der Moskauer Koordinationszentrum der Organspende (*Siehe: Bateljowa, T. Der Fall der Transplantationsärzte: dreimal verurteilt / Nachrichten // URL: <https://iz.ru/news/312449> (Abrufdatum: 19.09.2020)*). Trotzdem es ein Attentat auf die Entnahme den Organen und Geweben vom noch lebendigen Menschen war, wurden die Ärzte nicht ein Attentat nach Art. 120, sondern eine Körperverletzung vorgeworfen. Der Geschädigte war bewusstlos, also, konnte man von ihm mit dem Ziel, eine Zustimmung zur Transplantation zu bekommen, nicht einwirken.

Der zweite Teil des ansehenden Artikels stellt den Tatbestand fest, wo der Geschädigte die Person ist, die wissentlich für die Straftäter im hilflosen Zustand oder in der materiellen oder anderen Abhängigkeit von dem Straftäter war.

Die gleiche Formulierung “der hilflose Zustand” enthält die Punkte “c” Teil 2 des Art. 105 StGB RF (*Siehe: Plenarentscheidung des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation vom 27.01.1999 N 1 “Über die Gerichtspraxis in Mordfällen (Art. 105 der StGB RF)” // Bulletin des Obersten Gerichtshofs der RF. 1999. № 3*). Der Oberste Gerichtshof erklärt, dass die Minderjährige, Schwerkranke, Betagte und Geisteskranke zu den Personen im hilflosen Zustand gehören. Aber unserer Meinung nach, kann man nach dem Sinn des Artikels 120 StGB diesen Begriff weit verbreitet ansehen. Zum Beispiel, gelten als Personen im hilflosen Zustand die Patienten mit dem schweren Stadium der Krankheit, für denen die von den Ärzten gegebene Anweisungen sachkundig sind. Sie sind verängstigt von ihrer Gesundheit und können sich

für solchen “letzter Ausweg” wie die Transplantation entschließen. Die Ärzte, im Gegenzug, können solchen Zustand nutzen, um ein Verbrechen nach Art. 120 StGB RF zu begehen.

Was materielle und andere Abhängigkeit betrifft, findet man diese Formulierung in anderen Tatbeständen des Besonderen Teils des StGB RF. Der Oberste Gerichtshof gab noch keine Erklärungen dazu. In der Literatur versteht man unter der materiellen Abhängigkeit, dass der Geschädigte von dem Straftäter Lebensunterhalt bezieht. Die andere Abhängigkeit wird auf den verwandten, ehelichen, familiären Verhältnissen oder auf das Gesetz oder den Vertrag gegründet (zum Beispiel, die Abhängigkeit der Kinder von den Eltern, den Bevormundeten von den Vormündern, den Schuldnern von den Gläubigern) [11].

Dank der Tatbestandsanalyse kann man den Grund verstehen, warum es fast keine wirklichen Fälle nach diesem Artikel gibt. Die meisten von den Fällen, die illegale Transplantation, Handel der Organe und andere Situationen, die auf dem ersten Blick als der Zwang zur Entnahme den Organen qualifiziert sein sollen, sind kein Tatbestand des Artikels 120.

Die Analyse der allgemeinen Statistik über den Zustand der Vorstrafe in Russland von 2009 bis 2019 zeigt, dass keine Person nach Artikel 120 StGB verurteilt wurde. Nur ein Prozess wurde angestrengt, aber später wurde er “aus anderen Gründen” beendet (*Siehe: Bericht über die Anzahl der Verurteilten in allen Fällen gemäß Strafgesetzbuch der Russischen Föderation und über andere Personen, gegen die Gerichtsakte in Straffällen für 12 Monate 2017 erlassen wurden. / Behördliche statistische Überwachung. Teil 2 (Kap. 16) // URL: = (Abrufdatum: 19.09.2020)*).

Menschliche Organe und Gewebe als Objekte des Eigentumsrechts: ist es möglich?

Unter den Bedingungen, wenn die Schutzfunktion des uns interessierenden Artikels kaum ausgeführt wird und seine rechtliche Aktualität verloren geht, gibt es begründete Zweifel in Zweckmäßigkeit des Vorhandenseins von diesem Straftatbestand im Rahmen des StGB RF. Gewiss ist Dekriminalisierung der Taten, die mit dem Zwang zur Organ- oder Gewebeentnahme zusammenhängen, ist ausgeschlossen. Bestimmte Ideen zur Rationalisierung der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation sind jedoch bemerkenswert.

Laut der russischen Verfassung (Art. 23) verfügt jeder Mensch über seinen Körper ganz individuell und vollmächtig. Diese Vorschrift regt zum Nachdenken über die Gleichartigkeit von Eigentumsverhältnissen und dem Verhältnis des Menschen zu seinem Körper. Es scheint plausibel zu sein, diese Phänomene als das Ganze und der Bestandteil zu bewerten. Zur Bekräftigung dieser Position gilt die Mangelhaftigkeit

der russischen Strafgesetzgebung, die die Ungleichheit unterschiedlicher Organe und Gewebe als der Gegenstände der Straftat nach Art. 120 StGB RF zulässt. Während die Milz aufgrund des StGB RF zu den menschlichen Organen gehört und ihr Besitzer vor der entsprechenden Zwangsentnahme geschützt wird, kann sich der in ähnliche Situation geratene Besitzer der Hoden auf den Schutz nach Art. 120 StGB RF nicht verlassen. Andererseits hat der Besitzer der Milz im Gegensatz zum Besitzer der Hoden keine rechtliche Möglichkeit, über sie für kommerzielle Zwecke zu verfügen. Die Existenz des Schwarzmarkts in Russland braucht es nicht, an sich selbst zu erinnern. Anders gesagt, kommt man mit Geduld am weitesten. Solche Tendenz zeugt von der Unstimmigkeit der geltenden Strafgesetzgebung im Bereich der Transplantologie mit den Bedürfnissen der modernen russischen Gesellschaft.

Im Lichte des Vorstehenden wirkt es vernünftig, die Möglichkeit der folgenden Maßnahmen zu beleuchten: erstens, zur Vereinheitlichung der Rechtsstellung von allen menschlichen Organen und Geweben; zweitens, zur Gleichstellung der Organe und Gewebe mit Objekten des Eigentumsrechts. Im Rahmen dieses Artikels war nur die zweite Frage einer gründlichen Untersuchung unterworfen, da sich Antwort auf die erste Frage auf die Kompetenz von engeren Fachkräften bezieht.

Gesetzt den Fall, dass Organe und Gewebe des jeden einzelnen Menschen als Objekte von seinem Eigentumsrecht gelten würden. Aufgrund des doktrinär etablierten Inhaltes dieses Rechts (klassische Triade seiner Elemente: Besitz-, Nutzungs-, Verfügungsrechte) hätten alle Bürger das Befugnis auf tatsächliche Herrschaft über ihre Organe und Gewebe sowie die Möglichkeit, ihre nützlichen Eigenschaften zu gebrauchen und ihr rechtliches Schicksal zu entscheiden. Mit anderen Worten, unter bedingungsloser Protektion des Staates könnte man mit den eigenen Organen und Geweben alles machen, was man wollte. Auf dieser Weise, das Verfassungsrecht auf persönliche Unversehrtheit erhielte gesetzliche Konkretisierung.

Die obigen Änderungen würden unvermeidlich das geltende StGB RF betreffen, da der irrelevante Straftatbestand nach Art. 120 des StGB RF durch Art. 163 StGB RF (“Erpressung”) und, unter anderen Umständen, durch Art. 179 StGB RF (“Zwang zum Vertragsschluss oder zur Ablehnung des Vertrags”) abgedeckt werden würde.

Solche Reformen würden in praxi zur Legalisierung des gegenwärtigen Schwarzmarktes für Organe und Gewebe sowie zur Entstehung eines neuen Segments des freien Markthandels führen. Und als

Konsequenz von alledem wäre Entwicklung neuer rechtlicher Regulierungsinstrumente im Bereich des Warenumsatzes von Organen und Geweben zwangsläufig. Selbstverständlich ist es, dass diese Neuerung weite Mobilisierung der finanziellen und intellektuellen Ressourcen fordern würden. Obwohl es auf den ersten Blick scheint, dass die Sache die Mühe nicht lohnt, sind solche Maßnahmen ohne Zweifel begründet, wenn die Rede um die Notwendigkeit der Übereinstimmung der Gesetzgebung mit den Bedürfnissen der Gesellschaft geht.

Trotz der relativen Einfachheit der Idee der Gleichsetzung der Organe und Gewebe mit Objekten des Eigentumsrechts, hängt ihre Verkörperung sowohl mit moralisch-ethischen als auch mit den rechtlichen Hindernissen zusammen. In erster Linie entsteht hier die Frage nach der moralischen Zulässigkeit dieser Identifikation.

Im fernen Jahr 1928 lehnte der Autor S. Volosch diesen Gedanken ab. Er stellte fest, dass menschliche Organe und Gewebe „als Ergebnis des natürlichen biologischen Prozesses gebildet sind und haben kein Marktäquivalent“ [12]. Unserer Ansicht nach, ist dieser Standpunkt radikal schwach: z. B. Tiere, die als Ergebnis des ähnlichen biologischen Prozesses entstanden, handeln heutzutage als die Objekte des Sachenrechts. Einige Autoren betonen zur Bekräftigung der Volosch-Position: aus der Idee der Gleichsetzung der Organe und Gewebe mit Eigentum ergibt sich, dass „der Mensch gleichzeitig als Objekt und als Subjekt der Rechtsverhältnisse handelt“ [13, c. 53]. Allerdings, angesichts der Tatsache, dass die Praxis der vergeltenden Blutspende in Russland ganz legal ist, bemerken wir keine ernstesten moralisch-ethischen Hindernisse für übrige menschliche Organe und Gewebe zu den Objekten des Eigentumsrechts zu beordern.

Wesentliche Schwierigkeiten hängen im betrachteten Kontext mit dem strafrechtlichen Aspekt des Schutzes von Beziehungen im Bereich der Transplantologie zusammen. Das Problem besteht in Errichtung des mit dem Zwang zur Organ- oder Gewebeentnahme für die Transplantation verbundenen Tatobjekts. Der aktuelle Standort des Art. 120 StGB RF weist darauf hin, dass seine vorrangige Funktion der Schutz des menschlichen Lebens und der Gesundheit ist. Würde der Straftatbestand nach Art. 120 StGB RF in den Geltungsbereich des Art. 163 StGB RF und (oder) des Art. 179 StGB RF übertrug werden, würde gleichzeitig zugegeben werden, dass erzwungene Organ- und Gewebeentnahme eher das Eigentumsrecht, als das Leben und die Gesundheit der Menschen schädigt [14, c. 50].

Wir führten die Umfrage unter den 115 jungen Russen (Durchschnittsalter der Befragten ist 19

Jahre) durch. Das Hauptthema der Umfrage war Einstellung der Bürger zum potenziellen Wandel. Während 92,2 Prozent der Befragten Organe und Gewebe, die als Objekte der Transplantation handeln, für ihr Eigentum halten, behauptet fast ein Viertel, dass die Kosten von Organen und Geweben in einem bestimmten Geldbetrag nicht geschätzt werden können. Immerhin denken aber 86,1 Prozent, dass ein Mensch das Recht auf freie Verfügung über seine Organe und Gewebe haben muss: z. B., auf Verkauf oder Schenkung.

Aufgrund der Ergebnisse der durchgeführten Umfrage kann man feststellen, dass moderne russische Gesellschaft im Großen und Ganzen für die angebotenen Reformen, die in Anerkennung von Organen und Geweben als Objekte des Eigentumsrechts besteht, bereit ist.

Unserer Ansicht nach, ist die vom Autor V. Winokurow entdeckte Methode zur Bestimmung des Tatobjekts besonders beachtenswert. Er bestätigt: „...mithilfe der Anzeichen des Täters, der vor dem Verbrechen als Subjekt der entsprechenden Rechtsbeziehungen handelt, wird ihr Gegenstand als Objekt der Straftat bestimmt, da die Anzeichen des Täters aufgrund der Eigenschaften des Objekts des Verbrechens determiniert werden“ [14, c. 50]. Anders gesagt, Bestimmung der Anzeichen von Subjekt der strafrechtlichen Beziehungen lässt den Gegenstand solcher Beziehungen und, als Konsequenz davon, das Objekt der potenziellen Straftat festsetzen. Außerdem sollte man unter dem Begriff „Anzeichen der strafrechtlichen Beziehungen“ seine Rechtslage sowie Art und Zweck seiner Handlungen verstehen. Zur Bestimmung des Tatobjekts braucht es zu begreifen, „welche Pflichten erfüllte ein Subjekt nicht oder welche Befugnisse missbrauchte er und welche Rechte des Opfers wurden verletzt“ [14, c. 50].

Die angebotene Prozedur befolgend, setzen wir das Objekt der Straftat nach Art. 120. Als Subjekte der gesellschaftlichen Verhältnisse im Bereich auf Organübertragung in der modernen Realität können einerseits Medizinarbeiter und Aufkäufer von Organen und Geweben handeln. Andererseits sind das Empfänger – Menschen, die einer Organ- oder Gewebeentnahme unterzogen wurden. Mit anderen Wörtern sind die Seiten dieser Rechtsverhältnisse folgende Personen: ein Besteller und (oder) ein Vollzieher der Transplantation sowie ein Spender und ein Patient.

In der betreffenden Situation haben Rechte und Pflichten des Bestellers keine speziellen Aspekte und werden tatsächlich in Art. 779 des Bürgerliches Gesetzbuches der Russischen Föderation verankert.

Er handelt zum klingenden Gewinn aus Realisation der erworbenen (rückgekauften oder selbstständig entnommenen) Organe und Gewebe.

Rechte und Pflichten der Medizinarbeiter, die Transplantationen durchführen, wurden im Bundesgesetz vom 21. November 2011 über die Grundlagen des Gesundheitsschutzes der Bürger in der Russischen Föderation verankert (Rechte – in Art. 72, Pflichten – in Art. 73). Der Zweck ihrer Tätigkeit ist mit der Entgeltausübung von Berufsfunktionen verbunden.

Rechte der Patienten wurden durch Verfassung der Russischen Föderation garantiert und im Kapitel 4 des obengenannten Bundesgesetzes konkretisiert. Außerdem wurden Rechte des Spenders im Gesetz der Russischen Föderation vom 1992 verankert. In beiden Fällen ist die Rede von der Freiwilligkeit der chirurgischen Eingriffe in Bezug auf den Patienten sowie von den Gewährleistungen des Schutzes ihres Lebens und ihrer Gesundheit, die unter anderem mit der realen Erstattung des Schadens für die Integrität und das normale Funktionieren ihrer Organe und Gewebe zusammenhängt (*Gesetz der RF vom 22.12.1992 "Über Transplantation von Organen und (oder) Geweben eines Menschen". Art. 12*). Die Ziele der Spenderaktivitäten können sowohl auf Vorteilsgründen als auch auf wohltuenden Motiven beruhen (wie bei der Blutspende). In der Regel basiert das Ziel der Empfänger auf den medizinischen Indikationen, obwohl "experimentatorische" Bestrebungen als "Versuchspersonen" zu handeln nicht ausgeschlossen sind (*Siehe: Iwanow, J. Transplantation von Organen und Geweben. Auskunft // URL: <https://ria.ru/20091001/187003474.html> (Abrufdatum: 19.09.2020)*).

Der Gegenstand der Straftat im Bereich der Transplantation der Organe und Gewebe wird als Nichterfüllung der auf ein Subjekt übertragenen Pflichten oder als Missbrauch seiner Befugnisse definiert. Im Kontext des Artikels 120 StGB RF handelt es sich um den Missbrauch der Befugnisse von Medizinarbeiter sowie um Nichterfüllung vom Besteller des Prinzips der Vertragsfreiheit (*Siehe: Bürgerliches Gesetzbuch der Russischen Föderation. Teil 1: Bundesgesetz vom 30.11.1994 № 51-FZ (Stand: 31.12.2015). // "Russische Zeitung". 08.12.1994. № 238–239. Art. 421*) und um den Vorteil des Willens und der Willenserklärung in den vertraglichen Rechtsverhältnissen (*Ibid. Art. 431*).

Alles Obengenannte lässt darauf schließen, dass Objekte der Beziehungen im Bereich der Entnahme und der Übertragung von Organen und Geweben sowie Leben und Gesundheit des Menschen, als auch Eigentumsrecht sind. Das heißt, dass zu diesem

Zeitpunkt das juristische Schicksal des Artikels 120 StGB RF ungewiss und mehrdeutig bleibt. Klar und unumstößlich ist das Einzige: angesichts der bedingungslosen rechtlichen und moralisch-ethischen Priorität des Lebens und der Gesundheit über dem Eigentumsrecht müssen solche Zweifel zugunsten des Wichtigen überwunden werden. Solches Ergebnis schließt aber die Möglichkeit nicht aus, Organe und Gewebe als Objekte des Eigentumsrechts anzuerkennen. Praktisch kann es durch die Verankerung in Art. 179 StGB RF des speziellen Gegenstandes (menschlicher Organe und Gewebe) des Zwangs zum Vertragsabschluss realisiert werden. Art. 120 StGB RF kann dabei in seiner ursprünglichen Form bleiben lassen werden. Allerdings, das befreit Rechtswissenschaftler und Gesetzgeber von den Fortschritten in der Richtung der Legalisierung des Marktes des Kaufs und Verkaufs von menschlichen Organen und Geweben und von der Notwendigkeit, ihre Rechtsstellung offiziell festzusetzen, weil in der modernen sozialen Realität es lebenswichtig ist.

Schlussfolgerung

Auf der Grundlage der durchgeführten Arbeit kommen wir zu den folgenden Ergebnissen.

Von Anfang an, wie es die historische Analyse zeigt, die Annahme des Artikels 120 im StGB RF verfolgte solche demokratische und humanistische Ziele wie die Anerkennung des menschlichen Exklusivrechts auf den Körper und Unzulässigkeit der medizinischen Einmischung in der Funktionierung des menschlichen Organismus. Es war angenommen, dass Artikel 120 im StGB die Zahl der illegalen Operationen mit der Organtransplantation senken muss, die Existenz des Schwarzmarkts beenden oder dessen Ausgaben minimisieren.

Aber diese Ziele wurden nicht sogar im Laufe von 25 Jahren nach der Veröffentlichung dieses Artikels erreicht. In der Praxis keine Menschen wurden zur strafrechtlichen Verantwortung nach diesem Artikel vorgeworfen. Dieser Artikel hat nur nominale Bedeutung. Der Grund dafür ist nach der Tatbestandsanalyse verständlich: Dieser Artikel bezieht nur einen engeren Kreis der Taten ein. Objektiver Tatbestand ist nur "die Auswirkung mit dem Ziel eine Zustimmung zu bekommen", die Arten des Zwangs sind bloß Gewaltanwendung und die Bedrohung der Gewaltanwendung, der Gegenstand besteht aus 24 Arten der Organe und Gewebe und enthält kein Blut mit Blutkomponenten und kein Reproduktionsgewebe.

Im Zusammenhang mit der Beschränkung der Anwendung dieses Artikels wir fanden es möglich,

dass die Organe und Gewebe, die der Gegenstand der Straftat sind, als Objekte des Eigentumsrechts anzuerkennen. In diesem Fall würden die Taten, die den Zwang zur Organe- und Gewebeentnahme ansehen, den Straftaten aus der Kapitel 21 StGB, die Straftaten gegen Eigentum feststellt, zum Beispiel, des Artikels 163 oder 170 StGB, nicht des Artikels 120, wie es heutzutage ist, entsprechen. Die Änderungen würden die zivilrechtliche Regulierung des Handels von den Organen und Geweben, die den Gegenstand des Rechtsgeschäfts waren, betreffen,

und dadurch würden die Schwarzmärkte legalisiert werden.

Heutzutage sind die wichtigsten Gründe, die diese Änderungen verhindern, die Moral und die ethischen Aspekte. Trotzdem zeigt die durchgeführte Umfrage, dass der junge russische Teil der Bevölkerung für die Anerkennung der Organe und Gewebe als Objekte des Zivilrechts bereit ist. Also streiten wir nicht ab, dass solche Änderungen in der Zukunft möglich sind und dass der “ruhende” Artikel 120 StGB dekriminallisiert werden kann.

Литература

1. *Фабрика Т.А.* Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Автореф. дис ... канд. юр. наук. 12.00.08. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2007. – 27 с.
2. *Кустов А.М.* Судебная медицина в расследовании преступлений: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та, 2002. – 448 с.
3. *Алексиевич С.А.* Чернобыльская молитва. Хроника будущего / С.А. Алексиевич. Дружба народов. М.: Остожье, 1997. – 224 с.
4. *Смирнов В.А.* Уголовно-правовая характеристика принуждения к изъятию органов и тканей потерпевшего (ст. 120 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 74–77.
5. *Казакова В.А.* Проблемы квалификации преступлений против здоровья: моногр. / В.А. Казакова. М.: РУСАЙНС, 2018. – 440 с.
6. *Хачатрян А.С.* Клеточная трансплантация: вопросы правовой оценки и повышения качества законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 277–279.
7. *Капитонова Е.А.* Правовое регулирование трансплантологии: моногр. / Е.А. Капитонова, О.В. Романовская, Г.Б. Романовский. М.: Проспект, 2016. – 144 с.
8. *Краев Д.Ю.* Преступления, совершаемые с применением насилия: вопросы квалификации / Д.Ю. Краев. М.: Законность, 2019. № 9. С. 48–53.
9. *Калужская А.В.* Критерии разграничения убийства и надругательства над телом умершего / А.В. Калужская. М.: Законность, 2017. № 10. С. 43–46.
10. *Осокин Р.Б.* Изъятие органов и (или) тканей у трупа человека как способ надругательства над телами умерших // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 7 (111). С. 309–310.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 316 с.
12. *Волож З.Л.* Право на кровь // Вестник советской юстиции. 1928. № 7. – 216 с.
13. *Красновский Г.Н.* Актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации / Г.Н. Красновский, Д.Н. Иванов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1993. № 5. С. 50–54.
14. *Винокуров В.Н.* Определение предмета и субъектов отношений как способ установления объектов преступления // Государство и право. 2011. № 7. С. 45–52.

References

1. *Fabrika T.A.* Problemy ugovolnoy otvetstvennosti za prinuzhdenije k izjatiyu organov i tkanej cheloveka dlya transplantazii. Avtoref. dis ... kand. jur. nauk. 12.00.09 [The problems of criminal liability for compulsion to remove human organs or tissues for transplantation: dissertation abstract]. Chelyabinsk, Chelyabinskij gosudarstvennii universitet Publ., 2007. 27 p. (In Russian)
2. *Kustov A.M.* Sudebnaya medicina v rassledovanii prestuplenij: Kurs lekcij [Forensic medicine in investigation of crimes: Course of lectures], Moscow, Izd-vo Mosk. psihologo-sozial. in-ta Publ., 2002. 448 p. (In Russian)

3. *Aleksievich S.A.* Chernobyl'skaja molitva. Hronika budushhego [The Chernobyl prayer. Chronicle of future]. Druzhba narodov Publ., 1997. 224 p. (In Russian)
4. *Smirnov V.A.* Ugolovno-pravovaya kharakteristika prinuzhdeniya k izyatiyu organov i tkanei poterpevshego (st. 120 UK RF) [Criminal-legal characteristic of compulsion to remove human organs or tissues of victim]. *Sibirskij zuridicheskij vestnik [Siberian law herald]*, 2002, no. 3, pp. 74–77. (In Russian)
5. *Kazakova V.A.* Problemy kvalifikazii prestuplenij protiv zdorovja: Monografija. [The problems of qualification of crimes against health: Monograph]. Moscow, RUSAJNS Publ., 2018. 440 p. (In Russian)
6. *Hachatryan A.S.* Kletochnaya transplantaziya: voprosi pravovoj ozenki i povisheniya kachestva zakonodatelstva [Cellular transplantation: issues of legal assessment and improvement of the quality of legislation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia]*, 2013, no. 22, pp. 277–279. (In Russian)
7. *Kapitonova E.A.* Pravovoje regulirovanije transplantologii: monografija [Legal regulation of transplantology: Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 144 p. (In Russian)
8. *Krayev D.Y.* Prestuplenija, sovershayemiye s primeneniye nasiliya: voprosi kvalifikazii [Crimes committed with violence: issues of qualification]. Moscow, Zakonnost' Publ., 2019, no. 9, pp. 48–53. (In Russian)
9. *Kaluzhskaya, A.V.* Kriterii razgranicheniya ubijstva i nadrugatelstva and telom umershego [The criteria of delineation between murder and abuse of the body of the deceased]. Moscow, Zakonnost' Publ., 2017, no. 10, pp. 43–46. (In Russian)
10. *Osokin R.B.* Izjatiye organov i (ili) tkanej u trupa cheloveka kak sposob nadrugatelstva and telami umershih [The removal of organs and tissues of a dead body as an option of abuse of the body of the deceased]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria: Gumanitarnije nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]*, 2012, iss. 7 (111), pp. 309–310. (In Russian)
11. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF v 4 t. Obsh'aja chast' [The commentary to the Criminal Code of the RF in 4 vols. General part]. Vol. 1. Moscow, Urait Publ., 2018. 316 p. (In Russian)
12. *Volozh Z.L.* Pravo na krov' [The right on blood]. *Vestnik sovetskoj justicii [The Soviet justice herald]*, 1928, no. 7. 216 p.
13. *Krasnovskij G.N.* Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovanija transplantacii organov i tkanej v Rossijskoj Federacii [Actual issues of legal regulation of organ and tissue transplantation in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. [Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Law]*, 1993, no. 5, pp. 50–54. (In Russian)
14. *Vinokurov V.N.* Opređenje predmeta i subjektov otnoshenij kak sposob ustanovlenija objektov prestuplenija [Definition of the object and subjects of the relationship as a means of establishing the objects of the crime]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2011, no. 7, pp. 45–52. (In Russian, abstract in English)

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Немашкалова Дарья Юрьевна

Цель: на основе анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации рассмотреть категории лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за неоказание помощи больному по ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации. Изучить различные подходы к определению субъекта преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, и сделать выводы относительно того, являются ли все медицинские работники, сотрудники правоохранительных и других государственных органов субъектами рассматриваемого преступления.

Методология: использованы общенаучные (анализ, индукция, дедукция, сравнение, системный метод) и специально-юридические (формально-юридический метод, метод толкования права) методы исследования.

Выводы. Субъектами преступления по ст. 124 УК РФ являются: лица, находящиеся в должности руководителей медицинской организации, специалисты с высшим профессиональным (медицинским) образованием, имеющие сертификат, специалисты со средним профессиональным (медицинским) образованием, в обязанности которых в соответствии с должностной инструкцией входит оказание медицинской помощи, лица, прошедшие аккредитацию, а также получившие лицензию на занятие медицинской деятельностью.

Научная и практическая значимость. Проведенный анализ показал наличие правовой неопределенности в определении субъекта неоказания помощи больному. В научной работе раскрыты признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для формирования доктрины уголовного права.

Ключевые слова: неоказание помощи, больной, пациент, субъект преступления, вид помощи, медицинский работник, медицинский персонал, медицинская деятельность, должностная инструкция, скорая помощь, доврачебная помощь.

При производстве юридического анализа ст. 124 УК РФ необходимо обратить внимание на то, как сформулировано название этого преступления. В ст. 124 УК РФ указано, что «неоказание помощи больному» уголовно наказуемо. Таким образом, в исследуемой статье определено, что помощь не оказывается больному лицу. То есть потерпевшим от рассматриваемого преступления признается больной. Термин «больной» – понятие оценочное, порождающее различные точки зрения на определение признаков потерпевшего.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано, что больным признается человек, пораженный какой-либо болезнью [5, с. 55].

В свою очередь под болезнью следует понимать состояние организма человека, при котором нарушается его деятельность, работоспособность, способность адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организма. За основу данного определения взята законодательная формулировка понятия «заболевание», представленная в п. 16 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны и здоровья граждан в РФ»). Понятия «болезнь»

и «заболевание» имеют схожий смысл, согласно словарю синонимов.

Законодательного закрепления понятия «больной» не существует, но в п. 9 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» содержится определение понятия «пациент». Под ним понимается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния.

Понятия «больной» и «пациент» можно назвать схожими, потому как в обоих случаях лицам оказываются различного рода медицинские услуги. Единственное их отличие состоит в том, что для признания человека больным необходимо выяснить, что у него имеется какое-либо заболевание (при этом лицо не обязательно должно знать о наличии такового, это может стать известно и при прохождении обследования), у пациента же какое бы то ни было заболевание может отсутствовать вовсе. Иными словами: каждый больной – пациент, но не каждый пациент – больной.

Получается, что потерпевшим по ст. 124 УК РФ признается больной, который нуждается в помощи и:

обращается за ее оказанием;

проходит плановое обследование, в ходе которого у него выявляется заболевание, требующее лечения;

оказывается в ситуации, которая требует срочного медицинского вмешательства (острая форма аппендицита);

оказывается в ситуации, когда медицинская помощь может быть оказана без его согласия (пробывание без сознания после автомобильной катастрофы) [1, с. 63–64].

В качестве потерпевшего могут выступать граждане Российской Федерации, иностранные граждане, мульти- и апатриды, а также лица, не являющиеся больными, но нуждающиеся в оказании медицинской помощи (беременные женщины, роженицы).

Объективная сторона выражена в форме частичного или полного бездействия – неоказания медицинской помощи. Больному может быть не оказана первичная медицинская, специализированная, паллиативная помощь в экстренной, неотложной или плановой формах. Медицинская помощь может быть оказана как в медицинской организации, так и за ее пределами. Обязательным признаком ст. 124 УК РФ является наличие причинно-следственной связи между бездействием и наступившими общественно опасными последствиями, выраженными в причинении средней

тяжести вреда здоровью, тяжкого вреда здоровью или наступление смерти больного.

Интересно, что некоторые ученые устанавливают обязанность оказания доврачебной помощи по рассматриваемому составу преступления [4, с. 58–63].

Доврачебная помощь оказывается, как правило, лицами, не имеющими высшего медицинского образования (фельдшерами, акушерками), а также лицами, не имеющими медицинского образования в принципе, но обязанными оказывать первую помощь до оказания медицинской помощи при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью в соответствии с законом или специальным правилом.

Доврачебная помощь оказывается при конкретном перечне состояний, установленных приказом Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», а также в определенном этим приказом объеме.

Установление обязанности по оказанию доврачебной помощи сотрудниками правоохранительных органов, судебными приставами, спасателями и другими лицами представляется вполне обоснованным, так как перечисленные субъекты нередко осуществляют свою профессиональную деятельность в условиях, опасных для жизни и здоровья третьих лиц, а так же проходят специальное обучение, в ходе которого они получают необходимый объем теоретических знаний и практических навыков по оказанию доврачебной помощи.

Однако хотелось бы указать на то, что преступление, предусмотренное ст. 124 УК РФ относится к ятрогенным, то есть таким преступлениям против жизни и здоровья человека, которые совершаются в случае нарушения медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей [3, с. 1–14].

По этой причине мы не можем отнести оказание доврачебной помощи лицами, не имеющими медицинского образования, к составу рассматриваемого преступления.

Думается, что логика законодателя как раз и заключалась в том, чтобы разграничить ответственность за неоказание помощи конкретно медицинскими работниками (ст. 124 УК РФ), с одной стороны, и другими лицами, не имеющими специфических познаний в области медицины, с другой (ст. 125 УК РФ) [2, с. 5].

Преступление, предусмотренное ст. 124 УК РФ имеет материальный состав. То есть оно будет считаться оконченным только при наступлении общественно опасных последствий. В данном случае при причинении своим бездействием вреда здоровью средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, а также смерти потерпевшему [1, с. 65].

Критерии определения степени тяжести вреда здоровью установлены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.04.2008 № 194н об утверждении «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

В составе преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ обязательно должна присутствовать причинная связь между преступным бездействием и наступившими общественно опасными последствиями.

Субъектом преступления ст. 124 УК РФ признается физическое вменяемое лицо, обязанное оказывать помощь больному в соответствии с законом или специальным правилом. Так как рассматриваемый субъект кроме общих признаков (физическое лицо, вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности – 16 лет) содержит дополнительные, он является специальным.

Под законом понимаются нормативно-правовые акты, принятые Федеральным Собранием Российской Федерации в особом порядке, регулирующие определенные общественные отношения.

Под специальным правилом, о котором идет речь в ст. 124 УК РФ, по мнению автора, должны пониматься должностные инструкции, потому как они представляют собой обязательные для исполнения локальные акты.

Так как автором было установлено, что в ст. 124 УК РФ речь идет о неоказании конкретно медицинской помощи, далее будет рассмотрена ответственность медицинских работников за их бездействие в отношении больных.

По определению ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», медицинским работником является физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности; либо ИП, осуществляющий медицинскую деятельность.

Однако необходимо понимать, что не все медицинские работники могут оказывать медицинскую помощь. Рассмотрим категории медицинских работников, указанные в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 1183н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников

и фармацевтических работников» и определим, какие из них могут являться субъектами рассматриваемого преступления, а какие нет.

Медицинские работники, находящиеся в должности руководителей, согласно должностным инструкциям осуществляют общее руководство деятельностью медицинской или медико-социальной (хоспис) организации, не имея при этом обязанностей по оказанию медицинской помощи.

Однако представляется целесообразным включить их в перечень возможных субъектов по рассматриваемому преступлению, так как эти лица имеют высшее или среднее медицинское образование и, зачастую, совмещают руководство организацией и работу по своей непосредственной специальности (в качестве врача-специалиста медицинского учреждения или в качестве медицинской сестры). Таким образом, они могут оказывать не только первичную, специализированную, но и паллиативную медицинскую помощь больным.

Специалисты с высшим профессиональным (медицинским) образованием или же врачи, безусловно, являются субъектами рассматриваемого состава преступления. Они обязаны законом, а также Должностными инструкциями оказывать первичную, специализированную и паллиативную медицинскую помощь.

В обязанности медицинских работников с высшим профессиональным (немедицинским) образованием (например, биолог, медицинский физик и другие), не входит самостоятельное оказание медицинской помощи. Проведение лечебно-диагностического процесса под руководством врача – это тот максимум медицинской помощи, которую некоторые из них могут оказывать. Представляется целесообразным исключить их из перечня субъектов неоказания помощи больному, потому как при возможном наступлении неблагоприятных для больного последствий во время оказания данными лицами медицинской помощи, ответственность будет нести врач, который осуществлял непосредственное руководство деятельностью таких работников.

Сложнее обстоит дело при определении обязанностей оказания медицинской помощи средним медицинским персоналом (специалистами со средним профессиональным (медицинским) образованием). Для каждого специалиста данной категории предусмотрена отдельная должностная инструкция.

Так, согласно должностной инструкции акушерки в ее обязанности входит оказание лечебно-диагностической помощи беременным, роженицам, гинекологическим больным, оказание

медицинской помощи при родах, а также оказание неотложной доврачебной медицинской помощи по своему профилю деятельности. Акушеров можно отнести к субъектам неоказания помощи больным, так как беременные и роженицы относятся к категории потерпевших от рассматриваемого преступления.

Фельдшер также является субъектом рассматриваемого преступления, так как в соответствии с должностной инструкцией он оказывает неотложную доврачебную медицинскую помощь при острых заболеваниях, несчастных случаях и различных видах катастроф с последующим вызовом врача к пациенту или направлением его в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение, в присутствии врача осуществляет терапию, организует лечение и медицинский уход на дому.

Фельдшер скорой медицинской помощи осуществляет непосредственно оказание скорой медицинской помощи в соответствии с утвержденными стандартами, также ассистирует врачу при оказании скорой медицинской помощи.

Медицинские сестры также обязаны оказывать доврачебную медицинскую помощь при состояниях, определенных законодательством.

Однако в перечне среднего медицинского персонала имеются лица, в должностные обязанности которых оказание медицинской помощи не входит. К таким относят: заведующего молочной кухней, медицинского регистратора, статистика и других.

Перечень среднего медицинского персонала включает в себя более 40 наименований, которые можно разделить на две группы: лица, обязанные в соответствии с должностной инструкцией оказывать медицинскую помощь и лица, для которых такая обязанность не предусмотрена.

В каждом конкретном случае необходимо обращаться к специальному правилу для того, чтобы определить, будет ли лицо нести ответственность за неоказание помощи на общих основаниях (по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности») или же на основаниях, предусмотренных ст. 124 УК РФ.

Что касается младшего медицинского персонала, то ни младшая медицинская сестра по уходу за больными, ни санитар, санитар-водитель, а также сестра-хозяйка не обязаны оказывать медицинскую помощь, следовательно, субъектами преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ не являются и несут ответственность на общих основаниях.

Актуален вопрос о времени и месте оказания медицинской помощи. ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» установлено, что меди-

цинский работник состоит в трудовых отношениях с медицинской организацией, а медицинская помощь входит в трудовые обязанности работника, так как является частью профессиональной медицинской деятельности. Законом не установлено, что оказание медицинской помощи входит в какие-либо иные обязанности лица, кроме трудовых.

На основании этого делаем вывод о том, что медицинские работники обязаны оказывать медицинскую помощь только при исполнении своих трудовых обязанностей или при осуществлении индивидуальной предпринимательской деятельности без образования юридического лица.

Трудовой кодекс РФ в ст. 106 также устанавливает время отдыха, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению.

В ст. 107 ТК РФ определены виды времени отдыха, к которым относят: перерыв в течение рабочего дня, ежедневный (междусменный) отдых, выходные дни (еженедельный непрерывный отдых), нерабочие праздничные дни, а также отпуск.

То есть если медицинский работник пребывает в состоянии законного времени отдыха, то он не обязан оказывать медицинскую помощь.

Исключение составляет оказание экстренной медицинской помощи, так как в ст. 11 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» указано, что такая помощь предоставляется гражданину безотлагательно и бесплатно. Отказ в ее оказании не допускается.

Для врачей и среднего медицинского персонала также определяется время ночного дежурства, во время которого они находятся непосредственно в лечебном учреждении и оказывают медицинскую помощь больным, нуждающимся в этом, или могут быть вызваны на работу для проведения необходимых действий по оказанию помощи. Данная ситуация характерна для государственных лечебных учреждений.

Чаще всего медицинская помощь оказывается в самой медицинской организации, но существует перечень случаев, когда медицинская помощь оказывается вне медицинской организации. Он является исчерпывающим и содержит всего два пункта: 1) по месту вызова бригады скорой специализированной медицинской помощи; 2) в транспортном средстве при медицинской эвакуации. Согласно п. 6 Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, утвержденного Приказом Минздрава России от 20 июня 2013 г. № 388н, скорая, в том числе скорая специализированная медицинская

помощь вне медицинской организации оказывается медицинскими работниками выездных бригад скорой медицинской помощи. То есть для оказания скорой медицинской помощи вне медицинской организации медицинский работник должен входить в состав выездной бригады скорой медицинской помощи.

Медицинская деятельность — это, прежде всего деятельность профессиональная. Закон предъявляет высокие требования к квалификации работника, осуществляющего медицинскую деятельность. Согласно этим требованиям, медицинские работники должны быть высококвалифицированными специалистами. Основные обязательные требования, которые предъявляются к медицинским работникам со средним или высшим медицинским образованием установлены в п. 4 пп. «г» и «д» и п. 5 пп. «г» «Положения о лицензировании медицинской деятельности», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 года № 2916. Так, к требованиям относятся: наличие высшего медицинского образования, послевузовского и (или) дополнительного профессионального образования, которое предусмотрено квалификационными требованиями к специалистам с высшим и послевузовским медицинским образованием в сфере здравоохранения, и сертификат специалиста, а при намерении осуществлять доврачебную медицинскую помощь — среднего медицинского образования и сертификата специалиста по соответствующей специальности; наличие лицензии у работников, заключивших с соискателем трудовой договор, имеющих среднее, высшее, послевузовское и (или) дополнительное медицинское или иное необходимое для выполнения заявленных работ (услуг) профессиональное образование и сертификат специалиста (для специалистов с медицин-

ским образованием); повышение квалификации специалистов, выполняющих заявленные работы (услуги). Аккредитация проводится не реже одного раза в пять лет.

Лица, которые имеют медицинское образование, но не работают по специальности более пяти лет, могут быть допущены к осуществлению медицинской деятельности только после прохождения обучения по дополнительным профессиональным программам и получения аккредитации.

Особой характеристикой медицинской деятельности является ее разрешительный или лицензированный характер. Лицензирование введено государством с целью обеспечения населения медицинской помощью надлежащего качества и объема. Ст. 15 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» устанавливает, что «предприятия, учреждения и организации государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения могут осуществлять свою деятельность только при наличии лицензии на избранный вид деятельности. При несоответствии условий деятельности предприятий, учреждений и организаций государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения установленным стандартам лицензия и сертификат не выдаются».

Из вышеуказанного следует, что субъектами преступления, предусмотренного статьей 124 УК РФ являются: лица, находящиеся в должности руководителей медицинской организации, специалисты с высшим профессиональным (медицинским) образованием, имеющие сертификат, специалисты со средним профессиональным (медицинским) образованием, в обязанности которых в соответствии с должностной инструкцией входит оказание медицинской помощи, лица, прошедшие аккредитацию, а также получившие лицензию на занятие медицинской деятельностью.

MERKMALE DES SUBJEKTES DES VERBRECHENS “UNTERLASSENE HILFELEISTUNG EINEM KRANKEN”

Nemashkalova Daria Yuryevna

Bei der Durchführung der juristischen Analyse des Artikels 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist es notwendig, auf die Formulierung des Verbrechens zu achten. In Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist es

angegeben, dass die “Unterlassung medizinischer Hilfe einer kranken Person” strafbar ist. So wird in dieser Forschung festgestellt, dass die Hilfe der kranken Person nicht zur Verfügung gestellt wird. Das heißt, dass das Opfer des betrachteten Verbrechens

als eine kranke Person anerkannt wird. Der Begriff “der Kranke” ist ein beurteilendes Konzept, das verschiedene Standpunkte zur Definition der Opfermerkmale hervorbringt.

Im Bedeutungswörterbuch des russischen Sprachwissenschaftlers S.I. Oshegov ist angegeben, dass der Kranke als ein Mensch anerkannt ist, der an einer Krankheit erkrankt ist [5, S. 55]. Die Krankheit sollte wiederum als ein Zustand des menschlichen Körpers verstanden werden, in welchem dessen Aktivität, Leistungsfähigkeit, die Fähigkeit, sich an verändernden Bedingungen der äußeren und inneren Umgebung anzupassen, während die Änderung der kompensatorischen und anpassungsfähigen Schutzreaktionen und -mechanismen des Körpers gestört ist. Die Grundlage dieser Definition ist die gesetzgebende Formulierung des Begriffs “Erkrankung”, die in Artikel 2 Absatz 16 des Föderalen Gesetzes der Russischen Föderation “Über die Grundlagen des bürgerlichen Gesundheitsschutzes” vorgestellt wird. Die Begriffe “die Krankheit” und “die Erkrankung” haben laut dem Synonymwörterbuch ähnliche Bedeutungen.

Es gibt keine gesetzliche Verankerung des Begriffs “der Kranke”, aber Artikel 2 Absatz 9 des Föderalen Gesetzes der Russischen Föderation Nr. 323 vom 21. November 2011 “Über die Grundlagen des bürgerlichen Gesundheitsschutzes der Russischen Föderation” enthält die Definition des Wortes “Patient”. Darunter versteht man eine natürliche Person, die medizinische Hilfe erhält oder medizinische Hilfe beantragt hat, unabhängig von deren Krankheit und Zustand.

Die Begriffe “Kranke” und “Patient” können als ähnlich bezeichnet werden, da in beiden Fällen den Personen verschiedene Arten von medizinischen Dienstleistungen angeboten werden. Der einzige Unterschied besteht darin, dass man für die Anerkennung eines Kranken herausfinden muss, ob bei dieser Person eine Erkrankung vorliegt (sie selbst muss nicht unbedingt davon wissen, dass sie krank ist, da dies erst während einer Untersuchung erkannt werden kann), der Patient dagegen kann überhaupt nicht krank sein. Anders formuliert: jeder Kranke ist ein Patient, aber nicht jeder Patient ist krank.

Es stellt sich heraus, dass nach Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation das Opfer als krank anerkannt wird, welches Hilfe braucht und:

- die Hilfeleistung beantragt;
- die Routineuntersuchung durchführen lässt, in der bei ihm die Erkrankung entdeckt wird, die eine Behandlung braucht;
- sich in einer Situation befindet, die eine dringende medizinische Intervention erfordert (z.B. Blinddarmentzündung)

- sich in einer Situation befindet, in der die medizinische Hilfe ohne dessen Zustimmung erbracht werden kann (z.B., wenn es bewusstlos nach dem Autounfall ist) [1, S. 63–64].

Als Opfer können die Bürger der Russischen Föderation, ausländische Bürger, Menschen mit mehrfacher Staatsbürgerschaft und Staatslose, sowie die Personen, die nicht krank sind, aber medizinische Hilfe benötigen, sein.

Die objektive Seite wird in der Form von teilweiser oder vollständiger Untätigkeit ausgedrückt – Unterlassung der medizinischen Hilfe. Dem Patienten kann keine medizinische, spezialisierte, palliative Versorgung im Notfall, dringenden oder geplanten Formen gewährt werden. Medizinische Hilfe kann sowohl innerhalb als auch außerhalb einer medizinischen Institution geleistet werden. Ein obligatorisches Merkmal des Artikels 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist die Ursache und Wirkung zwischen Untätigkeit und sozial gefährlichen Folgen, ausgedrückt in der Zufügung mäßiger Gesundheitsschäden, schwerwiegender Gesundheitsschäden oder mit dem Tod des Kranken.

Interessanterweise haben einige Wissenschaftler die Verpflichtung festgelegt, dass die vorärztliche Hilfe für den betrachteten Fall zu leisten ist [4, S. 58–63].

Die erste vorärztliche Hilfe leisten in der Regel Personen ohne Diplom – Med. Ausbildung (Hilfsärzte, Hebammen) sowie Personen, die grundsätzlich keine medizinische Bildung haben, aber verpflichtet sind, die vorärztliche Hilfe bei Unfällen, Verletzungen, Vergiftungen und anderen Erkrankungen und Krankheiten, die das Leben und die Gesundheit nach dem Gesetz oder einer Sonderregel bedrohen, zu leisten, bevor die reguläre medizinische Hilfe eintrifft.

Die erste vorärztliche Hilfe wird entsprechend einer spezifischen Liste von Bedingungen geleistet, die auf Anordnung des Ministeriums für Gesundheit und soziale Entwicklung festgelegt, sowie in einem Umfang, der vom selben Ministerium bestimmt wurde.

Die Einführung der Verpflichtung zur Leistung der vorärztlichen Hilfe durch Vollstreckungsbeamte, Gerichtsvollzieher, Retter und andere Personen erscheint durchaus vernünftig, da häufig diese Personen ihre berufliche Tätigkeit unter Bedingungen ausüben, die für Leben und Gesundheit Dritter gefährlich sind, sowie eine spezielle Ausbildung absolvieren, in der sie das notwendige theoretische Wissen und die praktischen Fähigkeiten erhalten, um die vorärztliche Hilfe zu leisten.

Es sollte jedoch darauf hingewiesen werden, dass ein Verbrechen nach Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sich auf iatrogene bezieht, das heißt, auf Verbrechen gegen das Leben und die

Gesundheit der Menschen, die im Falle eines Verstoßes von Medizinarbeitern gegen die Regeln für die Erbringung medizinischer Hilfe bei der Erfüllung ihrer beruflichen Pflichten begangen werden [3, S. 1–14].

Aus diesem Grund lässt sich die Leistung der vorärztlichen Hilfe durch Personen ohne medizinische Bildung nicht auf das betrachteten Corpus Delicti beziehen.

Es scheint, dass die Logik des Gesetzgebers genau darin bestand, einerseits die Verantwortung für die Unterlassung medizinischer Hilfe speziell den Medizinarbeitern (Artikel 124) und andererseits anderen Personen, die keine spezifischen Kenntnisse auf dem Gebiet der Medizin haben (Artikel 125), abzugrenzen. Es scheint, dass die Logik des Gesetzgebers genau darin bestand, einerseits die Verantwortung für die Unterlassung medizinischer Hilfe speziell den Medizinarbeitern (Artikel 124) und andererseits anderen Personen, die keine spezifischen Kenntnisse auf dem Gebiet der Medizin haben (Artikel 125), abzugrenzen [2, S. 5].

Das Verbrechen nach Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation hat einen materiellen Bestand. Das heißt, dass es nur dann als abgeschlossen gilt, wenn sozial gefährliche Folgen auftreten. In diesem Fall hat das Opfer bei ihrer Untätigkeit mäßige Gesundheitsschäden, schwere Gesundheitsschäden oder den Tod erlitten [1, S. 65].

Die Kriterien zur Bestimmung des Grades der Gesundheitsschäden werden anhand des Auftrags des Ministeriums für Gesundheit und soziale Entwicklung der Russischen Föderation Nr. 194n vom 24. April 2008 festgelegt.

Im Corpus Delicti nach Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation muss ein kausaler Zusammenhang zwischen der kriminellen Untätigkeit und den aufgetretenen sozial gefährlichen Folgen bestehen.

Als Subjekt des Verbrechens nach Artikel 124 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation wird eine gesunde individuelle Person anerkannt, die verpflichtet ist, einem Kranken gemäß dem Gesetz oder einer Sonderregel Hilfe zu leisten. Da das betreffende Subjekt neben allgemeinen Merkmalen (eine individuelle Person, geistige Gesundheit, das Erreichen des Alters der strafrechtlichen Verantwortung – 16 Jahre) zusätzliche enthält, wird es als ein besonderes Subjekt bezeichnet.

Unter dem Recht werden die normativen Rechtsakte verstanden, die von der Föderalen Versammlung der Russischen Föderation in einer besonderen Reihenfolge erlassen wurden und die bestimmte soziale Beziehungen regeln.

Unter der Sonderregel, um welche es in Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation geht,

sollten meiner Meinung nach Stellenbeschreibungen verstanden werden, da es sich um obligatorische lokale Handlungen handelt.

Da der Autor festgestellt hat, dass Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation von der Unterlassung genau medizinischer Hilfe handelt, eine spezifische medizinische Versorgung bereitzustellen, wird in dieser Forschung die Verantwortung der Mediziner für ihre Untätigkeit in Bezug auf ihre Behandlung des Kranken berücksichtigt.

Nach der Definition im föderalen Gesetz “Über die Grundlagen des Gesundheitsschutzes der Bürger”, ist ein Mediziner eine Person mit einer medizinischen oder sonstigen Ausbildung, deren offizielle Arbeitspflichten die Durchführung medizinischer Aktivitäten umfassen; oder auch ein Einzelunternehmer, der medizinische Aktivitäten ausübt.

Es muss jedoch verstanden werden, dass nicht alle Mediziner eine medizinische Versorgung leisten können. Lasst uns die Kategorien der Mediziner betrachten, die in der Nomenklatur der Positionen der Mediziner aufgeführt sind, (Auftrag des Gesundheitsministeriums der Russischen Föderation Nr. 1183n am 20. Dezember 2012), und bestimmen, welche von ihnen die Subjekte des betrachteten Verbrechens sein können und welche nicht.

Die Mediziner in den Leitungspositionen, führen gemäß den Berufsbeschreibungen die allgemeine Verwaltung der Aktivitäten einer medizinischen oder medizinisch-sozialen (ein Hospiz) Organisation durch, ohne die Verantwortung für die medizinische Hilfe zu übernehmen.

Es erscheint jedoch angebracht, sie in die Liste der möglichen Subjekte des betreffende Corpus Delicti aufzunehmen, da diese Personen über eine Diplom-Med. oder sekundäre medizinische Ausbildung verfügen und häufig die Leitung der Organisation und die Arbeit in ihrem unmittelbaren Fachgebiet kombinieren (als Fachärzte in einer medizinischen Einrichtung oder als Krankenpfleger\Innen). Somit können sie die Kranken nicht nur primär, spezialisiert, sondern auch palliativ versorgen.

Fachkräfte mit einer Diplom – Med. Ausbildung oder Ärzte sind natürlich die Subjekte des betrachteten Corpus Delicti. Sie sind gesetzlich und auch durch die Berufsbeschreibungen verpflichtet, eine primäre, spezialisierte und palliative Versorgung zu leisten.

Zu den Aufgaben des medizinischen Personals mit nicht medizinischer Hochschulbildung (z.B. Biologen, Medizinphysiker und andere) gehört keine unabhängige Leistung der medizinischen Versorgung. Die Durchführung eines medizinischen und diagnostischen Prozesses unter Anleitung eines Arztes ist das Maximum an medizinischer Versorgung, dass einige von ihnen

leisten dürfen. Es erscheint angebracht, sie von der Liste der Subjekte der Unterlassung medizinischer Hilfsleistung bei Kranken auszuschließen, da im Falle eines möglichen Auftretens nachteiliger Folgen für den Kranken, die während der medizinischen Versorgung durch diese Personen verursacht wurden, der Arzt, der die Tätigkeiten dieser Arbeiter direkt überwacht hat, die Verantwortung trägt.

Die Situation ist komplizierter, wenn die Zuständigkeiten für die medizinische Versorgung durch sekundäres medizinisches Personal (Spezialisten mit sekundärer beruflicher (medizinischer) Ausbildung) festgelegt werden. Für jeden Spezialisten dieser Kategorie existiert eine separate Berufsbeschreibung.

Zum Beispiel nach der Berufsbeschreibung einer Hebamme gehören zu ihren Aufgaben die medizinische und diagnostische Unterstützung schwangerer Frauen, Frauen bei der Geburt, gynäkologische Patienten, die medizinische Versorgung während der Geburt sowie die vorärztliche Hilfe in ihrem Berufsbereich. Da die schwangeren Frauen und Gebärende als Opfer des fraglichen Verbrechens identifiziert wurden, können die Hebammen dann den Subjekten der Unterlassung der medizinischen Hilfsleistung zugeordnet werden.

Der Rettungssanitäter ist auch das Subjekt der fraglichen Corpus Delicti, da er gemäß der Berufsbeschreibung bei akuten Erkrankungen, Unfällen und verschiedenen Arten von Katastrophen eine vorärztliche Hilfe bereitstellt, gefolgt vom Anruf eines Arztes zum Patienten oder der Entsendung an die nächstgelegene medizinische und Vorsorgeeinrichtung, führt in Anwesenheit eines Arztes die Therapie durch, die Behandlung und häusliche Pflege organisiert.

Der Rettungssanitäter in der Notfallversorgung bietet direkt eine medizinische Notfallversorgung gemäß den genehmigten Standards an und unterstützt den Arzt auch bei der Bereitstellung einer medizinischen Notfallversorgung.

Die Krankenpfleger\Innen sind auch verpflichtet, unter gesetzlich festgelegten Bedingungen die vorärztliche Hilfe zu leisten.

Die Liste des sekundären medizinischen Personals enthält jedoch Personen, deren berufliche Verantwortung darin besteht, keine medizinische Versorgung bereitzustellen. Dazu gehören: die Leiter der Milchküche, medizinische Standesbeamte, Statistiker und andere.

Die Liste des sekundären medizinischen Personals enthält mehr als 40 Positionen, die in zwei Gruppen unterteilt werden können: die Personen, die gemäß der Berufsbeschreibung zur medizinischen Versorgung verpflichtet, und die Personen, für die eine solche Aufgabe nicht vorgesehen ist.

In jedem Einzelfall muss man auf eine Sonderregel verweisen, um festzustellen, ob eine Person für die Unterlassung der Hilfe gemäß Art. 125 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation ("Verlassen in Gefahr") oder nach Art. 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation verantwortlich ist.

Was das medizinische Nachwuchspersonal betrifft, müssen weder die Krankenpfleger\Innen noch die Sanitäter, die Fahrer oder Personen des Reinigungsdienstes für die medizinische Versorgung leisten.

Die Frage nach Zeitpunkt und Ort der medizinischen Hilfe ist auch wichtig (relevant). Das Föderale Gesetz "Über die Grundlagen des Gesundheitsschutzes der Bürger" legt fest, dass ein Mediziner ein Arbeitsverhältnis zu einer medizinischen Organisation hat und die medizinische Versorgung Teil der Arbeitspflichten des Arbeitnehmers ist, da sie Teil der beruflichen medizinischen Tätigkeit ist. Das Gesetz sieht nicht vor, dass die Erbringung medizinischer Versorgung zu anderen Pflichten einer Person gehört, außer der beruflichen Pflichten.

Auf dieser Grundlage kommt man zu dem Schluss, dass medizinische Fachkräfte nur zur Erfüllung ihrer Arbeitspflichten oder zur Durchführung individueller Geschäftstätigkeiten verpflichtet sind, medizinische Versorgung zu erbringen, ohne eine juristische Person zu sein.

Das Arbeitsgesetzbuch der Russischen Föderation legt auch die Ruhezeit fest, in der der Arbeitnehmer frei von der Erfüllung seiner Pflichten ist und die er nach eigenem Ermessen nutzen kann.

Das Arbeitsgesetzbuch der Russischen Föderation definiert die Arten von Ruhezeiten, darunter: eine Pause während des Arbeitstages, tägliche Ruhezeiten (zwischen den Schichten), Wochenenden (wöchentliche ununterbrochene Ruhezeiten), arbeitsfreie Feiertage und Ferien.

Das heißt, wenn sich ein Mediziner in einem Rechtsruhezustand befindet, ist er oder sie nicht verpflichtet ist, medizinische Hilfe zu leisten.

Eine Ausnahme ist jedoch die medizinische Notfallversorgung, da in Art. 11 des Gesetzes "Über die Grundlagen des bürgerlichen Gesundheitsschutzes" angegeben ist, dass eine solche Unterstützung einem Bürger unverzüglich und kostenlos gewährt werden muss. Die Verweigerung der Leistung der medizinischen Notfallversorgung ist unzulässig.

Für die Ärzte und das Pflegepersonal wird auch die Nachtwache festgelegt, während der sie sich direkt in der Behandlungseinrichtung befinden und den Patienten, die diese benötigen, medizinische Hilfe leisten, oder auch zur Arbeit gerufen werden können, um die erforderlichen Hilfsmaßnahmen

durchzuführen. Diese Situation ist typisch für öffentliche Krankenhäuser.

Meistens wird die medizinische Versorgung in der Behandlungseinrichtung selbst erbracht, es gibt jedoch eine Liste von Fällen, in denen die medizinische Versorgung außerhalb der Behandlungseinrichtung erfolgt. Die Liste ist ziemlich umfassend und enthält nur zwei Punkte: 1) am Ort des Anrufs des spezialisierten medizinischen Notfallteams; 2) in einem Fahrzeug während der medizinischen Ambulanz. Gemäß Absatz 6 des Verfahrens zur Leistung der Notfallhilfe, einschließlich spezialisierter medizinischer Notfallhilfe, medizinischer Versorgung, genehmigt durch den Auftrag Nr. 388n des russischen Gesundheitsministeriums vom 20. Juni 2013, wird die Notfallhilfe, einschließlich medizinischer Notfallversorgung außerhalb einer Behandlungseinrichtung von den Mediziner Rettungsteams bereitgestellt. Das heißt, um eine medizinische Notfallversorgung außerhalb einer Behandlungseinrichtung bereitzustellen, muss ein Medizinarbeiter Teil eines mobilen Notfallteams sein.

Die medizinische Tätigkeit ist in erster Linie eine berufliche Tätigkeit. Das Gesetz stellt hohe Anforderungen an die Qualifikation des Arbeitnehmers, der eine medizinische Tätigkeit ausübt. Nach diesen Anforderungen müssen die Mediziner hochqualifizierte Fachkräfte sein. Die wichtigsten obligatorischen Anforderungen für medizinisches Personal mit sekundärer medizinischer oder medizinischer Hochschulbildung sind in Absatz 4 der Unterabsätze "d" und "e" und in Absatz 5 des Unterabsatzes "d" "Vorschriften über die Zulassung von medizinischen Tätigkeiten", genehmigt durch das Dekret Nr. 2916 der Regierung der Russischen Föderation vom 16. April 2012, festgelegt.

Zu diesen Anforderungen gehören also: das Vorhandensein einer medizinischen Hochschulbildung, postgraduale und (oder) zusätzliche berufliche Ausbildung, die durch die Qualifikationsanforderungen für Fachkräfte mit Hochschulbildung und postgradualer medizinischer Ausbildung im Bereich des Gesundheitswesens vorgesehen ist, sowie das Facharztzertifikat, und wenn man die vorärztliche Versorgung leisten will, braucht man auch die sekundäre medizinische Ausbildung und

einen Fachzertifikat auf dem betreffenden Fachgebiet; das Vorhandensein einer Lizenz für Arbeitnehmer, die einen Arbeitsvertrag mit dem Antragsteller abgeschlossen haben, die über eine sekundäre, höhere, postgraduale und (oder) zusätzliche medizinische oder sonstige berufliche Bildung verfügen, die zur Ausführung der deklarierten Arbeit (Dienstleistungen) erforderlich ist, und ein Facharztzeugnis besitzen (für Fachkräfte mit medizinischer Bildung); Fortbildung von Fachleuten, die die deklarierten Arbeiten (Dienstleistungen) ausführen. Die Akkreditierung erfolgt mindestens einmal alle fünf Jahre.

Personen mit einer medizinischen Ausbildung, die jedoch seit mehr als fünf Jahren nicht mehr in ihrem Fachgebiet gearbeitet haben, dürfen medizinische Tätigkeiten erst nach Abschluss der Ausbildung in zusätzlichen Berufsprogrammen und der Erlangung einer Akkreditierung ausüben.

Ein besonderes Merkmal der medizinischen Tätigkeit ist ihre Zulassung oder Lizenz. Die Lizenzierung wurde vom Staat eingeführt, um die Bevölkerung mit medizinischer Versorgung von angemessener Qualität und Umfang zu versorgen. Artikel 15 der "Grundlagen der Gesetzgebung der Russischen Föderation zum Schutz der bürgerlichen Gesundheit" legt fest, dass "Unternehmen, Institutionen und Organisationen des staatlichen, kommunalen und privaten Gesundheitssystems ihre Tätigkeiten nur mit einer Lizenz für die gewählte Art der Tätigkeit ausüben können. Wenn die Betriebsbedingungen von Unternehmen, Institutionen und Organisationen des staatlichen, kommunalen und privaten Gesundheitssystems nicht den festgelegten Standards entsprechen, werden die Lizenz und das Zertifikat nicht ausgestellt".

Daraus folgt, dass die Subjekte des Verbrechens nach Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sind: Leiter einer medizinischen Organisation, Spezialisten mit medizinischer Hochschulbildung, die ein Zeugnis verfügen, Fachärzte mit sekundärer beruflicher (medizinischer) Ausbildung, deren Aufgaben gemäß der Berufsbeschreibung die Bereitstellung medizinischer Versorgung umfassen und Personen, die die Akkreditierung bestanden und eine Lizenz zur Ausübung medizinischer Tätigkeiten erhalten haben.

Литература

1. *Вершинин А.С.* Особенности уголовной ответственности медицинских работников, связанные с их профессиональной деятельностью. 40.04.01. Дис. ... магистра. Томск, 2018. – 104 с.
2. *Горелик А.С.* Уголовная ответственность за оставление в опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М.: Изд-во МГУ, 1983. – 25 с.
3. *Замалева С.В.* Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации. Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Хабаровск: Изд-во Уральской государственной юридической академии, 2016. – 217 с.

4. *Мамонтов Д.Ю.* Субъект неоказания помощи больному // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. 2008. №18. С. 58–63.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., АЗЪ, 1995. – 928 с.

References

1. *Vershinin A.S.* Osobennosti ugolovnoi otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov, svyazannye s ikh professional'noi deyatelnost'yu [Features of criminal responsibility of medical workers related to their professional activities]. Dis. ... magistra. 40.04.01. Tomsk, 2018. 104 p. (In Russian)
2. *Gorelik A.S.* Ugolvnaya otvetstvennost' za ostavlenie v opasnosti [Criminal liability for leaving in danger]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, MSU Publ., 1983. 25 p. (In Russian)
3. *Zamaleeva S.V.* Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizatsii [Iatrogenic crimes: concept, system and issues of criminalization]. Dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Khabarovsk, Ural'skoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii Publ., 2016. 217 p. (In Russian)
4. *Mamontov D.Yu.* Sub'ekt neokazaniya pomoshchi bol'nomu [Subject of failure to render aid to a sick person]. Stavropol', Trudy yuridicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2008. no. 18, pp. 58–63. (In Russian)
5. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language by Ozhegov and Shvedova]. Moscow, AZ" Publ. 1995. 928 p. (In Russian)

ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Саддарова Ксения Олеговна

Цель: проанализировать факторы, влияющие на распространение и заражение ВИЧ-инфекцией в местах лишения свободы, правовые нормы, регламентирующие лечение и содержание ВИЧ-инфицированных осужденных, а также способы диагностики и лечения с целью выработки способов, средств, методов предупреждения и профилактики.

Методология: общенаучный, диалектический метод познания общественных отношений, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-логический метод.

Выводы. В заключении статьи авторы приходят к выводам, что предотвращение случаев заражения ВИЧ в местах заключения — имеет значение для прекращения глобальной пандемии. Необходим масштабный пересмотр всех имеющихся на данный момент средств борьбы, «трезвая» оценка ситуации, анализ, имеющихся правовых норм, дополнительные исследования, а также привлечение и передовой опыт специалистов других областей из зарубежных стран для выработки комплексного подхода к этой серьезной проблеме.

Научная и практическая значимость. Научная и практическая значимость статьи определяется возможностью использования выводов статьи при совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства, при составлении и реализации федеральных и региональных программ содействия исполнению наказаний в отношении осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию, а также при разработке методических рекомендаций по вопросам исполнения наказания совместно с мерами медицинского характера, монографий, учебных пособий, учебников и методических материалов для образовательных организаций, в том числе вузов ФСИН России, при изучении таких дисциплин как «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право», «Криминология» в системе повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: вирус иммунодефицита человека, осужденные, обязательное лечение, ВИЧ-инфекция, пенитенциарные системы, тюрьма, уголовно-исполнительная система, наказание.

Актуальность исследования

Заражение ВИЧ-инфекцией — это глобальная проблема всего человечества, так как согласно статистическим данным почти 36,7 миллионов человек во всем мире живут с этим социально-значимым заболеванием. Количество ВИЧ-инфицированных лиц, более всего поражает масштабами в таких странах как Африка, Нигерия, Кения, Мозамбик, Танзания, Уганда. Так, к югу от Сахары почти каждый 25-й взрослый человек живет с ВИЧ. В Замбии 1,2 млн больных при 14 млн населения, в связи с чем, нет ничего удивительного в том, что среднестатистическая продолжительность жизни

там — 38 лет. Количество больных ВИЧ в Индии превысило отметку 2 млн человек и связано это во много с тем, что традиционное индийское общество довольно закрыто, многие замалчивают проблемы со здоровьем, просветительская работа с молодежью практически не ведется, а говорить о презервативах в школах неэтично. Россия входит в десятку стран мира, где распространение ВИЧ-инфекцией является значительным. Так, за 2019 г. зарегистрировано инфицированных — 1 343 439 человек, из них живет с ВИЧ — 743 тыс. (См.: URL: <https://basetop.ru/top-10-stran-po-kolichestvu-bolnyih-spidom/> (дата обращения: 17.11.2019)).

Однако, еще более серьезная ситуация с заражением ВИЧ-инфекцией обстоит в пенитенциарных учреждениях различных стран, в том числе и России. Так, в большинстве стран мира уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией среди заключенных намного выше, чем среди населения за пределами тюрем. Так, в 2016 г. в Латвии каждый десятый осужденный являлся инфицированным, в Эстонии соответствующий показатель оценивался в диапазоне от 8,8% до 23,9%, в Индонезии — от 4 до 22, в Вьетнаме—28,4, в Бразилии — от 3,2 до 20, Южной Африке — 41,4, Испании — 14, Италии — 13, Казахстане — 2, в США — 1,9%. В ряде случаев масштабы распространения ВИЧ-инфекции в тюрьмах превышают аналогичный показатель для населения в целом почти в пятьдесят раз (См.: URL: <http://www.avert.org/prisoners-hiv-aids.htm> (дата обращения: 14.12.2019)). При этом масштабы заболеваемости в тюрьмах существенно различаются как в пределах отдельных стран, так и при сравнении между ними. Например, в Нью-Йорке ВИЧ-инфицированными являются 7,3% мужчин-заключенных и 14,6% женщин, во Флориде — 3,7 и 7,3% соответственно. В Европе с 2004 по 2015 год количество выявленных случаев заражения ВИЧ-инфекцией увеличилось на 80% — эта цифра возросла с 76 тыс. случаев до 136 тыс. (См.: URL: http://www.who.int/hiv/pub/idu/toolkit_detention_rus.pdf (дата обращения: 7.03.2020)). Кроме того, Европа имеет самый высокий показатель по преобладанию осужденных, употребляющих инъекционные наркотики. Из 3,7 млн осужденных, употребляющих инъекционные наркотики в европейских странах, примерно одна четверть заражена ВИЧ-инфекцией.

Отметим, что в России показатели заражения ВИЧ-инфекцией среди осужденных неуклонно растут. Мы изучили исследование, которое было проведено в Курской области, с целью выявления динамики распространения ВИЧ-инфекции в пенитенциарных учреждениях в период с 2010—2017 г. По данным исследования, на декабрь 2017 г. в местах лишения свободы по Курской области содержалось 235 человек, что в 2 раза больше, чем показатели в 2014 г. При анализе многолетней динамики заболеваемости ВИЧ-инфекцией среди осужденных в исправительных учреждениях по Курской области, рост заболеваемости с 2010 г. года вырос в 4 раза, при этом заболеваемость в следственном изоляторе оказалась намного выше заболеваемости в исправительных колониях. Кроме того, было отмечено, что в 2010 г. были выявлены первые случаи заболевания ВИЧ, среди лиц граждан-

ского сектора, а к 2015 г. эти показатели уже увеличились в 2 раза.

Если говорить о социально-демографической характеристике осужденных, больных ВИЧ-инфекцией, то отметим, что большинство осужденных — это лица мужского пола, по социальному статусу — неработающие (более 60%) и лишь 24,2% состояли в браке, при этом возраст ВИЧ-инфицированных находился в диапазоне от 18 до 54 лет. Высшее образование имели самая многочисленная часть осужденных — всего около 11%. Таким образом, можно сказать, что большая часть больных ВИЧ-инфекцией в местах лишения свободы относится к социально уязвимой группе населения и, соответственно, к группе с повышенным уровнем криминализации, ввиду низкого образовательного и экономического уровня жизни [3, с. 3—5].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что уровень заболеваемости в тюрьмах выше, чем за их стенами, даже в странах, в которых отмечается широкомасштабная эпидемия в результате гомосексуальных половых контактов, как, например, это наблюдается в Африке (См.: *HIV and prisons in sub-Saharan Africa: opportunities for action.* // URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/hiv-and-prisons-in-sub-saharan-africa.html> (дата обращения: 7.03.2020)).

Для понимания и выработки основных методов, форм и способов предотвращения и профилактики заражения ВИЧ-инфекцией в местах лишения свободы, необходимо изучить основные факторы, которые влияют на увеличение числа инфицированных в пенитенциарных системах, а также существующие на сегодняшний день способы диагностики и лечения данной инфекции.

Факторы, влияющие на заражение ВИЧ-инфекцией в пенитенциарных системах различных стран.

Для понимания факторов, влияющих на заражение и распространение ВИЧ-инфекции в местах лишения свободы, нами были изучены зарубежные исследования, посвященные данной проблематике. Так, в странах Восточной Европы и Центральной Азии, одним из факторов заражения является преобладание как вне тюрем, так и в самих тюрьмах инъекционных наркотиков. Несмотря на то, что в любом исправительном учреждении действует система ограничивающих факторов, таких как: требования соблюдения установленных законом правил поведения в исправительных учреждениях, пропускной режим на территорию, специальные мероприятия, проводимые с целью предотвращения поступления

в учреждение запрещенных предметов и др., однако, несмотря на это, заключение может привести к употреблению наркотиков, а достать стерильные инъекционные приборы в условиях изоляции не представляется возможным. В одной из тюрем Швейцарии был проведен эксперимент по обеспечению осужденных, отбывающих наказание за преступление, связанное с оборотом наркотиков, стерильными иглами. В результате данного эксперимента в тюрьме не было зарегистрировано новых случаев ВИЧ-инфицирования, а также наблюдались улучшения в состоянии здоровья осужденных [6; с. 229–234].

Еще один фактор распространения ВИЧ-инфекции – это гомосексуальные контакты. Отметим, что именно такие контакты долгое время являлись основным способом распространения ВИЧ по всей планете, причем в местах лишения свободы такие контакты могут проходить, как по согласию, так и принуждению. По данным исследований, в Таиланде более 25% заключенных имели сексуальные контакты в тюрьме. Высокие показатели характерны для Замбии, Австралии, Англии, Канады, где процент осужденных, которые имели сексуальные отношения в тюрьме от 6 до 12% от общего числа всех осужденных. В таких европейских странах как Швеция, Франция, Нидерланды, согласно данным исследования хотя бы 1% осужденных также вступали в гомосексуальную связь с другими осужденными [1; с. 9–16]. В связи с этим, в тюрьмах целого ряда стран стала активно использоваться практика распространения презервативов, например в таких странах как Канада, Австралия, Бразилия, Южная Африка.

Исследование, проведенное в Мичиганском Университета США, показало, что высокий уровень лишения свободы и длительные сроки играют существенную роль в их сексуальном поведении. Специалистами данного исследования была создана модель, основанная на компьютерном моделировании, которая создает небольшое сообщество, в котором 250 «агентов» или моделирующих людей могут иметь сексуальные отношения. Команда провела симуляцию без тюремного заключения, затем, вновь, отправила «агента» в тюрьму. Данные исследования показали, что мужчины, находясь в заключении, имеют очень большой риск разрыва отношений, так как становятся менее привлекательными в качестве партнеров. Ведущий автор данного исследования – доктор Андрея Кнителль поддерживает утверждение о том, что массовое заключение в тюрьму имеет далеко идущие и серьезные последствия для общественного здравоохранения (См.: URL: <https://ru.nutecsciences.com/cutting-prison-sentences-could-reduce-spread-hiv50175> (дата обращения 21.01.2020)).

com/cutting-prison-sentences-could-reduce-spread-hiv50175 (дата обращения 21.01.2020)).

На наш взгляд, данные факторы, способствующие распространению инфекции в местах заключения, являются определяющими, как для зарубежных государств, так и для России несмотря на то, что в большинстве стран мира, в том числе нашей стране, вступление осужденных в гомосексуальные контакты друг с другом отрицается.

Заражение и распространение ВИЧ-инфекции в местах лишения свободы ставит перед администрацией исправительных учреждений различных пенитенциарных стран большие и непростые задачи, которые связаны не только с недопущением распространения, а также с лечением содержанием таких преступников.

Лечение и содержание в местах заключения ВИЧ-инфицированных: актуальные проблемы

Большинство лиц, попадающих в пенитенциарные учреждения, уже имеют диагноз ВИЧ-инфекция, однако, возможны случаи, когда такое заболевание проходит в бессимптомной форме. В таком случае, осужденный, в первый раз может узнать об имеющемся у него серьезном заболевании, только попадая в места заключения. Подобная осведомленность в местах лишения свободы о заражении неизлечимой болезнью формирует внутреннюю напряженность личности, приводит к появлению страха за дальнейшую жизнь и, как следствие, к неопределенности в действиях и агрессивному восприятию действительности, особенно в условиях изоляции. Это определяет повышенный уровень конфликтности данных осужденных, их сплочение в рамках группировок отрицательной направленности, что может порождать демонстративное нарушение требований режима, попытки шантажа администрации исправительного учреждения заболеванием в целях улучшения своего положения. Таким образом, можно сказать, что категория ВИЧ-инфицированных, является особой, уязвимой группой осужденных, что может существенным образом отражаться на исполнении ими, установленных обязанностей и требований администрации учреждения. В связи с чем на этапе, когда осужденный только попадает в места заключения с данной болезнью или только узнает об имеющемся заболевании, очень важно провести с ним разъяснительную работу об имеющемся заболевании, и об особенностях содержания с данным заболеванием. В нашей стране на этапе приема осужденных в исправительное учреждение, администрация осуществляет прием в соответствии с правилами внутреннего распорядка (далее ПВП). Согласно данному нормативно-правовому

акту после помещения в карантинное отделение, сотрудники различных служб разъясняют осужденному его основные права и обязанности, знакомят под роспись с распорядком дня, проводят инструктаж о мерах пожарной безопасности и др. (п. 9 ПВР ИУ). Однако не стоит забывать, что в отношении осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию, применяется не только наказание, но и лечение, но о каких-либо разъяснениях по поводу осуществляемого лечения в отношении такой категории в ПВР ИУ не сказано, что в последующем может отражаться на отбытии данным осужденным наказания совместно с проводимым лечением. Кроме того, важно отметить, что при приеме в исправительное учреждение осужденных, имеющих такой диагноз, необходимо привлекать не только медицинского работника, а также психолога и врача-психиатра, которые смогли бы разъяснить порядок проведения реабилитации и обязательность выполнения врачебных рекомендаций [2; с. 92].

Следующий вопрос, который на данный момент является дискуссионным — это вопрос обязательного тестирования на ВИЧ-инфекцию в местах лишения свободы. В некоторых странах, таких как США, Канада, Мексика, Молдова, Венгрия лица, попадающие в места лишения свободы, проходят обязательное тестирование на ВИЧ.

В России, обязательное медицинское освидетельствование лиц, находящихся в местах лишения свободы, осуществляется в случаях, предусмотренных законом, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28 февраля 1996 г. № 221 «Об утверждении правил обязательного медицинского освидетельствования лиц, находящихся в местах лишения свободы, на выявление вируса иммунодефицита человека». В соответствии с данным постановлением к таким случаям относятся:

- случаи, когда осужденный желает быть донором крови, плазмы крови, спермы и др.,
- случаи, когда осужденный привлекается к работам, профессиям, где необходимо обязательное медицинское освидетельствование.

С одной стороны, нельзя не отметить значимость обязательного тестирования на ВИЧ для профилактики распространения данной инфекции в массе осужденных, так как многие могут и не знать о заболевании и передать инфекцию другим. Однако, с другой стороны согласно п. 10 Руководящих принципов Всемирной организации здравоохранения, обязательное тестирование на ВИЧ является неэтичным и должно быть запрещено, так как данные действия следует расценивать

как унижающие человеческое достоинство. (См.: *ВИЧ/СПИД в местах заключения: сб. метод. пособий для разработчиков политики, администрации тюрем, тюремного персонала и медико-санитарных работников в местах заключения*. URL:http://www.who.int/hiv/pub/idu/toolkit_detention_rus.pdf (дата обращения: 13.08.2019)).

Кроме того, отметим, еще один аспект, который характерен для мест заключения. Медицинские работники, которые осуществляют обследование на ВИЧ, обязаны сохранять данные сведения в тайне, однако, в условиях изоляции сохранение тайны крайне трудно, так как лицо, у которого выявлена ВИЧ-инфекция, необходимо в обязательном порядке подвергнуть обязательному лечению. Отметим, что такое лечение не осуществляется сокрыто от других осужденных, соответственно у них может возникнуть опасения за свое здоровье, а учитывая и так непростую психологическую обстановку в местах лишения свободы, все это может спровоцировать конфликты и иные противоправные действия со стороны осужденных, которые могут привести как к групповым неповиновениям, так и к более серьезным последствиям, например, массовым беспорядкам.

Лечение осужденных с ВИЧ-инфекцией осуществляется главным образом с помощью специальных антиретровирусных препаратов. При их приеме значительно снижается количество зараженных тел в организме, что затрудняет риск передачи инфекции. С одной стороны осуществлять данную терапию в местах лишения свободы проще, так как осужденные находятся под постоянным наблюдением со стороны администрации и на изолированной территории, однако с другой такое лечение, несомненно, имеет свои особенности. Во-первых, это стоимость антиретровирусной терапии, ценовая политика которой находится в пределах от 60 до 300 тыс. рублей, в зависимости от сложности протекания заболевания (См.: URL: <http://itpcru.org> | 2015 | 11 (дата обращения: 13.08.2019)). В большинстве зарубежных государств предусмотрены медицинские страховки, которые покрывают затраты на антиретровирусную терапию, тогда как в России, все затраты на лечение берет на себя государство, а в странах Африки и Латинской Америки для большинства людей данная терапия вообще является недоступной. Также, согласно изученным исследованиям, были выявлены случаи недостаточного охвата высокоактивной антиретровирусной терапией, что составило всего 29,7% от всех ВИЧ-инфицированных лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России (См.: URL <http://>

www.avert.org/prisoners-hiv-aids.htm (дата обращения: 14.03.2020).

Также отметим, что в нашей стране, согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству осужденные, больные ВИЧ-инфекцией проходят в исправительном учреждении обязательное лечение (ст. 18 УИК РФ). Однако, на сегодняшний день правовая природа обязательного лечения в теории уголовного и уголовно-исполнительного права не определена, что может существенным образом отражаться на практике применения. Одни специалисты проводят аналогию между обязательным лечением (далее – ОЛ) и принудительными мерами медицинского характера (далее ПММХ). [5; с. 113] Отметим, что ПММХ – это институт уголовного права, которому посвящена отдельная глава (гл. 15 УК РФ), и может применяться в отношении осужденных, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости. В свою очередь, регламентацию ОЛ мы находим только в одной статье (ст. 18 УИК РФ), в то время как ОЛ также может назначаться осужденным с психическими расстройствами, например, большим хроническим алкоголизмом и наркоманией. Согласно международной классификации болезней 10-пересмотра алкоголизм и наркомания относятся к классу F – психическим расстройствам и расстройствам поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ. Таким образом, алкоголизм и наркомания, наряду с другими психическими отклонениями относятся к психическим расстройствам, не исключающим вменяемости. Данный правовой момент, во-первых, порождает непонимание правовой природы ОЛ, а во-вторых, возникают и проблемные аспекты практического характера. Так, 89% опрошенных нами респондентов (начальники исправительных учреждений) не видят принципиальной разницы между исполнением ПММХ и ОЛ на практике, но некоторые недостатки ОЛ все-таки отмечают (78% опрошенных респондентов – недостаточность правовой регламентации). Также отметим, еще один правовой аспект, который, на наш взгляд, является дискуссионным. Согласно действующему законодательству ПММХ назначаются судом, в то время как назначение ОЛ в поле правового внимания администрации исправительного учреждения (далее – ИУ), а именно медицинской комиссии ИУ. Вновь, возникает ситуация, когда в одном случае в отношении осужденного с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, лечение назначает суд, а в другом случае – медицинская комиссия ИУ. Прекращение

применения ПММХ соединенной с наказанием производится судом (ч. 4 ст. 104 УК РФ), в то время как прекращение применение ОЛ нигде не регламентировано.

Обязательное лечение ВИЧ-инфицированных, происходит неразрывно с исполнением данным осужденным наказания, а также сочетается с психологической, психотерапевтической и воспитательной работой, которая также имеет свои особенности. Из анализа личных дел осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию можно сделать вывод, что психологическая работа с данной категорией проводится только в рамках реализации базовых типовых программ, воспитательная работа – только путем проведения индивидуальных бесед, что на наш взгляд является недостаточным ввиду особенностей личности данных осужденных и специфики заболевания. В связи с этим очевидна необходимость изучения особенностей личности таких преступников, особенностей их поведения в местах заключения, а также разработка методических рекомендаций для сотрудников различных служб и подразделений при работе с такой категорией.

Дискуссионным остается вопрос, касающийся раздельного содержания ВИЧ осужденных и осужденных, не имеющих данный диагноз. Они специалисты утверждают, что больные такими инфекционными заболеваниями должны содержаться отдельно от здоровых осужденных, так как данное позволит: во-первых, сократить риск заражения ВИЧ-инфекцией других осужденных; во-вторых, позволит решить вопрос соблюдения режимных требований с учетом лечения данной категории осужденных; в-третьих, позволит создать условия обеспечения безопасности осужденных и персонала. (См.: URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/135/30> (дата обращения: 19.03.2020)).

Однако, другие специалисты настаивают об обратном и считают, что подобная сегрегация способствует дискриминации и стигматизации. Так, например, в США в штате Алабама осужденные, больные ВИЧ, носят отличительные знаки на рукавах, в штате Южная Каролина имеется синяя метка на бирке у осужденного. Кроме того, и во время церковной службы осужденные ВИЧ-инфицированные сидят отдельно от здоровых осужденных (См.: *Sentenced to stigma: segregation of HIV-positive prisoners in Alabama And South Carolina*. // URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/health0410webwcover.pdf> (дата обращения: 10.02.2010)).

В России в соответствии с Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ и ч. 2 ст. 101 УИК РФ исключена норма, которая бы пред-

усматривала изолированное содержание ВИЧ-инфицированных от других. Однако с целью недопущения дискриминации и стигматизации ВИЧ-инфицированные содержатся вместе с другими осужденными. Несомненно, с одной стороны, раздельное содержание, больных осужденных, от здоровых будет способствовать профилактике, так как, на наш взгляд, это хорошая возможность не допустить нежелательных контактов среди осужденных, однако с другой стороны из-за подобного отделения, осужденные с ВИЧ, могут почувствовать себя более ущемленными по отношению с другими. Следует сказать, что в настоящее время вопрос раздельного содержания осужденных с ВИЧ от других осужденных, нельзя назвать однозначным.

Предупреждение и профилактика распространения ВИЧ в местах заключения.

В ходе нашего исследования, мы не раз убедились в том, что заражение ВИЧ-инфекцией в местах лишения свободы, имеет более серьезные последствия для общества. Получить ВИЧ-инфекцию в местах лишения свободы, для осужденных не составляет труда и это обусловлено спецификой мест изоляции, а также большими сроками наказания. Кроме того, после освобождения риск заразить других людей данным вирусом остается высоким. В связи с этим на администрацию мест заключения ложится двойная ответственность – это проведение лечения, и, в тоже время недопущение распространения и заражения ВИЧ.

В первую очередь отметим, что на наш взгляд, очень важна работа, проведенная на первом этапе, а именно при приеме осужденного в ИУ, так как, именно этот этап определит и последующие этапы, а также поведенческие детерминанты осужденного. В настоящем момент мы считаем, что этот вопрос в первую очередь не проработан законодательно, так как в ПВР ИУ отсутствует норма, которая регламентировала бы обязательное медицинское консультирование лица, с разъяснением всех врачебных рекомендаций и особенностей, осуществляемого обязательного лечения, а также права и обязанности самого осужденного, относительно его лечения. Кроме того, наблюдается недостаточная регламентация и самого обязательного лечения, которому на данный момент посвящена одна статья, а также не определена его правовая природа в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, что в свою очередь, может отражаться на практике применения данного лечения. Сотрудники, не зная специфики осуществления обязательного лечения, в отношении этой особенной категории

осужденных, не смогут полноценно осуществить и другую работу – оперативную, воспитательную, психологическую. Помимо того, что этот вопрос требует законодательной проработки и более глубокого научного исследования, немаловажно, на наш взгляд, проводить отдельную работу и с самими сотрудниками. Своевременное обучение сотрудников исправительных учреждений правовым, медико-санитарным, психологическим и организационным основам взаимоотношений с данной категорией лиц способно обеспечит должный профессиональный уровень работы с ними, а также уменьшит риск заражения инфекцией и оградит от проявлений агрессии со стороны больных. Предотвращению распространения ВИЧ-инфекции в местах лишения свободы, будет способствовать внедрение новых форм лечения, которые уже прошли апробацию в зарубежных государствах, а также поиск новых методов диагностики, которые не нарушали бы права, законные интересы больных, а также не умаляли бы человеческого достоинства человека. Отметим, также и то, что здравоохранение в местах заключения – это часть общественного здравоохранения, поэтому очень важно совершенствование и самих медицинских служб. По нашему мнению, необходимо больше привлекать разных специалистов в работе с ВИЧ-инфицированными, а именно врачей-психиатров, специализирующихся именно на данных больных. Кроме того, проведение психокоррекционной терапии при приеме осужденного с таким заболеванием, терапии во время приема специальных препаратов, а также психокоррекционной терапии, после освобождения лица из мест заключения, будет способствовать профилактике и предупреждению распространения данного заболевания. Важной составляющей будет являться тесное взаимодействие медицинской службы мест заключения с системами общественного здравоохранения. Так, например, во Франции в 1944 г. функция охраны здоровья заключенных была передана в ведение Министерства здравоохранения, а каждая тюрьма была прикреплена к городской больнице [6, с. 229–234].

Кроме того, отметим, что в зарубежных исследованиях также неоднократно говорится о том, что стратегии профилактики ВИЧ должны включать в себя интеграцию, как нефармакологических (консультирование ВИЧ-инфицированных, в том числе по вопросам сексуального здоровья, индивидуальная работа со стороны служб мест заключения, психологическая и психокоррекционная работа), а также прогрессивных фармакологических подходов. Несколько фармакологи-

ческих стратегий профилактики ВИЧ все шире используются во всем мире и включают в себя профилактику после воздействия, профилактику до воздействия и лечение в качестве профилактики. Эти методы профилактики имеют огромную клиническую и общественную привлекательность, поскольку они эффективно снижают заражение ВИЧ у отдельных лиц, а также могут снизить заболеваемость ВИЧ в местах заключения, если их интегрировать и широко применять [4, с. 90–94].

Разработка мероприятий в местах лишения свободы по борьбе с ВИЧ не может проводиться в отрыве от мероприятий более масштабного характера, так как во многом именно национальная политика играет определяющую роль. Реформирование пенитенциарных систем должно включать в себя работу, направленную на особую, уязвимую категорию осужденных, осужденных,

имеющих неизлечимые заболевания. Оказание содействия таким мерам, как распространение в местах заключения презервативов, дезинфицирующих средств, пересмотр условий содержания осужденных, имеющих заболевания, применяемых в отношении них средств исправления, а также разработка комплексных программ по предотвращению распространения.

Мы считаем, что предотвращение случаев заражения в местах заключения ВИЧ-инфекции имеет значение для прекращения глобальной пандемии. Необходим масштабный пересмотр всех, имеющихся на данный момент средств борьбы, «трезвая» оценка ситуации, анализ, имеющихся правовых норм, дополнительные исследования, а также привлечение и передовой опыт специалистов других областей из зарубежных стран для выработки комплексного подхода к этой серьезной проблеме.

HIV-INFektion

Saddarova Ksenia Olegovna

Die HIV-Infektion ist ein globales Problem für die gesamte Menschheit. Laut Statistik leben weltweit fast 36,7 Millionen Menschen mit dieser sozial bedeutenden Krankheit. In den Ländern wie Afrika, Nigeria, Kenia, Mozambik, Tansania und Uganda ist die Zahl der HIV-Infizierten am auffälligsten. In Afrika südlich der Sahara lebt beispielsweise fast jeder 25. Erwachsene mit HIV. In Sambia leben 1,2 Millionen HIV-Infizierten unter 14 Millionen Einwohnern. Daher ist es nicht verwunderlich, dass die durchschnittliche Lebenserwartung dort 38 Jahre beträgt. Die Zahl der HIV-Infizierten in Indien hat die Zahl von 2-Millionen Menschen überschritten, und dies ist hauptsächlich damit verbunden, dass die traditionelle indische Gesellschaft ziemlich geschlossen ist, viele Menschen schweigen über Gesundheitsprobleme, die Aufklärungsarbeit mit jungen Menschen wird praktisch nicht durchgeführt und es gilt als unethisch, über Kondome in Schulen zu sprechen. Russland gehört zu den 10 Ländern der Welt, wo die Zahl der HIV-Infizierten groß ist. So wurden 2019 1343439 infizierte Personen registriert, von denen 743000 mit HIV leben. [Elektronische Ressource] // <https://basetop.ru/top-10-stran-po-kolichestvu-bolnyih-spitom/> (Datum: 17.11.2019).

Eine noch schwierigere Situation mit einer HIV-Infektion besteht jedoch in den Strafanstalten

verschiedener Länder, einschließlich Russland. In den meisten Ländern der Welt ist also die Inzidenzrate der HIV-Infektion unter Gefangenen viel höher als unter der Bevölkerung außerhalb von Gefängnissen. So wurde 2016 in Lettland jeder zehnte Verurteilte infiziert, in Estland wurde der entsprechende Indikator im Bereich von 8,8 bis 23,9% geschätzt, in Indonesien von 4 bis 22%, in Vietnam – 28,4, in Brasilien – von 3,2 bis 20, in Südafrika – 41,4, in Spanien – 14, in Italien – 13, in Kasachstan – 2, in den USA – 1,9%. In einigen Fällen übersteigt die Ausbreitung der HIV-Infektion in Gefängnissen die der Allgemeinbevölkerung 50-mal. [Elektronische Ressource] // URL: <http://www.avert.org/prisoners-hiv-aids.htm> (Datum: 14.12.2019). Gleichzeitig unterscheiden sich die Inzidenzraten erheblich in Gefängnissen sowohl innerhalb der einzelnen Länder als auch im Vergleich zwischen ihnen. In New York beispielsweise sind 7,3% der männlichen Gefangenen und 14,6% der Frauen HIV-infiziert, in Florida 3,7% und 7,3%. In Europa stieg die Anzahl der erkannten Fälle von HIV-Infektionen von 2004 bis 2015 um 80% – diese Zahl stieg von 76.000 auf 136.000. [Elektronische Ressource] URL: http://www.who.int/hiv/pub/idu/toolkit_detention_rus.pdf (Datum: 7.03.2020)]. Darüber hinaus hat Europa die höchste Prävalenz von Sträflingen, die Drogen injizieren. Beispielsweise, von 3,7 Millionen

injizierenden Drogenkonsumenten in europäischen Ländern ist etwa ein Viertel mit HIV infiziert.

Es ist zu beachten, dass in Russland die HIV-Infektionsraten unter Sträflinge wachsen. Wir haben eine Studie untersucht, die in der Region Kursk durchgeführt wurde, um die Dynamik der Ausbreitung der HIV-Infektion in Strafanstalten im Zeitraum 2010–2017 zu ermitteln.

Laut den Forschungsdaten im Dezember 2017 war die Zahl der Verurteilten in der Region Kursk 235 Menschen, das ist doppelt so hoch als im Jahre 2014.

Bei der Analyse der langfristigen Dynamik der Inzidenz von HIV-Infektionen bei Verurteilten in Justizvollzugsanstalten in der Region Kursk hat die Inzidenz seit 2010 viermal zugenommen, während die Inzidenz im Untersuchungsgefängnis viel höher war als die Inzidenz in Strafkolonien. Darüber hinaus wurde festgestellt, dass 2010 die ersten HIV-Fälle bei Zivilisten festgestellt wurden und sich diese Indikatoren bis 2015 bereits verdoppelt hatten.

Wenn wir über die soziodemografischen Merkmale von Sträflingen mit HIV-Infektion sprechen, stellen wir fest, dass die Mehrheit der Sträflinge Männer sind, die arbeitslos (mehr als 60%) waren und nur 24,2% verheiratet.

Gleichzeitig lag das Alter der HIV-Infizierten zwischen 18 und 54 Jahren. Der kleinste Teil der Verurteilten hatte eine Hochschulausbildung – nur etwa 11%. Somit können wir sagen, dass die meisten HIV-Infizierten in Gefängnissen zu einer sozial schwachen Bevölkerungsgruppe gehören und dementsprechend zu einer Gruppe mit einem erhöhten Kriminalisierungsgrad aufgrund des niedrigen Bildungs- und Wirtschaftsniveaus. [3; von. 3–5]

Diese Statistiken zeigen, dass die Inzidenzrate in Gefängnissen höher ist als draußen, und auch als in den Ländern, in denen aufgrund homosexueller Geschlechtskontakten eine weit verbreitete Epidemie auftritt, wie z.B. in Afrika [*Elektronische Ressource*] // *HIV und Gefängnisse in Afrika südlich der Sahara: Handlungsmöglichkeiten*. URL: <http://www.unodc.org/unodc/de/frontpage/hiv-and-prisons-in-sub-saharan-africa.html> (Datum: 7.03.2020).].

Um die wichtigsten Methoden, Formen und Wege zur Vorbeugung von HIV-Infektionen in Gefängnissen zu entwickeln, müssen die Hauptfaktoren untersucht werden, die die Zunahme der Anzahl infizierter Personen im Strafvollzugssystem beeinflussen, sowie die aktuellen Methoden zur Diagnose und Behandlung dieser Infektion.

In diesem Zusammenhang wurden ausländische Studien zu diesem Thema studiert. In den Ländern Osteuropas und Zentralasiens ist einer der Infektionsfaktoren die Prävalenz der Injektion von

Drogen sowohl außerhalb der Gefängnisse als auch in den Gefängnissen selbst. Trotz der Tatsache, dass es in jeder Justizvollzugsanstalt ein System von einschränkenden Faktoren gibt, wie z. B.: die Einhaltung der gesetzlich festgelegten Verhaltensregeln in Justizvollzugsanstalten, die Zugangskontrolle zum Gefängnisgebiet, besondere Maßnahmen gegen Zugriff verbotener Gegenstände in die Anstalt usw. Aber trotzdem kann das zum Drogenkonsum führen, obwohl es unmöglich ist, sterile Injektionsgeräte zu erhalten. In einem schweizerischen Gefängnis wurde ein Experiment durchgeführt, in dem die Gefangenen, die wegen eines Drogenverbrechens zu einer Haftstrafe verurteilt wurden, mit sterilen Nadeln versorgt waren. Als Ergebnis dieses Experiments wurden im Gefängnis keine neuen Fälle von HIV-Infektionen registriert, und es gab auch eine Verbesserung des Gesundheitszustands von Verurteilten [6; S. 229–234].

Ein weiterer Faktor für die Ausbreitung der HIV-Infektion sind homosexuelle Kontakte. Es ist zu beachten, dass lange Zeit gerade solche Kontakte die Hauptursache für die Verbreitung von HIV auf dem ganzen Planeten waren, und an Haftorten können solche Kontakte sowohl durch Zustimmung als auch durch Zwang stattfinden. In Thailand hatten laut Untersuchungen mehr als 25% der Insassen sexuelle Kontakte im Gefängnis. Hohe Raten sind typisch für Sambia, Australien, England, Kanada, wo der Prozentsatz der Verurteilten, die sexuelle Beziehungen im Gefängnis hatten, von 6 bis 12% der Gesamtzahl aller Verurteilten beträgt. In europäischen Ländern wie Schweden, Frankreich und den Niederlanden hatten nach den Forschungsdaten mindestens 1% der Verurteilten auch homosexuelle Beziehungen zu anderen Verurteilten [1; S. 9–16]. In dieser Hinsicht hat die Praxis der Verteilung von Kondomen in Gefängnissen begonnen, besonders aktiv beispielsweise in solchen Ländern wie Kanada, Australien, Brasilien und Südafrika.

Eine Studie der Universität Michigan in den USA zeigte, dass hohe Inhaftierungsraten und lange Haftstrafen eine wichtige Rolle für das sexuelle Verhalten spielen. Experten in dieser Studie haben ein Computermodell erstellt, das eine kleine Gesellschaft schafft, in der 250 "Agenten" sexuelle Beziehungen haben dürfen. Das Team führte eine Simulation ohne Gefängniszeit durch und schickte den "Agenten" zurück ins Gefängnis. Forschungsdaten haben gezeigt, dass Männer im Gefängnis ein sehr hohes Risiko haben, sich zu trennen, weil sie als Partner weniger attraktiv werden. Der Autor dieser Studie, Dr. Andrey Knittel, behauptet, dass die massenhafte Haft negative Folgen für die öffentliche Gesundheit hat.

Unserer Meinung nach sind diese Faktoren, die zur Ausbreitung von Infektionen in Gefängnissen beitragen, gelten sowohl für ausländische Staaten

als auch für Russland als entscheidend, obwohl homosexuelle Kontakte unter den Verurteilten in den meisten Ländern der Welt verweigert werden.

Die HIV-Infektion in Gefängnissen stellt vor den Justizvollzugsanstalten verschiedener Strafvollzugsländer eine große und schwierige Aufgabe, die nicht nur mit der Verhinderung der Ausbreitung, sondern auch mit der Behandlung solcher Krimineller verbunden sind. So hat die Mehrheit der Menschen, die in Strafanstalten gebracht werden, bereits eine Diagnose einer HIV-Infektion. Es gibt jedoch häufige Fälle, in denen diese Krankheit in asymptomatischer Form verläuft. In dieser Situation erfährt der Verurteilte von seiner schweren Krankheit, als er an Haftanstalten ankommt. Das Bewusstsein von einer unheilbaren Krankheit bildet innere Spannung der Person, führt zur Angst und infolgedessen zur Unsicherheit und zu aggressiver Wahrnehmung der Realität, insbesondere in der Isolation. Dies bestimmt die Zunahme von Konflikten unter den Verurteilten, ihren Wunsch zur Gruppierung, die zu einem Verstoß gegen die Regime führen können, und Versuche, die Verwaltung der Justizvollzugsanstalt mit ihrer Krankheit zu erpressen, um ihre Situation zu verbessern. Also, man kann sagen, dass es sich um eine besondere, gefährdete Gruppe von Verurteilten handelt, die die Erfüllung der festgelegten Pflichten und Anforderungen der Verwaltung der Einrichtung erheblich beeinträchtigen kann.

In diesem Zusammenhang, als die verurteilte Person mit dieser Krankheit an Haftorten landet oder von der Krankheit erfährt, ist es sehr wichtig, mit ihr eine Erklärungsarbeit über die diese Krankheit und über die Besonderheiten der Inhaftierung mit dieser Krankheit durchzuführen. In unserem Land führt die Verwaltung die Aufnahme der Verurteilten gemäß den internen Vorschriften durch, die auf Anordnung des Justizministeriums der Russischen Föderation vom 16. Dezember 2016 Nr. 295 "Über die Genehmigung interner Vorschriften" genehmigt wurden. Nach diesem Rechtsakt erklären Mitarbeiter verschiedener Dienststellen dem Verurteilten seine Grundrechte und -pflichten, machen ihn mit dem Tagesablauf und Brandschutzmaßnahmen vertraut (Punkt 9 des TAP im Gefängnis). Unserer Meinung nach ist es jedoch erwähnenswert, dass in Bezug auf Verurteilte mit HIV-Infektion, wird nicht nur Bestrafung angewendet, sondern auch Behandlung, aber es gibt keine Information über die durchgeführte Behandlung.

Es ist zu beachten, dass bei der Aufnahme von Verurteilten mit solcher Diagnose in eine Justizvollzugsanstalt nicht nur ein medizinischer Mitarbeiter, sondern auch ein Psychologe und ein Psychiater hinzugezogen werden müssen, die das

Verfahren der Rehabilitation und die medizinischen Empfehlungen erläutern können [2; von. 92].

Die nächste Frage, die im Moment umstritten ist, berührt das Thema des obligatorischen Tests auf HIV-Infektion in Gefängnissen. In einigen Ländern wie den USA, Kanada, Mexiko, Moldawien und Ungarn werden Personen, die sich in Gefängnissen befinden, obligatorischen HIV-Tests unterzogen. In Russland wird die obligatorische ärztliche Untersuchung von Personen an Orten mit Freiheitsentzug in gesetzlich festgelegten Fällen gemäß dem Dekret der Regierung der Russischen Föderation vom 28.02.1996 Nr. 221 "Über die Genehmigung der Regeln für die obligatorische medizinische Untersuchung von Personen an Orten mit Freiheitsentzug" durchgeführt". Diese Verordnung umfasst folgende Fälle:

- Fälle, in denen die verurteilte Person Blut, Blutplasma, Sperma usw. spenden möchte;
- Fälle, in denen eine verurteilte Person an der Arbeit beteiligt ist, die eine obligatorische ärztliche Untersuchung erfordert.

Einerseits ist es wichtig, obligatorische HIV-Tests für die Verhinderung der Ausbreitung dieser Infektion unter den Verurteilten zu machen, da viele möglicherweise nichts über die Krankheit wissen und die Infektion auf andere übertragen können. Andererseits sind obligatorische HIV-Tests gemäß Absatz 10 der Richtlinien der Weltgesundheitsorganisation unethisch und sollten verboten werden, da diese Maßnahmen gegen die Menschenwürde angesehen werden können. [Elektronische Ressource] // HIV / AIDS in Gefängnissen: Sammlung von Artikeln. Methode. Handbücher für politische Entscheidungsträger, Gefängnisverwalter, Gefängnispersonal und Gefängnisgesundheitspersonal, URL: http://www.who.int/hiv/pub/idu/toolkit_detention_rus.pdf (13.08.2019).

Außerdem ist es noch einen Aspekt zu nennen, der für Haftanstalten charakteristisch ist. Medizinische Mitarbeiter, die HIV-Tests durchführen, sind verpflichtet, diese Informationen geheim zu halten. Unter Isolationsbedingungen ist die Geheimhaltung jedoch äußerst schwierig, da eine Person, bei der HIV diagnostiziert wurde, einer obligatorischen Behandlung unterzogen werden muss, die im Strafrecht vorgesehen wird (Art. 18 der RF PEC). Es ist zu beachten, dass solche Behandlung vor anderen Verurteilten nicht verborgen durchgeführt wird, deshalb haben sie möglicherweise Angst um ihre Gesundheit. Angesichts der schwierigen psychologischen Situation in Gefängnissen kann dies zu Konflikten und anderen illegalen Handlungen von Verurteilten führen, die zu Gruppenungehorsam führen können, zum Beispiel zu Unruhen.

Die Behandlung von Häftlingen mit HIV-Infektion erfolgt hauptsächlich mit Hilfe spezieller antiretroviraler Medikamente.

Bei ihrer Einnahme wird die Anzahl der infizierten Zellen im Körper erheblich reduziert, was das Risiko einer Ansteckung erschwert. Einerseits ist es einfacher, diese Therapie in Gefängnissen durchzuführen, weil die Verurteilten unter ständiger Aufsicht der Verwaltung und in einem isolierten Gebiet stehen, andererseits hat solche Behandlung zweifellos ihre Besonderheiten. Erstens sind das die Kosten einer antiretroviralen Therapie, deren Preis je nach Komplexität des Krankheitsverlaufs zwischen 60000 und 300000 Rubel liegt. [Elektronische Ressource] // URL: <http://itpcru.org> | 2015 | 11 (Datum: 13.08.2019).

In den meisten Ländern ist eine Krankenversicherung vorgesehen, die die Kosten der antiretroviralen Therapie abdeckt, während in Russland alle Behandlungskosten vom Staat getragen werden. In afrikanischen und lateinamerikanischen Ländern ist diese Therapie für die meisten Menschen nicht verfügbar. Den Studien zufolge wurden auch Fälle einer unzureichenden Abdeckung einer hochaktiven antiretroviralen Therapie identifiziert, die nur 29,7% aller HIV-Infizierten in den Institutionen des Strafsystems Russlands ausmachten. [Elektronische Ressource] // URL [http://www/avert.org/Gefangene-hiv aids.htm](http://www.avert.org/Gefangene-hiv aids.htm) (Datum 14.03.2020).

Es sollte auch beachtet werden, dass der rechtliche Charakter der obligatorischen Behandlung von HIV-infizierten Verurteilten in Russland noch nicht in der Theorie des Strafrechts definiert ist. Einige Experten ziehen daher eine Analogie zwischen der obligatorischen Behandlung und den obligatorischen medizinischen Maßnahmen [5; von. 113]. Es ist zu beachten, dass obligatorische medizinische Maßnahmen zu einem besonderen Kapitel des Strafrechts gehören (Kapitel 15 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation) und für die Verurteilten mit psychischen Störungen angewendet werden kann. Die Regelung der Zwangsbehandlung findet man nur in einem Artikel (Art. 18 des RF-Strafgesetzbuches). Wir stellen auch fest, dass sich gemäß der internationalen Klassifikation der Krankheiten 10-Revision beziehen Alkoholismus und Drogenabhängigkeit auf Klasse F, d.h. psychische und Verhaltensstörungen wegen der Verwendung von psychoaktiven Substanzen.

Auf solche Weise gehören Alkoholismus und Drogenabhängigkeit zusammen mit anderen psychischen Störungen zu den psychischen Störungen, die die geistige Gesundheit nicht ausschließen. Dieser rechtliche Punkt führt zum einen Missverständnis des rechtlichen Charakters der obligatorischen Behandlung, und es entstehen

auch praktische Probleme. So sehen 89% der von uns Befragten (Leiter der Justizvollzugsanstalten) keinen grundsätzlichen Unterschied zwischen der Umsetzung dieser Maßnahmen in der Praxis, stellen jedoch einige Nachteile der obligatorischen Behandlung fest (78% der Befragten nennen Probleme in der gesetzlichen Regelung). Wir beachten noch einen weiteren rechtlichen Aspekt, der unserer Meinung nach umstritten ist. Nach den geltenden Rechtsvorschriften werden obligatorische medizinische Maßnahmen vom Gericht angeordnet, während der obligatorische Behandlungsrezept im Bereich der Justizvollzugsanstalt liegt, nämlich der medizinischen Kommission der Justizvollzugsanstalt. Somit entsteht erneut eine Situation, in der in einem Fall die Behandlung von einem Gericht vorgeschrieben wird und in einem anderen Fall die medizinische Kommission der Justizvollzugsanstalt.

Gleiches gilt für die Beendigung der Anwendung obligatorischer medizinischer Maßnahmen in Verbindung mit der Bestrafung (Artikel 104 Teil 4 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation), während die Beendigung der obligatorischen Behandlung nirgendwo geregelt ist. Die obligatorische Behandlung von HIV-Infizierten in Russland erfolgt untrennbar mit der Bestrafung dieses Verurteilten und ist auch mit psychologischer, psychotherapeutischer und pädagogischer Arbeit verbunden, die auch ihre eigenen Besonderheiten hat. Aus der Analyse der Personalakten von Sträflingen mit HIV-Infektion kann man schließen, dass die psychologische Arbeit mit dieser Kategorie nur im Rahmen der Standardprogramme und der Aufklärungsarbeit durchgeführt wird – nur durch Einzelgespräche, die unserer Meinung nach aufgrund der Persönlichkeitsmerkmale dieser Sträflinge wegen ihrer Krankheit nicht ausreichen. In diesem Zusammenhang ist es notwendig, persönliche Besonderheiten solcher Kriminellen in Haftanstalten zu untersuchen, sowie die methodischen Empfehlungen für Mitarbeiter zu erstellen.

Es gibt immer noch ein kontroverses Problem hinsichtlich der Trennung von Gefangenen mit HIV-Krankheit und Gefangenen, die diese Diagnose nicht haben. Einige Experten argumentieren daher, dass Patienten mit solchen Infektionskrankheiten von gesunden Sträflingen getrennt gehalten werden sollten. Das ermöglicht, erstens das Risiko einer HIV-Infektion für andere Sträflinge zu verringern; zweitens wird es dazu beitragen, das Problem der Einhaltung der Regime-Anforderungen von diesen Verurteilten zu lösen; drittens werden Bedingungen für die Sicherheit von Verurteilten und Personal geschaffen. [Elektronische Ressource]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/135/30> (Datum 19.03.2020).

Andere Experten bestehen jedoch auf dem Gegenteil und glauben dass solche Trennung Diskriminierung und Stigmatisierung fördert.

In den USA im Bundesstaat Alabama beispielsweise tragen Sträflinge mit HIV-Aufklebern auf den Ärmeln, im Bundesstaat South Carolina gibt es eine blaue Markierung eines Verurteilten. Auch sitzen verurteilte HIV-Infizierte während des Gottesdienstes von gesunden Sträflingen getrennt. [Elektronische Ressource] // Zum Stigma verurteilt: Trennung von HIV-positiven Gefangenen in Alabama und South Carolina. URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/health0410webwcover.pdf> (Datum: 10.02.2010).

In Russland gemäß dem Gesetz vom 9. März 2001 Nr. 25-FZ und Teil 2 Artikel 101 des RF-Strafgesetzbuchs ist eine Norm ausgeschlossen, die die Isolierung von HIV-Infizierten von anderen vorsieht. Um Diskriminierung und Stigmatisierung zu verhindern, werden HIV-Infizierte jedoch mit anderen Verurteilten zusammengehalten. Zweifellos wird einerseits die Trennung der kranken von gesunden Sträflingen zur Prävention beitragen, da dies unserer Meinung nach eine gute Gelegenheit ist, unerwünschte Kontakte unter den Sträflingen zu verhindern, andererseits können Sträflinge mit HIV aufgrund einer solchen Trennung sich diskriminierter gegenüber anderen fühlen. Es ist zu bemerken, dass das Problem der Trennung der HIV-Infizierten von anderen Sträflingen derzeit nicht als eindeutig bezeichnet werden kann.

So haben wir im Verlauf unserer Forschung oftmals sichergestellt, dass eine HIV-Infektion in Gefängnissen schwierigere Folgen für die Gesellschaft hat, als man sich vorstellen kann. Die Verurteilten können an Haftorten HIV infiziert werden und dies liegt an den Besonderheiten der Isolationsorte sowie an langen Haftstrafen. Außerdem bleibt das hohe Risiko, nach der Freisetzung andere mit dem Virus zu infizieren. In dieser Hinsicht hat die Verwaltung von Haftanstalten eine doppelte Verantwortung – sie soll die Behandlung gewährleisten und gleichzeitig die Ausbreitung und HIV – Infektion verhindern.

Es ist zu betonen, dass die in der ersten Phase durchgeführte Arbeit sehr wichtig ist, und zwar bei der Aufnahme eines Verurteilten in eine Justizvollzugsanstalt, weil das die Verhaltensdeterminanten des Verurteilten bestimmt. Im Moment glauben wir, dass dieses Problem gesetzlich nicht geregelt wurde, da es in den internen Vorschriften keine Norm gibt, die die obligatorische ärztliche Beratung einer Person mit einer Erläuterung aller medizinischen Empfehlungen und Besonderheiten der obligatorischen Behandlung regeln würde, sowie

die Rechte und Pflichten der verurteilten Person. Es gibt auch eine unzureichende Regulierung der obligatorischen Behandlung, der derzeit nur ein Artikel gewidmet ist. In der Theorie des Straf- und Strafrechts gibt es noch rechtliche Lücken in dieser Frage. Es ist auch zu beachten, dass die Mitarbeiter, die die Besonderheiten der obligatorischen Behandlung dieser Verurteilten nicht kennen, auch pädagogische und psychologische Fehler machen können. Unserer Meinung nach ist es auch wichtig, die Mitarbeiter der Justizvollzugsanstalten rechtzeitig mit den rechtlichen, medizinischen und hygienischen, psychologischen und organisatorischen Besonderheiten bekannt zu machen. Dies kann das professionelle Niveau steigern und das Infektionsrisiko verringern.

Die Einführung neuer Behandlungsformen, die bereits im Ausland getestet wurden, sowie die Suche nach neuen Diagnosemethoden, die die Rechte der Patienten nicht verletzen, werden dazu beitragen, die Ausbreitung der HIV-Infektion in Gefängnissen zu verhindern.

Es sei betont werden, dass die Gesundheitsversorgung in Gefängnissen ein Teil des öffentlichen Gesundheitssystems ist. Daher ist es sehr wichtig, die medizinische Hilfe selbst zu verbessern. Unserer Meinung nach ist es notwendig, mehr verschiedene Fachleute in die Arbeit mit HIV-Infizierten einzubeziehen, nämlich Fach-Psychiater. Außerdem wird die Psycho-Therapie die Ausbreitung dieser Krankheit verhindern. Ein wichtiger Aspekt ist auch eine enge Zusammenarbeit zwischen dem medizinischen Dienst der Gefängnisse und dem öffentlichen Gesundheitssystem. In Frankreich beispielsweise wurde 1944 die Funktion des Gesundheitsschutzes von Gefangenen auf das Gesundheitsministerium übertragen, und jedes Gefängnis wurde zu einem Stadtkrankenhaus angeschlossen [6; von. 229–234].

Es sei auch betont werden, dass ausländische Studien wiederholt über die HIV-Präventionsstrategie sprechen, die die Integration beider nicht-pharmakologischer Aspekte umfassen sollte (Beratung für HIV-Infizierte, einschließlich zu Fragen der sexuellen Gesundheit, individuelle Arbeit seitens der Gefängnisdienste, psychologische und psychokorrigierende Arbeit) sowie fortschrittliche pharmakologische Ansätze. Weltweit werden zunehmend verschiedene pharmakologische Strategien zur HIV-Prävention eingesetzt, darunter Postexpositionsprophylaxe, Präexpositionsprophylaxe und prophylaktische Behandlung. Diese Präventionsmethoden haben große klinische und soziale Attraktivität, da sie die HIV-Infektion bei Einzelpersonen wirksam reduzieren und auch die Morbidität verringern können, wenn sie integriert und weit verbreitet werden. [4; von. 90–94].

Die Entwicklung von HIV-Interventionen in Gefängnissen kann nicht isoliert von Ereignissen größerer Art durchgeführt werden, da in vielen Fällen die nationale Politik eine entscheidende Rolle spielt. Die Reform der Strafvollzugssysteme sollte auf eine spezielle Kategorie von Verurteilten mit unheilbaren Krankheiten gezielt werden: Unterstützung bei Maßnahmen wie die Verteilung von Kondomen und Desinfektionsmitteln an Haftorten, die Veränderung der Haftbedingungen für Gefangene mit Krankheiten, die Entwicklung umfassender Programme zur Verhinderung der Infektion.

Wir glauben, dass die Verhinderung einer HIV-Infektion in Gefängnissen eine große Bedeutung hat, um die globale Pandemie zu beenden. Man soll die derzeit verfügbaren Kampfmittel revidieren. Besonders erforderlich ist auch folgendes: eine "nüchterne" Einschätzung der Situation, eine Analyse bestehender Rechtsnormen, zusätzliche Forschungsarbeiten sowie der Erfahrungsaustausch von Fachleuten aus verschiedenen Ländern, um einen integrierten Ansatz für dieses ernste Problem zu entwickeln.

Литература

1. Адылин Д.М. Общественная опасность преступности осужденных, связанной с заражением ВИЧ-инфекцией в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2019. №4 (35). С. 9–16.
2. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. М., 1987. – 227 с.
3. Белоконова Л.В., Коломиец В.М. Метаморфоз ВИЧ-инфекции в условиях пенитенциарной системы // Центральный научный вестник. 2019. №3. С. 3–5.
4. Иванов А.Н., Троценко О.Е. ВИЧ-инфекция в местах лишения свободы как один из индикаторов эпидемии // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. 2010. №17. С. 90–94.
5. Спасенников Б.А. Невменяемость в уголовном праве: монография / Б. А. Спасенников, С. Б. Спасенников. М., 2013. – 256 с.
6. Теохаров А.К., Жайворонок А.В. ВИЧ-обстановка в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1–3). №3. С. 229–234.

References

1. Adylin D.M. Obshhestvennaya opasnost' prestupnosti osuzhdennyh, svyazannoy s zarazheniem VICH-infekciej v mestah lisheniya svobody [The public danger of convicted crime related to HIV infection in prisons]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal [Bulletin of the Samara Law Institute: scientific and practical journal]*, 2019, no. 4 (35), pp. 9–16. (In Russian, abstract in English)
2. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Prestupnost' i psikhicheskie anomalii [Crime and mental abnormalities]. Moscow, 1987. 227 p. (In Russian)
3. Belokonova I.V., Kolomiets V.M. Metamorfoz VICH-infektsii v usloviyakh penitentsiarnoi sistemy [Metamorphoses of hiv infection in a prison system]. *Sentral'nyi nauchnyi vestnik [Central Scientific Bulletin]*, 2019, no. 3, pp. 3–5. (In Russian, abstract in English)
4. Ivanov A.N., Trotsenko O.E. VICH-infektsiya v mestakh lisheniya svobody kak odin iz indikatorov epidemii [HIV infection in prisons as one of the indicators of the epidemic]. *Dal'nevostochnyi zhurnal infektsionnoi patologii [Far Eastern journal of infectious pathology]*, 2010, no. 17, pp. 90–94. (In Russian, abstract in English)
5. Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Nevmenyayemost v ugovnomprave: monografija [Insanity in criminal law: monograph]. Moscow, 2013. 256 p. (In Russian)
6. Teokharov A.K., Zhaivoronok A.V. VICH-obstanovka v penienciarnyh uchrezhdeniyah zarubezhnyh stran [Hiv situation in foreign countries prisons]. *Mezhdunarodnyi penienciarnyi zhurnal [International penitentiary journal]*, 2017, vol. 3 (1–3), no. 3, pp. 229–234 (In Russian, abstract in English)

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Крупкин Павел Романович,
Журкова Полина Александровна

Цель: рассмотреть вопросы, касающиеся борьбы с преступлениями, совершаемыми в интернет-пространстве, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция к увеличению количества преступлений подобного рода. Авторам приводятся статистические данные и предлагаются пути совершенствования законодательства и правоохранительной деятельности в части противодействия данным общественно-опасным деяниям.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод

Выводы. Киберпреступления являются новым вызовом для государства. С каждым годом количество подобных деяний неуклонно возрастает. Однако раскрываемость киберпреступлений остается на крайне низком уровне. Это обусловлено:

1. несовершенством законодательства, в частности, отсутствует понятие «вредоносная программа», не предусмотрена ответственность за сетевые атаки;
2. отсутствием классификатора вредоносных программ на «вирусы», «трояны», «черви» и др.;
3. отсутствие технического образования у лиц, ведущих расследование киберпреступлений.

Научная и практическая значимость: изучение опыта зарубежных стран в части противодействия киберпреступлениям, на наш взгляд, поможет усовершенствовать и актуализировать законодательные акты для того, чтобы бороться с интернет-преступниками наиболее эффективными способами.

Ключевые слова: киберпреступления, фишинг, тайпсквоттинг, киберугрозы.

В настоящее время в связи с активным развитием ИТ-технологий, увеличивается количество киберпреступлений. Название «киберпреступление» (интернет-преступление) произошло от англ. cybercrime, самыми распространенными из которых являются: фишинг, интернет-вымогательство, нарушения авторских прав, кража персональных данных и др. Ущерб от таких преступлений уже исчисляется миллиардами долларов.

Жертвами киберпреступников становятся не только физические и юридические лица, но и целые государства. При этом безопасность тысяч пользователей может оказаться в зависимости от нескольких преступников. Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет

пропорционально числу пользователей компьютерных сетей [1, с. 45].

Значительное количество сетевых преступлений имеет своей целью посягательство не на отношения в сфере безопасного использования компьютерного оборудования, а на другие объекты уголовно-правовой охраны, чаще всего на право собственности или на основы конституционного строя и безопасности государства.

По сравнению с другими категориями преступлений, преступления, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», имеют свои характерные черты. Так можно выделить следующие особенности киберпреступлений:

- транграничный характер;
- анонимность;

использование различных вредоносных программ и иных средств;
общедоступность сети «Интернет»;
дистанционность.

Совершая киберпреступления, преступники имеют определенные цели. Такими целями могут быть:

вывод из строя оборудования и программного обеспечения;

незаконное получение доступа к различным видам охраняемых тайн;

незаконное финансовое обогащение;

похищение, изменение или уничтожение различного рода информации;

получение несанкционированного контроля над различными устройствами.

По данным Генеральной прокуратуры РФ за январь – сентябрь 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации было зарегистрировано 205 116 (+69,2%) преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, предварительно расследовано – 48 260 (+51,6%) (См.: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1541224/> (дата обращения 04.10.2019)).

К сожалению, Главный информационно-аналитический центр МВД России не ведет учет по отдельным преступлениям, совершенных с использованием вредоносных программ и программно-технических средств, а выделяемые в них статистические сведения о преступлениях в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) нельзя использовать в оценке реального состояния киберпреступности.

Многие эксперты отмечают, что главным каналом, через который распространяются различные киберугрозы выступает фишинг. Фишинг – совокупность различных методов по получению конфиденциальной информации пользователя (персональные данные, PIN-коды, мобильные номера и т.д.). Наиболее распространенным видом фишинга является рассылка электронных писем, содержащих ссылки на фишинговые сайты. Фишинговые сайты, зачастую идентичны официальному сайту той или иной организации, основное отличие заключается в ином доменном имени поддельного сайта. Целью преступников является завладение персональными данными пользователя.

Распространенным видом подобного преступления является мошенничество с полисами ОСАГО. Согласно статистике Российского союза страховщиков, более 50% договоров ОСАГО

составляют онлайн-полисы (См.: URL: https://life.ru/t/экономика/1176395/onlain-afiera_kak_nie_potieriat_dienghi_na_osagho (дата обращения 04.10.2019)). Пользователь при оформлении полиса может попасть на фишинговый сайт, не заметив обмана (зачастую фишинговые сайты в точности копируют дизайн настоящего), пользователь вводит свои персональные данные и переводя на счет преступников денежные средства, а также предоставляя, при этом доступ к своим данным. После совершения транзакции мошенники либо отправляют пользователю фальшивые полисы ОСАГО, либо попросту исчезают. В итоге, пользователь остается и без полиса, и без денег.

Бороться с такими сайтами довольно проблематично, поскольку преступников найти практически невозможно. Отличить фишинговые сайты от настоящих можно при внимательном изучении доменного имени.

Весьма схожим видом мошенничества является тайпсквоттинг. Порой, такие сайты отличаются 1 символом от подлинного. Подобные сайты могут содержать вредоносный контент, либо навязчивую рекламу. Поэтому пользователям необходимо быть особенно внимательными при наборе имени того или иного сайта.

К сожалению, раскрываемость подобных преступлений находится на крайне низком уровне. Ряд экспертов отмечает, что подобные цифры связаны в первую очередь с несовершенством уголовного закона. Например, статья 273 УК РФ предусматривает санкции за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Однако, термин «вредоносная программа» в российском законодательстве отсутствует. Поэтому применение данной статьи вызывает множество споров. По мнению заместителя руководителя Лаборатории компьютерной криминалистики Group-IB Сергея Никитина: «Имеющихся “компьютерных” статей мало, они сложны и запутанны для понимания как участников судебного процесса, так и сотрудников правоохранительных органов» (См.: URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya> (дата обращения 04.10.2019)).

Еще одним фактором, который негативно влияет на раскрываемость киберпреступлений, является большой промежуток времени, необходимый для проведения расследования, поскольку:

1) требует от работников правоохранительных органов необходимых знаний в сфере IT-технологий;

2) проведение большого количества оперативно-розыскных мероприятий, например, взаимодействовать с различными структурами, такими как: Бюро специальных технических мероприятий, банковскими организациями по поводу движения денежных средств потерпевшего и т.д. Адвокат Саркис Дарбинян полагает, что зачастую следственные органы пытаются скинуть с себя подобные дела и отказать в возбуждении, чтобы еще одно дело не портило показатели по раскрываемости (См.: URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya> (дата обращения 04.10.2019)).

Бурный рост киберпреступности привел к тому, что в УМВД многих субъектов Российской Федерации наряду с дежурными постоянно действуют специализированные следственно-оперативные группы по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием вредоносных программ и программно-технических устройств. Но даже такие меры не способны сдержать рост киберпреступности. В лучшем случае они позволяют своевременно выявить, принять к учету и задокументировать совершенные преступления. Их предупредительный эффект минимален, так как они оказывают воздействие не на причины, а на последствия киберпреступности. В связи с этим приходится фиксировать ситуацию, при которой степень активизации усилий правоохранительных органов, предпринимаемых в борьбе с киберпреступностью, прямо пропорциональна темпам ее роста. Но заметной результативности в деятельности правоохранительных органов в этом направлении не наблюдается. Киберпреступность продолжает увеличиваться в своем объеме и на фоне постоянной трансформации механизмов использования вредоносных программ принимает угрожающие масштабы [2, с. 44].

С 1 января 2018 г. в РФ вступил в силу Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Закон определил понятия «безопасность критической информационной инфраструктуры»; «компьютерная атака»; «компьютерный инцидент», закрепил принципы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры. Весьма интересным, на наш взгляд, является понятие «компьютерной атаки». Компьютерная атака – целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия

таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации. Мы считаем, что данное понятие необходимо применять не только к объектам критической информационной инфраструктуры, а применительно ко всем объектам.

В США первый законопроект, устанавливающий уголовную ответственность за преступления в сфере информационных технологий, был разработан в 1977 году. На основе данного Акта был принят закон о мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров (Computer Fraud and Abuse Act, CFAA). В уголовном законодательстве предусмотрены следующие составы киберпреступлений:

- компьютерный шпионаж;
- несанкционированный доступ к информации;
- компьютерное мошенничество; умышленное или по неосторожности повреждение защищенных компьютеров;
- угрозы, вымогательство, шантаж.

В Германии в Уголовном Кодексе используется термин «Daten», определение которого дается в статье 202 УК: «...это данные, которые сохранены или передаются электронным, магнитным или иным, непосредственно визуально не воспринимаемым способом, т.е. компьютерные данные.»

Уголовный Кодекс ФРГ устанавливает ответственность за

- DNS-атаки (компьютерный саботаж) и создание вредоносных программ.

- распространение порнографии изображений насилия, нанесение оскорблений, в том числе кибербуллинг;

- компьютерное мошенничество
- атаки программного и аппаратного обеспечения (включая хищение (компьютерной информации)).

Анализируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что снизить количество преступлений, совершаемых в интернет-пространстве можно предприняв несколько шагов:

- внести изменения в Уголовный Кодекс РФ, направленные на актуализацию законодательства в целях противодействия современным киберпреступлениям;

- обратить внимание на зарубежный опыт, так, во многих странах следователи по киберпреступлениям имеют не только юридическое, но и техническое образование;

- активизировать работу по просвещению населения, касаясь безопасной работы в интернет-пространстве;

использовать при работе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» современное антивирусное программное обеспечение.

усилить уголовно-правовое противодействие кибертерроризму в информационно-телекоммуникационной сфере, а также вывести на новый

уровень методы противодействия киберпреступникам.

использовать технологии Больших данных и искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов.

Литература

1. *Номоконов В.А., Тропина Т.Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2012. № 1(24). С. 45–55.
2. *Чекунов И.Г., Шумов Р.Н.* Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // *Российский следователь.* 2016. № 10. С. 44–47.

References

1. *Nomokonov V.A., Tropina T.L.* Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 2012, no. 1(24), pp. 45–55. (In Russian, abstract in English)
2. *Chekunov I.G., Shumov R.N.* Sovremennoe sostoyanie kiberprestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [Modern condition of cybercrime in the Russian Federation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2016, no. 10, pp. 44–47. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борукаева Лана Алиевна – студентка 4-го курса, Институт частного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: l.borukaeva@mail.ru

Грачева Юлия Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: uvgracheva@mail.ru

Гребеньков Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета. E-mail: grebenkov@gmail.com

Данилов Кирилл Владимирович – студент Псковского государственного университета. E-mail: kirilldanilov2000@gmail.com

Емелькина Яна Васильевна – студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: jemelkina@mail.ru

Ефимова Дарья Петровна – студентка Юридического института Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032181528@pfug.ru

Журкова Полина Александровна – студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: polina.zhurkova@mail.ru

Зарубина Кристина Александровна – аспирант Юго-Западного государственного университета. E-mail: kris1996z@mail.ru

Иванова Любовь Геннадьевна – студентка Псковского государственного университета, института права, экономики и управления, направления «Юриспруденция». E-mail: lubasundrik@gmail.com

Крупкин Павел Романович – студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: krupkinpavel@mail.ru

Кузнецов Андрей Юрьевич – магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник-исследователь НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: andkuzn@inbox.ru

Лепина Татьяна Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права ЮЗГУ. E-mail: lepina2813@mail.ru

Локтионова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета. E-mail: loktionovaea@mail.ru

Мазулина Софья Александровна – студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: samazulina@edu.hse.ru

Маликов Сергей Владимирович – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Мустафазаде Ровшан Шахин оглы – магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gomamustafaev1997@mail.ru

Назаренко Геннадий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета. E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Немашкалова Дарья Юрьевна – студентка Юридического института Российского университета дружбы народов. E-mail: remd2011@mail.ru

Полстовалов Олег Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, начальник Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

Полубинская Светлана Вениаминовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Института государства и права РАН. E-mail: svepol@yandex.ru

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук. E-mail: trednikova@yandex.ru

Саддарова Ксения Олеговна – аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета. E-mail: saddarova.ksenia@yandex.ru

Тарькин Владимир Константинович – доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Федоров Никита Ильич – студент 4-го курса, Институт частного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: allahodamnse@mail.ru

Чиненов Евгений Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. E-mail: chinenovvg@yandex.ru

Чучаев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: mokshal@rambler.ru

Шахбазов Рамиз Физулиевич – преподаватель кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Шевелева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета. E-mail: decan46@yandex.ru

Щукин Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. E-mail: schukin56@yandex.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Borukaeva Lana Alievna – Studentin des 4. Studienjahr am Institut für Privatrecht der Moskauer Juristischen Kutafin-Universität (MSAL). E-mail: l.borukaeva@mail.ru

Chinenov Evgeny Vladimirovich – Kandidat der Wirtschaftswissenschaften, Associate Professor, Lehrstuhlleiter für Forensik an der Belgorod I.D. Putilin-Rechtsinstitute des Innenministeriums der Russischen Föderation. E-mail: chinenovevg@yandex.ru

Chuchaev Alexandr Ivanovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie). E-mail: mokshal@rambler.ru

Danilov Kirill Vladimirovich – Student an der Pskower Staatlichen Universität. E-mail: kirilldanilov2000@gmail.com

Efimova Daria Petrovna – Studentin am Jura-Institut an der Russischen Universität der Völkerfreundschaft. E-mail: 1032181528@pfur.ru

Emelkina Yana Vasilievna – Studentin der Fakultät für Recht an der Forschungsuniversität “Higher school of economics”. E-mail: jemelkina@mail.ru

Fedorov Nikita Ilyich – Student des 4. Studienjahr am Institut für Privatrecht der Moskauer Juristischen Kutafin-Universität (MSAL). E-mail: allahodamnce@mail.ru

Gracheva Yulia Viktorovna – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie). E-mail: uvgracheva@mail.ru

Grebekov Alexander Alexandrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: grebekov@gmail.com

Ivanova Lyubov Gennadievna – Studentin der Rechtswissenschaften am Institut für Recht, Wirtschaft und Management der Pskower Staatlichen Universität

Krupkin Pavel Romanovich – Student am Institut für Staatsanwaltschaft der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie). E-mail: krupkinpavel@mail.ru

Kuznetsov Andrey Yuryevich – Masterstudent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Juristischen Fakultät der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität, Forscher am Forschungs- und Bildungszentrum “Strafrechtliche Expertise” der Juristischen Fakultät der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität. E-mail: andkuzn@inbox.ru

Lepina Tatyana Gennadyevna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dozentin, am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: lepina2813@mail.ru

Loktionova Elena Alexandrovna – Kandidatin der historischen Wissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: loktionovaea@mail.ru

Malikov Sergey Vladimirovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie). E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Mazulina Sofja Aleksandrovna – Studentin von der Fakultät für Recht an der Forschungsuniversität “Higher school of economics”. E-mail: samazulina@edu.hse.ru

Mustafazade Rovshan Shahin ogly – Masterstudent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Juristischen Fakultät der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität. E-mail: romamustafaev1997@mail.ru

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Nemashkalova Daria Yuryevna – Studentin am Jura-Institut an der Russischen Universität der Völkerfreundschaft. E-Mail: remd2011@mail.ru

Polstovalov Oleg Vladimirovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Kriminalistik des Instituts für Recht der Baschkirischen Staatlichen Universität, Leiter der Abteilung für den Staatlichen Schutz des Kulturerbes der Republik Baschkortostan. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna – kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Strafrecht, Strafverfahren und Kriminologie am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften. E-mail: svepol@yandex.ru

Rednikova Tatiana Vladimirovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften. E-mail: trednikova@yandex.ru

Saddarova Ksenia Olegovna – Doktorand an der Abteilung für Strafverfolgung, Strafrecht und Strafprozess der Pskower Staatlichen Universität. E-mail: saddarova.ksenia@yandex.ru

Shahbazov Ramiz Fizulievich – Lektor am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Shchukin Vladimir Ivanovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Forensik an der Belgorod I.D. Putilin-Rechtsinstitute des Innenministeriums der Russischen Föderation. E-mail: schukin56@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Dekan der Juristischen Fakultät an der Süd-West-Universität. E-mail: decan46@yandex.ru

Tarykin Vladimir Konstantinovich – Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Süd-West-Universität. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Zarubina Kristina Alexandrovna – Aspirantin an der Süd-West-Universität. E-mail: kris1996z@mail.ru

Zhurkova Polina Alexandrovna – Student am Institut für Staatsanwaltschaft der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie). E-mail: polina.zhurkova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Borukaeva Lana Alievna – Year 4 Student at the Institute of Private Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: l.borukaeva@mail.ru

Chinenov Evgeny Vladimirovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminalistics at I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: chinenovevg@yandex.ru

Chuchaev Alexandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: mokshal@rambler.ru

Danilov Kirill Vladimirovich – Student at Pskov State University. E-mail: kirilldanilov2000@gmail.com

Efimova Daria Petrovna – Student at the Law Institute of the People’s Friendship University of Russia. E-mail: 1032181528@pfur.ru

Emelkina Yana Vasilievna – Student at the Law Faculty of the National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: jemelkina@mail.ru

Fedorov Nikita Ilyich – Year 4 Student at the Institute of Private Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: allahodamnce@mail.ru

Gracheva Yulia Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: uvgracheva@mail.ru

Grebenkov Alexander Alexandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at the Southwest State University. E-mail: grebenkov@gmail.com

Ivanova Lyubov Gennadiyevna – Student of Law at the Institute of Law, Economics and Management of Pskov State University. E-mail: lubasundrik@gmail.com

Krupkin Pavel Romanovich – Student at the Institute of Public Prosecution of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: krupkinpavel@mail.ru

Kuznetsov Andrey Yuryevich – Master Student at the Chair of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law faculty of Moscow State Lomonosov-University, Researcher at the Scientific and Educational Centre “Criminal-Legal Examination” of the Faculty of Law of Moscow State Lomonosov-University. E-mail: andkuzn@inbox.ru

Lepina Tatyana Gennadyevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at the Southwest State University. E-mail: lepina2813@mail.ru

Loktionova Elena Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at the Southwestern State University. E-mail: loktionovaea@mail.ru

Malikov Sergey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Mazulina Sofya Aleksandrovna – Student at the Law Faculty of the National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: samazulina@edu.hse.ru

Mustafazade Rovshan Shahin ogly – Master Student at the Chair of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law faculty of Moscow State Lomonosov-University. E-mail: romamustafaev1997@mail.ru

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law at the Southwest State University. E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Nemashkalova Daria Yuryevna – Student at Law Institute of the People’s Friendship University of Russia. E-mail: remd2011@mail.ru

Polstovalov Oleg Vladimirovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics at the Institute of Law of Bashkir State University, Head of the Department for State Protection of Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminology Department at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svepol@yandex.ru

Rednikova Tatiana Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. E-mail: trednikova@yandex.ru

Saddarova Ksenia Olegovna – Postgraduate Student at the Chair of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure of Pskov State University. E-mail: saddarova.ksenia@yandex.ru

Shahbazov Ramiz Fizulievich – Lecturer of the Chair of Criminal Law at the Southwest State University. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Shchukin Vladimir Ivanovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics at I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: schukin56@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law at the South-West State University. E-mail: decan46@yandex.ru

Tarykin Vladimir Konstantinovich – Associate Professor of the Chair of Criminal Law at the Southwest State University. E-mail: kafedracrim@mail.ru

Zarubina Kristina Alexandrovna – Graduate Student at the Southwest State University. E-mail: degterevand@rambler.ru

Zhurkova Polina Alexandrovna – Student at the Institute of Public Prosecution of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: polina.zhurkova@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Der Neurolügendetektor

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna

Ziel: eine allgemeine Beschreibung der Haupttypen des Neurolügendetektors zu geben; die Hauptrichtungen wissenschaftlicher Diskussionen zu theoretischen und praktischen Problemen bei der Verwendung der Ergebnisse der Neurodetektion von Lügen in der Rechtspraxis zu präsentieren, die auf der Grundlage der Analyse ausländischer wissenschaftlicher Literatur basieren. Eine allgemeine Beschreibung der Positionen der Gerichte des Auslandes in Bezug auf die Zulässigkeit von Beweismitteln zu geben, die mit dem Neurolügendetektor beschafft wurden.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommt der Autor zu dem Schluss, dass die kontroverse Natur der theoretischen Konzepte, die der Neurolügendetektor zugrunde liegen, und die Mehrdeutigkeit der in empirischen Studien erzielten Ergebnisse die Zulässigkeit der mit solchen Techniken erhaltenen Beweise verhindern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor macht auf die kontroverse Natur der Neurodetektion von Lügen in der ausländischen Literatur sowie auf die Zuverlässigkeit der mit ihrer Hilfe erzielten Ergebnisse aufmerksam. Basierend auf der Analyse der wissenschaftlichen Literatur werden konzeptionelle Fehler der Schöpfer des Neurodetektors gezeigt, die die Komplexität und Vernetzung des menschlichen Gehirns und die Unfähigkeit, menschliche Handlungen in einem bestimmten Bereich des Gehirns zu lokalisieren, nicht berücksichtigen. Die Ergebnisse empirischer Studien sind ebenfalls sehr zweideutig. Ihr Design weist schwerwiegende Einschränkungen auf, die es nicht erlauben, den Neurolügendetektor für den Einsatz in echten Rechtsstreitigkeiten zu empfehlen. Die Kontroverse über die Methodik der Neurodetektion von Lügen, die unzureichende Anerkennung bestehender Techniken und die mangelnde allgemeine Anerkennung in der wissenschaftlichen Gemeinschaft machen die Beweise, die mit dem Neurolügendetektor erhalten wurden, der die Zulassungskriterien nicht erfüllt, die gesetzlich festgelegt und in der Rechtspraxis des Auslandes übernommen wurden.

Stichwörter: Neurowissenschaften, menschliches Gehirn, Elektroenzephalographie, funktionelle Magnetresonanztomographie, Neurolügendetektor, Lüge, Täuschung, Gedächtnis, Gericht, Strafverfahren, Beweise, Zulässigkeit von Beweisen, Expertenaussagen, Expertenmeinungen.

Die Struktur der ökologischen Kriminalität in der Russischen Föderation und die Richtungen ihrer Prävention

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Ziel: die Ursachen von Umweltkonflikten, die Struktur der Umweltverbrechen in der Russischen Föderation, sowie die Gründe für die Begehung von Umweltverbrechen und mögliche Richtungen ihrer Prävention zu analysieren.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Abzug, Analyse.

Schlussfolgerungen. Eine der wichtigsten Aufgaben der Entwicklung der juristischen Wissenschaft ist die Bildung der gesetzlichen Regelung aller Seiten des gesellschaftlichen Lebens durch die Schaffung eines Systems der Gesetzgebung, das es erlauben würde, auftretende Konflikte in der Gesellschaft, einschließlich ökologische und rechtliche, am effektivsten beizulegen, sondern auch die Bedingungen für die Verhinderung ihres Auftretens zu schaffen. Doch weder die Gesellschaft noch die sozialen Gruppen noch ganze Staaten zeigen immer noch ihre Bereitschaft, die meisten Umweltkonflikte zu verhüten und zu lösen. Die Umweltkriminalität ist eine der extremen Formen der Manifestation ökologischer Konflikte in der Gesellschaft. Umweltverbrechen stellen eine echte Bedrohung für die Sicherheit des Landes dar, verletzen das verfassungsmäßige Recht seiner Bürger auf eine gesunde Umwelt, haben negative Auswirkungen auf den Zustand der Natur und die Gesundheit der Bevölkerung unseres Landes. Die Schaffung eines effektiven Systems zur Prävention von Umweltverbrechen im Land sollte Teil der Maßnahmen zur Umsetzung der staatlichen Politik im Bereich des Umweltschutzes sein. Abhängig von der Kategorie der Subjekte, die Umweltvergehen im Allgemeinen und Umweltverbrechen als ihre sozial gefährlichste Art begehen, können die ergriffenen vorbeugenden Maßnahmen in den verwendeten Methoden und Mitteln erheblich variieren. Motive der Umweltverbrechen, die von einzelnen

Bürgern begangen werden, unterscheiden sich deutlich von den Motiven für ihre Begehung von den organisierten kriminellen Gruppen, sowie von den Motiven der Umweltverbrechen, die im Laufe der Tätigkeit von Beamten der Wirtschaftssubjekte begangen werden. Die Analyse der Statistiken über Umweltverbrechen in der Russischen Föderation begangen ergab, dass die überwiegende Zahl von ihnen fällt auf kriminelle Übergriffe auf Waldressourcen (Art. 260, 261 des Strafgesetzbuches) und Objekte der Tierwelt (Art. 256–258.1 des Strafgesetzbuches). Neben der Attraktivität dieser natürlichen Ressourcen für organisierte kriminelle Banden sind sie auch ein Gegenstand von kriminellen Übergriffen gewöhnlicher Bürger, die zur Befriedigung ihrer Bedürfnisse begangen werden.

Zu den Hauptursachen der Begehung von ökologischen Verbrechen kann man unterscheiden: der niedrige Lebensstandard der Bevölkerung in den Regionen mit reichen natürlichen Ressourcen, das niedrige Niveau der ökologischen Kultur der Bevölkerung, die unzureichende Information der Bürger über den Inhalt der Vorschriften und Verbote, die im Bereich des Umweltschutzes handeln. Eine wichtige Rolle bei der Prävention von Umweltverbrechen spielen die Normen der Straf- und Verwaltungsgesetzgebung sowie die Schaffung von Bedingungen für das legitime ökologische Verhalten der Bürger. Die Prävention von Straftaten, die von Bürgern begangen werden, sollte nach den folgenden Hauptrichtungen aufgebaut werden: a) Ermittlung und Beseitigung der Ursachen und Bedingungen ihrer Begehung auf der allgemeinen, getrennten und individuellen Ebene; b) allgemeine präventive Wirkung; c) besondere Maßnahmen; d) regionale präventive Wirkung unter Berücksichtigung der Besonderheiten der wirtschaftlichen Entwicklung und der Verfügbarkeit bestimmter Arten von natürlichen Ressourcen, die ein Gegenstand krimineller Übergriffe sind; e) Entwicklung des Systems der ökologischen Bildung und Aufklärung; e) individuelle Erziehungsarbeit.

Dabei ist die Abschnürung der Vertriebskanäle illegal extrahierten natürlichen Ressourcen, einschließlich grenzüberschreitenden, eine der wirksamsten Maßnahmen zur Verhinderung der organisierten ökologischen Kriminalität.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der Studie besteht in der Ausarbeitung von Empfehlungen zur Bekämpfung von Umweltverbrechen abhängig von den Ursachen ihrer Begehung.

Stichwörter: Ursachen von Verbrechen, natürliche Ressourcen, Verbrechen, organisierte Kriminalität, internationale Zusammenarbeit, Umweltverbrechen, Umweltschutz, Umweltverbrechen, Konflikte

Einzelne Aspekte der kriminalistischen Sicherstellung der Rationalisierung der Rechtsprechung im Zeitalter der Digitalisierung

Polstovalov Oleg Vladimirovich

Ziel: eine vielfältige Charakterisierung des Problems der Digitalisierung der Rechtsprechung als Triebkraft der kriminalistischen und rechtlichen Rationalisierung der Bemühungen zur Erreichung deren Hauptzwecks – der Wiedergutmachung für die Opfer der Rechtsverletzung; organisatorische, rechtliche sowie kriminalistische Aspekte der Digitalisierung der Rechtsprechung im Lichte sowohl der positiven, als auch der negativen Trends in der zeitgenössischen Praxis aufzuweisen.

Methodologie: dialektische Methode, System- und Strukturanalyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, interdisziplinärer Ansatz.

Schlussfolgerungen. Die Digitalisierung als objektive und unvermeidliche Realität bringt mit sich sowohl neue Möglichkeiten zur Optimierung des Gerichtsverfahrens, als auch neue Herausforderungen, die die äußerste Aufmerksamkeit der Forscher verdienen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor macht darauf aufmerksam, dass die im Großen und Ganzen auf die Verminderung der anzuwendenden Kräfte und Mittel zur Erzielung eines sozialnützlichen Resultats gerichtete Digitalisierung verwandelt sich im Falle deren Fehlinterpretation durch unredliche Prozeßbeteiligte unter Mangel an ausreichenden rechtlichen Garantien in eine primitive Vulgarisierung, die den Aufgaben der Rechtsprechung unabhängig von ihrer Branche direkt entgegengesetzt ist. Angeführt werden dabei aktuelle Fakten, konkrete Beispiele und typologische Merkmale der wichtigsten Anwendungsbereiche der Digitalisierung bezüglich der Feststellung des Sachverhalts. Die Optimierung einzelner Verfahren zu deren Beschleunigung und zur Verringerung der Möglichkeiten eines Rechtsmißbrauchs durch die Digitalisierung der Rechtsprechung ist vom Autor als organisatorische, politisch-rechtliche und kriminalistische Komponenten typisiert. Der Autor begründet im Zusammenhang mit dem Digitalisierungsproblem die Notwendigkeit, das kriminalistische Wissen universeller und in Bezug auf den Gegenstand eindeutig und unabhängig von der Branchenzugehörigkeit eines jeden Rechtsverfahrens zu machen.

Stichwörter: Digitalisierung der Rechtsprechung, kriminalistische Rationalisierung, Optimierung von Verfahren, Universalität der Kriminalistik.

Die Organisation der Planung der Untersuchung von Wirtschaftsverbrechen im Schienenverkehr

Chinenov Evgeny Vladimirovich, Shchukin Vladimir Ivanovich

Ziel: die Besonderheiten der Organisation der Planung, der Nominierung und der Überprüfung der Versionen bei der Untersuchung der Verbrechen im Bereich der Wirtschaft, die im Schienenverkehr begangen werden, aufzudecken; die existierenden Probleme und die Wege ihrer Lösung aufzuzeigen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Abzug, formell-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die Planung der Untersuchung von Wirtschaftsverbrechen im Schienenverkehr ermöglicht die am besten geeignete und gezielte Organisation der Arbeit an einem Strafverfahren, fördert die Schnelligkeit, Objektivität, Vollständigkeit und Allseitigkeit bei der Festlegung der tatsächlichen Umstände des Ereignisses, sowie die Suche nach dem Täter und seine Aufdeckung. Es besteht in einer rechtzeitigen Bestimmung der Aufgaben der Untersuchung, dem Aufbau der Versionen, der Entwicklung von Möglichkeiten und Methoden ihrer Überprüfung und auch in der möglichst breiten Nutzung der wissenschaftlich-technischen Mittel und der am besten geeigneten taktischen Techniken. Die Planung der Untersuchung bestimmt, welche Ermittlungsmaßnahmen und operativ-Suchmaßnahmen und in welcher Reihenfolge durchgeführt werden müssen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt in der Möglichkeit seiner Verwendung für den Aufbau von privaten forensischen Methoden zur Untersuchung von Verbrechen bestimmter Arten und Gruppen.

Stichwörter: Untersuchung von Straftaten, Schienenverkehr, Strafverfahren, Planung, Konstruktion von Versionen, Ermittlungen, Wirtschaftskriminalität, aktuelle Daten, Einleitung eines Strafverfahrens, Untersuchungsplan.

Strafprozessrechtliche Gründe für die Befreiung von der Strafe im Lichte der Ökonomisierung der Tarifpolitik des Staates

Sheveleva Svetlana Viktorovna

Ziel: die Gründe für die Befreiung von der Strafe oder für den Strafaufschub, die ausschließlich von der strafrechtlich-prozessualen Gesetzgebung geregelt, zu bestimmen. Die Möglichkeiten der Verbesserung der Rechtsanwendungspraxis vorzuschlagen, um die Zwangsressourcen des Staates zu schützen.

Methodologie: verwendet theoretische (Analyse, Abzug, Modellierung), empirische und bibliometrische Methoden. Die Methode der Inhaltsanalyse der wissenschaftlichen Publikationen und der Gerichtspraxis sowie die Korrelationsanalyse bei der Untersuchung der gerichtlichen Statistik wurde verwendet, um die rein verfahrensgrundlagen der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit zu identifizieren.

Schlussfolgerungen. Die strafprozessrechtlichen Gründe für Befreiung von der Strafe werden in rehabilitierend und nicht-rehabilitierend unterteilt. Die Liste der rehabilitierenden Gründe ist in der kriminellen Verfahrensgesetzgebung verankert, so dass auf der konzeptionellen Ebene keine besonderen Probleme verursacht. Eine erschöpfende Liste von nicht-rehabilitierenden Gründe für Befreiung von der Strafe ist im Gesetz nicht vorgesehen. Die meisten dieser Gründe sind im Strafgesetzbuch (vor allem in Kapitel 12 "Befreiung von der Strafe") verankert, aber bestimmte Arten haben ausschließlich strafprozessuelle Natur. Es wird festgestellt, dass die Strafprozessordnung in Bezug auf die Befestigung solcher Gründe äußerst inkonsistent ist, in einigen Fällen widersprüchlich. Als Ergebnis werden konkrete Gründe definiert, die keine rechtliche Verankerung in den Normen des materiellen Rechts haben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung auf der doktrinalen Ebene werden die strafprozessrechtlichen Gründe für Befreiung von der Strafe aufgedeckt und wissenschaftlich fundierte Vorschläge zur Verbesserung der Qualität des Straf- und Strafverfahrensgesetzes zur Fortsetzung des Humanisierungskurses und damit zur Ökonomisierung der strafrechtlichen Beziehungen vorgelegt.

Stichwörter: Ökonomisierung, Humanisierung, Befreiung von der Strafe, Rehabilitation, Anklage.

Die Doktrin der Schuldunfähigkeit: der Aspekt der Fehleranalyse

Nazarenko Gennady Vasilyevich

Ziel: der vorgeschlagene Artikel zielt darauf ab, Fehler in der Studie über die Schuldunfähigkeit zu beseitigen, die eine Reihe von doktrinalen Missverständnissen bilden.

Methodologie: die Methodologie dieser Forschung beruht auf der dialektischen Logik, der Methode der gesetzgebenden und textologischen Interpretation und den bewährten Instrumentalmethoden der Analyse der doktrinalen und gesetzgebenden Texte.

Schlussfolgerungen. Der Fehleranalyse-Aspekt der Schuldunfähigkeit ist in der wissenschaftlichen Literatur nicht ausreichend reflektiert. Er ist daher eine vielversprechende Richtung der strafrechtlichen Forschung, die eine theoretische und angewandte Bedeutung hat.

Die Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Diese Studie bietet die Möglichkeit, typische Fehler, die in der Doktrin der Schuldunfähigkeit auftreten, zu untersuchen und sie zu beseitigen mithilfe der Umsetzung der Vorschriften nach Artikel 21, Artikel 20, Teil 3 und Artikel 81, Teil 1 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Stichwörter: Schuldunfähigkeit, Exkulpation, Arten von Schuldunfähigkeit, Kriterienanzahl, Kriterienart, Fehler, Missverständnisse.

Zur Stärkung der Maßnahmen zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit für rechtswidrige Handlungen im Zusammenhang mit der Verwendung elektronischer digitaler Signaturen

Grebenkov Alexander Alexandrovich

Ziel: die Mängel der russischen strafrechtlichen und anderen Rechtsvorschriften zur Verhinderung illegaler Handlungen mithilfe einer elektronischen Signatur zu untersuchen. Verbesserungsmaßnahmen ihrer Standards vorzuschlagen.

Methodologie: systemstrukturelle, formal-logische und andere wissenschaftliche Methoden. Um Bedrohungen für die Öffentlichkeitsarbeit im Zusammenhang mit dem Einsatz von einer qualifizierten elektronischen Signatur (QES) zu identifizieren, wurden die Methode der Inhaltsanalyse von Medienpublikationen und der Rechtspraxis sowie die Fallstudienmethode verwendet.

Schlussfolgerungen. In der modernen russischen Praxis gibt es Fälle von illegaler Ausstellung und Verwendung der Mittel der QES für illegale Tätigkeiten mit Immobilien, Aktionen der Registrierung juristischer Personen, die später als Briefkastenfirmen für Bareinlösungs- und Geldwäscheoperationen, sowie für betrügerische Transaktionen und Steuerhinterziehung verwendet werden.

Die gesetzgebenden Körperschaften ergreifen Maßnahmen, um illegale Aktivitäten im Zusammenhang mit der Verwendung elektronischer Signaturen zu verhindern. Ohne deren strafrechtliche Verantwortlichkeit für Verstöße ist es jedoch unmöglich, über deren Wirksamkeit zu sprechen.

In Anbetracht dessen wird vorgeschlagen, die Normen, die die Kriminalität und Bestrafung folgender Handlungen vorsehen, in das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation aufzunehmen: "Nichterfüllung oder nichtgehörige Erfüllung ihrer Verpflichtungen durch eine Arbeitsgruppe eines akkreditierten Zertifizierungszentrums"; "Erstellung und Ausstellung von elektronischen Signaturmitteln für die Täter durch eine Arbeitsgruppe eines akkreditierten Zertifizierungszentrums"; "Erhalt zur Verwendung oder Verwendung elektronischer Signatur durch den Täter".

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung besteht aus der Analyse der bestehenden kriminellen Situation, der Untersuchung typischer Arten von Angriffen mit elektronischen digitalen Signaturen. Die Bedeutung besteht auch daraus, die mögliche Verbesserung des Strafrechts, die einen ausreichenden Schutz der Öffentlichkeitsarbeit im Kontext papierloser Arbeitsabläufe gewährleisten, vorzuschlagen.

Stichwörter: elektronischer Arbeitsablauf, digitale Verwaltung, elektronische Signatur, Betrug, Diebstahl, Geldwäsche, Briefkastenfirmen, Zertifizierungszentren.

"Die Begehung eines Verbrechens zum ersten Mal" als Bedingung der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung mit der Verhängung einer Geldstrafe

Lepina Tatyana Gennadyevna

Ziel: das Forschungsthema: das Zeichen der "Begehung eines Verbrechens zum ersten Mal" als Bedingung der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung mit der Verhängung einer Geldstrafe. Es gibt keinen einheitlichen Ansatz für die Interpretation dieses Zeichens unter Forschern und Strafverfolgungsbehörden. Der Zweck der Arbeit ist es, die Bedeutung des Zeichens in Artikel 76^c des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ("Die Begehung eines Verbrechens zum ersten Mal") zu bestimmen.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche und private wissenschaftliche Methoden: Analyse, Synthese, strukturell-logische Methode, statistische und andere Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis.

Schlussfolgerungen. Die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung von Personen, gegen die bereits einen Strafprozess oder eine Strafverfolgung aus nicht rehabilitativen Gründen eingestellt wurde, scheint im Widerspruch zu dem Grundsatz der Gerechtigkeit. Eine zuvor von der strafrechtlichen Verantwortung befreite Person hat bereits einen Verstoß gegen das Strafrecht begangen. Deshalb hat er nicht zum ersten Mal ein Verbrechen begangen. Bei der Entscheidung, eine Person von der strafrechtlichen Verantwortung nach Artikel 76^c des Strafgesetzbuches zu befreien, muss das Gericht Informationen über die Begehung eines früheren Verbrechens berücksichtigen. Es wird

vom Hauptinformations- und Analysezentrum des Innenministeriums Russlands und ihren Strukturabteilungen bereitgestellt. Es kann unter der Bedingung erfolgen, dass die strafrechtliche Verjährung gemäß Artikel 78 des Strafgesetzbuches nicht abgelaufen ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Wir glauben, dass es ratsam ist, die Befreiung einer Person von der strafrechtlichen Verantwortung gemäß Artikel 75–76² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu annullieren (vorausgesetzt, dass die strafrechtliche Verjährung nicht abgelaufen ist), wenn es gegen sie eine in Kraft getretene Verurteilung gibt. In diesem Fall müssen der Strafprozess und die Strafverfolgung wiederaufgenommen werden.

Stichwörter: Geldstrafe, Begehung des Verbrechens zum ersten Mal, Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung.

Zur Frage der Übertragung des russischen Bundesgefängnisdienstes (FSIN) auf das Innenministerium der Russischen Föderation

Tarykin Vladimir Konstantinovich, Shahbazov Ramiz Fizulievich

Ziel: um die möglichen Folgen der Einbeziehung des russischen Bundesgefängnisdienstes (FSIN Russlands) in das Ministerium für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (MIA Russlands) auf der Grundlage der aktuellen Argumente und statistischen Daten zu erklären.

Methodologie: Analyse, Abstraktion, Synthese, Abzug und Induktion.

Schlussfolgerungen. die Frage der Übertragung des FSIN Russlands auf das MIA Russlands sollte der Schwerpunkt einer breiten Diskussion der Öffentlichkeit sein, nach der eine fundierte Entscheidung getroffen werden kann, die die Situation der Mitarbeiter und der Verurteilten vollständig widerspiegelt. Danach wird sich die Einstellung der Gesellschaft zu Strafeinrichtungen ändern. Daher wird der Grad ihrer Attraktivität für jene hochqualifizierten Spezialisten steigen, die erwägen, in diesen Einrichtungen in den Dienst einzutreten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Studie vermeidet die negativen Folgen der Einbeziehung des FSIN Russlands in das MIA Russlands, insbesondere Amtsmissbrauch.

Stichwörter: Innenministerium, Bundesgefängnisdienst Strafverfolgungsbehörden, operativ-Suchaktivitäten, Untersuchungshaft, Strafverfolgung, Verurteilte, Freiheitsstrafe, Russische Föderation, Stellenkompetenz.

Kriminologische Komponente der Bürotätigkeit der Beamten des Strafvollzugssystems

Loktionova Elena Alexandrovna

Ziel: die Fragen im Zusammenhang mit dem Fehlverhalten der Beamten des Strafvollzugssystems zu berücksichtigen. Die Straftat im Zusammenhang mit und nicht im Zusammenhang mit der Erfüllung amtlicher Aufgaben zu analysieren, um Faktoren zu untersuchen, die die wirksame Erfüllung der offiziellen Verpflichtungen des Personals des Strafvollzugssystems verhindern.

Methodologie. Neben den allgemeinen wissenschaftlichen Forschungsmethoden wurden offizielle Informationen im Internet analysiert, einschließlich Statistiken. Insbesondere wurde es dazu getan, um empirisches Material zu sammeln. Die Beamten der Strafanstalten wurden nach der Methode anonymer Fragebögen und Interviews befragt.

Schlussfolgerungen. Es wird vorgeschlagen, die Grenzen der kriminologischen Strafvollzugsforschungen zu erweitern. Das Ziel ist, die Forschungsergebnisse in den Verbesserungsprozess der bestehenden Formen und Methoden der Zusammenarbeit mit den Beamten der Strafanstalten im Bereich der Bildung des gesetzestreuem Verhaltens einzuführen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die aktuellen Informationen können in der Studie des Kurses “Die strafrechtliche Kriminologie” sowie bei der Entwicklung von Maßnahmen zur Verhinderung des Fehlverhaltens von Beamten des Strafvollzugssystems verwendet werden.

Stichwörter: Straf-Exekutivsystem, Strafvollzugskrim, Beamter, Dienst, Gefängnisstrafbarkeit, Amtskriminalität, Amtsdizziplin, Straftat, Prävention, professionelle Deformation.

Die Bildung der Berufskriminalität in Russland in der vorrevolutionären Periode

Zarubina Kristina Alexandrovna

Ziel: die wichtigsten Trends in der Entwicklung der Berufskriminalität in Russland in der vorrevolutionären Periode, Faktoren, die die Bildung der “Kaste” der Berufsverbrecher determinieren, zu bestimmen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Abzug, formell-rechtliche Methode, systemische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Berufskriminalität in Russland in der vorrevolutionären Periode entwickelte sich besonders aktiv. Die Bildung der "Kaste der Fachleute" erfolgte unter spezifischen sozioökonomischen, politischen und kulturellen Bedingungen, die sich von den westeuropäischen unterschieden. Die Entwicklung der professionellen Kriminalität war durch schwere sozialwirtschaftliche Lage der Bevölkerung bestimmt aufgrund der langfristigen Orientierung der Staatswirtschaft auf die Landwirtschaft, der Existenz der Leibeigenschaft, der Existenz der repressiven (und nicht korrektiven) strafrechtlichen Staatspolitik etc. Die berufskriminelle Tätigkeit, als kriminologisches Phänomen, hat ihre chronologische Entwicklung. Die erste Etappe (bis zum 19. Jahrhundert) kann als "preprofessional" definiert werden. Dann wurden die Zeichen des kriminellen Professionalismus deutlicher, in Verbindung mit dem "Kasten" von kriminellen Fachleuten als monolithische und zusammenhängende Struktur gebildet. Die kriminelle Tätigkeit wurde auch sozial gefährlicher.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Studie entwickelt und spezifiziert die Theorie des Strafrechts und der Kriminologie. In diesem Zusammenhang erscheint die Analyse der Entwicklung der Berufskriminalität in Russland nützlich sowohl für die weiteren wissenschaftlichen theoretischen Untersuchungen als auch für die Ausarbeitung von Empfehlungen zur Bekämpfung der berufskriminellen Tätigkeit in der gegenwärtigen Phase der Entwicklung des Staates.

Stichwörter: Berufsverbrechen, Zeichen der kriminellen Professionalität, Pferdediebstahl, Taschendiebstahl, kriminelle Tätigkeiten, krimineller Profi.

Die russische Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminologen: Wissenschaftler, Ideen und deren Umsetzung. Der Anfang des Weges, Ursachen der Gruppenbildung, allgemeine Merkmale (Artikel eins)

Chuchayev Alexandr Ivanovich, Gracheva Yulia Viktorovna, Malikov Sergey Vladimirovich

Ziel: die Geschichte der Bildung der Russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten zu verfolgen; historische Porträts der Hauptakteure zu präsentieren, die im 19. Jahrhundert an der Organisation und der Funktionsweise verschiedener Verbände auf dem Gebiet des Strafrechts und der Kriminologie in Russland und im Ausland beteiligt waren; die Struktur der russischen Gruppe, die Prinzipien der Organisation ihrer Aktivitäten zu charakterisieren, die wichtigsten Themen, die entwickelt wurden, zu skizzieren.

Methodologie: Analyse, Synthese, historische, rechtsvergleichende Methoden, Inhaltsanalyse, dialektische, systemische Methoden, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Entstehung der Russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten war ein natürliches Ergebnis davon, dass Mitte des 19. Jahrhunderts der Prozess der Interaktion von Wissenschaftlern aus verschiedenen Ländern auf dem Gebiet der Kriminologie und des Strafrechts begann. Die hohe Autorität russischer Wissenschaftler, die bedeutende Größe der Gruppe und die Notwendigkeit, lokale kriminologische Probleme zu untersuchen, bestimmten die Zuweisung einer unabhängigen nationalen Gruppe innerhalb des Internationalen Verbandes. Die russische Gruppe bestand von 1897 bis 1914 für fünfzehn Jahre. In dieser Zeit wurden zehn Kongresse abgehalten, auf deren Strafrechtliche Probleme diskutiert wurden, die bis heute relevant sind: Bewährung; Einführung der Institution der Schirmherrschaft; Auswirkungen des Alkoholismus auf die Kriminalität; über das gerichtliche Ermessen; über religiöse und staatliche Verbrechen usw. Die russische Gruppe hinterließ ein riesiges wissenschaftliches Erbe, das von Zeitgenossen noch verstanden werden muss.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autoren präsentierten zum ersten Mal die Geschichte der Russischen Gruppe des Internationalen Verbandes der Kriminalisten; auf der Grundlage historischer Dokumente werden ihre Struktur, ihre Tätigkeitsgrundsätze sowie die von ihr berücksichtigten Hauptthemen charakterisiert. All dies ermöglicht uns, die historischen Ursprünge der Interaktion von Kriminologen aus verschiedenen Ländern zu bestimmen, um die wissenschaftliche und kreative Kontinuität des modernen Verbandes der Kriminologen und Kriminologen mit der Russischen Gruppe des modernen Verbandes der Kriminalisten herzustellen.

Stichwörter: Internationaler Verband der Kriminalisten; Russische Gruppe; internationale Zusammenarbeit; Verband der Kriminalisten und Kriminologen; Geschichte der Zusammenarbeit.

Verursacht Gesundheitsschäden aufgrund der nachlässigen Haltung eines Mediziners zur Erfüllung seiner beruflichen Pflichten (Normensystem nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation)

Borukaeva Lana Aliевна, Fedorov Nikita Ilyich

Ziel: der Relevanz dieses Themas wird durch die erschreckende Dynamik von medizinischen Verbrechen, die erhöhte Anzahl von Beschwerden über schlechte medizinische Versorgung erklärt. Häufige Fälle von Strafverfolgung gegen Ärzte haben eine Vielzahl von Faktoren. Die wichtigsten sind jedoch die folgenden:

1) Inkompetenz von medizinischen Fachkräften, offensichtliche Verletzung von Berufsstandards, Vernachlässigung ihrer Amtspflichten;

2) Angst vor Ärzten, sogar ein angemessenes Risiko einzugehen, da jedes ungünstige Ergebnis vor Gericht gestellt werden könne. Manchmal werden objektive Gründe (wie schlechte technische Ausstattung von medizinischen Einrichtungen oder physiologische Merkmale des Patienten usw.) zu einem Hindernis bei der richtigen Entscheidung des Spezialisten, was negative Auswirkungen auf den Patienten oder seine Verwandten mit sich bringt, die in einem Gerichtsverfahren auslaufen. Es fällt der Verwandten des Patienten viel leichter, die ganze Schuld auf den Arzt zu übertragen, als den Verlust eines Geliebten zu akzeptieren.

Das Ziel dieser Forschungsarbeit ist es, die Systeme der Normen nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation für die Verletzung der Gesundheit aufgrund der nachlässigen Haltung des Arztes zur Erfüllung seiner beruflichen Pflichten zu betrachten.

Methodologie: forschungsmethoden werden durch das Studium und die Analyse der wissenschaftlichen Literatur, das Studium und die Verallgemeinerung der forensischen Praxis, die Analyse und Synthese sowie der Vergleich ausgedrückt.

Schlussfolgerungen. Alle betrachteten Strukturen sind als materiell konstruiert, was natürlich die Feststellung eines Kausalzusammenhangs zwischen einer von einem Gesundheitspersonal begangenen unrechtmäßigen Handlung und ihren tatsächlichen sozial gefährlichen Folgen impliziert. Wenn die Folgen (auch in Form von Tod des Patienten) kommen aufgrund der direkten Auswirkungen auf den Zustand des Patienten plötzlich fremde Faktoren, die den Beginn der medizinischen Fachkräfte nicht vorhersehen konnte, dann trotz seiner nachlässigen oder frivolen Haltung gegenüber der Ausübung der beruflichen Aufgaben, Objektiv in der Lage, als Folge bestimmter Handlungen (Untätigkeit) führen zu Gesundheitsschäden oder zum Tod des Patienten, erlaubt es das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation nicht, den Arzt vor Gericht zu ziehen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung dieses Themas wird durch die erschreckende Dynamik von medizinischen Verbrechen, die erhöhte Anzahl von Beschwerden über schlechte medizinische Versorgung erklärt. Das Problem der Straftaten im Bereich der Medizin hat Experten im Strafrecht immer interessiert, weil es eine praktische Bedeutung hat, die im Gesundheitsschutz ausgedrückt wird.

Stichwörter: strafrechtliche Bestrafung, Arzt, Patient, medizinische Versorgung, Gesundheitsschäden, Begleiterkrankungen, Haftung, fahrlässige Haltung, medizinische Straftat, berufliche Pflichten.

Ansteckung mit HIV-Infektion, Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation

Danilov Kirill Vladimirovich

Ziel: Untersuchung dieses sozio-rechtlichen Phänomens und Bewertung der Präventionsmaßnahmen.

Methodologie: logische, systemische, axiologische, statistische, synergetische, rechtsvergleichende Methoden, Methode der spezifischen soziologischen Forschung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor bewertet die Wirksamkeit der Präventionsmaßnahmen für diese Art der betrachteten Straftat und die Methoden zur Lösung des gestellten Problems.

Schlussfolgerungen. Der Artikel belegt, dass der Anstieg der Zahl der HIV-Infizierten durch die hohe Latenz dieses sozio-rechtlichen Phänomens verursacht wird. Die Zunahme der Infizierten ist jedoch in hohem Maße vom Mangel an vom Gesundheitsministerium gekauften Medikamenten betroffen. Dies wiederum wird durch die fehlende Finanzierung beeinflusst. Dem modernen System zur Verhütung von Straftaten gegen sexuelle Freiheit und Unverletzlichkeit Minderjähriger fehlen wirksame Mittel zur Verhütung und Aufdeckung dieser Straftaten.

Stichwort: HIV-Infektion, Infektionsgefahr, Qualifikationsprobleme, Disposition, lange Inkubationszeit, normativ festgelegte Fehler, AIDS, Strafverfolgungsbehörden.

Objektive Anzeichen der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen

Efimova Daria Petrovna

Ziel: die Besonderheiten von Artikel 124 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation zu berücksichtigen, um Handlungen entsprechend der Charaktereigenschaft und dem Grad der Gesellschaftsgefährlichkeit richtig zu klassifizieren. Aufbauend auf der Analyse die Sondernorm der Gesetzgebung ist es notwendig, objektive Zeichen der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen zu offenbaren. Es ist anzustreben, die in der Disposition von Art. 124 des Strafgesetzbuches angegebenen Konzepte zu charakterisieren, ihre Rechtsabhängigkeit zu erklären und Lücken der gesetzlichen Regulierung zu identifizieren.

Methodologie: gesamtwissenschaftliche (Analyse, Synthese, Systematisierung) und privat-wissenschaftliche (formell-rechtliche, rechtsvergleichende) Methoden.

Schlussfolgerungen. Die Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen gehört zur Gruppe der Verbrechen gegen das Leben und die Gesundheit. Das Fehlen eines direkten Hinweises im Strafgesetzbuch auf die Charakterisierung der Einzelmerkmale der objektiven Seite berechtigt eine vielfältige Auslegung und unberechtigte Qualifikation. In diesem Zusammenhang kommen wir zu dem Schluss, dass der Begriff "medizinische Versorgung" in die Disposition eingeführt und konkretisiert werden muss.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel bildet die Auslegung der theoretischen Bestimmungen von den Einzelmerkmalen der objektiven Seite der kriminellen Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen.

Stichwörter: Strafrecht, russisches Strafgesetzbuch, Straftat, Verbrechen, Objektives Anzeichen, Unterlassung von den medizinischen Hilfeleistungen, Beschaffenheit der Hilfe, Erste-Hilfe-Maßnahmen, medizinische Hilfe, Untätigkeit, Patient.

Ansteckung mit HIV-Infektion, Artikel 122 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation

Ivanova Lyubov Gennadijevna

Ziel: der Gesetzgebung der Mongolei und Russlands zu vergleichen, um der Ausbreitung der HIV-Infektion entgegenzuwirken und um eine mögliche Verfeinerung der russischen Gesetzgebung vorzuschlagen.

Methodologie: logische, systemische, statistische, rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Der Artikel vergleicht die Statistiken der HIV-Infektionen in der Mongolei und Russland, die zeigen, dass in der Mongolei, basierend auf den getroffenen Maßnahmen, gibt es einen Rückgang der Zahl der infizierten Menschen. Dieser positive Trend steht in direktem Zusammenhang mit der aktuellen Strafgesetzgebung der Mongolei und der Gesetzgebung, die bis 2013 in Kraft war. Gegenwärtig enthält das Strafrecht der Mongolei zwei Straftaten wegen HIV-Infektion: die Vermeidung der Behandlung von HIV-Infektion (Artikel 104 des Strafgesetzbuches der Mongolei) und die Infizierung andere Menschen mit HIV (Artikel 105 des Strafgesetzbuches der Mongolei). In Russland ist man strafrechtlich für die Infizierung andere Menschen mit HIV verantwortlich, aber es besteht keine Haftung für die Vermeidung der Behandlung. Es wird als notwendig erachtet, diese Verantwortung in das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation aufzunehmen, da dies Neuinfektionen verhindert, auch die Anzahl der HIV-infizierten Personen verringert und möglicherweise die Sterblichkeitsrate durch HIV-Infektionen verringert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autorin vergleicht rechtliche Erfahrungen, die Wirksamkeit von Maßnahmen zur Verhütung der betrachteten Art von Straftaten und schlägt auch mögliche Optionen zur Verbesserung des russischen Strafrechts vor.

Stichwörter: HIV-Infektion, AIDS, Prävention, Verbrechensgegenstand, subjektive Seite des Verbrechens, Infektion, Vermeidung von Behandlung, epidemiologische Situation, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Immunschwäche.

Strafrechtliche Einschätzung der Sterbehilfe in Russland

Kuznetsov Andrey Yuryevich, Mustafazade Rovshan Shahin ogly

Ziel: die neuesten Methoden der Lebenserhaltung bieten die Möglichkeit, den Rest des Lebens von Patienten zu verlängern, die an unheilbaren Krankheiten leiden. Vor dem medizinischen Personal steht die Aufgabe, solche Patienten mit allen notwendigen Bedingungen für eine menschenwürdige Betreuung aus dem Leben zu versorgen. Zur gleichen Zeit wird die volle Erfüllung dieser Aufgabe oft durch viele Faktoren behindert – unzureichende Finanzierung von medizinischen Einrichtungen, Inkompetenz des medizinischen Personals, Mangel an Schmerzmitteln usw. Diese Faktoren führen dazu, dass ein großer Teil der inkurablen Patienten die medizinische Versorgung ablehnt, da sie nicht zur Linderung ihres körperlichen und moralischen Leidens beiträgt, das durch die Krankheit verursacht wird. Und weil das Ausmaß solcher Leiden manchmal ein kritisches Niveau erreicht, begehen einige dieser Patienten Selbstmord. Andere Patienten verwenden Sterbehilfe oder führen Selbstmord mit ärztlicher Unterstützung durch, um das Leiden loszuwerden. Die Frage der Festlegung optimaler Grenzen der strafrechtlichen Regelung der Sterbehilfe sowie der Todesursache auf Antrag der Person verliert in diesem Zusammenhang nicht an Relevanz. Der Artikel versucht, solche Grenzen zu etablieren, ausgehend von der Notwendigkeit, die kriminellen Auswirkungen auf die öffentlichen Beziehungen zu minimieren und gleichzeitig unter Wahrung zuverlässiger Garantien für den Schutz der Rechte der Bürger vor kriminellen Bedrohungen. Dabei kommen die Autoren zu unterschiedlichen Schlussfolgerungen bezüglich der optimalen Festlegung solcher Grenzen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen: die Frage der Legalisierung der Sterbehilfe in Russland kann in naher Zukunft kaum gelöst werden. Gleichzeitig müssen auf Antrag der Person optimale Grenzen für die strafrechtliche Regelung der Sterbehilfe und der Todesursache festgelegt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Aus der Sicht des geltenden Strafgesetzbuches der Russischen Föderation bildet Sterbehilfe den Tatbestand des Mordes und qualifiziert sich nach Teil 1 des Artikel 105, da ist nichts anderes als vorsätzliche Todesursache für eine andere Person, obwohl auf seinen Antrag, und bringt eine Strafe in Form von Freiheitsstrafe für einen Zeitraum von 6 bis 15 Jahren. Wenn es erschwerende Umstände gibt, ist die Qualifikation der Sterbehilfe nach Teil 2 Artikel 105 nicht ausgeschlossen (zum Beispiel, im Falle der Beschleunigung des Todes des Patienten für die Vergütung). Gleichzeitig wird in Teil 5 des Artikels 110° des Strafgesetzbuches die strafrechtliche Verantwortung für Selbstmord mit ärztlicher Hilfe festgelegt, die typische öffentliche Gefahr, die vom Gesetzgeber in den Grenzen von 6 bis 12 Jahren Haft geschätzt wird. Bei diesem Ansatz werden einfacher Mord, Mord auf Wunsch des Opfers aus Mitgefühl und assistierter Selbstmord tatsächlich mit gesellschaftlicher Gefahr gleichgesetzt, was nicht als begründet eingestuft werden kann. Man müsse die strafrechtliche Verantwortung für die vorgesehenen in Artikel 110° des Strafgesetzbuches Taten mildern, geführt von dem Kriterium der Notwendigkeit, die strafrechtlichen Auswirkungen auf die öffentlichen Beziehungen zu minimieren, während zuverlässige Garantien für den Schutz der Rechte der Bürger vor kriminellen Bedrohungen zu wahren. Eine angemessene Differenzierung der Strafbarkeit würde als gesetzliche Voraussetzung für die Ernennung einer gerechten Strafe für Personen dienen, die diese Taten begangen haben.

Stichwörter: Sterbehilfe, Mord an einer Person auf seinen Wunsch, Mord bei ärztlicher Hilfe, Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung, Individualisierung der strafrechtlichen Bestrafung.

Art. 120 StGB der Russischen Föderation: Wirksamkeit und Entwicklungsperspektiven. Darf man menschliche Organe und Gewebe als Objekte des Zivilumsatzes anerkennen?

Mazulina Sofja Aleksandrovna, Emelkina Yana Vasilievna

Ziel: die historische Analyse der Gesetzgebung im Bereich der Strafverfolgung für Verstöße gegen die Regeln der Transplantation von Organen und Geweben; die Identifizierung von Voraussetzungen und Zielen der Einführung des Artikels 120 ins StGB der Russischen Föderation; die Analyse des im Art. 120 StGB Russlands verankerten Straftatbestandes; die Analyse der Gerichtspraxis der Anwendung der betrachteten strafrechtlichen Norm; die Entwicklung des alternativen Regelmechanismus von rechtlichen Beziehungen im Bereich des Zwangs zur Entnahme von menschlichen Organen und Geweben.

Methodologie: historische Methode, soziologische Methode, Analyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: infolge des Rückschau auf die russische Gesetzgebung bestimmten die Autoren die Voraussetzungen und die Ziele der Einführung des Artikels 120 ins StGB der Russischen Föderation, unter denen wurden folgende entdeckt: Streben nach Humanisierung, Anerkennung des alleinigen menschlichen Rechts auf den eigenen Körper, die Unzulässigkeit der willkürlichen medizinischen Intervention sowie die Zerstörung des Schwarzmarktes von Organen und Geweben.

Nach der Analyse der Gerichtspraxis schließen die Autoren, dass Art. 120 StGB RF fast niemals für die Strafverfolgung angewendet wurde. Detaillierte Analyse des Straftatbestandes und seiner Bestandteile macht klar, dass man zum Art. 120 StGB RF nur in sehr kurzer Liste der Verbrechen greifen kann. Die Autoren sind der Meinung, dass Art. 120 StGB Russlands ist nicht in der Lage, die ursprünglichen rechtlichen Ziele zu erreichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wird vorgeschlagen, menschliche Organe und Gewebe als Objekte des Eigentumsrechts zu anerkennen, infolgedessen verändert sich nicht nur ihr zivilrechtlicher Status als der Objekte des zivilrechtlichen Umsatzes, sondern auch das Verfahren zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit für den Zwang zu ihrer Entnahme für Transplantation. Die vorstehenden Voraussetzungen führen zur Entkriminalisierung des unwirksamen Artikels 120 StGB RF, der zu diesem Zeitpunkt der wichtige moralische Aspekt widersteht: die Gesellschaft ist noch nicht reif, menschliche Organe und Gewebe als Objekte des zivilrechtlichen Umsatzes zu anerkennen.

Stichwörter: Strafrecht, Zivilrecht, Zwang zur Entnahme von Organen und Geweben, Entkriminalisierung, Objekte der Bürgerrechte, retrospektive Analyse.

Merkmale des Subjektes des Verbrechens “Unterlassene Hilfeleistung einem Kranken”

Nemashkalova Daria Yuryevna

Ziel: auf der Grundlage der Analyse der Rechtsakte der Russischen Föderation Kategorien von Personen zu betrachten, die für die nicht-Hilfe für den Patienten nach Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation verantwortlich gemacht werden können. Verschiedene Ansätze zu erforschen, um Verbrechen субъект gemäß dem Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russische Föderation zu bestimmen und Schlußfolgerungen zu tun, ob alle medizinischen Fachkräfte, Strafverfolgungsbeamte und andere Behörden Subjekte dieses Verbrechens sind.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche (Analyse, induktive und deduktive Methoden, Vergleich, Systematisierung) und spezielle rechtliche Methoden der Forschung (formell-rechtliche Methode und Methode der Gesetzesauslegung) wurden benutzt.

Schlussfolgerungen. Die Subjekte des Verbrechens nach Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sind Leiter\Innen einer medizinischen Institution, kompetente zertifizierte Diplom-Mediziner, Fachkräfte mit sekundärer medizinischer Ausbildung, deren Aufgaben gemäß den amtlichen Anweisungen die medizinische Versorgung ist, und die Personen, die die Akkreditierung bestanden und die Lizenzierung zur Ausübung medizinischer Tätigkeiten erhalten haben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Forschung zeigte das Vorhandensein von Rechtsunsicherheit bei der Bestimmung des Subjekts der unterlassenen Hilfeleistung einem Kranken. Die Arbeit enthüllt gemäß Artikel 124 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation Anzeichen einer Straftat. Die Schlussfolgerungen, die während der Forschung erhalten werden, können die Strafrechtsdoktrin bilden.

Stichwörter: unterlassene Hilfeleistung, Kranker, Patient, Subjekt der unterlassenen Hilfeleistung, Art der Hilfe, der Diplom-Mediziner, das medizinische Personal, die medizinische Tätigkeit, die Berufsbeschreibung, der Krankenwagen, die erste vorärztliche Hilfe.

HIV-Infektion

Saddarova Ksenia Olegovna

Ziel: die Faktoren, die die Ausbreitung von HIV-Infektion und die Erkrankung daran in Gefängnissen beeinflussen, zu analysieren. Die gesetzlichen Normen, die die Behandlung und den Inhalt von HIV-infizierten Verurteilten zu regeln, sowie die Methoden der Diagnose und Behandlung zu analysieren, um Methoden und Mittel, der Prävention zu entwickeln.

Methodologie: die allgemeinwissenschaftliche dialektische Methode der Erkenntnis der gesellschaftlichen Beziehungen, der Methoden der Analyse, der Synthese. Induktion, Abzug, formal-logische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Autoren kommen schließlich zu dem Schluss, dass die Verhinderung von HIV-Infektionen in den Haftanstalten für die Beendigung der globalen Pandemie unerlässlich ist.

Eine umfassende Überprüfung aller derzeit verfügbaren Kampfmittel, eine «nüchterne» Bewertung der Situation, eine Analyse der bestehenden Rechtsnormen, zusätzliche Studien sowie die Einbindung und Best Practices von Spezialisten anderer Bereiche aus dem Ausland sind erforderlich, um einen integrierten Ansatz für dieses ernste Problem zu entwickeln.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Artikels wird durch die Möglichkeit der Verwendung der Ergebnisse des Artikels bei der Verbesserung der Strafrecht, bei der Erstellung und Umsetzung von föderalen und regionalen Programmen zur Förderung der Ausführung von Strafen gegen Verurteilte, die mit HIV infiziert sind, sowie bei der Entwicklung von methodischen Empfehlungen für die Ausführung der Strafe zusammen mit Maßnahmen der medizinischen Natur, Monographien, Lehrbücher, Lehrbücher und Materialien für Bildungsorganisationen, einschließlich der Russischen FSIN-Hochschulen in Russland, beim Lernen von Disziplinen wie “Strafrecht”, “Strafvollzugsrecht”, “Kriminologie” im System der Fortbildung von Mitarbeitern des Strafvollzugssystems.

Stichwörter: Humane Immundefizienz-Virus, Verurteilter, obligatorische Behandlung, HIV-Infektion, Strafvollzugssysteme, Gefängnis, Strafvollzugssystem, Strafe.

Cyberkriminalität als Bedrohung für die öffentliche Sicherheit

Krupkin Pavel Romanovich,

Zhurkova Polina Alexandrovna

Ziel: die Prüfung von Fragen im Zusammenhang mit der Bekämpfung von im Internet begangenen Straftaten, da derzeit die Tendenz besteht, die Anzahl solcher Straftaten zu erhöhen. Die Autoren liefern statistische Daten und

schlagen Möglichkeiten zur Verbesserung der Gesetzgebung und Strafverfolgung vor, um diesen sozial gefährlichen Handlungen entgegenzuwirken.

Methodologie: *Abzug, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen: *Internetkriminalität ist eine neue Herausforderung für den Staat. Jedes Jahr nimmt die Anzahl solcher Akte stetig zu. Die Erkennungsrate von Cyberkriminalität bleibt jedoch auf einem äußerst niedrigen Niveau. Dies liegt an:*

1. den fehlenden Rechtsvorschriften. Fehlt insbesondere das Konzept des “Schadprogramms” und die Verantwortung für Netzwerkangriffe ist nicht vorgesehen.

2. dem Fehlen eines Malware-Klassifikators für Viren, Trojaner, Würmer usw.;

3. dem Mangel an technischer Ausbildung bei Personen, die Cyberkriminalität untersuchen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Studie der Erfahrungen des Auslandes bei der Bekämpfung der Internetkriminalität wird unserer Meinung nach dazu beitragen, die Gesetzgebungsakte zu verbessern und zu aktualisieren, um Internetkriminellen so effektiv wie möglich zu begegnen.*

Stichwörter: *Internetkriminalität, Phishing, Tippfehler, Internetbedrohungen.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

The Neuro Lie Detector

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna

Mission: to describe the main types of the neuro lie detector; on the basis of foreign scientific literature, to present the key areas of discussions on theoretical and practical problems of using the results of neuro lie detection in legal practice; to give a general description of the positions of foreign courts regarding the admissibility of evidence obtained by the neuro lie detector.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, formal legal method, comparative legal method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to conclusion that the controversial theoretical concepts underlying neuro lie detection and the ambiguity of the results from empirical studies prevent the admissibility of evidence obtained by using such techniques.

Scientific and practical significance. The author draws attention to the debates in scientific foreign literature on the theoretical foundations of neuro lie detection as well as the reliability of the empirical results of the techniques. Based on the analysis of literature, the author shows the conceptual errors of the creators of the neuro lie detector who do not take into account the complexity and interconnectedness of the human brain and the inability to localize human actions in a specific area of the brain. The results of empirical studies are also very ambiguous. Their design has serious limitations that do not allow recommending the neuro lie detector for use in real litigations. The questionable methodology of neuro lie detection, insufficient tests of the available techniques and the lack of general recognition in the scientific community make the evidence obtained by using the neuro lie detector inadmissible due to the criteria established by law and adopted in jurisprudence of foreign countries.

Keywords: neuroscience, human brain, electroencephalography (EEG), functional magnetic resonance imaging (fMRI), lie detector, lie, deception, memory, court, criminal case, evidence, admissibility of evidence, expert testimony, expert opinion.

The structure of environmental crime in the Russian Federation and the directions of its prevention

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Mission: to analyze the causes of environmental conflicts, the structure of environmental crime in the Russian Federation, as well as the causes of environmental crimes and possible ways to prevent them.

Methodology: formal legal method, comparative legal method, deduction, analysis.

Conclusions. One of the important tasks of the development of legal science is the formation of legal regulation of all aspects of public life by creating a system of legislation that allows the most effective settlement of conflicts arising in society, including environmental and legal ones, as well as creating conditions for preventing their occurrence. However, neither society, social groups, nor entire States still demonstrate a willingness to prevent and resolve most environmental conflicts. Environmental crime is one of the extreme forms of manifestation of environmental conflicts in society. Environmental crimes pose a real threat to the country's security, violate the constitutional right of its citizens to a favorable environment, and have a negative impact on the state of nature and the health of the population. The creation of an effective system for the prevention of environmental crimes in the country should be part of the measures to implement the state policy in the field of environmental protection. Depending on the category of subjects who commit environmental offenses in general and environmental crimes as the most socially dangerous type of them, the preventive measures taken can significantly differ in the methods and means used. The motives of environmental crimes committed by individual citizens differ significantly from the motives of their commission by organized criminal groups, as well as from the motives of environmental crimes committed in the course of carrying out activities by officials of economic entities. From the analysis of statistical data on environmental crimes committed in the Russian Federation, it follows that the vast majority of them fall on criminal encroachments on forest resources (Articles 260, 261 of the Criminal Code of the Russian Federation) and objects of the animal world (Articles 256–258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition to the attractiveness of these natural resources for organized criminal groups, they are also the object of criminal attacks by ordinary citizens committed in order to meet their needs.

Among the main reasons for the commission of environmental crimes are: low living standards in regions rich in natural resources, low level of ecological culture of the population, insufficient information of citizens about the content of regulations and prohibitions in force in the field of environmental protection. An important role in the prevention of environmental crimes is played by the norms of criminal and administrative legislation, as well as the creation of conditions for the lawful environmental behavior of citizens. Prevention of crimes committed by citizens should be based on the following main directions: a) identification and elimination of the causes and conditions of their commission at the general, separate and individual levels; b) general preventive impact; c) special measures; d) regional preventive impact, taking into account the specifics of the level of economic development and the availability of certain types of natural resources that are the object of criminal encroachments; e) development of the system of environmental education and enlightening; e) individual educational work.

At the same time, one of the most effective measures to prevent organized environmental crime is to block the channels for the sale of illegally extracted natural resources, including cross-border ones.

Scientific and practical significance. *The significance of the study is to develop recommendations for countering environmental crimes, depending on the reasons for their commission.*

Keywords: *crime, causes of crime, natural resources, organized crime, international cooperation, environmental protection, environmental crimes, conflicts*

Some aspects of forensic ensurance for streamlining of justice in the Era of Digitalization

Polstovalov Oleg Vladimirovich

Mission: *to give a multidimensional characteristics of the problem of digitalization of justice as a driving force of forensic and legal streamlining of efforts to achieve its main purpose – redress for victims; to show organizational, legal and forensic aspects of digitalization of justice in terms of both positive and negative trends in modern practice.*

Methodology: *dialectical method, system-structural analysis, synthesis, formal legal method, interdisciplinary approach.*

Conclusions. *Digitalization as an objective and inevitable reality brings both new opportunities for optimizing legal proceedings and new challenges that deserve the closest attention of researchers.*

Scientific and practical significance. *The author draws attention to the fact that, in general, aimed at reducing the forces and means applied to achieve a socially useful result, digitalization in its misinterpretation by unscrupulous process participants, in the absence of sufficient legal guarantees, turns into a primitive simplification, directly opposite to the tasks of justice, regardless of its branch component. At the same time, the relevant facts are shown, specific examples are given, and typological characteristics of the key directions of digitization applying in relation to the establishment of circumstances of a wrong are given. The author typifies optimization of certain procedures for acceleration of the proceedings and reducing abuses of law into organizational, political-legal and forensic components from the standpoint of digitalization of legal proceedings. The author, in the context of the problem of digitalization, substantiates the need to make forensic knowledge universal and substantively defined, without reference to a particular branch belonging of any legal procedure.*

Keywords: *digitalization of justice, forensic streamlining, optimization of procedures, universality of forensics.*

Organization of planning of investigation of economic crimes committed on railway transport

Chinenov Evgeny Vladimirovich, Shchukin Vladimir Ivanovich

Mission: *to reveal the features of the organization of planning, promotion and verification of versions in the investigation of economic crimes committed on the railway transport, to highlight the existing problems and ways to solve them.*

Methodology: *dialectics, analysis, deduction, formal legal method.*

Conclusions. *Criminal cases of economic orientation committed on railway transport planning allows the most appropriate and purposeful organization of work on a criminal case. It promotes speed, objectivity, completeness and comprehensiveness in establishing the actual circumstances of the event as well as the search for and detention of a culprit. It consists in timely identification of investigation tasks, construction of versions, development of ways and methods of their verification, ensuring the widest possible use of scientific and technical means and the most appropriate tactical techniques. Investigation planning determines what investigative actions and operational search measures should be carried out to verify versions and defines the course of action.*

Scientific and practical significance. *The significance of the article lies in the possibility of its use for the construction of private forensic methods for investigating crimes of certain types and groups.*

Keywords: *investigation of crimes, railway transport, criminal case, planning, construction of versions, investigative actions, economic crimes, actual data, initiation of criminal proceedings, investigation plan.*

Criminal procedure grounds for exemption from punishment in the light of economization of the State's punitive policy

Sheveleva Svetlana Viktorovna

Mission: *to determine the grounds for exemption from punishment or postponement of serving a sentence, regulated exclusively by criminal procedure legislation. To suggest ways to improve law enforcement practices to save the state's forced resources.*

Methodology: *theoretical (analysis, deduction, modeling), empirical and bibliometric methods are used. To identify purely procedural grounds for exemption from criminal liability, the author used the method of content analysis of scientific publications and judicial practice, as well as correlation analysis in the study of judicial statistics.*

Conclusions. *Criminal procedural grounds for release from punishment are divided into rehabilitating and non-rehabilitating. The list of rehabilitating grounds is fixed in the criminal procedure legislation. Therefore, it does not cause any special problems at the conceptual level. The law does not provide an exhaustive list of non-rehabilitating grounds for release from punishment. Most of these grounds are set forth in the Criminal Code of the Russian Federation (mainly in Chapter 12 "Exemption from punishment"). However, some types are exclusively of a criminal procedural nature. At the same time, it is established that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of fixing such grounds is extremely inconsistent, in some cases contradictory. As a result, specific grounds that do not have a legal basis in the norms of substantive law are identified.*

Scientific and practical significance. *At the doctrinal level, the criminal procedure grounds for release from punishment are identified. Scientifically based proposals are made for improving the quality of criminal and criminal procedure law in order to continue the course of humanization and, as a result, economization of criminal law relations.*

Keywords: *economization, humanization, release from punishment, rehabilitation, conviction.*

The doctrine of insanity: the aspect of error analysis

Nazarenko Gennady Vasilyevich

Mission: *the proposed article aims to eliminate errors in the accounting of insanity, which form an array of doctrinal errors.*

Methodology *of this study is based on dialectical logic, the method of legislative and textual interpretation, and proven instrumental methods for analyzing doctrinal and legislative texts.*

Conclusions. *The error analysis aspect of insanity is not sufficiently reflected in the scientific literature. It is therefore a promising area of criminal law research that has theoretical and applied significance.*

Scientific and practical significance. *The study provides an opportunity to consider typical errors that can be found in the doctrine of insanity and to eliminate them in the process of implementing the regulations provided for in article 21, in part 3 of article 20 and part 1 of article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *insanity, exculpation, types of insanity, number and nature of criteria, errors and delusions.*

On strengthening criminal liability for unlawful acts associated with the use of electronic digital signatures

Grebenkov Alexander Alexandrovich

Mission: *to identify the shortcomings of the Russian criminal and other legislation aimed at preventing illegal acts using an electronic signature. To suggest ways to improve its standards.*

Methodology: *system structural, formal logical and other scientific methods. To identify threats to public relations actually related to the use of qualified electronic signature (QES), the method of content analysis of media publications and judicial practice, as well as the case study method, were used.*

Conclusions. *In modern Russian practice, there are cases of illegal issuance and use of QES means for illegal activities connected with real estate, registration actions with legal entities, which are subsequently used as shell companies. They carry out money laundering operations, fraudulent actions and tax evasion.*

Legislative bodies are taking measures to prevent illegal activities related to the use of electronic signatures. However, without reinforcing them with criminal liability for violations, it is impossible to talk about their effectiveness. In view of this, it is proposed to include the following acts in the Criminal Code of the Russian Federation. They would provide for the criminality and punishability: “non-fulfillment or improper performance by an employee of an accredited certification center of his or her duties”; “creation and issuance by an employee of an accredited certification center of electronic signature means to perpetrators”; “receipt for use or use of electronic signature means by a perpetrator”.

Scientific and practical significance consists in the analysis of the existing criminal situation, the identification of common types of attacks committed using electronic digital signatures. It also consists in proposals for the possible improvement of the criminal law, which will ensure a sufficient degree of protection of public relations in a paperless workflow.

Keywords: *electronic workflow, digital government, electronic signature, fraud, theft, money laundering, shell company, certification centers.*

“Commission of a crime for the first time” as a condition for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine

Lepina Tatyana Gennadyevna

Mission. *The research subject: the sign of “commission of a crime for the first time” as a condition for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine. There is no unified approach to the interpretation of this sign among researchers and law enforcement agencies. The purpose of the work is to determine the meaning of the sign contained in article 76² of the Criminal Code of the Russian Federation – “Commission a crime for the first time”.*

Methodology: *general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, structural-logical method, statistical and other methods of scientific knowledge.*

Scientific and practical significance: *exemption from criminal liability of persons against whom a criminal case or criminal prosecution has already been closed on non-rehabilitative grounds is considered contrary to the principle of Justice. A person previously exempted from criminal liability has already committed a violation of the criminal law. Therefore, he has not committed a crime for the first time. When deciding to exempt a person from criminal liability under article 76² of the Criminal Code, the court must consider information about the previous commission of crimes. It is provided by the Main Informational and Analytical Center of the Russian MIA and its structural divisions. It can be done on condition that limitation period for bringing to criminal responsibility established by article 78 of the Criminal Code have not expired.*

Conclusions. *We believe that it is advisable to cancel the exemption of a person from criminal liability in accordance with article 75–76² of the Criminal Code of the Russian Federation (provided that the limitation period for bringing to criminal responsibility has not expired), if a guilty verdict has been passed against him that has entered into legal force. In this case, the criminal case and prosecution must be resumed.*

Keywords: *court fine, commission of a crime for the first time, exemption from criminal liability.*

On the issue of transferring the Federal Penitentiary Service of Russian Federation (FSIN) to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Tarykin Vladimir Konstantinovich, Shahbazov Ramiz Fizulievich

Mission: *to explain the possible consequences of including the Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia) in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MIA of Russia) on the basis of the presented arguments and statistical data.*

Methodology: *analysis, abstraction, synthesis, deduction and induction.*

Conclusions. *The issue of transferring the FSIN of Russia to the MIA of Russia should be the subject of a broad public discussion. As a result, a balanced decision can be made that fully reflects the situation of employees and convicts. After that, the attitude of society towards penitentiary institutions will change. Therefore, the degree of their attractiveness will increase for those highly qualified specialists who are considering entering the service in these institutions.*

Scientific and practical significance. *This study avoids the negative consequences of including the FSIN of Russia in MIA of Russia. In particular, abuse of official authority.*

Keywords: *Ministry of Internal Affairs, Federal Penitentiary Service, law enforcement agencies, operational search activity, pre-trial detention center, criminal investigation, convicts, imprisonment, Russian Federation, official authority.*

Criminological component of official activity of the penal system officers

Loktionova Elena Alexandrovna

Mission: to consider matters related to the misconduct of the penal correction system officers. To analyze the crime related and not related to the performance of official duties. As a result, to identify and study factors, hindering the effective performance of the penal system officers' duties.

Methodology: in addition to the general scientific methods of research, official information posted on the Internet was analyzed, including statistics. In particular, it has been done to collect empirical material. The personnel of the penal institutions were interviewed using the method of anonymous questionnaires and interviews conduction.

Conclusions. It is proposed to expand the boundaries of criminological penitentiary research. The mission is to introduce the research results into the process of improving the existing forms and methods of working with the personnel of penal institutions in the field of forming law-abiding behavior.

Scientific and practical significance. The information provided can be used in the study of the course "Penitentiary criminology" as well as in the development of measures aimed at preventing the penal system officers' misbehavior.

Keywords: penal system, penitentiary criminology, officer, service, prison crime, official crime, official discipline, offense, prevention, professional deformation.

Formation of professional crime in Russia in the pre-revolutionary period

Zarubina Kristina Alexandrovna

Mission: to determine the main trends in the development of professional crime in Russia in the pre-revolutionary period, the factors that determine the formation of the "caste" of professional criminals.

Methodology: analysis, synthesis, formal legal method, system method.

Conclusions. Professional crime in Russia developed especially active in the pre-revolutionary period. The formation of the "caste of professionals" took place in specific socio-economic, political and cultural conditions. These conditions were different from those of Western Europe. The development of professional crime was determined by the difficult socio-economic situation of the population, due to the long-term orientation of the country's economy on agriculture, the existence of a serf system, punitive (not correctional) criminal law policy of the state, and others. Chronologically, professional criminal activity, as a criminological phenomenon, had an evolutionary development movement. The first stage (before the XIX century) can be defined as "pre-professional", then the signs of criminal professionalism were shaped more clearly. Therefore the "caste" of professional criminals was formed as a monolithic and cohesive structure. Criminal activity also became more socially dangerous.

Scientific and practical significance. This study develops and clarifies the theory of criminal law and criminology. In this regard, the analysis of the evolution of professional crime in Russia is useful both for further scientific theoretical research and for making recommendations on countering professional criminal activity at the current stage of state development.

Keywords: professional crime, signs of criminal professionalism, horse stealing, pickpocketing, criminal activities, professional criminal.

Russian group of the International Union of Criminologists: scientists, ideas and their implementation. The beginning of the path, reasons for the formation of the group, general characteristics (Article one)

Chuchaev Alexandr Ivanovich, Gracheva Yulia Viktorovna, Malikov Sergey Vladimirovich

Mission: to trace the history of the Russian group of the International Union of Criminologists; to present historical portraits of the main actors involved in the organization and functioning of various associations in the field of criminal law and criminology in the XIX century in Russia and abroad; to describe the structure of the Russian group, the principles of organization of its activities; to outline the main range of issues that have been developed.

Methodology: analysis, synthesis, historical, comparative legal methods, content analysis, dialectical, system methods, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. The appearance of the Russian group of the International Union of Criminologists was a natural result of the process of interaction between scientists from different countries in the field of criminology and criminal law that had begun in the middle of the XIX century. The high authority of Russian scientists, the large size of the group, and the need to study local criminological problems determined the allocation of an independent national

group within the International Union. The Russian group existed for fifteen years, from 1897 to 1914. During this time 10 congresses were held, which discussed criminal law issues that remain relevant up to the present time: parole; the introduction of the institution of patronage; the impact of alcoholism on crime; judicial discretion; religious and state crimes, etc. The Russian group left a huge scientific legacy that has yet to be comprehended by contemporaries.

Scientific and practical significance. The authors present for the first time the history of the Russian group of the International Union of criminologists; based on historical documents, its structure, principles of activity as well as the main issues considered by it are described. All this allows us to determine the historical origins of interaction between criminologists from different countries, to establish the scientific and creative continuity of the modern Union of criminologists and criminologists with the Russian group of the International Union of Criminologists.

Keywords: International Union of criminologists; Russian group; international cooperation; Union of Criminologists and Criminologists; history of cooperation.

Causing health damage due to the careless attitude of a medical worker to the performance of his professional duties (system of norms under the Criminal Code of the Russian Federation)

Borukaeva Lana Alievna, Fedorov Nikita Ilyich

Mission: the relevance of this topic is explained by the frightening dynamics of medical crimes and increased number of complaints about poor-quality medical care. The increasing number of cases of criminal prosecution against doctors is based on a variety of factors. However, the main ones are the following:

1) incompetence of medical workers, clear violation of professional standards, neglect of their job descriptions;
2) the fear of doctors to take even reasonable risks, since any adverse outcome threatens to be held criminally liable. Sometimes objective reasons (such as bad quality technical equipment of medical institutions or the patient's physiological characteristics, etc.) become an obstacle in making the right decision by a specialist, entailing a negative reaction on the part of the patient or his relatives, resulting in a lawsuit. It is much easier for the patient's relatives to shift all the blame onto the doctor than to accept the loss of a loved one.

The purpose of this work is to consider the systems of norms under the criminal code of the Russian Federation for causing harm to health due to negligent attitude of a medical worker to the performance of their professional duties.

Methodology: research methods are expressed in the study and analysis of scientific literature, the study and generalization of judicial practice, analysis and synthesis, as well as comparison.

Conclusions. All the corpuses delicti are constructed as a material that, obviously, implies the establishment of causal connection between a wrongful act committed by a healthcare worker and its factual socially dangerous consequences. If the consequences (even in the form of death of the patient) occur due to the direct impact on the patient's condition of suddenly arising extraneous factors, which the medical worker could not foresee, then, despite their careless or frivolous attitude to the performance of professional duties, objectively can cause harm to health or death of the patient as a result of certain actions (inaction), the Criminal Code of the Russian Federation does not allow to bring the medical worker to criminal responsibility.

The scientific and practical significance of this topic is explained by the frightening dynamics of medical crimes, an increased number of complaints about poor-quality medical care. The problem of crimes in the field of medicine has always been of interest to specialists in the field of criminal law, since it has a practical significance expressed in the protection of health.

Keywords: criminal punishment, medical worker, patient, medical care, harm to health, concomitant diseases, responsibility, negligence, medical crime, professional duties.

Contracting HIV infection. Article 122 of the Criminal Code of the Russian Federation

Danilov Kirill Vladimirovich

Mission: to study this socio-legal phenomenon and assess the preventive measures.

Methodology: logical, systemic, axiological, statistical, synergetic, comparative legal methods, method of specific sociological research.

Scientific and practical significance. The author estimates the effectiveness of preventive measures for the type of crime under consideration and methods of solving the problem set.

Conclusions: the article substantiates that the increase in the number of people infected with HIV is due to the high level of latency of this socio-legal phenomenon. However, the increase in the number of infected people is affected to a large extent by the lack of medicines purchased by the Ministry of Health, which, in turn, is affected

by the lack of funding. The modern system for the prevention of crimes against sexual freedom and inviolability of minors lacks effective means for prevention and detection of these crimes.

Keywords: HIV infection, threat of infection, qualification problems, disposition, long incubation period, normatively-fixed errors, AIDS, law enforcement agencies.

Objective signs of criminal failure to provide assistance to the patient

Efimova Daria Petrovna

Mission: to consider the features of Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation for the correct qualification of an act in accordance with the nature and degree of public danger. Based on the analysis of the special norms of the legislation of the Russian Federation, to reveal objective signs of criminal failure to provide assistance to the patient. It is found expedient to analyze the intrinsic characteristics of the definitions specified in the disposition of Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation, to show their legal dependence and to identify gaps in legislative regulation.

Methodology: general scientific (analysis, synthesis, systematization) and private scientific (formal legal, comparative legal) methods.

Conclusions. Criminal failure to provide assistance to a patient is included in the group of crimes against life and health. At this stage of the development of criminal legislation, the absence of a direct reference in the Criminal Code to the characteristics of certain features of the objective side gives rise to a variety of interpretations and incorrect qualifications. Consequently, we come to the conclusion that it is necessary to introduce the term “medical assistance” into the disposition of the norm and its specification.

Scientific and practical significance. The article forms an interpretation of the theoretical provisions of certain features of the objective side of the criminal failure to provide assistance to the patient.

Keywords: criminal law, Criminal Code, crime, objective signs, failure to provide assistance, nature of assistance, first aid, medical assistance, inaction, patient.

Experience in countering the spread of HIV-infection in Mongolia and Russia

Ivanova Lyubov Gennadievna

Mission: to compare the legislation of Mongolia and Russia to counteract the spread of HIV infection, to suggest a possible refinement of Russian legislation.

Methodology: logical, systemic, statistical, comparative legal methods.

Conclusions. The article compares the statistics of HIV infections in Mongolia and Russia, which shows that in Mongolia, based on the measures taken, there is a positive growth rate of infected people. This positive trend is directly related to the current criminal legislation of Mongolia and to the legislation that was in force until 2013. At present, the criminal legislation of Mongolia contains two crimes for HIV infection: evading HIV treatment (Article 104 of the Criminal Code of Mongolia) and HIV infection (Article 105 of the Criminal Code of Mongolia). Russia has criminal responsibility for acquiring HIV infection, and there is no liability for evading treatment. It is considered necessary to introduce this responsibility into the criminal code of the Russian Federation, as this will prevent new infections, will also reduce the number of people who become infected with HIV due to the fact that people start their treatment and possibly reduce the mortality rate from HIV infections.

Scientific and practical significance. The author compares legal experience, the effectiveness of measures to prevent the type of crime under consideration, and also suggests possible options for improving the Russian criminal law.

Keywords: HIV infection, AIDS, prevention, prevention, object of crime, the subjective side of the crime, infection, avoidance of treatment, epidemiological situation, criminal liability, human immunodeficiency.

Criminal legal assessment of euthanasia in Russia

Kuznetsov Andrey Yuryevich, Mustafazade Rovshan Shahin ogly

Mission: the latest methods of life support provide an opportunity to prolong the rest of the life of patients suffering from incurable diseases. The medical staff is faced with the task of providing such patients with all the necessary conditions for a decent end to life. However, the full implementation of this task is often hindered by many factors – insufficient funding of medical institutions, incompetence of medical personnel, lack of painkillers, etc. These factors lead to the fact that a large part of incurable patients refuse to receive medical care because it does not help to alleviate their physical and moral suffering caused by the disease. And since the degree of such suffering sometimes

reaches a critical level, some of these patients commit suicide. Other patients use euthanasia as a way to get rid of their suffering or commit suicide with medical assistance. In this regard, the issue of establishing the optimal limits of criminal law regulation of euthanasia, as well as causing death at the request of a person, does not lose its relevance. The article attempts to establish such limits based on the need to minimize the criminal impact on public relations while maintaining reliable guarantees of protection of citizens' rights from criminal threats. At the same time, the authors come to different conclusions concerning the optimality of setting such limits.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions: the issue of legalizing euthanasia in Russia is unlikely to be resolved in the near future. However, it is necessary to establish optimal limits for the criminal law regulation of euthanasia and causing death at the request of a person.

Scientific and practical significance: from the point of view of the current Criminal Code of the Russian Federation, euthanasia constitutes murder and is qualified under Part 1 of Article 105, since it is nothing more than intentionally causing the death of another person, although at his request, and carries a penalty of imprisonment for a term of 6 to 15 years. If there are aggravating circumstances, the qualification of euthanasia under part 2 of article 105 is not excluded (for example, in the case of hastening the death of a patient for remuneration). At the same time, in Part 5 of Article 110¹ the criminal code of the Russian Federation establishes criminal liability for suicide with medical assistance, the typical public danger of which is assessed by the legislator in the range from 6 to 12 years of imprisonment. With this approach, simple murder, murder at the request of the victim on the grounds of compassion and assisted suicide are actually equated with each other in terms of public danger, which cannot be considered justified. It would be to mitigate the criminal liability for acts under Article 110¹ of the Criminal Code, guided by the criterion of the need to minimize the criminal impact on public relations while maintaining reliable guarantees of protection of citizens' rights from criminal threats. A proper differentiation of criminal liability would serve as a legal prerequisite for the imposition of fair punishment on the perpetrators of these acts.

Keywords: euthanasia, murder of a person at his request, murder with medical assistance, differentiation of criminal responsibility, individualization of criminal punishment.

Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation: efficiency and development prospects.

Can human organs and tissues be recognized as objects of civil turnover?

Mazulina Sofya Aleksandrovna, Emelkina Yana Vasilievna

Mission: to conduct a historical overview of legislation in the part of criminal prosecution for the violation of the rules of transplantation of human organs and tissue, to define the main prerequisites and aims of Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation; analysis of corpus delicti of Article; analysis of judicial practice of Article's application; development of an alternative way to regulate the legal relations related to compulsion to remove human organs or tissues for transplantation.

Methodology: historical method, analysis, synthesis, comparative method, formal legal method, sociological method.

Conclusions: based on the retrospective review of the Russian legislation, the authors defined that the prerequisites and aims of the establishment of Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation, expressed in quest for humanization, recognition of the human's exclusive right to control and use his own body, prohibition of medical intervention into a human's body without his agreement, destruction of "black markets" where the illegal organ transactions occur.

During the analysis of judicial practice, the authors came to the conclusion that the Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation was almost never applied in criminal prosecution. The detailed analysis of the elements of corpus delicti of Article explains, why this article can be applied only to a very narrow range of actions. In the authors' opinion, Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot carry out its original functions.

Scientific and practical significance. The authors propose the idea to recognize human organs and tissue as the objects of the right of ownership. In this case their civil-legal status and the process of criminal prosecution for compulsion to remove human organs or tissues for transplantation would be changed, that would lead to the decriminalization of "inactive" Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main reason, why these amendments cannot be applied today, consists in the moral and ethical aspects of the society and its willingness to recognize organs and tissue as objects of transactions.

Keywords: criminal law, civil law, compulsion to remove human organs or tissues for transplantation, objects of transactions, retrospective review.

Subject's features of failure to render aid to a sick person

Nemashkalova Daria Yuryevna

Mission: based on the analysis of normative legal acts of the Russian Federation, to examine the categories of persons who can be held liable for failing to render aid to a sick person according to Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. To analyze various approaches to define the subject according to Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is also necessary to determine whether all medical workers, law enforcement officers and other public authorities are subjects of the crime.

Methodology: the text utilizes general scientific (analysis, induction, deduction, comparison, system method) and special legal (formal legal method, method of law interpretation) research methods.

Conclusions. The subject according to Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation are: heads of medical organizations, experts with the higher professional (medical) education who have a specialist certificate; people with secondary vocational (medical) education, whose duties in accordance with the job description includes providing medical care; and people who exposed accreditation and received the license for medical activity.

Scientific and practical significance. The research showed the presence of legal uncertainty in determining the subject of failure to render aid to a sick person. The article explains the subject's traits of a crime according to article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions obtained during the research can use to form the doctrine of criminal law.

Keywords: failure to render aid, sick person, patient, subject of render aid, type of help, a health worker, medical staff, medical activity, job description, ambulance, pre-hospital medical assistance.

Contracting HIV-infection

Saddarova Ksenia Olegovna

Mission: to analyze the factors that affect the spread and infection of HIV infection in places of detention, the legal norms governing the treatment and maintenance of HIV-infected prisoners, as well as methods of diagnosis and treatment in order to develop ways, means, methods of prevention.

Methodology: general scientific dialectical method of cognition of social relations, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, formal logical method.

Conclusions. In conclusion, the authors believe that the prevention of HIV infection in prison is important for ending the global pandemic. We need a large-scale review of all currently available means of fighting, a "sober" assessment of the situation, analysis of existing legal norms, additional research, as well as the involvement and best practices of specialists in other areas from foreign countries to develop a comprehensive approach to this serious problem.

Scientific and practical significance. Scientific and practical significance of the article is the possibility of using the conclusions of the article in the improvement of the criminal-executive legislation, in the preparation and implementation of federal and regional programs to promote the enforcement of sentences against convicted persons with HIV infection and the development of methodical recommendations on execution of punishment, together with measures of a medical nature, monographs, manuals, textbooks and teaching materials for educational organizations, including universities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the subjects such as "Criminal law", "Penal law", "Criminology" in the system of advanced training of employees of the penal system.

Keywords: human immunodeficiency virus, convicts, mandatory treatment, HIV infection, penitentiary systems, prison, penal system, punishment.

Cybercrime as a threat to public safety

Krupkin Pavel Romanovich, Zhurkova Polina Alexandrovna

Mission: to consider issues related to the fight against crimes committed on the Internet, as there is currently a tendency to increase the number of crimes of this kind. The authors provide statistical data and suggest ways to improve legislation and law enforcement activities in terms of countering these socially dangerous acts.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method

Conclusions. Cybercrime is a new challenge for the state. Every year the number of such acts is steadily increasing. However, the detection rate of cybercrimes remains at an extremely low level. This is due to:

1. By the lack of legislation, in particular, the concept of "malicious program" is missing, responsibility for network attacks is not provided;

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

2. *the absence of a malware classifier for viruses, trojans, worms, etc.;*

3. *lack of technical education in persons investigating cybercrimes.*

Scientific and practical significance: the study of the experience of foreign countries in combating cybercrime, in our opinion, will help to improve and update legislative acts in order to deal with Internet criminals in the most effective ways.

Keywords: *cybercrime, phishing, typosquatting, cyberthreats.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)